

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО
НАУЧНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПЕРЕМЕНЫ: ФАКТЫ, ТЕНДЕНЦИИ, ПРОГНОЗ

2 (44) 2016

Журнал издается с 2008 года

Решением Минобрнауки России журнал включён в Перечень ведущих научных изданий, рекомендуемых для публикации основных результатов диссертаций на соискание учёной степени доктора и кандидата наук.

Журнал включен в Web of Science Emerging Sources Citation Index (ESCI).

Журнал включён в базы данных ВИНТИ РАН, Ulrich's Periodicals Directory, Index Copernicus International, EBSCOhost, Proquest, а также в Российский индекс научного цитирования и представлен в открытом доступе на платформе Научной электронной библиотеки (<http://www.elibrary.ru>).

С 2014 года Германская национальная экономическая библиотека включила журнал в свой фонд.

Журнал также направляется в Библиотеку Конгресса США.

Редакционный совет:

- Макаров В.Л.**, академик РАН, директор Центрального экономико-математического института РАН (Москва, Россия)
Ивантер В.В., академик РАН, директор Института народнохозяйственного прогнозирования РАН (Москва, Россия)
Окрепилов В.В., академик РАН, генеральный директор Центра испытаний и сертификации (ТЕСТ-Санкт-Петербург, Россия)
Татаркин А.И., академик РАН, директор Института экономики УРО РАН (Екатеринбург, Россия)
Витязь П.А., академик, руководитель Аппарата НАН Беларуси (Минск, Беларусь)
Никитенко П.Г., академик НАН Беларуси (Минск, Беларусь)
Горшков М.К., академик РАН, директор Института социологии РАН (Москва, Россия)
Некипелов А.Д., академик РАН, директор Московской школы экономики МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия)
Полтерович В.М., академик РАН, зав. лаб. ЦЭМИ РАН, заместитель директора Московской школы экономики МГУ имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия)
Лажнев В.Н., член-корреспондент РАН, советник РАН, гл.н.с. Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УРО РАН (Сыктывкар, Россия)
Сапир Ж., проф., директор Высшей школы социальных наук (EHSS), Центра исследований индустриализации (CEMI) (Париж, Франция)
Валентей С.Д., д.э.н., проф., научный руководитель Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова (Москва, Россия)
Гайнанов Д.А., д.э.н., проф., директор Института социально-экономических исследований Уфимского научного центра РАН (Уфа, Россия)
Дайнеко А.Е., д.э.н., проф., директор Института экономики НАН Беларуси (Минск, Беларусь)
Ильин В.А., д.э.н., проф., научный руководитель Института социально-экономического развития территорий РАН (Вологда, Россия)
Кибиткин А.И., д.э.н., проф., заместитель ректора по науке и стратегическому развитию Мурманского государственного технического университета (Мурманск, Россия)
Кивинен М., проф., директор Александровского института Хельсинского университета (Хельсинки, Финляндия)
Котляров И.В., д.с.н., проф., директор Института социологии НАН Беларуси (Минск, Беларусь)
Кузнецов С.В., д.э.н., проф., директор Института проблем региональной экономики РАН (Санкт-Петербург, Россия)
Ларичкин Ф.Д., д.э.н., проф., директор Института экономических проблем им. Г.П. Лузина Кольского научного центра РАН (Апатиты, Россия)
Ленчук Е.Б., д.э.н., проф., директор Института экономики РАН (Москва, Россия)
Максимцев И.А., д.э.н., проф., ректор Санкт-Петербургского государственного экономического университета (Санкт-Петербург, Россия)
Путилов А.В., д.т.н., проф., декан факультета управления и экономики высоких технологий Научно-исследовательского ядерного университета МИФИ (Москва, Россия)
Чукреев Ю.Я., д.т.н., директор Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УРО РАН (Сыктывкар, Россия)
Штомпка Пётр, проф., декан факультета теоретической социологии Ягеллонского университета (Краков, Польша)
Чжан Шухуа, доктор, проф., зам. начальника научного центра информации и документации Китайской академии общественных наук (Пекин, Китай)
У Эньюань, проф., Институт российских, восточно-европейских и центрально-азиатских исследований Китайской академии общественных наук (Пекин, Китай)
Афанасьев Д.В., к.с.н., доцент, ректор Череповецкого государственного университета (Череповец, Россия)

Главный редактор – В.А. Ильин

Редакционная коллегия:

- д.э.н., проф. Л.А. Аносова, д.э.н., проф. А.Г. Воробьев,
д.э.н., проф. Е.С. Губанова, к.э.н. К.А. Задумкин,
д.э.н. К.А. Гулин (зам. главного редактора), к.э.н. М.Ф. Сычев (зам. главного редактора),
к.филол.н. О.В. Третьякова (зам. главного редактора, отв. секретарь),
д.э.н. Т.В. Ускова, д.э.н. А.А. Шабунова, к.э.н. Г.В. Леонидова, к.э.н. С.В. Теребова

Все статьи проходят обязательное рецензирование.

Высказанные в статьях мнения и суждения могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Ответственность за подбор и изложение материалов несут авторы публикаций.

ISSN 1998-0698

Адрес в Интернете: <http://esc.vscac.ru>

© ИСЭРТ РАН, 2016

FEDERAL AGENCY
FOR SCIENTIFIC ORGANIZATIONS

RUSSIAN
ACADEMY OF SCIENCES

FEDERAL STATE BUDGETARY INSTITUTION OF SCIENCE
INSTITUTE OF SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF TERRITORIES
OF RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCE

**ECONOMIC
AND SOCIAL
CHANGES:
FACTS, TRENDS, FORECAST**

2 (44) 2016

The Journal is published since 2008

According to the decision of the Russian MES the journal is included in the list of leading scientific editions, recommended for publication of the main results of dissertations for the degree of Doctor and Candidate of Sciences.

The Journal is covered in Web of Science Emerging Sources Citation Index (ESCI).

The journal is included into databases: VINITI RAS, Ulrich's Periodicals Directory, Index Copernicus International, EBSCOhost, Proquest, and also into the Russian Science Citation Index, and is presented in the open access on the platform of the Scientific e-Library (<http://www.elibrary.ru>).

In 2014 the German National Library of Economics included the Journal into its fund.

The journal is also sent to the Library of Congress, the USA.

Editorial Council:

- V.I. Makarov**, RAS Academician, Director of the Central Economic Mathematical Institute of the RAS (Moscow, Russia)
V.V. Ivantsev, RAS Academician, Director of the Institute of Economic Forecasting of the RAS (Moscow, Russia)
V.V. Okrepilov, RAS Academician, General Director of State Regional Center for Standardization, Metrology and Testing (St. Petersburg, Russia)
A.I. Tatarkin, RAS Academician, Director of the Institute of Economics, Ural Branch of the RAS (Yekaterinburg, Russia)
P.A. Vityaz, Academician, Head of Academy Staff of the NASB (Minsk, Belarus)
P.G. Nikitenko, Academician of the NASB (Minsk, Belarus)
M.K. Gorshkov, RAS Academician, Director of RAS Institute of Sociology (Moscow, Russia)
A.D. Nekipelov, RAS Academician, Director of Moscow School of Economics at Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)
V.M. Polterovich, RAS Academician, Head of Laboratory of the Central Economics and Mathematics Institute (Moscow, Russia)
V.N. Lazhentsev, RAS Corresponding Member, RAS Advisor, Senior Research Associate of the Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North Komi Scientific Centre, Ural Branch of the RAS (Syktyvkar, Russia)
J. Sapir, Professor, Director of Ecole des Hautes Etudes en Sciences Sociales (EHESS), Head of the Centre d'Etude des Modes d'Industrialisation (CEMI-EHESS) (Paris, France)
S.D. Valentey, Doctor of Economics, Professor, Supervisor of Plekhanov Russian University of Economics (Moscow, Russia)
D.A. Gaynanov, Doctor of Economics, Professor, Director of the Institute for Social and Economic Research, Ufa Scientific Center of the RAS (Ufa, Russia)
A.E. Dayneko, Doctor of Economics, Professor, Director of the Institute of Economics of the NASB (Minsk, Belarus)
V.A. Ilyin, Doctor of Economics, Professor, Scientific Director of the Institute of Socio-Economic Development of Territories of the RAS (Vologda, Russia)
A.I. Kibitkin, Doctor of Economics, Professor, Vice Rector for Science and Strategic Development of the Murmansk State Technical University (Murmansk, Russia)
M. Kivinen, Professor, Director of the Aleksanteri Institute of the University of Helsinki (Helsinki, Finland)
I.V. Kotlyarov, Doctor of Sociology, Professor, Director of the Institute of Sociology of NASB (Minsk, Belarus)
S.V. Kuznetsov, Doctor of Economics, Professor, Director of the Institute of Problems of Regional Economics (St. Petersburg, Russia)
F.D. Larichkin, Doctor of Economics, Professor, Director of Luzin Institute of Economic Problems of Kola Scientific Centre of the RAS (Apatity, Russia)
E.B. Len'chuk, Doctor of Economics, Professor, Director of RAS Institute of Economics (Moscow, Russia)
I.A. Maksimtsev, Doctor of Economics, Professor, Rector of the Saint Petersburg State University of Economics (St. Petersburg, Russia)
A.V. Putilov, Doctor of Technical Sciences, Professor, Dean at the Department of Management and Economics of High Technologies of National Research Nuclear University MEPhI (Moscow, Russia)
Yu.Ya. Chukreev, Doctor of Technical Sciences, Director of the Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North Komi Scientific Centre, Ural Branch of the RAS (Syktyvkar, Russia)
P. Sztompka, Professor, Dean at the Department of Theoretical Sociology of the Jagiellonian University (Kraków, Poland)
Zhang Shuhua, Doctor, Professor (Beijing, China), Deputy Director of the Center for Documentary and Information of the Chinese Academy of Social Sciences
Wu Enyuan (Beijing, China), Professor, the Institute of Russian, Eastern European & Central Asian Studies of the Chinese Academy of Social Sciences
D.V. Afanasyev, Ph.D. in Sociology, Associate Professor, Rector of Cherepovets State University (Cherepovets, Russia)

Chief Editor - V.A. Ilyin

Editorial Board:

- Doctor of Economics, Professor L.A. Anosova, Doctor of Economics, Professor A.G. Vorobyov,
Doctor of Economics, Professor E.S. Gubanova, Ph.D. in Economics K.A. Zadumkin,
Doctor of Economics K.A. Gulin (Deputy Chief Editor),
Ph.D. in Economics M.F. Sychev (Deputy Chief Editor),
Ph.D. in Philology O.V. Tretyakova (Deputy Chief Editor, Executive Editor),
Doctor of Economics T.V. Uskova, Doctor of Economics A.A. Shabunova,
Ph.D. in Economics G.V. Leonidova, Ph.D. in Economics S.V. Terebova

*All research articles submitted to the Journal are subject to mandatory peer-review.
Opinions presented in the articles can differ from the editorial board's point of view.
Authors of the articles are responsible for the material selected and stated.*

ISSN 1998-0698

Internet address: <http://esc.vsc.ac.ru>

© ISED RAS, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

- Ильин В.А.* Третья четырехлетка президента В.В. Путина: противоречивые итоги – закономерный результат 9
- Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества 22

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

- Шабунова А.А., Калачикова О.Н., Леонидова Г.В., Смолева Е.О.* Эксклюзия как критерий выделения социально уязвимых групп населения 29

СТРАТЕГИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

- Щербаков Г.А.* Генезис и механизмы преодоления системных экономических кризисов 48

СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ

- Доброхлеб В.Г., Зверева Н.В.* Потенциал современных поколений России 61
- Попова Л.А.* Современная российская демографическая политика в области рождаемости: результаты и направления совершенствования 79
- Трошина Т.И.* Стратегии и практики коллективного самосохранения населения северной деревни: исторический опыт и современные реалии 94

ЭКОНОМИКА И СОЦИОЛОГИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО ЗДОРОВЬЯ И ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

- Молчанова М.Ю.* Государственно-частное партнерство в системе финансирования здравоохранения регионов 114

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ФИНАНСЫ

- Поварова А.И.* Региональный бюджет–2016: приоритеты не меняются 133

ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ АСПЕКТЫ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

- Растворцева С.Н., Терновский Д.С.* Факторы концентрации экономической активности в регионах России 153

ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА

- Кун Фаньбинь, Фань Бинь, Чэнь Шэньдун.* Коллективное право на леса и его влияние на инвестиционную деятельность фермерских хозяйств и динамику товарной лесопродукции 171
- Коврижных О.Е., Нечаева П.А.* Анализ трансакционных издержек в логистике и методики их информационного отражения для автомобилестроительных предприятий 186

ЭКОНОМИКА АГРОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА

- Ли Чжисимэн, У Жонин.* Китайский опыт интенсификации свиноводства с учетом требований сохранения окружающей среды и экономии ресурсов 202

ДИСКУССИОННАЯ ПЛОЩАДКА

- Третьякова О.В.* Экономический журнал в России: проблемы оценки качества ... 211

МОЛОДЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ

- Чекмарева Е.А.* Обзор российского и зарубежного опыта агент-ориентированного моделирования сложных социально-экономических систем мезоуровня 225

НАУЧНЫЕ ОБЗОРЫ. НАУЧНЫЕ РЕЦЕНЗИИ. ОТЗЫВЫ

- Калашников К.Н.* Рецензия на монографию «Беларусь на пути в будущее: социологическое измерение» 247
- Требования к оформлению статей 251
- Информация о подписке 256

CONTENT

FROM THE CHIEF EDITOR

<i>Ilyin V.A.</i> President Vladimir Putin's Third Four-Year Term: Contradictory Outcomes – an Expected Result	9
Public Opinion Monitoring of the State of the Russian Society	22

THEORETICAL ISSUES

<i>Shabunova A.A., Kalachikova O.N., Leonidova G.V., Smoleva E.O.</i> Exclusion as a Criterion for Selecting Socially Vulnerable Population Groups	29
--	----

SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT STRATEGY

<i>Shcherbakov G.A.</i> The Genesis and Mechanisms to Overcome Systemic Economic Crises	48
---	----

SOCIAL DEVELOPMENT

<i>Dobrokhleb V.G., Zvereva N.V.</i> The Potential of Modern Russian Generations	61
<i>Popova L.A.</i> Modern Russian Demographic Policy in the Field of Fertility: Results and Areas for Improvement.....	79
<i>Troshina T.I.</i> Strategies and Practices of Collective Self-Preservation of Population in Northern Villages: Historical Experience and Modern Realities	94

ECONOMICS AND SOCIOLOGY OF SOCIAL HEALTH AND HEALTHCARE

<i>Molchanova M.Yu.</i> Public-Private Partnership in the System of Regional Healthcare Financing	114
---	-----

PUBLIC FINANCE

<i>Povarova A.I.</i> Regional Budget–2016: Priorities do not Change	133
---	-----

SPATIAL ASPECTS OF TERRITORIAL DEVELOPMENT

<i>Rastvortseva S.N., Ternovskii D.S.</i> Drivers of Concentration of Economic Activity in Russia's Regions	153
--	-----

BRANCH-WISE ECONOMY

<i>Kong Fanbin, Fan Bin, Chen Shendong.</i> Relationship between Fragmentized Collective Forestland, Farmers Investment and Forest Commodity Output: An Analysis on Nine Provinces Farmers Survey Data in China	171
<i>Kovrizhnykh O. E.; Nechaeva P. A.</i> Analysis of Transaction Costs in Logistics and the Methodologies for Their Information Reflection for Automotive Companies	186

ECONOMICS OF THE AGRO-INDUSTRIAL COMPLEX

<i>Li Zhimeng, Wu Ruonin.</i> Research on Transformation Development of Pig Industry with Environment and Resource Restriction	202
---	-----

DISCUSSION PLATFORM

<i>Tret'yakova O.V.</i> Economic Journal in Russia: Quality Assessment Issues	211
---	-----

YOUNG RESEARCHERS

<i>Chekmareva E.A.</i> Overview of the Russian and Foreign Experience of Agent-Based Modeling of Complex Socio-Economic Systems of the Meso-Level	225
--	-----

SCIENTIFIC REVIEWS. OPINIONS

<i>Kalashnikov K.N.</i> Review of the Monograph "Belarus on Its Way to the Future: Sociological Assessment"	247
Requirements to Manuscripts	251
Subscription Information.....	256

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

DOI: 10.15838/esc.2016.2.44.1

УДК 338.24, ББК 65.050.11

© Ильин В.А.

Третья четырехлетка президента В.В. Путина: противоречивые итоги — закономерный результат

**Владимир Александрович
ИЛЬИН**

доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ
Институт социально-экономического развития территорий РАН
160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а
ilin@vscc.ac.ru

В середине марта подошла к концу третья четырехлетка президентства В.В. Путина. Если бы не продление срока полномочий главы государства в 2008 году, то седьмые президентские выборы состоялись бы уже сегодня, и в связи с этим актуализируется вопрос о том, «что было сделано, а что предстоит сделать... с чем действующий Президент вышел бы к народу?»¹

Мнение экспертов о деятельности В. Путина в период с 2000 года, когда начался его первый президентский срок, до настоящего времени неоднозначно. С одной стороны, с ним связывают стабилизацию социально-экономической и демографической ситуации в стране после «лихих 90-х», рост уровня жизни в середине «тучных

2000-х», укрепление национального самосознания и международного авторитета России в 2010-х гг.

С другой стороны, период его правления называют периодом «упущенных возможностей», имея в виду, прежде всего, сохранившуюся еще с 1990-х гг. олигархически-компрадорскую систему управления и упущенный в середине 2000-х гг. шанс на индустриальный рывок, который обеспечил бы сегодня экономическую безопасность и конкурентоспособность России.

Обе точки зрения имеют массу сторонников и являются справедливыми, отражая противоречивый характер достигнутых В.В. Путиным результатов за последние 15 лет. Однако, на наш взгляд, **деятельность политика такого ранга, как руководитель государства, следует оценивать в первую очередь по масштабам и качеству стратеги-**

¹ Разуваев В. Владимир Путин преувеличил обещания // Независимая газета. — 2016. — 15 марта.

ческого виденья перспектив развития страны с учетом понимания ее объективного состояния, а также по эффективности реализации выбранной стратегии.

В этом смысле необходимо вернуться в прошлое и еще раз вспомнить о том, какие цели ставил перед собой Путин в период, когда он впервые возглавил Россию.

В кризисный период конца девяностых элите, находившейся у власти, нужен был Президент, который бы позволил ей сохранить привилегии, полученные в результате глубоко социально несправедливой и по сути своей грабительской приватизации. Поэтому преемник Б. Ельцина на посту главы государства был обречен находиться «в серьезной эмоциональной, моральной зависимости от того режима, который передала ему власть, сделав его преемником».

Однако у В. Путина была трезвая оценка текущего положения дел в России во многом благодаря своей профессиональной деятельности в силовых структурах еще в «допремьерский» период². Находясь в должности Председателя Правительства РФ (с августа 1999 г.), В. Путин вплотную занимался чеченским вопросом и решительностью в проведении антитеррори-

² В 1985–1990 гг. В. Путин проходил службу в территориальной разведочке в Дрездене. С июня 1991 г. стал работать председателем Комитета по внешним связям мэрии Санкт-Петербурга и одновременно — с 1994 г. — первым заместителем председателя правительства Санкт-Петербурга. В марте 1997 г. Путин становится заместителем руководителя Администрации Президента РФ, начальником Главного контрольного управления Президента РФ. В мае 1998-го Путин — первый заместитель руководителя Администрации Президента РФ, в июле 1998 г. назначен директором Федеральной службы безопасности РФ; с марта 1999 г. — секретарём Совета Безопасности РФ. В августе 1999 г. Владимир Путин стал Председателем Правительства РФ» (источник: личный сайт Президента РФ. — Реж. дост.: <http://putin.kremlin.ru/bio#y80-e>).

стической кампании уже тогда показал себя политиком, который не собирается ограничиваться громкими выражениями, а последовательно будет переходить от слов к делу³.

Речь шла о сохранении страны как таковой: «*Мне потом мои коллеги, очень многие президенты, премьеры, говорили, что всё уже для себя решили, что Россия прекращает своё существование в нынешнем её виде. Вопрос только был — когда это произойдёт и какие будут последствия. Имея в виду, что это крупная ядерная держава*»⁴.

Свое понимание ситуации Путин изложил в программной статье «Россия на рубеже тысячелетий», опубликованной в «Российской газете» от 30 декабря 1999 г.

В этой статье были обозначены «опорные точки консолидации российского общества — то, что можно назвать исконными, традиционными ценностями россиян» («патриотизм», «державность», «социальная солидарность»). В ней были четко изложены меры, которые необходимо предпринять для оздоровления российской экономики и усиления государственной власти.

Из статьи «Россия на рубеже тысячелетий» также видно, что категории, которыми оперирует В. Путин, задачи и вопросы, которые он ставит перед собой и перед

³ «Чеченская кампания дорого обошлась России. Погибли тысячи человек, республика лежит в руинах. Но народ, привыкший уже чувствовать себя вечным неудачником, это уже не смущало. Многие говорили тогда, что власти впервые всерьез взялись за дело... Война в Чечне сделала Путина человеком, который не мог проиграть выборы» (источник: Kendall B. Who is Putin? [Эл. рес.] // BBC NEWS world edition. — Реж. дост.: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/programmes/correspondent/1156020.stm>).

⁴ Политов Ю. Воскресный вечер с «Президентом» [Эл. рес.] // Российская газета. — 2016. — 26 апреля. — Реж. дост.: <http://rg.ru/2015/04/26/putin-site.html>.

Россия исчерпала свой лимит на политические и социально-экономические потрясения, катаклизмы, радикальные преобразования. Только фанатики или глубоко равнодушные, безразличные к России, к народу политические силы в состоянии призывать к очередной революции. Под какими бы лозунгами – коммунистическими, национально-патриотическими или радикально-либеральными – ни развернулась бы очередная крутая ломка всего и вся, государство и народ ее не выдержат. Терпение и способность нации к выживанию, равно как и к созиданию, находятся на пределе истощения. Общество просто рухнет – экономически, политически, психологически и морально.

В.В. Путин. Россия на рубеже тысячелетий // Российская газета. – 1999. – 30 дек.

страной, рассчитаны не на годы, а на десятилетия. «Каким мы видим место нашего Отечества в мировом сообществе в XXI веке? На какие рубежи экономического, социального, культурного развития мы хотим выйти через 10, через 15 лет?» – задаваясь такими вопросами, невозможно рассчитывать на то, что ответы на них будут окончательно получены в течение одного-двух президентских сроков. Это говорит о Путине, прежде всего, как о политике, который «играет вдолгую»; как о государственном деятеле, ставящем перед собой исторически значимые для страны цели, понимающем необходимость достижения этих целей и осознающем свою историческую ответственность перед страной.

Программная статья «Россия на рубеже тысячелетий» была подготовлена В. Путиным в должности Председателя Правительства РФ, в преддверии отставки Б. Ельцина.

31 декабря 1999 г. Ельцин объявил о назначении Путина и. о. Президента РФ. В этот же день Путин издал Указ об иммунитете первого президента России и членов его семьи от любых судебных и административных преследований⁵.

26 марта 2000 года в России состоялись выборы Президента РФ, на которых В. Путин одержал уверенную победу (52,9% голосов избирателей). После инаугурации 7 мая 2000 г. Путин официально стал Президентом РФ, а пост премьер-министра занял М.М. Касьянов, что эксперты расценили «как часть соглашения между новым главой государства и «семейной» группой, которая, лишившись своего центра (в лице Бориса Ельцина), рассчитывала сохранить ключевые аппаратные позиции»⁶.

Одной из главных задач, стоявших перед Президентом в 2000 г., являлось сохранение российской экономики. С целью увеличения доходов федерального бюджета, который в 1999 г. (последний год президентства Б. Ельцина) составлял 615,5 млрд. руб., внесением поправок в Налоговый кодекс РФ с 1 января 2002 г. Путин ввел налог на добычу полезных ископаемых (НДПИ). Ослабленный после дефолта 1998 г. олигархический клан был вынужден пойти на раздел доходов с государством. В результате в 2002 г. доходы бюджета выросли до 2204,7 млрд. руб., то есть в 3,6 раза по сравнению с 1999 г.

⁵ Указ от 31 декабря 1999 г. №1763 «О гарантиях Президенту Российской Федерации, прекратившему исполнение своих полномочий, и членам его семьи» (полный текст Указа приведен в газете «Аргументы и факты». – 2015. – 26 марта [Эл. рес.]. – Реж. дост.: <http://www.aif.ru/dontknows/file/1475256>).

⁶ Макаркин А. Михаил Касьянов, чиновник-технократ [Эл. рес.]. – Реж. доступа: http://www.compromat.ru/page_11446.htm.

В целом за период с 1999 (последний год президентства Б. Ельцина) по 2003 г. (последний год первого президентского срока В. Путина) по сравнению с периодом 1995–1999 г. отмечаются позитивные изменения по всем ключевым показателям, отражающим развитие экономики и уровня жизни (*вкладка 1*).

24 февраля 2004 г. Путин отправил правительство Касьянова в отставку⁷, отметив позже, что «первые год-полтора он старался что-то делать; вторые два года активность была нулевая»⁸. С 5 марта 2004 г., то есть за несколько дней до очередных президентских выборов (14 марта 2004 г.), Правительство РФ возглавил М. Фрадков, взгляды которого были «довольно близки к воззрениям «силовой команды» в окружении президента»⁹.

Таким образом, в первый президентский срок возможности В. Путина по решению задач, поставленных им в программной статье, были существенно ограничены зависимостью от элит. Однако сюрпризом для элит оказалось то, что процесс «стратегической уборки в стране коснется их непосредственно»¹⁰. При этом главная цель, которая стояла перед Путиным в период первого президентского срока, была достигнута. Ему удалось добиться положительных результатов в решении одной из главных проблем России — чеченского вопроса, а законодательное закрепление механизма изъятия части экспортно-

сырьевой ренты позволило наполнить бюджет за счет средств олигархов. В стране начался период стабилизации, наиболее опасные деградиционные процессы 1990-х гг. были приостановлены.

Во время второго президентского срока (май 2004 — май 2008 г.) необходимо было нарастить экономическую мощь страны. Решению экономических задач способствовал благоприятный период роста цен на нефть. Как показывает динамика официальных статистических данных, в 2003–2007 гг. (последний полный год первого и последний полный год второго президентских сроков В. Путина) в России увеличились темпы роста ВВП (на 3,7% по сравнению с 1999–2003 гг.), промышленного производства (на 3%), среднедушевых денежных доходов населения (на 80,8%); снизилась доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума (на 6,2%). Улучшение положения дел в экономике отразилось на субъективных оценках населения: в период с 2003 по 2007 г. по сравнению с 1999–2003 гг. продолжился рост доли положительных суждений о ситуации в стране (+10 п.п.; см. вкладку 1).

Для того чтобы сохранить возможность проведения выбранного курса развития после окончания второго президентского срока, 17 декабря 2007 г. на съезде партии «Единая Россия» В. Путин предложил на пост Президента РФ кандидатуру Д. Медведева. 7 мая 2008 г. Д. Медведев предложил кандидатуру В. Путина на пост премьер-министра. На следующий день это предложение было утверждено на внеочередном заседании Государственной Думы РФ.

Осуществляя так называемую рокировку, Путин не мог не «оглядываться» на Запад. Все понимали перевес влияния в

⁷ В период с 24 февраля по 5 марта 2004 г. Правительство возглавлял В.Б. Христенко.

⁸ Власова Е. Выбраться с «Болотной» [Эл. рес.] // Российская газета. — 2011. — 16 дек. — Реж. доступа: <http://rg.ru/2011/12/16/putin-site.html>.

⁹ Гликин М. Сильный администратор // Независимая газета. — 2004. — 2 апр.

¹⁰ Делягин М.Г. Второй период правления В. Путина: разрушение либеральных мифов [Эл. рес.] // Накануне. ru. — Реж. дост.: <http://www.nakanune.ru/articles/17523/>.

Вкладка 1. Динамика основных показателей развития экономики и уровня жизни населения РФ

Показатель	1995 г.	1999 г.	1999 г. к 1995 г., %	1999 г.	2003 г.	2003 г. к 1999 г., %	2003 г.	2007 г.	2007 г. к 2003 г., %	2011 г.	2011 г. к 2007 г., %	2015 г.	2015 г. к 2011 г., %
Развитие экономики*													
ВВП, трлн. руб.	43,9	43,2	98,4	56,2	130,1	56,2	75,2	133,8	75,2	105,7	79,5	80,8	101,6
Доходы федерального бюджета, млрд. руб.	227,0	615,5	271,1	2586,2	420,2	2586,2	7779,1	300,8	7779,1	146,4	11386,0	13665,7	120,0
Промышленное производство, трлн. руб.	29,7	28,7	96,6	36,1	125,8	36,1	46,5	128,8	46,5	101,1	47,0	48,0	102,1
Индекс потребительских цен, % (декабрь к декабрю предыдущего года)**	231,3	136,5	787,7*	112,0	250,7*	112,0	111,9	169,2*	111,9	106,1	106,1	112,9	151,4*
Уровень жизни населения*													
Среднедушевые денежные доходы населения, руб.	9886	9365	94,7	12151	129,7	12151	25574	210,5	25574	115,8	29608	30514	103,1
Среднемесячная начисленная заработная плата работников, руб.	9059	8574	94,6	16861	196,7	16861	27584	163,6	27584	120,9	33337	36692	110,1
Доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, % от общей численности населения	24,7	28,3	114,6	20,3	71,7	20,3	13,3	65,5	13,3	12,7	12,7	13,4	105,5
Данные социологических опросов населения об итогах года для России (в % от числа опрошенных)***													
«Очень удачный», «в целом хороший»	н.д.	19,6	н.д.	19,6	38,5	+19	38,5	48,6	+10	48,6	40,4	40,4	19,2
«Скорее трудный», «плохой, очень тяжелый»	н.д.	66,1	н.д.	66,1	41,6	-25	41,6	29,0	-13	29,0	42,7	42,7	+21
Затрудняюсь ответить	н.д.	13,8	н.д.	13,8	19,2	+5	19,2	22,3	+3	22,3	16,9	16,9	0
	Декабрь 1999 г.	Январь 2000 – май 2004 г.	Май 2004 – май 2008 г.	Май 2008 – май 2012 г.	Май 2012 – н.в.								
	II президентский срок Б.Н. Ельцина	I президентский срок В.В. Путина	II президентский срок В.В. Путина	президентский срок Д.А. Медведева	III президентский срок В.В. Путина								

* В постоянных ценах 2015 г.

** Динамика изменения индекса потребительских цен за период рассчитана цепным индексом.

*** Формулировка вопроса – «Оцените итоги года для России в целом». В таблице вместо 1999 г. приведены данные за 2000 г. (год начала опроса).

Использованы данные мониторинга общественного мнения ИСЭРТ РАН. Мониторинг проводится с 1996 г. с периодичностью один раз в два месяца. Опрашивается 1500 респондентов старше 18 лет в городах Вологде и Череповце, в Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Кирилловском, Никольском, Тарногском, Шекнинском районах. Репрезентативность выборки обеспечивается соблюдением следующих условий: пропорций между городским и сельским населением; пропорций между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города); половозрастной структуры взрослого населения области. Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Ошибка выборки не превышает 3%.

Вкладка 2. Уровень доверия Президенту РФ в различных социально-демографических категориях населения (в % от числа опрошенных)*

Социально-демографические категории	1999 г.	2003 г.	2003 г. к 1999 г.	2003 г.	2007 г.	2007 г. к 2003 г.	2007 г.	2011 г.	2011 г. к 2007 г.	2011 г.	2015 г.	2015 г. к 2011 г.
<i>Пол</i>												
Мужской	56,5	62,9	+6	62,9	57,9	-5	57,9	47,6	-10	47,6	56,2	+9
Женский	57,5	65,4	+8	65,4	62,1	-3	62,1	52,8	-9	52,8	64,1	+11
<i>Возраст</i>												
До 30 лет	57,9	72,8	+15	72,8	61,9	-11	61,9	53,4	-9	53,4	57,4	+4
30-55 лет	57,7	62,0	+4	62,0	60,7	-1	60,7	49,8	-11	49,8	62,1	+12
Старше 55 лет	55,2	59,4	+4	59,4	57,9	-2	57,9	49,2	-9	49,2	60,5	+11
<i>Образование</i>												
Среднее и н/среднее	55,5	58,7	+3	58,7	54,2	-5	54,2	44,2	-10	44,2	51,7	+8
Среднее специальное	60,7	67,6	+7	67,6	59,4	-8	59,4	52,3	-7	52,3	62,4	+10
Высшее и н/высшее	55,8	66,4	+11	66,4	68,5	+2	68,5	55,6	-13	55,6	68,8	+13
<i>Доходные группы**</i>												
20% наименее обеспеченных	51,8	52,3	+1	52,3	47,1	-5	47,1	36,2	-11	36,2	41,0	+5
60% среднеобеспеченных	59,4	68,6	+9	68,6	62,6	-6	62,6	51,1	-12	51,1	64,9	+14
20% наиболее обеспеченных	57,9	72,3	+14	72,3	75,9	+4	75,9	65,5	-10	65,5	73,2	+8
<i>Территории</i>												
Вологда	59,2	74,1	+15	74,1	57,8	-16	57,8	51,4	-6	51,4	65,4	+14
Череповец	42,0	62,5	+21	62,5	77,4	+15	77,4	64,1	-13	64,1	72,2	+8
Районы	64,2	60,6	-4	60,6	52,9	-8	52,9	43,2	-10	43,2	51,4	+8
Область	57,1	64,3	+7	64,3	60,3	-4	60,3	50,5	-10	50,5	60,6	+10
	Январь 2000 – май 2004 г. – I президентский срок В.В. Путина	Май 2004 – май 2008 г. – II президентский срок В.В. Путина	Май 2008 г. – президентский срок Д.А. Медведева	Май 2008 – май 2012 г. – президентский срок Д.А. Медведева	Май 2012 – н.в. – III президентский срок В.В. Путина							

■ зеленым цветом выделены положительные изменения (увеличение доли положительных оценок)

■ красным цветом выделены отрицательные изменения (снижение доли положительных оценок)

* В таблице вместо 1999 г. приведены данные за 2000 г. (год начала опроса).

сторону действующего премьера, но более приемлемой для менталитета иностранцев была риторика Медведева. «История с преемником во многом являлась попыткой обезопасить Россию от жестких революционных, оранжистских сценариев моментальной смены власти»¹¹.

За период своего президентства Д. Медведев не достиг каких-либо значимых результатов и, по сути, так и остался «техническим» Президентом¹². Результаты социологических исследований наглядно отражают динамику общественного мнения о его деятельности: в период с 2007 по 2011 г. во всех социально-демографических категориях доверие к нему снизилось на 6–13 п.п. (вкладка 2).

Однако, несмотря на многие экономические трудности, с которыми столкнулась Россия в 2008–2012 гг., Д. Медведеву удалось выполнить свою главную задачу – сохранить стратегический курс В. Путина и передать ему пост главы государства.

Третий президентский срок В.В. Путина начался в мае 2012 г. в сложных и противоречивых условиях. С одной стороны, Путин имел поддержку общества, в котором к тому времени уже сформировалась потребность в качественно новом уровне жизни. Путина ждали и с ним связывали надежды на новый виток экономического благополучия – такой же, как в середине 2000-х гг. С другой стороны, после четы-

рехлетки президентства Д. Медведева во власти укрепились позиции либерально настроенной элиты. По сути, Медведев формировал свое окружение и как президент (в 2008–2012 гг.), и как премьер (с 2012 г. по настоящее время).

В начале третьей четырехлетки политологи стали отмечать, что В.В. Путин начал «потихонечку оттеснять либеральную тусовку», хотя, как прогнозировали некоторые эксперты, «оттеснить ее совсем он не сможет, потому что он окажется заложником силовиков, с одной стороны, а с другой стороны, посорится с Западом»¹³. Тем не менее события 2013–2015 гг. показали, что «поссориться с Западом» Путин может. В сентябре 2013 г. в своем выступлении на заседании международного дискуссионного клуба «Валдай» он, по сути, объявил Россию центром евразийской интеграции. Последовавший за этим украинский конфликт, острая фаза которого пришлась на 2014 г., привел к росту напряженности в отношениях между Россией и США, причем до такой степени, что многие сравнивали этот период с новым витком «холодной войны»¹⁴.

В результате конфронтации с США, даже в тяжелых экономических условиях, вызванных мировым финансовым кризисом, санкциями и всё ещё сохраняющейся экспортно-сырьевой моделью экономики, Путину удалось реализовать одно из двух условий, которые эксперты отмечали как необходимые для того самого индустриального рывка, который ждали от Путина

¹¹ Делягин М.Г. Второй период правления В. Путина: разрушение либеральных мифов [Эл. рес.] // Накануне.ru. – Реж. дост.: <http://www.nakanune.ru/articles/17523/>.

¹² «Хотя Владимир Путин покинул президентское кресло и стал премьер-министром, никто не сомневается в том, что он более влиятелен и силен, чем его избранный преемник Дмитрий Медведев» (источники: Megan K. Stack. Putin leads in this power dance // Los Angeles Times. – 2008. – 14 нояб. – Реж. дост.: <http://articles.latimes.com/2008/nov/14/world/fg-russpower14>).

¹³ Делягин М.Г. Второй период правления В. Путина: разрушение либеральных мифов [Эл. рес.] // Накануне.ru. – Реж. дост.: <http://www.nakanune.ru/articles/17523/>.

¹⁴ Mansur Mirovalev. Russian premier: «We have slid into ... a new Cold War» [Эл. рес.] // Los Angeles Times. – 2016. – 13 февр. – Реж. дост.: <http://www.latimes.com/world/europe/la-fg-russia-nato-20160213-story.html>.

в начале 2012 г. — ему удалось обеспечить «гарантию национального суверенитета»¹⁵.

Это можно считать одним из главных итогов третьей четырехлетки В. Путина. «Укрепление поддержки властей за счет внешней политики и борьбы за национальные интересы — безусловно, важное направление, и Владимир Путин занял выигрышные позиции на этом поле в глазах общественного мнения»¹⁶.

Таким образом, на протяжении всех своих президентских сроков В. Путин был вынужден решать глобальные задачи в условиях зависимости от политической и финансовой элиты, пришедшей к власти в 1990-е гг. и составляющей неотъемлемую часть российской государственности. Зависимость эта носила разный характер: в 2000 году она была продиктована необходимостью учитывать интересы элиты, созданной еще в 1990-х гг., в 2008 г. — необходимостью временно «уйти в тень» политической арены, чтобы иметь возможность продолжить свою стратегическую линию с 2012 г. Очевидны при этом три вещи:

1. Действовать осторожно, с оглядкой и на внутреннюю политическую элиту, и на реакцию зарубежных лидеров, и на требования российского общества, Путин был вынужден в течение всего периода с 2000

¹⁵ Черняховский С.: «Многие бы хотели поделить и территорию, и ресурсы России. Этого можно не допустить только в одном случае — если Россия сейчас сделает рывок, аналогичный рывку 30-х годов, за 10 лет восстановит свою мощь настолько, чтобы иметь возможность и дальше сдерживать эту угрозу. Здесь есть два момента, которые нужно предварительно решить как необходимое условие. **Это гарантия национального суверенитета. И второе — нужно уходить от рыночной экономики**» (источник: Делягин М.Г. Второй период правления В. Путина: разрушение либеральных мифов [Эл. рес.] // Накануне.ru. — Реж. дост.: <http://www.nakanune.ru/articles/17523/>).

¹⁶ Туровский Р. Внутренняя политика: обретение стратегического курса [Эл. рес.] // Независимая газета. — 2016. — 18 апр. [Эл. рес.] — Реж. дост.: http://www.ng.ru/ideas/2016-04-18/9_course.html.

по 2015 г. Он «очень осторожный политик. Он семь раз отмеряет, один раз отрезает. Постоянно делает мягко, но направление движения всё время в сторону восстановления нашего государственного суверенитета»¹⁷. Так можно ли поставить ему в упрек желание осуществить индустриальный рывок, аналогичный 1930-м годам, не применяя сталинских методов, а действуя максимально осторожно?¹⁸ Ведь не случайно «социальная справедливость, равные права для всех и сильное государство, заботящееся о своих гражданах», заложены глубоко в ментальных основах российского общества и представляют для россиян «идеальную модель государственного устройства»¹⁹.

2. Путин прекрасно понимал и понимает глобальные исторические задачи, которые ставит перед ним объективно складывающаяся ситуация. Причем возникающие исторические задачи последовательно им решаются, несмотря на то, что это противоречит интересам Запада и либерального крыла правительства. Иногда приходилось идти «по краю пропасти» и принимать крайне жесткие решения.

¹⁷ Стариков Н.А. Прокладка олигархов [Эл. рес.]. — Реж. дост.: <https://nstarikov.ru/wp-content/uploads/2014/05/Стариков-Прокладка-олигархов.rtf>.

¹⁸ В.В. Путин:

1. «Сталинизм связан с культом личности и с массовыми нарушениями закона, с репрессиями и лагерями. Ничего подобного в России нет и, надеюсь, уже больше никогда не будет.» (Стенограмма Прямой линии с Президентом РФ В.В. Путиным от 25.04.2013 // Официальный сайт Президента РФ. — Реж. дост.: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/17976>).

2. «Россия не боится вмешиваться в международные дела, она просто действует максимально осторожно. Мы не боимся, мы просто ведем себя более сдержанно. И если что-то и делаем, то максимально стараемся себя обезопасить от возможных негативных последствий.» (Источники: док. фильм «Миропорядок» / телеканал «Россия-1» — ВГТРК.)

¹⁹ Горшков М.К. «Русская мечта»: опыт социологического измерения // Социологические исследования. — 2012. — №12. — С. 7.

3. С первых лет своего президентства В. Путин сталкивался с необходимостью противостоять олигархически-компрадорской системе, сложившейся в 1990-е годы. Его независимая позиция стала особенно очевидной в третью «четырёхлетку». При этом необходимо помнить, что В. Путин «принял» страну фактически в разрушенном состоянии, что стало пессимистическим итогом естественной конкурентной борьбы ведущих держав за превосходство на мировой политической арене. Он был вынужден учитывать интересы руководителей других стран, но в результате успешной реализации своего курса добился того, что Россия может требовать от них то же самое. Причем события последних лет (украинский и сирийский конфликты) свидетельствуют о том, что сегодня Россия является одним из главных участников поддержания правовых механизмов мира и безопасности, заложенных после окончания второй мировой войны.

Сегодня личность Президента является «ключевым стабилизирующим фактором для политической системы», и это крайне важно, поскольку «думская кампания 2016 года способна стать поворотным пунктом в политическом развитии страны... На повестке дня вопрос о трансформации политической системы, которая позволила бы ей лучше и эффективнее адаптироваться к различным вызовам — как внешним, так и внутренним, решая при этом актуальные общественно-политические задачи»²⁰.

В сегодняшней политической элите по-прежнему остается плеяда чиновников, осуществляющих свою деятельность еще

²⁰ Туровский Р. Внутренняя политика: обретение стратегического курса [Эл. рес.] // Независимая газета. — 2016. — 18 апр. — Реж. дост.: http://www.ng.ru/ideas/2016-04-18/9_course.html.

с 1990-х гг. Неудовлетворенность эффективностью их работы на протяжении последних 15 лет накапливается и у общества, и у Президента РФ.

В российском социуме очевиден запрос на обновление элит и оживление общественной жизни. «Элита, сознание которой сформировано стратегическими конкурентами ее страны, имеет к своей стране то же отношение, что охранник к заключенным. Прозападная часть элиты, стремясь к интеграции, к «простым человеческим благам», утрачивают собственные цивилизационные (не говоря уже о национальных) ценности и (часто незаметно для себя) начинают служить ценностям своих стратегических конкурентов (в России, например, они служат эффективности фирмы против эффективности общества, то есть конкуренции против справедливости)... Именно с этого начинается размывание системы ценностей, затем размывающее и общество. Растущее непонимание между обществом и элитой объективно повышает угрозу дестабилизации, а с этим и потребность элиты во внешней помощи, — и уже сложилась сила, которая ее с удовольствием оказывает»²¹.

Последовательная реализация Президентом стратегических задач развития России позволяет говорить о создании благоприятных условий для решения очередной задачи — национализации элит. Для этого есть и стабильно высокий уровень поддержки главы государства в обществе²²,

²¹ Делягин М.Г. Глобализация и предательство элит // Газета «Завтра». — 2016. — 14 янв.

²² По данным ВЦИОМ в марте 2016 г. 74% россиян были готовы проголосовать за В. Путина на ближайших президентских выборах. Это максимум за последние четыре года (источник: Пресс-выпуск ВЦИОМ №3051 [Эл. рес.]. — Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115604>).

и новая плеяда государственных чиновников, политиков, общественников, которые «неизбежно сопровождают державный рост»²³.

Кроме того, одним из последних шагов Президента стало создание инструмента по дальнейшей реализации выбранного им стратегического курса развития России. 31 декабря 2015 г. В. Путин подписал Указ о новой Стратегии национальной безопасности²⁴, в которой на новом уровне, с учетом изменившихся за 15 лет внутренних и внешних условий, осмыслены ключевые положения, обозначенные им еще в 1999 г. в программной статье «Россия на рубеже тысячелетий».

Стратегия закрепляет **персональную ответственность** главы государства за обеспечение реализации приоритетных направлений государственной политики в сфере национальной безопасности, что, безусловно, направлено на эффективное решение ключевых задач развития России, в том числе на национализацию элит, приведение частных потребностей представителей либерально-настроенной верхушки власти в соответствие с национальными интересами.

Таким образом, итоги деятельности В. Путина на посту Президента РФ, с одной стороны, носят противоречивый характер. Негативные процессы в динамике российской экономики связаны не с санкциями и не с последствиями мирового финансового кризиса, а с неэффективностью сложив-

шейся системы государственного управления — задача, на решение которой нацелено первоочередное внимание Президента. «Есть ощущение, что сложились две России: одна глубоко встроена в западный мир, в западное сознание, в западный уклад... Вторая Россия, которая формирует новую возрастающую ветвь государства, находится с первой в очень сложном взаимодействии, не всегда враждебном. Но эти две России обнаруживают себя в сегодняшней идеологической и политической схватке. Новая плеяда русских государственных чиновников, которые неизбежно сопровождают державный рост, должна обладать поразительной гибкостью, стойкостью, многомерностью своей деятельности и своих суждений. Этим и объясняется мнимая непоследовательность российской политики. Объясняется часто компромиссная, неточная риторика. Эти люди вынуждены двигаться по лезвию политических противоречий. У них сложнейшее сознание, понимание того, что новое государство российское вынуждено созревать в условиях конфронтации и компромисса. Будем же дальновидны, терпеливы, будем рассматривать сегодняшний мир не глазами сиюминутных схваток, а прозорливостью грядущих представлений о русской государственной судьбе»²⁵.

Однако, с другой стороны, существующие сегодня противоречия в системе государственного управления являются закономерным результатом деятельности Президента и свидетельствуют, в первую очередь, о продолжающейся, но еще не законченной, борьбе главы государства за приведение интересов элит в соответствие с интересами национальной безопасности.

²³ Проханов А.А. Государство Полярной звезды // Газета «Завтра». — 2016. — 17 мар.

²⁴ Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. №683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [Эл. ресурс] // Российская газета. — 2015. — 31 дек. — Реж. дост.: <http://rg.ru/2015/12/31/nac-bezopasnost-site-dok.html>.

²⁵ Проханов А.А. Государство Полярной звезды // Газета «Завтра». — 2016. — 17 мар.

Система государственного управления представляет собой единый организм, в котором нельзя поменять всё в одночасье (такой опыт у России уже был в 1917 г.). Многие из того, что было запланировано В. Путиным в 1999 г., выполнено. Причем выполнено **последовательно, своевременно и эволюционно**, то есть максимально «мягко» для общества, пережившего в рамках одного-двух поколений смену общественного и политического строя, несколько экономических кризисов и кардинальную перестройку общественного сознания.

Вместе с тем многие задачи еще требуют своего решения. Президент должен привести страну к этапу новой индустриализации, и этот переход необходимо осуществить так же плавно и осторожно, каким был стратегический курс В. Путина в течение последних 15 лет.

До выборов в Государственную Думу осталось всего 4 месяца, и мы видим, что стратегия развития России, о которой говорил Путин еще в 1999 г., последовательно им реализуется, несмотря на внешние и внутренние политические и экономические барьеры. Ближайшие два года до президентских выборов—2018 могут стать переходными к новому этапу развития российского общества. К тому самому, о котором начали говорить после «крымской весны»²⁶ и который был отсрочен в результате экономических проблем, обрушившихся на страну в последние годы²⁷.

Как заставить заработать на полную мощность новые, рыночные механизмы? Каким образом можно преодолеть все еще дающий себя знать глубокий идейный и политический раскол в обществе? Какие стратегические цели могут консолидировать российский народ? Каким мы видим место нашего Отечества в мировом сообществе в XXI веке? На какие рубежи экономического, социального, культурного развития мы хотим выйти через 10, через 15 лет? В чем наши сильные и слабые стороны? Какими материальными и духовными ресурсами мы сегодня располагаем?

В.В. Путин. Россия на рубеже тысячелетий // Российская газета. – 1999. – 30 дек.

Насколько затянется этот переходный период? Осуществится ли он за 1–2 года (то есть достаточно быстро с исторической точки зрения) или для этого потребуются гораздо больше времени? Это будет зависеть от того, насколько России удастся не свернуть с пути, выбранного 15 лет назад. Насколько глава государства сможет своими активными действиями реализовать основные положения, заложенные в Стратегии национальной безопасности 2015 г., и перейти к мобилизационному варианту новой индустриализации, без чего невозможно сократить увеличивающийся разрыв между экономиками ведущих стран мира и России.

²⁶ Осипов Г.В. Не упустить представившийся шанс! Социология и экономика современной социальной реальности. – М.: ИСПИ РАН, 2014 – С. 17.

²⁷ «Россия впервые после дефолта 1998 г. оказалась в условиях непредсказуемого падения доходов населения. Дыра в бюджете впервые перевалила за 3,5% ВВП. Реальные доходы населения ушли в минус уже в 2014-м – впервые за последние 15 лет. Затем в 2015-м начали сокращаться в реальном выражении пенсии.» (Источник: Башкатова А. Об экономике либо хорошо, либо ничего // Независимая газета. – 2016. – 15 апр.)

Литература

1. Горшков, М.К. «Русская мечта»: опыт социологического измерения / М.К. Горшков // Социологические исследования. – 2012. – №12. – С. 3–11.
2. Делягин, М.Г. Второй период правления В. Путина: разрушение либеральных мифов [Электронный ресурс] / М.Г. Делягин // Накануне.ru. – Режим доступа: <http://www.nakanune.ru/articles/17523/>.
3. Делягин, М.Г. Глобализация и предательство элит / М.Г. Делягин // Газета «Завтра». – 2016. – 14 янв.
4. Осипов, Г.В. Не упустить представившийся шанс! Социология и экономика современной социальной реальности / Г.В. Осипов. – М.: ИСПИ РАН, 2014. – С. 16–18.
5. Проханов, А.А. Государство Полярной звезды / А.А. Проханов // Газета «Завтра». – 2016. – 17 марта.
6. Путин, В.В. Россия на рубеже тысячелетий / В.В. Путин // Российская газета. – 1999. – 30 декабря.
7. Стариков, Н.А. Прокладка олигархов [Электронный ресурс] / Н.А. Стариков. – Режим доступа: <https://nstarikov.ru/wp-content/uploads/2014/05/Стариков-Прокладка-олигархов.rtf>.
8. Стенограмма Прямой линии с Президентом РФ В.В. Путиным от 25.04.2013 // Официальный сайт Президента РФ. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/17976>.
9. Указ Президента РФ от 31 декабря 1999 г. №1763 «О гарантиях Президенту Российской Федерации, прекратившему исполнение своих полномочий, и членам его семьи» [Электронный ресурс] // «Аргументы и факты». – 2015. – 26 марта. – Режим доступа: <http://www.aif.ru/dontknows/file/1475256>.
10. Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. №683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Российская газета. – 2015. – 31 декабря. – Режим доступа: <http://rg.ru/2015/12/31/nac-bezopasnost-site-dok.html>.
11. Kendall, V. Who is Putin? / V. Kendall // BBC NEWS world edition. – Режим доступа: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/programmes/correspondent/1156020.stm>
12. Mirovalev, Mansur. «Russian premier: ‘We have slid into ... a new Cold War’ / Mansur Mirovalev // Los Angeles Times. – 2016. – 13 февраля. – Режим доступа: <http://www.latimes.com/world/europe/la-fg-russia-nato-20160213-story.html>.
13. Megan, K. Stack «Putin leads in this power dance» / K. Megan // Los Angeles Times. – 2008. – 14 ноября. – Режим доступа: <http://articles.latimes.com/2008/nov/14/world/fg-russpower14>.

Сведения об авторе

Владимир Александрович Ильин – доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, научный руководитель, Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук (160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, ilin@vscc.ac.ru)

Ilyin V.A.

President Vladimir Putin’s Third Four-Year Term: Contradictory Outcomes – an Expected Result

Vladimir Aleksandrovich Ilyin – Doctor of Economics, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Scientific Director, Institute of Socio-Economic Development of Territories of Russian Academy of Science (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation, ilin@vscc.ac.ru)

References

1. Gorshkov M.K. “Russkaya mechta”: opyt sotsiologicheskogo izmereniya [“Russian Dream”: Experience of Sociological Measurement]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Social Studies], 2012, no.12, pp. 3–11.
2. Delyagin M.G. Vtoroi period pravleniya V. Putina: razrushenie liberal’nykh mifov [Second Period of V. Putin’s Reign: Destruction of Liberal Myths]. *Nakanune.ru* [On the Eve.ru]. Available at: <http://www.nakanune.ru/articles/17523/>.

3. Delyagin M.G. Globalizatsiya i predatel'stvo elit [Globalization and Betrayal of the Elites]. *Zavtra* [Tomorrow], 2016, January 14.
4. Osipov G.V. *Ne upustit' predstavivshiysya shans! Sotsiologiya i ekonomika sovremennoi sotsial'noi real'nosti* [Not to Miss This Chance! Sociology and Economics of Contemporary Social Reality]. Moscow: ISPI RAN, 2014, pp. 16–18.
5. Prokhanov A.A. Gosudarstvo Polyarnoi zvezdy [The State of the Polar Star]. *Zavtra* [Tomorrow], 2016, March 17.
6. Putin V.V. Rossiya na rubezhe tysyacheletii [Russia at the Turn of Centuries]. *Rossiiskaya gazeta* [Russian Newspaper], 1999, December 30.
7. Starikov N.A. *Prokladka oligarkhov* [Gasket of Oligarchs]. Available at: <https://nstarikov.ru/wp-content/uploads/2014/05/Starikov-Prokladka-oligarkhov.rtf>.
8. Stenogramma Pryamoi linii s Prezidentom RF V.V. Putinyom ot 25.04.2013 [Transcript of the Direct Line with Russian President Vladimir Putin of April 25, 2013]. *Ofitsial'nyi sait Prezidenta RF* [Official Website of the President of the Russian Federation]. Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/17976>.
9. Ukaz Prezidenta RF ot 31 dekabrya 1999 g. №1763 “O garantiyakh Prezidentu Rossiiskoi Federatsii, prekrativshemu ispolnenie svoikh polnomochii, i chlenam ego sem'ii” [Decree of the RF President of December 31, 1999 No.1763 “On Guarantees to the President of the Russian Federation Who Terminated His Authorities, and Members of His Family”]. *Argumenty i fakty* [Arguments and Facts], 2015, March 26. Available at: <http://www.aif.ru/dontknows/file/1475256>.
10. Ukaz Prezidenta RF ot 31 dekabrya 2015 g. №683 “O Strategii natsional'noi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii” [Decree of the RF President of December 31, 2015 No.683 “On the National Security Strategy of the Russian Federation”. *Rossiiskaya gazeta* [Russian Newspaper], 2015, December 31. Available at: <http://rg.ru/2015/12/31/nac-bezopasnost-site-dok.html>.
11. Kendall B. Who is Putin? *BBC NEWS World Edition*. Available at: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/programmes/correspondent/1156020.stm>
12. Mirovalev M. “Russian Premier: We have Slid into ... a New Cold War”. *Los Angeles Times*, 2016, February 13. Available at: <http://www.latimes.com/world/europe/la-fg-russia-nato-20160213-story.html>.
13. Megan K. Stack “Putin Leads in This Power Dance”. *Los Angeles Times*, 2008, November 14. Available at: <http://articles.latimes.com/2008/nov/14/world/fg-russpower14>.

Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества

Продолжая сложившуюся традицию нашего издания, приводим результаты мониторинговых оценок общественного мнения о состоянии российского общества, выполняемых ИСЭРТ РАН в Вологодской области¹.

Нижеследующие таблицы показывают динамику ряда параметров социального самочувствия и общественно-политических настроений населения Вологодской области в феврале – апреле 2016 г., а также в среднем за последние 6 опросов (июнь 2015 – апрель 2016 г.). Дается сопоставление их с данными за 2007-й (последний год второго президентского срока В.В. Путина, когда были достигнуты наиболее высокие оценки президентской деятельности) и 2011 г. (последний год президентства Д.А. Медведева). С 2013 г. представлена годовая динамика данных.

Оценка деятельности власти

В феврале–апреле 2016 г. уровень одобрения деятельности Президента РФ существенно не изменился (67–68%), что соответствует средним показателям за 2015 г. (69%) и **значительно выше, чем в 2011–2014 гг. (59–64%)**. Однако в краткосрочной ретроспективе **отмечаются негативные изменения**. Так, за последние три опроса (с декабря 2015 по апрель 2016 г.) доля положительных оценок деятельности главы государства снизилась на 3 п.п. (с 70 до 67%).

За последние два месяца сохранился уровень поддержки деятельности Председателя Правительства РФ (54–55%). **Данный показатель ниже, чем в 2015 г. (58%),** и примерно соответствует уровню 2014 г. (54%).

Для справки: в целом по стране уровень одобрения деятельности Президента РФ в феврале–марте 2016 г. остается стабильным (81–82% по данным ВЦИОМ и Левада-Центра), однако по сравнению с декабрем 2015 г. он также снизился на 3 п.п. (с 85–86%).

¹ Опросы проводятся 6 раз в год в Вологде, Череповце и в восьми районах области (Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Кирилловском, Никольском, Тарногском и Шекснинском). Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Объем выборочной совокупности – 1500 человек в возрасте 18 лет и старше.

Выборка целенаправленная, квотная. Репрезентативность выборки обеспечена соблюдением пропорций между городским и сельским населением, пропорций между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города), половозрастной структуры взрослого населения области. Ошибка выборки не превышает 3%.

Более подробную информацию о результатах опросов, проводимых ИСЭРТ РАН, можно найти на сайте: <http://www.vscac.ru/>.

Как Вы оцениваете в настоящее время деятельность..? (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	2007	2011	2013	2014	2015	Июнь 2015	Авг. 2015	Окт. 2015	Дек. 2015	Фев. 2016	Апр. 2016	Среднее за последние 6 опросов	Изменение (+/-) последние 6 опросов по отношению к...		
													2014	2011	2007
Президент РФ															
Одобрю	75,3	58,7	55,3	64,1	69,1	69,5	72,0	69,3	69,7	68,1	66,9	69,3	+5	+11	-6
Не одобряю	11,5	25,6	29,4	22,3	17,5	16,1	17,8	18,1	16,5	16,1	17,9	17,1	-5	-9	+6
Председатель Правительства РФ*															
Одобрю	-*	59,3	48,9	54,2	58,1	59,1	60,7	58,1	57,9	54,9	53,5	57,4	+3	-2	-
Не одобряю	-	24,7	32,8	27,6	21,7	19,5	22,5	21,0	21,7	22,6	25,7	22,2	-5	-3	-
Губернатор															
Одобрю	55,8	45,7	44,4	40,1	39,3	40,5	41,5	38,7	39,7	35,1	34,9	38,4	-2	-7	-17
Не одобряю	22,2	30,5	33,2	38,9	36,2	35,4	35,4	36,0	35,3	38,2	39,6	36,7	-2	+6	+14
* Вопрос задается с 2008 г.															

С февраля по апрель 2016 г. доля жителей области, считающих успешными действия Президента по укреплению международных позиций России, существенно не изменилась (51%), что соответствует уровню 2014–2015 гг.

Вместе с тем оценка успешности решения Президентом большинства ключевых проблем страны за период с декабря 2015 по апрель 2016 г. незначительно снизилась:

- по проблеме укрепления международных позиций России – на 2 п.п. (с 53 до 50%);
- наведения порядка в стране – на 3 п.п. (с 51 до 48%);
- по защите демократии и укреплению свобод граждан – на 5 п.п. (с 41 до 36%);
- по подъему экономики и росту благосостояния граждан – на 3 п.п. (с 31 до 28%).

В целом по решению всех перечисленных проблем оценка успешности действий Президента сохраняется на уровне 2014–2015 гг., за исключением его деятельности по подъему экономики и росту благосостояния населения (в 2014–2015 гг. – 34–35%, в апреле 2016 г. – 28%).

Насколько успешно, на Ваш взгляд, Президент РФ справляется с проблемами..? * (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	2007	2011	2013	2014	2015	Июнь 2015	Авг. 2015	Окт. 2015	Дек. 2015	Фев. 2016	Апр. 2016	Среднее за последние 6 опросов	Изменение (+/-), последние 6 опросов по отношению к...		
													2014	2011	2007
Укрепление международных позиций России															
Успешно	58,4	46,2	45,7	50,4	51,7	51,1	52,2	50,7	53,2	50,9	50,7	51,5	+1	+5	-7
Не успешно	24,9	33,7	36,2	32,4	31,3	32,5	32,4	33,1	31,5	29,1	30,9	31,6	-1	-2	+7
<i>Индекс успешности</i>	<i>133,5</i>	<i>112,5</i>	<i>109,5</i>	<i>118,0</i>	<i>120,4</i>	<i>118,6</i>	<i>119,8</i>	<i>117,6</i>	<i>121,7</i>	<i>121,8</i>	<i>119,8</i>	<i>119,9</i>	<i>+2</i>	<i>+7</i>	<i>-14</i>
Наведение порядка в стране															
Успешно	53,2	36,6	39,4	48,0	50,2	49,9	51,7	48,6	50,5	47,7	48,1	49,4	+1	+13	-4
Не успешно	34,0	50,0	47,5	39,1	37,9	38,0	37,9	38,7	38,0	37,2	38,2	38,0	-1	-12	+4
<i>Индекс успешности</i>	<i>119,2</i>	<i>86,6</i>	<i>91,9</i>	<i>108,9</i>	<i>112,3</i>	<i>111,9</i>	<i>113,8</i>	<i>109,9</i>	<i>112,5</i>	<i>110,5</i>	<i>109,9</i>	<i>111,4</i>	<i>+3</i>	<i>+25</i>	<i>-8</i>
Защита демократии и укрепление свобод граждан															
Успешно	44,4	32,4	31,8	37,5	40,4	42,2	42,6	38,1	41,0	36,9	35,6	39,4	+2	+7	-5
Не успешно	37,0	48,3	51,0	45,4	41,5	38,3	41,7	44,3	43,7	44,3	45,3	42,9	-2	-5	+6
<i>Индекс успешности</i>	<i>107,4</i>	<i>84,1</i>	<i>80,8</i>	<i>92,1</i>	<i>99,0</i>	<i>103,9</i>	<i>100,9</i>	<i>93,8</i>	<i>97,3</i>	<i>92,6</i>	<i>90,3</i>	<i>96,5</i>	<i>+4</i>	<i>+12</i>	<i>-11</i>
Подъём экономики, рост благосостояния граждан															
Успешно	47,2	30,7	31,3	34,8	34,2	36,2	36,6	32,1	30,9	28,0	27,6	31,9	-3	+1	-15
Не успешно	39,1	56,1	56,8	53,4	52,3	49,9	52,6	54,3	55,7	57,0	57,9	54,6	+1	-2	+15
<i>Индекс успешности</i>	<i>108,1</i>	<i>74,6</i>	<i>74,5</i>	<i>81,4</i>	<i>81,8</i>	<i>86,3</i>	<i>84,0</i>	<i>77,8</i>	<i>75,2</i>	<i>71,0</i>	<i>69,7</i>	<i>77,3</i>	<i>-4</i>	<i>+3</i>	<i>-31</i>
* Ранжировано по среднему значению индекса успешности за 2015 г.															

За последние два месяца структура партийно-политических предпочтений населения существенно не изменилась. При этом увеличилась доля людей, считающих, что никакая партия на сегодняшний день не выражает их интересы (на 3 п.п., с 32 до 35%).

«Единая Россия» сохраняет за собой лидирующую позицию. Уровень ее поддержки примерно соответствует показателям 2014 г. (33–34%). Однако в краткосрочной динамике отмечаются негативные тенденции — за период с декабря 2015 по апрель 2016 г. удельный вес жителей области, отмечающих, что «Единая Россия» выражает их интересы, снизился на 5 п.п. (с 39 до 34%).

Позиции остальных партий остаются стабильными: поддержка ЛДПР составляет 7–8%, КПРФ — 7–9%, Справедливой России — 3–4%.

Какая партия выражает Ваши интересы? (в % от числа опрошенных)

Партии	2007	Выборы в ГД РФ 2007 г., факт	2011	Выборы в ГД РФ 2011 г., факт	2013	2014	2015	Июнь 2015	Авг. 2015	Окт. 2015	Дек. 2015	Фев. 2016	Апр. 2016	Среднее за последние 6 опросов	Изменение (+/-), последние 6 опросов по отношению к...		
															2014	2011	2007
Единая Россия	30,2	60,5	31,1	33,4	29,4	32,8	38,8	40,3	38,5	38,0	39,0	35,1	34,1	37,5	+5	+6	+7
ЛДПР	7,5	11,0	7,8	15,4	7,2	7,6	6,2	5,4	5,9	6,1	7,1	6,9	8,2	6,6	-1	-1	-1
КПРФ	7,0	9,3	10,3	16,8	11,3	9,7	7,1	6,8	7,1	6,9	6,5	9,4	7,2	7,3	-2	-3	0
Справедливая Россия	7,8	8,8	5,6	27,2	4,6	3,5	3,6	3,3	3,5	3,3	3,7	2,7	2,7	3,2	0	-2	-5
Другая	1,8	–	1,9	–	0,6	0,3	0,2	0,2	0,1	0,1	0,4	0,5	0,2	0,3	0	-2	-2
Никакая	17,8	–	29,4	–	34,9	34,4	31,8	32,5	33,8	32,3	30,5	31,7	34,9	32,6	-2	+3	15
Затрудняюсь ответить	21,2	–	13,2	–	10,2	11,7	12,2	11,6	11,1	13,3	12,9	13,7	12,7	12,6	+1	-1	-9

В феврале–апреле 2016 г. показатели социального самочувствия населения незначительно улучшились:

- доля людей, характеризующих свое настроение как «нормальное, прекрасное, ровное», увеличилась на 4 п.п. (с 63 до 67%);
- удельный вес считающих, что «все не так плохо и можно жить; жить трудно, но можно терпеть», возрос на 5 п.п. (с 78 до 73%);
- доля людей, субъективно относящих себя к «бедным и нищим» слоям населения, уменьшилась на 2 п.п. (с 51 до 49%).

Индекс потребительских настроений за период с февраля по апрель 2016 г. существенно не изменился (75–74 п.).

Оценки социального самочувствия в целом соответствуют уровню 2014–2015 гг.

Однако в краткосрочной динамике наблюдаются отдельные негативные тенденции. Так, за период с декабря 2015 по апрель 2016 г.:

- снизился удельный вес позитивных характеристик социального настроения (на 3 п.п., с 70 до 67%);
- увеличилась доля людей, отмечающих, что не могут терпеть свое «бедственное положение» (на 3 п.п., с 13 до 16%);
- уменьшился индекс потребительских настроений (на 4 пункта, с 78 до 74%).

Оценка социального состояния (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	2007	2011	2013	2014	2015	Июнь 2015	Авг. 2015	Окт. 2015	Дек. 2015	Фев. 2016	Апр. 2016	Среднее за последние 6 опросов	Изменение (+/-), последние 6 опросов по отношению к...		
													2014	2011	2007
Настроение															
Нормальное состояние, прекрасное настроение	63,6	63,1	68,6	69,4	68,7	69,5	73,1	70,4	69,6	63,4	67,0	68,8	-1	+6	+5
Испытываю напряжение, раздражение, страх, тоску	27,8	28,9	26,2	24,9	25,9	24,4	23,5	25,4	24,3	28,9	25,4	25,3	0	-4	-2
Запас терпения															
Всё не так плохо и жить можно; жить трудно, но можно терпеть	74,1	74,8	79,3	80,8	78,4	79,0	82,2	78,2	78,0	73,1	77,5	78,0	-3	+3	+4
Терпеть наше бедственное положение невозможно	13,6	15,3	14,2	12,6	14,5	14,7	13,3	13,9	12,7	16,1	16,4	14,5	+2	-1	+1
Социальная самоидентификация*															
Доля считающих себя людьми среднего достатка	48,2	43,1	43,9	43,2	38,7	39,4	39,9	39,2	38,9	39,9	40,9	39,7	-4	-3	-9
Доля считающих себя бедными и нищими	42,4	44,3	46,9	49,1	50,7	48,0	50,5	50,2	50,5	51,4	49,4	50,0	+1	+6	+8
Индекс потребительских настроений															
Значение индекса, в пунктах	105,9	89,6	90,3	87,6	77,1	80,1	77,9	77,7	77,7	75,0	74,4	77,1	-10	-12	-29

* Формулировка вопроса: «К какой категории Вы себя относите?»

В годовой динамике удельный вес людей, характеризующих свое настроение как «прекрасное, нормальное, ровное», остается стабильным с 2013 г. (69–70%) и более высоким, чем в 2007 и 2011 гг. (65–67%).

За последние два месяца во всех категориях (за исключением людей с высшим и незаконченным высшим образованием) произошли позитивные изменения. В том числе во всех доходных группах. Причем среди 20% наименее обеспеченных доля людей, позитивно характеризующих свое настроение, увеличилась на 8 п.п. (с 43 до 51%).

Тем не менее в отдельных социально-демографических категориях населения в краткосрочной ретроспективе отмечаются негативные изменения. Так, с декабря 2015 по апрель 2016 г. доля положительных оценок социального настроения уменьшилась:

- среди мужчин (на 3 п.п., с 70 до 67%);
- лиц в возрасте от 30 до 55 лет (на 3 п.п., с 69 до 66%);
- людей со средним и неполным средним (на 3 п.п., с 65 до 62%), а также с высшим и незаконченным высшим образованием (на 5 п.п., с 77 до 72%);
- жителей области, по самооценке доходов относящихся к группе 60% среднеобеспеченных (на 4 п.п., с 72 до 68%);
- жителей Вологды (на 5 п.п., с 74 до 69%).

Социальное настроение в различных социальных группах (вариант ответа «Прекрасное настроение, нормальное, ровное состояние», в % от числа опрошенных)

Категория населения	2007	2011	2013	2014	2015	Июнь 2015	Авг. 2015	Окт. 2015	Дек. 2015	Фев. 2016	Апр. 2016	Среднее за последние 6 опросов	Изменение (+/-), последние 6 опросов по отношению к...		
													2014	2011	2007
Пол															
Мужской	65,9	64,5	69,9	68,9	69,5	72,7	75,2	69,8	69,9	63,9	66,5	69,7	+1	+5	+4
Женский	61,7	62,0	67,5	69,8	68,0	66,8	71,3	70,9	69,2	63,1	67,5	68,1	-2	+6	+6
Возраст															
До 30 лет	71,3	70,0	75,5	75,1	77,1	79,4	78,9	82,8	76,9	69,9	75,4	77,2	+2	+7	+6
30-55 лет	64,8	62,5	69,2	69,5	67,2	67,6	72,1	68,0	69,0	62,1	66,0	67,5	-2	+5	+3
Старше 55 лет	54,8	58,3	62,4	65,4	65,5	65,9	70,8	66,0	65,9	61,5	63,7	65,6	0	+7	+11
Образование															
Среднее и н/среднее	58,4	57,4	60,6	62,5	63,6	64,0	70,2	65,7	64,6	57,8	62,4	64,1	+2	+7	+6
Среднее специальное	64,6	63,6	68,1	70,4	70,1	73,6	75,3	70,3	67,7	60,7	67,3	69,2	-1	+6	+5
Высшее и н/высшее	68,6	68,3	77,4	76,2	72,7	70,6	74,1	75,8	76,9	72,9	71,5	73,6	-3	+5	+5
Доходные группы															
20% наименее обеспеченных	51,6	45,3	46,2	50,8	51,8	57,1	55,7	54,2	49,8	42,6	51,3	51,8	+1	+6	0
60% средне-обеспеченных	62,9	65,3	71,9	72,3	71,0	71,3	77,7	70,1	72,2	66,3	67,6	70,9	-1	+6	+8
20% наиболее обеспеченных	74,9	75,3	83,3	84,8	82,0	82,5	85,1	87,1	78,8	77,9	81,0	82,1	-3	+7	+7
Территории															
Вологда	63,1	67,1	75,0	76,4	73,9	75,6	77,9	77,6	73,6	65,1	69,1	73,2	-3	+6	+10
Череповец	68,1	71,2	75,3	76,3	70,6	71,2	74,9	71,4	73,2	66,4	70,5	71,3	-5	0	+3
Районы	61,6	57,1	61,6	61,8	64,6	65,1	69,4	65,9	65,0	60,9	63,9	65,0	+3	+8	+3
Область	63,6	63,1	68,6	69,4	68,7	69,5	73,1	70,4	69,5	63,5	67,1	68,9	-1	+6	+5

Заключение

В феврале–апреле 2016 г. отмечается улучшение оценок социального самочувствия населения, что может быть связано как с наступлением весенних месяцев, так и с рядом событий, произошедших в марте 2016 г. (например, вывод основной части российских войск из Сирии, празднование второй годовщины вхождения Крыма в состав Российской Федерации). Тем не менее экономическая проблематика по-прежнему остается в центре внимания людей, что делает ее ключевым фактором в политической борьбе, разворачивающейся в преддверии думских выборов (сентябрь 2016 г.).

Оценка деятельности Президента и Правительства, а также поддержка партии «Единая Россия» за прошедшие два месяца существенно не изменились. Доля положительных суждений остается более высокой, чем в 2013–2014 гг., однако в краткосрочной динамике (с декабря 2015 по апрель 2016 г.) отмечаются незначительные негативные изменения. Это свидетельствует о росте требовательности населения. Как показывают результаты опросов ВЦИОМ, в обществе существует запрос на новую экономическую политику: «65% россиян считают, что властям следует разработать экономический курс, отличный от нынешнего. В обществе возникает усталость от того, что успехи или неудачи в экономике привязаны к нефтяной конъюнктуре, возвращению сырьевых цен на комфортный уровень. Очевидное большинство населения настроено на смену экономического курса, связывая этот поворот с опорой на внутренние ресурсы и на существенное стимулирование экономической активности»².

Дальнейшая динамика общественного мнения будет зависеть, во-первых, от того, насколько эффективно будет «совершенствоваться работа не только Правительства, но и всего государственного аппарата», особенно в части реализации «целевого метода в работе министерств и ведомств»³. Во-вторых, от того, насколько эффективно будут реализовываться основные положения Стратегии национальной безопасности – 2015, закрепляющей персональную ответственность Президента за реализацию ключевых приоритетов национальной безопасности, в том числе в сфере экономики, уровня и качества жизни.

Как отметил В. Путин, «нам нужно думать о том, как справиться с внутренними вопросами и проблемами, с дорогами, с решением проблем здравоохранения, образования, с развитием нашей экономики, с восстановлением её, с приданием ей необходимых темпов роста. Если мы это всё сделаем, то тогда нам не нужно будет ни с кем справляться, потому что в этом случае, – но надо сказать, что только в этом случае, – мы будем чувствовать себя неуязвимыми, перспективными людьми, которые хотят жить в этой стране и гордятся ею»⁴.

² Кризисная экономика: в поисках выхода: пресс-выпуск. – 2016. – №3046. – Февраль. – Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115594>

³ Стенограмма Прямой линии с Президентом РФ В.В. Путиным 14 апреля 2016 г. // Официальный сайт Президента РФ. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/51716>

⁴ Там же.

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

DOI: 10.15838/esc.2016.2.44.2

УДК 316.4.06:14, ББК 60.028.13+60.54-44

© Шабунова А.А., Калачикова О.Н., Леонидова Г.В., Смолева Е.О.

Эксклюзия как критерий выделения социально уязвимых групп населения*

**Александра Анатольевна
ШАБУНОВА**

доктор экономических наук, доцент
Институт социально-экономического развития территорий РАН
160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а
aas@vscc.ac.ru

**Ольга Николаевна
КАЛАЧИКОВА**

кандидат экономических наук
Институт социально-экономического развития территорий РАН
160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а
onk82@yandex.ru

**Галина Валентиновна
ЛЕОНИДОВА**

кандидат экономических наук, доцент
Институт социально-экономического развития территорий РАН
160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а
galinaleonidova@mail.ru

**Елена Олеговна
СМОЛЕВА**

Институт социально-экономического развития территорий РАН
160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а
riolenas@ramber.ru

* Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ №16-18-00078 «Механизмы преодоления ментальных барьеров инклюзии социально уязвимых категорий населения для активизации процессов модернизации регионального общества (2016–2018 гг.)».

Аннотация. Статья посвящена теоретическим аспектам научного исследования «Механизмы преодоления ментальных барьеров инклюзии социально уязвимых категорий населения для активизации процессов модернизации регионального сообщества» (грант РНФ № 16-18-00078). Авторами дан анализ сущности категории «социально уязвимые группы населения» с точки зрения правового, экономического и социологического подходов. Показано, что экономический подход, использующий при определении уязвимых слоев населения критерий «уровень доходов и накопленного имущества», является преобладающим в практике государственного управления. Правовое поле категории с опорой на экономический подход определено понятием «малоимущие и социально незащищенные категории граждан». На основе анализа теоретико-методологических аспектов данной проблемы показано, что эти критерии служат необходимым, но недостаточным условием для отнесения населения к категории социально уязвимого. В зарубежной литературе феномен уязвимости связывается с понятием рисков, возможностью ответа на них со стороны домохозяйств и вероятностью потери благосостояния (теории бедности; научные направления, связанные с источниками средств к существованию и т.д.). В концепции активов (asset-based approaches) уязвимость соотносится с состоянием бедности, возникающим вследствие недостаточного доступа к материальным и нематериальным активам. Социологические теории, представленные концепцией социального исключения, уделяют большое внимание распаду социальных связей как источнику уязвимости. Сущность социального исключения состоит в невозможности людей участвовать в важных для них аспектах социальной жизни (в политических процессах, рынках труда, системах образования и здравоохранения, культурной жизни общества и т.п.), на которые у них есть все права. Различие концепций эксклюзии и бедности проявляется в смещении акцента с неравенства доходов на ограничение доступа к правам. Социальная эксклюзия характеризуется ситуацией и состоянием исключения, которое связано с социальным статусом и самовосприятием человека и выражено чувствами неполноценности, озлобленности, страха, отчаяния, подавленности, стыда. Статус социального исключения имеет множество критериев: бедность, ограниченные возможности трудоустройства и образования, недостаточный доступ к социальным и общественным сетям и мероприятиям, невозможность планировать собственную жизнь. Объяснительная концепция социальной эксклюзии опирается на процессы конструирования отношения к социально уязвимым слоям населения как к обесцененному социальному статусу. Барьерами социальной инклюзии становится формирование негативного образа представителя данной категории населения в глазах более благополучного окружения и причинность этого явления состоит в индивидуальных особенностях личности: недостаточной целеустремленности, безволии, лени, низкой мотивации к труду и обучению, во вредных привычках. Сложившийся социальный стереотип способствует стратификации целых семей, включая детей, которые заранее лишаются важнейших экономических, политических и культурных ресурсов общества, блокируя им возможности восходящей мобильности. Непринятие мер по преодолению социального исключения может привести к тому, что часть населения будет выпадать из процессов общественного развития, скатываясь в состояние стагнации и полной социальной зависимости. Концепция социальной инклюзии смещает приоритеты социальной политики государства с выделения социальных трансфертов на активное изменение образа мышления в обществе.

Ключевые слова: социальное исключение (эксклюзия), социально уязвимые группы населения, малоимущие, концепция бедности, социальное вовлечение (инклюзия).

Актуальность

Ведущие российские ученые неоднократно заостряли внимание на неэкономических факторах (особенно тех, которые лежат в плоскости общественного сознания) экономического развития любого государства. Они играют «существенную и всё возрастающую роль среди факторов, определяющих содержание и вектор происходящих изменений во всем мире и в нашей стране»¹.

Сегодня российское общество вновь оказалось в круговороте коренных преобразований, определяющих вектор его модернизации и дальнейшего развития на ближайшие десятилетия. Речь идет о формировании национальной идентичности, сохранении государственного суверенитета, повышении роли общества в государственном управлении, преодолении «кризиса доверия» государственным и общественным институтам, отказе от прозападной идеологии «общества потребления» и возвращении к исконно русским корням развития, основанным на духовно-нравственных ценностях². В этой связи остро стоит вопрос модернизации общества, поиска путей интенсификации модернизационных процессов, которые сдерживаются как экономическими, так и социальными факторами³. Первым в научных исследованиях уделяется больше внимания. В то же время ментальные барьеры, стереотипы поведения населения (неэкономиче-

ские «агенты»), наряду с экономическими факторами, обуславливают не только уменьшение предложения рабочей силы, но и ограничение полной и эффективной реализации трудового потенциала, увеличение нагрузки на экономически активную часть населения, повышение социальной напряженности, создают общество неравных возможностей. Эксклюзия социально уязвимых групп населения также затрудняет модернизационные процессы, ограничивая использование их ресурсного потенциала. Рассмотрению теоретико-методологических основ эксклюзии, которая становится в этих условиях одним из краеугольных камней исследования, и посвящена данная статья.

Основные дефиниции

Следует отметить, что понятийный аппарат исследования включает ряд дефиниций, требующих теоретико-методологического обоснования. Во-первых, это понятие ментальности, поскольку и само понятие, и аппарат его эмпирического изучения являются малоразработанными⁴. Во-вторых, категория социально уязвимого населения, которое требует к себе особого внимания со стороны государства как объект социальной политики. Но какие группы российского общества и в соответствии с какими критериями могут быть отнесены к данной категории? В современном российском обществе существует огромный разрыв в обеспеченности различных групп населения экономическими, социальными, управленческими, культурными и иными видами ресурсов. Социально-экономические реформы 90-х гг. XX в., перманентные волны экономических, финансовых и политических кризисов XXI в. привели

¹ Осипов Г.В. Не упустить представившийся шанс! // Социология и экономика современной социальной реальности. Социальная и социально-политическая ситуация в России в 2013 году. — М.: ИСПИ РАН, 2013. — С. 17.

² Морев М.В., Короленко А.В. Субъективный фактор общественного развития как ключевой ресурс консолидации российского общества // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2014. — №5. — DOI: 10.15838/esc/2014.5.35.6.

³ Ильин В.А., Шабунова А.А. О некоторых тенденциях в экономическом развитии России и региона // Социс. — 2015. — №8. — С. 34-41.

⁴ Фирсов Б. Ментальные миры современного российского населения (статья третья) // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. — СПб., 2007. — №6. — С. 14-27.

к глубокой дифференциации российского общества, резкой поляризации доходов населения и утрате ресурсов частью россиян, вытеснению все больших слоев российского общества на периферию социального пространства. Происходящая сегодня в России трансформация социальной структуры регионального сообщества⁵ обусловлена существованием иерархии жизненных возможностей (привилегий и лишений) в распределении доступа к желаемым благам и ценностям: богатству, власти, престижу, знаниям⁶. Социально незащищенные или социально уязвимые категории населения оказались отчуждены от жизненных благ.

Понятие «социально уязвимые группы населения» применяется в юридической и экономической сфере, в практике деятельности благотворительных организаций. Теоретические исследования социальной уязвимости активно проводились за рубежом во второй половине прошлого века. Новый всплеск интереса к этой проблеме на Западе вызван инициированным в 1990-х гг. Всемирным банком изучением социальных рисков⁷. В России требования изменяющейся социальной практики также актуализировали проведение в начале 2000-х гг. исследований по вопросам уязвимости и оказания социальной помощи.

⁵ Под региональным сообществом мы понимаем сообщество людей, объединенных временными и территориальными условиями проживания, взаимодействующих между собой в рамках социальных институтов, групп и организаций в интересах региона и влияющих на формирование общественных отношений в нем. О региональном сообществе см. подробнее: Хомуха В.И. Институциональные детерминанты трансформации социальной структуры регионального сообщества: дис. ... канд. социол. наук. — Ставрополь, 2006. — 157 с.; Моталов Ю.Г. Региональное сообщество и этнические мигранты: социально-философский анализ соотношения потребностей: автореф. дис. ... канд. философ. н. — М., 2013. — 23 с.

⁶ Штомпка П. Понятие социальной структуры: попытка обобщения // Социологические исследования. — 2001. — №9. — С. 6.

⁷ Абрахамсон П. Социальная эксклюзия и бедность // Общественные науки и современность. — 2001. — №2.

Концепции социальной уязвимости

В западной научной литературе социально уязвимые группы населения (*socially vulnerable groups*) выделяются в соответствии с концепцией, трактующей уязвимость как реакцию на риски, в т.ч. социальные. К основным компонентам риска относят: а) непосредственно сами рискованные события; б) управление рисками; в) результат с точки зрения потери благосостояния. Ключевую роль играют показатели величины, сроков и истории рисков и реагирования на риски. Домашнее хозяйство может быть в состоянии смягчить риск или набор рисков либо справиться с ними в текущем периоде, но этот процесс может привести к ограниченной способности управлять рисками в последующие периоды, характеризующиеся нехваткой ресурсов⁸. Основные принципы концепции: перспективность (уязвимость определяется как вероятность переживания потери в будущем), временная зависимость, отношение к домашним хозяйствам в целом, зависимость степени уязвимости от характеристик риска и способности домохозяйства реагировать на риск, ограниченный доступ к активам и ограниченная возможность реагировать на риск. Решающее значение для понимания уязвимости домохозяйств имеет уязвимость отдельных лиц в рамках домохозяйства и ее динамика. Социальные действия могут снизить риск или степень подверженности риску, поэтому основным интересом социальной политики является исход процесса реагирования домохозяйства на риск с точки зрения потери благосостояния.

⁸ Holzmann R. and Jorgensen S. (1999). Social Protection as Social Risk Management: Conceptual Underpinnings for Social Protection Sector Strategy Paper // Social Protection Discussion Paper. — No. 9904 / The World Bank. — Washington: D.C.; Siegel P. and J. Alwang (1999). An Asset-Based Approach to Social Risk Management: A Conceptual Framework // Social Protection Discussion Paper. — No. 9926 / The World Bank. — Washington: D.C.

Экономический подход: концепции бедности

Экономические теории представляют уязвимость в рамках концепции бедности как результат реагирования на потенциальные угрозы. Уязвимые домохозяйства, по мнению экономистов, — те, которые перешли или могут перейти в состояние бедности или нищеты вследствие кумулятивного процесса риска и принятия ответных мер. Основным и наиболее удобным инструментом измерения уязвимости являются денежные показатели, особенно при оценке уязвимости к дефициту потребления. *Монетарный подход* использует показатели душевых доходов населения и прожиточный минимум как измерители уязвимости (концепции абсолютной бедности С. Бута, Л. Гордона, Н. Римашевской), а также медианный уровень экономического благосостояния (концепции относительной бедности П. Таусенда). Результаты исследования бедности и уязвимости населения Российской Федерации, проведенного авторским коллективом под рук. Л. Овчаровой, основаны на отнесении к бедным домохозяйств с доходами ниже прожиточного минимума, а остальные формы ограничения доступа к ресурсам предложено рассматривать как проявления уязвимости⁹.

При *немонетарном подходе* к измерению бедности как критерия уязвимости населения учитываются индексы возможностей и лишений, определяющие несоответствие уровня потребления отдельных домохозяйств принятому в обществе стандарту, отсутствие доступа к определенному набору благ.

⁹ Доходы и социальные услуги: неравенство, уязвимость, бедность: коллективная монография / рук. Л.Н. Овчарова; Независимый институт социальной политики. — М.: ГУ-ВШЭ, 2005.

Однако экономические концепции подвергаются критике именно за базовую предпосылку — что все потери могут быть измерены в денежном выражении. Теоретико-методологической проблемой концепции бедности является изучение лишь одного из многих аспектов уязвимости — уязвимости, получившей выражение в изменчивости доходов¹⁰. Исследователи считают, что измерения только доходов или потребления домохозяйств ограничивают анализ состояния уязвимости (А. Coudouel, J. Hentschel): «Уязвимость представляет собой широкое понятие, охватывающее не только уязвимость доходов, но и такие риски, как те, которые связаны со здоровьем, ... являются результатом насилия или социальной изоляции ...»¹¹

К теоретико-методологическим проблемам исследования уязвимости следует отнести необходимость учета динамики процесса и сложность сравнения различных видов уязвимости между собой вследствие несопоставимости отдельных категорий социальных рисков. Например, какой экономический критерий выбрать при сравнении уязвимости к болезни, социальным беспорядкам или к недостаточному образованию? Российские исследователи отмечают возникновение уязвимости к неуправляемой открытости российского общества, порождающей специфические риски, связанные с социальными страхами и тревогами по поводу пришедшей в жизнь нестабильности и неопределенности, а также опасений внешнего характера¹². Локальные войны, межэтнические конфликты, тер-

¹⁰ Coudouel A. and Hentschel J. (2000). Poverty Data and Measurement // Preliminary Draft for A Sourcebook on Poverty Reduction Strategies / The World Bank. — Washington: D.C., April. — P. 34.

¹¹ Ibid.

¹² Россия на новом переломе: страхи и тревоги / под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, В.В. Петухова. — М.: Альфа-М, 2009.

роризм, где бы они не имели место, обрачиваются опасностями практически для каждого россиянина. Кроме того, увеличивается производство новых маргинальных групп — людей не временно безработных, а тех, которые вообще не могут адаптироваться к культурным новациям открытого общества. При этом неизбежно возникают все новые социальные группы риска.

В качестве выхода рассматривают применение показателя «минимальный уровень качества жизни населения в различных сферах» и определение уязвимости как вероятности падения ниже этого уровня. Так, в работе L. Pritchitt (Лэнта Притчетта) с коллегами уязвимость определяется как риск того, что домашнее хозяйство будет переходить в состояние бедности по крайней мере один раз в течение следующих нескольких лет¹³. Уязвимость, таким образом, определяется как вероятность падения ниже порога бедности в течение определенного периода времени. При этом домохозяйства имеют большую или меньшую степень уязвимости. По времени, проведенному домохозяйством в состоянии ниже черты бедности, различают структурную (связанную с хронической бедностью) и временную уязвимость (A. Coudouel¹⁴, M. Ravallion)¹⁵. Недостатком данных предложений является необходимость измерения вероятности, связанной с будущими состояниями, для вычисления текущей уязвимости, что усложняет принятие управленческих решений.

¹³ Pritchitt L., Suryahadi A., and Sumarto S. (2000). Quantifying Vulnerability to Poverty: A Proposed Measure, Applied to Indonesia // Policy Research Working Paper #2437 / The World Bank. — Washington, D.C.

¹⁴ Coudouel A., Ezemenari K., Grosh M. and Sherburne-Benz L. (2000). Preliminary Draft for A Sourcebook on Poverty Reduction Strategies / The World Bank. — Washington, D.C. — April.

¹⁵ Ravallion M. (1998). Expected Poverty Under Risk-Induced Welfare Variability // Economic Journal, March. — 1173-1183.

Экономический подход: ресурсные концепции

В концепции, основанной на понятии активов (*asset-based approaches*), уязвимость связывается с состоянием бедности, которое рассматривается как следствие недостаточного доступа к материальным и нематериальным активам. Материальные активы включают в себя землю, труд, капитал, сбережения (т.е. природные, человеческие, физические и финансовые активы). Нематериальные активы включают в себя социальные, институциональные и политические отношения, социальную инфраструктуру, а также местоположение¹⁶. В основу этой концепции положена способность домохозяйств управлять рисками за счет расширения ответов на риск: «Уязвимость населения также зависит от его активов... Обналичивание этих активов во время кризиса помогает людям выжить. Различия в типах и объемах таких активов, принадлежащих различным домашним хозяйствам и частным лицам, объясняют частично различия в их уязвимости»¹⁷.

В концепциях, связанных с источниками средств к существованию (*livelihoods literature*), уязвимость имеет две стороны: внешнюю сторону рисков, ударов, стресса и внутреннюю сторону, которая проявляется как незащитность, отсутствие средств для смягчения ударов или невозможность обойтись без возникновения убытков¹⁸. Сторонники данной концепции различают также «структурную» (*structural vulnerability*) и «уточненную» (*proximate*

¹⁶ Siegel P. and Alwang J. (1999). An Asset-Based Approach to Social Risk Management: A Conceptual Framework // Social Protection Discussion Paper. — No. 9926 / The World Bank. — Washington, D.C. — P. 10-12.

¹⁷ Eade D., Williams S. (1995). The OXFAM Handbook of Development and Relief. — Oxfam Publications: Oxford. — P. 931.

¹⁸ Chambers R. (1989). Editorial Introduction: Vulnerability, Coping, and Policy // IDS Bulletin, 20(2): 1-7.

vulnerability) уязвимость¹⁹. Структурную уязвимость демонстрируют семьи, которые по своему составу более подвержены риску и стрессу (например, домашние хозяйства с нетрудоспособными членами): они сталкиваются с высокими рисками в инфраструктуре, имея при этом минимальные возможности для реагирования. Состояние уточненной уязвимости может меняться из года в год, т.к. уязвимость — это не устойчивое состояние, а развивающийся процесс²⁰.

Экономико-правовой подход

Несмотря на указанные выше недостатки, именно монетарный подход, вследствие четкости критериев и наличия статистической информации, получает закрепление в российском законодательстве. При определении социально уязвимых слоев населения в российских законах применяется достаточно широкая формулировка — «малоимущие и социально незащищенные категории граждан», как, например, в Налоговом кодексе Российской Федерации (п. 8 ст. 217, п. 14 ст. 251 НК РФ)²¹. Однако в федеральном и региональном законодательстве конкретизировано лишь понятие «малоимущие граждане» по критерию среднедушевого дохода семьи (дохода одиноко проживающего гражданина)²².

¹⁹ Davis A.P. (1996). Targeting the Vulnerable in Emergency Situations: Who is Vulnerable? *Lancet* 348(9031): 868-871.

²⁰ Davies S. (1996) *Adaptable Livelihoods. Coping with Food Insecurity in the Malian Sahel.* — New York: St. Martin's Press. — P. 24.

²¹ Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая): утв. 05.08.2000 № 117-ФЗ: (ред. от 15.02.2016) // КонсультантПлюс.

²² Ст. 5 Федерального закона от 20.08.2003 г. №512 «О порядке учета доходов и расчета среднедушевого дохода семьи и дохода одиноко проживающего гражданина для признания их малоимущими и оказания им государственной социальной помощи». Сам перечень видов доходов, учитываемых при расчете среднедушевого дохода семьи и дохода одиноко проживающего гражданина для оказания им государственной социальной помощи, утвержден Постановлением Правительства Российской Федерации от 20 августа 2003 г. №512 (в ред. постановления Правительства РФ от 30.12.2005 №847).

Семье присваивается статус малоимущей при значении среднедушевого дохода меньше прожиточного минимума. В этом случае человек (семья) получает право на адресную социальную помощь от государства. Таким образом, в соответствии с ФЗ от 20.08.2003 г. №512 к категории малоимущих семей (малоимущих одиноко проживающих граждан) относят лиц в состоянии нуждаемости независимо от демографических характеристик, социального статуса, наличия работы, состояния здоровья²³. Отдельные социально незащищенные категории граждан (несовершеннолетние в трудной жизненной ситуации, инвалиды и участники Великой Отечественной войны, ветераны боевых действий, блокадники, дети-сироты, инвалиды и др.) указаны в других федеральных законах²⁴.

При реализации экономико-правового подхода на практике органы государственной власти сталкиваются с множеством противоречий. Является ли признак отсутствия источника дохода необходимым и достаточным основанием для отнесения к социально уязвимым слоям населения? Ведь уровень среднедушевого дохода не считается достоверным критерием бедности. Уровень жизни определяется не только текущими денежными доходами, но и в целом имущественным положением. С точки зрения М.И. Маллаевой и Х.М. Хаджалова

²³ Кожевников Д.Е. Государственная социальная помощь малоимущим гражданам: правовые вопросы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.05. — Екатеринбург, 2010. — С. 13-14.

²⁴ Федеральный закон от 02.08.1995 № 122-ФЗ (ред. от 21.11.2011) «О социальном обслуживании граждан пожилого возраста и инвалидов»; Федеральный закон от 12.01.1995 (ред. от 16.10.2012) № 5-ФЗ «О ветеранах»; Федеральный закон от 21.12.1996 № 159-ФЗ (ред. от 29.02.2012) «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей»; Федеральный закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ (ред. от 03.12.2011) «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних».

гораздо нагляднее демонстрируют уровень жизни показатели «объема и структуры потребления»²⁵.

Социологический подход

Представители социологического подхода считают, что такие показатели, как доход или потребление, не в состоянии адекватно описать состояние уязвимости. Социологи чаще обсуждают уязвимость социальных групп с точки зрения их социально-демографических характеристик или социального статуса²⁶, а именно выявляют группы, которые в целом можно отнести к уязвимым (такие как пожилые люди, инвалиды, дети в трудной жизненной ситуации, семьи матерей-одиночек, многодетные семьи).

Социальный антрополог Кэролайн Мозер (С. Moser) определяет уязвимость как «отсутствие безопасности благосостояния отдельных лиц, семей или общин в условиях меняющейся среды»²⁷. Она отмечает, что концепция уязвимости более полно отражает процессы изменения, а анализ уязвимости включает в себя как саму угрозу, так и устойчивость к риску – способность использовать все возможности, чтобы противостоять угрозе и оправиться от негативных потрясений.

Социологи предлагают расширить определение активов и помимо физических и финансовых сфер включить в них социальный капитал и семейные отношения²⁸.

²⁵ Маллаева М.И., Хаджалов Х.М. Методические подходы к определению объектов социальной защиты населения // Вестник Дагестанского государственного университета. – 2011. – Вып. 5. – С. 22.

²⁶ Loughhead, S. and Mittai O. (2000). Urban Poverty and Vulnerability in India: A Social Perspective: Paper presented at the Urban Forum «Urban Poverty Reduction in the 21st Century» / Sponsored by the World Bank, April 3-5, 2000. Chantilly, Virginia.

²⁷ Moser C. The Asset Vulnerability Framework: Reassessing Urban Poverty Reduction Strategies // World Development. – 1998. – No. 26(1). – P. 2.

²⁸ Putnam R.D. (1993). Making Democracy Work: Civic Tradition in Modern Italy. – Princeton: Princeton University Press.

Ряд авторов обращает внимание, что индивидуальная уязвимость не может быть отделена от понятия «социальная уязвимость»²⁹, ибо наличие связей между отдельными людьми формирует коллективный характер уязвимости.

Концепция социального исключения (экс-клюдии)

Особенно большое внимание распаду социальных связей уделяется в *концепции социального исключения*. Одним из аспектов социальной уязвимости является утрата связи человека с остальной частью общества. И в этом случае можно говорить о его социальном исключении (социальной эксклюзии), под которым Э. Гидденс понимал «механизм, отделяющий группы людей от главного социального потока»³⁰. Термин «социальное исключение» был введен Р. Ленуаром в 1974 году в работе «Les Exclus» для обозначения ситуации, в которой находятся отверженные, не включенные в системы социального страхования государства всеобщего благосостояния, и акцентировал внимание на неравномерном распределении благ в обществе и доступе к его ресурсам.

Гражданско-правовая редакция концепции в разрезе социальных прав и социальной справедливости связала с социальной изоляцией отсутствие у человека (группы людей) доступа к правам. Если в экономической концепции бедности сущность социальной уязвимости связана с доходом и низким материальным уровнем жизни, то определение социальной эксклюзии связано с социальными правами, такими как право на труд, жилье, медицин-

²⁹ Dille M. (2000). Climate, Change, and Disasters, in Kreimer, A. and M. Arnold, eds Managing Disaster Risk in Emerging Economies / The World Bank. – Washington, D.C.; Morrow B.H. (1999) Identifying and Mapping Community Vulnerability. Disasters 23(1):1-18.

³⁰ Giddens A. The Third Way. The Renewal of Social Democracy. – Cambridge: Polity Press, 1998. – P. 105.

ские услуги или образование³¹. Согласно А. Сену, социальная эксклюзия возникает тогда, когда индивид лишается свободы предпринимать те действия, которые он считает необходимыми³². А. Сен делает акцент на объективном сокращении возможностей личности (*capabilities*). Сущность социального исключения состоит в невозможности людей участвовать в важных для них аспектах социальной жизни, на которые у них есть все права: участие в политических процессах, рынках труда, системах образования и здравоохранения, культурной жизни общества. В смещении акцента с неравенства доходов на ограничение доступа к правам проявляется различие концепций эксклюзии и бедности³³.

Люди могут столкнуться с двумя различными видами эксклюзии: возникающей как результат намеренной политики и практики в обществе («активная») или комбинации социальных процессов, не являющихся намеренной попыткой отторжения («пассивная»). Факторы, ведущие к активному социальному исключению: дискриминационные практики, неравное положение в иерархии власти и институциональные барьеры, препятствующие доступу к государственным услугам и политическому участию. Как утверждает З. Бауман, даже при самых демократических режимах государство претендует на «право исключать»³⁴. Результатом социального исключения, как активного, так и пассивного, может стать ограничение человеческих возможностей.

³¹ Lister R. (2004). *Poverty, Key Concepts*. — Cambridge: Polity Press.

³² Sen A. (2000). *Social Exclusion: Concept, Application and Scrutiny* // *Social Development Papers*. — No.1. Office of Environment and Social Development, Asian Development Bank.

³³ Более подробно о различиях концепций бедности и эксклюзии см. Абрахамсон П. Социальная эксклюзия и бедность // *Общественные науки и современность*. — 2001. — №2. — С. 160.

³⁴ Bauman Z. *Wasted lives. Modernity and its outcasts*. — Cambridge, UK: Polity, 2004. — P. 21.

Ограниченные возможности в одной сфере могут привести к лишениям в других сферах жизни, способствуя процессу социального исключения.

В последнее десятилетие опубликованы работы таких отечественных ученых, посвященные исследованию понятия социального исключения, как Ф. Бородкин (о ситуации и состоянии социальной эксклюзии), Н. Тихонова (о феномене социальной эксклюзии в России), В. Антонова, А. Дмитриева (анализ концептов социальной инклюзии и эксклюзии)³⁵. Вопросам междисциплинарного подхода к изучению социальной эксклюзии посвящены работы В. Шмидт³⁶. По мнению Н.Е. Тихоновой, описание происходящих сегодня в российском обществе процессов возможно с точки зрения вопросов «горизонтальной стратификации, индивидуализации рисков и социальной эксклюзии».

Согласно Ф. Бородкину, социальная эксклюзия характеризуется не только ситуацией отторжения, но и определенным состоянием, связанным с социальным статусом и самовосприятием человека, включающим чувство неполноценности, озлобленности, страха, отчаяния, подавленности, стыда³⁷. Статус социального исключения имеет множество критериев: бедность, ограниченные возможности трудоустройства и образования, недостаточ-

³⁵ Антонова В. Концепты социальной инклюзии и эксклюзии в глобальном обществе: дрейф по социальным институтам, акторам и практикам // *Журнал исследований социальной политики*. — 2013. — Том 11. — №2. — С. 151-170; Бородкин Ф.М. Социальные эксклюзии // *Социологический журнал*. — 2000. — № 3/4. — С. 5-17; Дмитриева А.В. Социальное выключение/исключение как принцип структуризации современного общества // *Социологический журнал*. — 2012. — №2. — С. 98-114; Тихонова Н.Е. Феномен социальной эксклюзии в условиях России // *Мир России*. — 2003. — №1. — С. 36-83.

³⁶ Шмидт В. Междисциплинарный подход к проблеме социальной эксклюзии // *Журнал исследований социальной политики*. — 2004. — Т. 2. — №4. — С. 547-566.

³⁷ Бородкин Ф.М. Социальные эксклюзии // *Социологический журнал*. — 2000. — № 3/4. — С. 6.

ный доступ к социальным и общественным сетям и мероприятиям, невозможность планировать собственную жизнь³⁸.

Концепция социальной эксклюзии помогает объяснить, почему не работают предложения экономической теории о преодолении бедности с помощью дотаций и пособий от государства. Дело в том, что люди, живущие на государственные пособия, подвергаются стигматизации и возрастает риск их отторжения от социальных ресурсов. Конструируется отношение к бедности как к обесцененному социальному статусу и причинность этого явления видится в индивидуальных особенностях личности: недостаточной целеустремленности, безволии, лени, низкой мотивации к труду и обучению, во вредных привычках. Формируется негативный образ представителя социально уязвимых групп в глазах более благополучного окружения — образ, демонстрирующий пессимизм, депрессивность, беспомощность, крайнюю бедность и неудачливость. Сложившийся социальный стереотип этой категории населения подвергает стратификации и их детей, заранее лишая важнейших экономических, политических и культурных ресурсов общества, блокируя им возможности восходящей мобильности.

Приведут ли риски к социальной уязвимости и социальной эксклюзии, зависит от социально-экономической политики государства, определяющей результат взаимодействия данных рисков с социальными нормами, социальными институтами и моделями поведения. Одно из решений проблемы — в изменении отношения в обществе к людям, нуждающимся в поддержке, изменение сознания и восприятия у самих представителей рассматриваемых нами категорий.

³⁸ Тихонова Н.Е. Феномен социальной эксклюзии в условиях России // Мир России. — 2003. — №1. — С. 40.

Критерии социальной уязвимости

По мнению многочисленных исследователей, к числу важнейших критериев определения социально уязвимых групп населения как объектов социальной защиты сегодня следует относить объективные причины, не позволяющие индивидам обеспечить себе достойное существование. Причины при этом могут быть самыми различными: состояние здоровья, социальный статус, потеря кормильца, временная или постоянная нетрудоспособность, возраст³⁹. Чаще всего они связаны с невозможностью осуществления индивидом трудовой деятельности и потерей в связи с этим источника средств существования. Поэтому ряд исследователей предлагает в качестве главного другой критерий социальной уязвимости населения — трудоспособность⁴⁰. Однако применение данного подхода к определению социально уязвимых групп населения также имеет недостатки. Например, нетрудоспособный гражданин может рассчитывать на поддержку семьи, а работник — получать очень низкую заработную плату, не обеспечивающую достойный уровень жизни. Как верно подмечено Н.М. Римашевской «... работающие бедные — это чисто российский феномен»⁴¹.

Второй момент, на котором бы хотелось заострить внимание, это уязвимость российской семьи. Вследствие повышенной

³⁹ Лукьянова Т.Н. Совершенствование региональной системы социальной защиты социально уязвимых слоев населения: дис. ... канд. эк. наук. — М., 2009; Мальцева Е.В. Социально уязвимые категории населения на рынке труда и организация их социальной защиты: дис. ... канд. эк. наук. — М., 2001; Сергеева Е.А. Социальная поддержка уязвимых семей (социологический анализ): дис. ... канд. соц. наук. — М., 2006; Покручина А.А. Политика социальной защиты уязвимых слоев населения (социологический анализ): дис. ... канд. соц. наук. — М., 2000.

⁴⁰ Маллаева М.И., Хаджалов Х.М. Методические подходы к определению объектов социальной защиты населения // Вестник Дагестанского государственного университета. — 2011. — Вып. 5. — С. 23.

⁴¹ Римашевская Н.М. Бедность и маргинализация населения // Социс. — 2004. — №4. — С. 7.

иждивенческой нагрузки в социально уязвимые группы населения часто попадают следующие категории семей: семьи с несовершеннолетними детьми, многодетные; неполные семьи; семьи, имеющие на попечении детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей; семьи с инвалидами, в т. ч. с детьми-инвалидами, а также семьи безработных; семьи одиноко проживающих престарелых; семьи вынужденных переселенцев. Поэтому работа с социально уязвимыми слоями населения должна быть частью семейной политики и основываться на тщательном определении групп семей, нуждающихся в социальной поддержке, и системе адресных мер ее осуществления. Кроме того, необходимо отдельно рассматривать категории, которые помимо низкого материального благополучия испытывают сильную дополнительную депривацию: бывшие заключенные, лица без определенного места жительства и др.

Учет региональной специфики

Возможно, следует связать социальную уязвимость не просто с низкими доходами, а с низким качеством жизни. В таком ракурсе появляются дополнительные критерии для выделения нуждающегося в социальной поддержке населения по причине того, что для современной России чрезвычайно важными факторами, влияющими на качество жизни населения, выступают характеристики регион (территория) и условия проживания. Наличие регионов с напряженной социально-политической обстановкой или неблагоприятными природно-климатическими условиями вызывает необходимость повышенного внимания к их жителям со стороны государства и даже выделения категорий населения (или семей), нуждающихся в социальной защите по критерию социально-территориального благополучия. Оно оказывает негативное воздействие на качество жизни, что в сово-

купности ставит на повестку дня вопрос о классификации территорий.

Регионы с напряженной социально-политической обстановкой характеризуются повышенной неустроенностью населения, вызванной военными действиями или активными миграционными процессами. Рост числа беженцев и вынужденных переселенцев, как представителей социально уязвимых слоев населения, относит регион к числу социально неблагополучных и повышает нагрузку на социальные статьи регионального бюджета.

К региональным факторам, способным повысить индивидуальные риски и повлиять на социальное исключение, относят: состояние рынка труда и базовой инфраструктуры, экологическую обстановку, обустроенность сельских поселений, связь между городом и селом, наличие социальных или межнациональных конфликтов.

Итак, под *социально уязвимыми категориями населения* мы понимаем группы населения, которые ограничены в настоящее время в доступе к материальным и нематериальным ресурсам или в отношении которых существует риск подвергнуться социальной эксклюзии в ближайшем будущем при отсутствии поддержки социума.

Инклюзия социально уязвимых категорий населения

Противоположностью социального исключения как процесса является инклюзия как расширение возможностей участия в экономических, социальных, культурных и гражданских процессах людей, находящихся на периферии общества. Она предполагает интеграцию исключенных групп населения в учреждения и социальные сети с помощью следующих методов:

1. Повышение доступности для всех жителей региона основных услуг, соответствующих реальным потребностям и адап-

тированным к изменяющимся условиям и специфике индивида. Прежде всего, речь идет о качественном и доступном образовании, здравоохранении, жилье, коммунальных, транспортных и санитарных услугах. Для социального вовлечения очень важно понимать инерционность систем образования и их потенциальную роль в цепи социального отторжения.

2. Расширение возможностей трудоустройства для населения, подверженного риску социального отторжения, улучшение профессионального образования, активная политика на рынке труда, развитие социальной экономики.

3. Изменение образа мышления в обществе, возрастание уровня толерантности.

4. Изменение образа мышления социально уязвимых групп населения для активизации их вовлечения в жизнь общества.

5. Вовлечение граждан в управление государством на разных уровнях. Представители социально уязвимых групп населения должны участвовать в принятии решений, которые влияют на их жизнь и доступ к основным правам.

6. Ориентация на экономический рост регионов.

Резюме

Подводя итоги, мы констатируем тот факт, что превалирующий в практике государственного управления экономико-правовой подход к проблеме социальной уязвимости, основанный на понятии абсолютной бедности и критерии «низкий уровень дохода», имеет ряд существенных недостатков. Во-первых, он подвергается критике научного сообщества за подмену социальной уязвимости понятием экономической неустроенности. Последние работы в этой области показывают ограниченность «финансового» («денежного») подхода к проблеме — показатель уровня

дохода не является необходимым и достаточным для определения социальной уязвимости.

Во-вторых, при таком подходе оказание поддержки со стороны государства малоимущему населению выражается в выделении социальных трансфертов, что влечет за собой закрепление иждивенческой позиции реципиентов государственной помощи и вызывает рост социального напряжения в региональном сообществе. Управленческие решения в области социальной политики должны приниматься на основе анализа экономических индикаторов, критериев риска социального исключения для домохозяйств и возможности реагирования на него.

В соответствии с вышеизложенным необходимо, на наш взгляд, разработать более четкие критерии, позволяющие относить к категории социально уязвимых те слои населения, кто нуждается в защите и поддержке со стороны общества. Основанием для разработки критериев должна послужить концепция социальной эксклюзии, что находит подтверждение в смене ракурса исследований с традиционной для экономики концепции бедности как статического явления (недостаточного уровня потребления) на изучение социальной эксклюзии — динамического процесса исключения. Непринятие мер по преодолению социального исключения может привести к тому, что часть населения будет выпадать из процессов общественного развития, скатываясь в состояние стагнации и полной социальной зависимости, тем самым ограничивая модернизацию регионального сообщества. Использование концепции социальной эксклюзии смещает приоритеты социальной политики государства с выделения социальных трансфертов на активное изменение образа мышления в об-

ществе и ментальности населения России. Изменения должны коснуться всех областей социального отторжения — исключения из экономической жизни, социальных услуг, гражданского общества, социальной

жизни и сетей. Новые ценностные установки и стереотипы поведения будут способствовать консолидации различных слоев населения и активизации модернизационных процессов.

Литература

1. Абрахамсон, П. Социальная эксклюзия и бедность [Текст] / П. Абрахамсон // *Общественные науки и современность*. — 2001. — №2. — С. 158-166.
2. Антонова, В. Концепты социальной инклюзии и эксклюзии в глобальном обществе: дрейф по социальным институтам, акторам и практикам [Текст] / В. Антонова // *Журнал исследований социальной политики*. — 2013. — Том 11. — №2. — С. 151-170.
3. Бородкин, Ф.М. Социальные эксклюзии [Текст] / Ф.М. Бородкин // *Социологический журнал*. — 2000. — №3/4. — С. 5-17.
4. Дмитриева, А.В. Социальное выключение/исключение как принцип структуризации современного общества [Текст] / А.В. Дмитриева // *Социологический журнал*. — 2012. — №2. — С. 98-114.
5. Ильин, В.А. О некоторых тенденциях в экономическом развитии России и региона [Текст] / А.А. Ильин, А.А. Шабунова // *Социс*. — №8. — 2015. — С. 34-41.
6. Кожевников, Д.Е. Государственная социальная помощь малоимущим гражданам: правовые вопросы [Электронный ресурс]: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.05 / Д.Е. Кожевников. — Екатеринбург, 2010. — Режим доступа: <http://www.dslib.net/trud-pravo/gosudarstvennaja-socialnaja-pomow-maloimuwim-grazhdanam-pravovye-voprosy.html>.
7. Лукьянова, Т.Н. Совершенствование региональной системы социальной защиты социально уязвимых слоев населения [Электронный ресурс]: дис. ... канд. экон. наук / Т.Н. Лукьянова. — М., 2009. — Режим доступа: <http://www.dslib.net/economika-xoziajstva/sovershenstvovanie-regionalnoj-sistemy-socialnoj-zawity-socialno-ujazvimyh-sloev.html>.
8. Маллаева, М.И. Методические подходы к определению объектов социальной защиты населения [Текст] / М.И. Маллаева, Х.М. Хаджалов // *Вестник Дагестанского государственного университета*. — 2011. — Вып. 5. — С. 21-25.
9. Мальцева, Е.В. Социально уязвимые категории населения на рынке труда и организация их социальной защиты [Электронный ресурс]: дис. ... канд. экон. наук / Е.В. Мальцева. — М., 2001. — Режим доступа: <http://www.dslib.net/economika-xoziajstva/socialno-ujazvimye-kategorii-naselenija-na-rynke-truda-i-organizacija-ih-socialnoj.html>.
10. Морев, М.В. Субъективный фактор общественного развития как ключевой ресурс консолидации российского общества [Текст] / М.В. Морев, А.В. Короленко // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. — 2014. — №5. — DOI: 10.15838/esc/2014.5.35.6
11. Моталов, Ю.Г. Региональное сообщество и этнические мигранты: социально-философский анализ соотношения потребностей [Электронный ресурс]: автореф. дис. ... канд. философ. наук / Ю.Г. Моталов. — М., 2013. — Режим доступа: <http://www.dslib.net/soc-filosofia/regionalnoe-soobwestvo-i-jetnicheskie-migranty-socialno-filosofskij-analiz.html>.
12. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая): утв. 05.08.2000 № 117-ФЗ: (ред. от 15.02.2016) [Электронный ресурс] // *КонсультантПлюс*.
13. Осипов, Г.В. Не упустить представившийся шанс! [Текст] / Г.В. Осипов // *Социология и экономика современной социальной реальности. Социальная и социально-политическая ситуация в России в 2013 году*. — М.: ИСПИ РАН, 2013. — С. 17.
14. Постановление Правительства Российской Федерации от 20 августа 2003 г. № 512 (в ред. Постановления Правительства РФ от 30.12.2005 №847) [Электронный ресурс] // *КонсультантПлюс*.
15. Покручина, А.А. Политика социальной защиты уязвимых слоев населения (социологический анализ) [Электронный ресурс]: дис. ... канд. соц. наук / А.А. Покручина. — М., 2000. — Режим доступа: <http://www.disscat.com/content/politika-sotsialnoi-zashchity-uyazvimykh-sloev-naseleniya-sotsiologicheskii-analiz>.
16. Римашевская, Н.М. Бедность и маргинализация населения [Текст] / Н.М. Римашевская // *Социс*. — 2004. — №4. — С. 33-44.

17. Сергеева, Е.А. Социальная поддержка уязвимых семей (социологический анализ) [Электронный ресурс]: дис. ... канд. соц. наук / Е.А. Сергеева. – М., 2006. – Режим доступа: <http://www.dslib.net/soc-struktura/socialnaja-podderzhka-uzjazvimyh-semej.html>.
18. Тихонова, Н.Е. Феномен социальной эксклюзии в условиях России [Текст] / Н.Е. Тихонова // Мир России. – 2003. – №1. – С. 36-83.
19. Федеральный закон от 02.08.1995 № 122-ФЗ (ред. от 21.11.2011) «О социальном обслуживании граждан пожилого возраста и инвалидов» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс.
20. Федеральный закон от 12.01.1995 (ред. от 16.10.2012) № 5-ФЗ «О ветеранах» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс.
21. Федеральный закон от 20.08.2003 г. № 512-ФЗ «О порядке учета доходов и расчета среднедушевого дохода семьи и дохода одиноко проживающего гражданина для признания их малоимущими и оказания им государственной социальной помощи» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс.
22. Федеральный закон от 21.12.1996 № 159-ФЗ (ред. от 29.02.2012) «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс.
23. Федеральный закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ (ред. от 03.12.2011) «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс.
24. Фирсов, Б. Ментальные миры современного российского населения (статья третья) [Текст] / Б. Фирсов // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. – СПб., 2007. – №6. – С. 14-27.
25. Хомуха, В.И. Институциональные детерминанты трансформации социальной структуры регионального сообщества [Электронный ресурс]: дис. ... канд. социол. наук / В.И. Хомуха. – Ставрополь, 2006. – 157 с. – Режим доступа: <http://www.dslib.net/soc-struktura/institucionalnye-determinanty-transformacii-socialnoj-struktury-regionalnogo.html>
26. Шмидт, В. Междисциплинарный подход к проблеме социальной эксклюзии [Текст] / В. Шмидт // Журнал исследований социальной политики. – 2004. – Т. 2. – №4. – С. 547-566.
27. Штомпка, П. Понятие социальной структуры: попытка обобщения [Текст] / П. Штомпка // Социологические исследования. – 2001. – №9. – С. 3-13.
28. Chambers, R. (1989). Editorial Introduction: Vulnerability, Coping, and Policy: IDS Bulletin, 20(2): 1-7.
29. Coudouel, A. and J. Hentschel (2000). Poverty Data and Measurement. Preliminary Draft for A Sourcebook on Poverty Reduction Strategies. The World Bank: Washington, D.C. April.
30. Coudouel, A., K. Ezemenari, M. Grosh, and L. Sherburne-Benz (2000). Preliminary Draft for A Sourcebook on Poverty Reduction Strategies. The World Bank: Washington, D.C. April.
31. Davies, S. (1996) Adaptable Livelihoods. Coping with Food Insecurity in the Malian Sahel. New York: St. Martin's Press. P. 24.
32. Davis, A.P. (1996). Targeting the Vulnerable in Emergency Situations: Who is Vulnerable? Lancet 348(9031): 868-871.
33. Dilley, M. (2000). Climate, Change, and Disasters, in Kreimer, A. and M. Arnold, eds Managing Disaster Risk in Emerging Economies. The World Bank: Washington, D.Cю
34. Eade D., Williams S. (1995). The OXFAM Handbook of Development and Relief. Oxfam Publications: Oxford.
35. Giddens, A. (1979). Central Problems in Social Theory: Action, Structure and Contradiction in Social Analysis. Berkeley: University of California Press.
36. Giddens, A. (1998). The Third Way. The Renewal of Social Democracy. – Cambridge: Polity Press.
37. Holzmann, R. and S. Jorgensen (1999). “Social Protection as Social Risk Management: Conceptual Underpinnings for Social Protection Sector Strategy Paper.” Social Protection Discussion Paper No. 9904. The World Bank: Washington, D.C.;
38. Lister, R. (2004), Poverty, Key Concepts, Cambridge: Polity Press.
39. Loughhead, S. and O. Mittai (2000). “Urban Poverty and Vulnerability in India: A Social Perspective.” Paper presented at the Urban Forum: Urban Poverty Reduction in the 21st Century, Sponsored by the World Bank, April 3-5, 2000. Chantilly, Virginia.
40. Morrow, B.H. (1999) “Identifying and Mapping Community Vulnerability.” Disasters 23(1):1-18.
41. Moser, C. (1998). The Asset Vulnerability Framework: Reassessing Urban Poverty Reduction Strategies. World Development. 26(1). P. 1-19. P. 2.

42. Paugam, S. (1996). Poverty and Social Disqualification: a Comparative Analysis of Cumulative Social Disadvantage in Europe // Journal of European Social Policy. Vol. 6. № 4.
43. Pritchitt, L., A. Suryahadi, and S. Sumarto. (2000). Quantifying Vulnerability to Poverty: A Proposed Measure, Applied to Indonesia. Policy Research Working Paper #2437. The World Bank: Washington, D.C.
44. Putnam, R.D. (1993). Making Democracy Work: Civic Tradition in Modern Italy. Princeton: Princeton University Press.
45. Ravallion, M. (1998). Expected Poverty Under Risk-Induced Welfare Variability. Economic Journal, March: 1173-1183.
46. Sen, A. (2000). Social Exclusion: Concept, Application and Scrutiny, Social Development Papers No.1. Office of Environment and Social Development, Asian Development Bank.
47. Siegel, P. and J. Alwang (1999). An Asset-Based Approach to Social Risk Management: A Conceptual Framework. Social Protection Discussion Paper No. 9926. The World Bank: Washington, D.C. P. 10-12.

Сведения об авторах

Александра Анатольевна Шабунова – доктор экономических наук, доцент, врио директора, Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук (160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, aas@vscc.ac.ru)

Ольга Николаевна Калачикова – кандидат экономических наук, заведующий лабораторией, Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук (160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, onk82@yandex.ru)

Галина Валентиновна Леонидова – кандидат экономических наук, доцент, заведующий лабораторией, Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук (160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, galinaleonidova@mail.ru)

Елена Олеговна Смолева – научный сотрудник, Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук (160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, riolenas@ramber.ru)

© Shabunova A.A., Kalachikova O.N., Leonidova G.V., Smoleva E.O.

Exclusion as a Criterion for Selecting Socially Vulnerable Population Groups

Aleksandra Anatol'evna Shabunova – Doctor of Economics, Associate Professor, Interim Director, Institute of Socio-Economic Development of Territories of Russian Academy of Science (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation, aas@vscc.ac.ru)

Ol'ga Nikolaevna Kalachikova – Ph.D. in Economics, Head of the Laboratory for Management in the Social Sphere, Department for Studies of Lifestyles and Standards of Living, Institute of Socio-Economic Development of Territories of Russian Academy of Science (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation, onk82@yandex.ru)

Galina Valentinovna Leonidova – Ph.D. in Economics, Associate Professor, Head of the Laboratory for the Studies of Labor Potential Development, Institute of Socio-Economic Development of Territories of Russian Academy of Science (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation, galinaleonidova@mail.ru)

Elena Olegovna Smoleva – Research Associate at the Department for Studies of Lifestyles and Standards of Living, Institute of Socio-Economic Development of Territories of Russian Academy of Science (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation, riolenas@ramber.ru)

Abstract. The article considers theoretical aspects of a scientific research “The Mechanisms for Overcoming Mental Barriers of Inclusion of Socially Vulnerable Categories of the Population for the Purpose of Intensifying Modernization in the Regional Community” (RSF grant No. 16-18-00078). The authors analyze the essence of the category of “socially vulnerable groups” from the legal, economic and sociological perspectives. The paper shows that the economic approach that uses the criterion “the level of income and accumulated assets” when defining vulnerable population groups prevails in public administration practice. The legal field of the category based on the economic approach is defined by the concept of “the poor and socially unprotected categories of citizens”. With the help of the analysis of theoretical and methodological aspects of this issue, the authors show that these criteria are a necessary but not sufficient condition for classifying the population as being socially vulnerable. Foreign literature associates the phenomenon of vulnerability with the concept of risks, with the possibility of households responding to them and with the likelihood of losing the well-being (poverty theory; research areas related to the means of subsistence, etc.). The asset-based approaches relate vulnerability to the poverty that arises due to lack of access to tangible and intangible assets. Sociological theories presented by the concept of social exclusion pay much attention to the breakdown of social ties as a source of vulnerability. The essence of social exclusion consists in the inability of people to participate in important aspects of social life (in politics, labor markets, education and healthcare, cultural life, etc.) though they have all the rights to do so. The difference between the concepts of exclusion and poverty is manifested in the displacement of emphasis from income inequality to limited access to rights. Social exclusion is characterized by the situation and state of exception that is linked to social status and self-perception of human rights and expressed through the senses of inferiority, anger, fear, despair, depression, shame. The status of social exclusion has many criteria: poverty, limited opportunities for employment and education, lack of access to social and community networks and activities, inability to plan one’s own life. The explanatory concept of social exclusion is based on the construction of the attitude toward socially vulnerable layers as the devalued social status. The barrier of social inclusion consists in the formation of a negative image of a representative of this category of the population in the eyes of more secure population groups; and the reason for this phenomenon lies in individual characteristics of an individual: lack of purpose, apathy, laziness, low motivation to labor and training, and bad habits. The prevailing social stereotype contributes to the stratification of entire families, including children, who are in advance deprived of the most important economic, political and cultural resources of society, and have no opportunities for the upward mobility. If no measures are taken to overcome social exclusion, it can lead to the fact that part of the population will fall out of social development and slip into a state of stagnation and complete social dependence. The concept of social inclusion shifts the priorities of state social policy from the allocation of social transfers to actively changing the mindset in society.

Key words: social exclusion, socially vulnerable groups, the poor, poverty concept, social inclusion.

References

1. Abrahamson P. Sotsial'naya eksklyuziya i bednost' [Social Exclusion and Poverty]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Modernity], 2001, no. 2, pp. 158-166.
2. Antonova V. Kontsepty sotsial'noi inklyuzii i eksklyuzii v global'nom obshchestve: dreif po sotsial'nym institutam, aktoram i praktikam [The Concepts of Social Inclusion and Exclusion in Global Society: the Overview of Social Institutions, Actors and Practices]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noi politiki* [Journal of Social Policy Studies], vol. 11, no. 2, pp. 151-170.
3. Borodkin F.M. Sotsial'nye eksklyuzii [Social Exclusion]. *Sotsiologicheskii zhurnal* [Sociological Journal], 2000, no. 3/4, pp. 5-17.

4. Dmitrieva A.V. Sotsial'noe vyklyuchenie/isklyuchenie kak printsip strukturatsii sovremennogo obshchestva [Social Exclusion as a Principle of Structuration of Modern Society]. *Sotsiologicheskii zhurnal* [Sociological Journal], 2012, no. 2, pp. 98-114.
5. Ilyin, V.A., Shabunova A.A. O nekotorykh tendentsiyakh v ekonomicheskom razvitii Rossii i regiona [About Some Trends in Economic Development of Russia and the Region]. *Sotsis* [Sociological Studies], 2015, no. 8, pp. 34-41.
6. Kozhevnikov D.E. *Gosudarstvennaya sotsial'naya pomoshch' maloimushchim grazhdanam: pravovye voprosy: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. 12.00.05* [State Social Assistance to Needy Citizens: Legal Issues: Ph.D. in Law Dissertation Abstract]. Yekaterinburg, 2010. Available at: <http://www.dslib.net/trud-pravo/gosudarstvennaja-socialnaja-pomow-maloimuwim-grazhdanam-pravovye-voprosy.html>
7. Luk'yanova T.N. *Sovershenstvovanie regional'noi sistemy sotsial'noi zashchity sotsial'no uyazvimykh sloev naseleniya: dis. ... kand. ek. nauk* [Improvement of the Regional System for Social Protection of Socially Vulnerable Population Groups: Ph.D. in Economics Dissertation]. Moscow, 2009. Available at: <http://www.dslib.net/economika-xoziajstva/sovershenstvovanie-regionalnoj-sistemy-socialnoj-zawity-socialno-ujazvimyh-sloev.html>
8. Mallaeva M.I., Khadzhalov Kh.M. Metodicheskie podkhody k opredeleniyu ob"ektov sotsial'noi zashchity naseleniya [Methodological Approaches to the Definition of Objects of Social Protection]. *Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta* [Dagestan State University Bulletin], 2011, no. 5, pp. 21-25.
9. Mal'tseva E.V. *Sotsial'no uyazvimye kategorii naseleniya na rynke truda i organiza-tsiya ikh sotsial'noi zashchity: dis. ... kand. ek. nauk* [Socially Vulnerable Categories of Population in the Labor Market, and Organization of Their Social Protection: Ph.D. in Economics Dissertation]. Moscow, 2001. Available at: <http://www.dslib.net/economika-xoziajstva/socialno-ujazvimye-kategorii-naseleniya-na-rynke-truda-i-organizacija-ih-socialnoj.html>
10. Morev M.V., Korolenko A.V. Sub"ektivnyi faktor obshchestvennogo razvitiya kak klyuchevoi resurs konsolidatsii rossiiskogo obshchestva [Subjective Factor in Social Development as a Key Resource for the Consolidation of the Russian Society]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 2014, no. 5. DOI: 10.15838/esc/2014.5.35.6
11. Motalov Yu.G. *Regional'noe soobshchestvo i etnicheskie migranty: sotsial'no-filosofskii analiz sootnosheniya potrebnosti: avtoref. dis. ... kand. filosof. n.* [Regional Community and Ethnic Migrants: A Socio-Philosophical Analysis of the Correlation of the Needs: Ph.D. in Philosophy Dissertation Abstract]. Moscow, 2013. Available at: <http://www.dslib.net/soc-filosofia/regionalnoe-soobwestvo-i-jetnicheskie-migranty-socialno-filosofskij-analiz.html>
12. Nalogovyi kodeks Rossiiskoi Federatsii (chast' vtoraya) ot 05.08.2000 N 117-FZ (red. ot 15.02.2016) [Tax Code of the Russian Federation (Part 2) of August 05, 2000 No. 117-FZ]. *Konsul'tantPlyus* [ConsultantPlus Legal Reference System].
13. Osipov G.V. Ne upustit' predstavivshiysya shans! [Do Not Miss This Chance!]. *Sotsiologiya i ekonomika sovremennoi sotsial'noi real'nosti. Sotsial'naya i sotsial'no-politicheskaya situatsiya v Rossii v 2013 godu* [Sociology and Economics of Contemporary Social Reality. Social and Socio-Political Situation in Russia in 2013]. Moscow: ISPI RAN, 2013. P. 17.
14. Postanovlenie Pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii ot 20 avgusta 2003 g. N 512 (v red. Postanovleniya Pravitel'stva RF ot 30.12.2005 N 847) [The Decree of the Government of the Russian Federation of August 20, 2003 No. 512 (as Amended by the Decree of the Government of the Russian Federation of December 30, 2005 No. 847)]. *Konsul'tantPlyus* [ConsultantPlus Legal Reference System].
15. Pokruchina A.A. *Politika sotsial'noi zashchity uyazvimykh sloev naseleniya (sotsiolo-gicheskii analiz): dis. ... kand. sots. nauk* [Policy of Social Protection of Vulnerable Population Groups (Sociological Analysis): Ph.D. in Sociology Dissertation]. Moscow, 2000. Available at: <http://www.disscat.com/content/politika-sotsialnoi-zashchity-uyazvimykh-sloev-naseleniya-sotsiologicheskii-analiz>
16. Rimashevskaya N.M. Bednost' i marginalizatsiya naseleniya [Poverty and Marginalization of the Population]. *Sotsis* [Sociological Studies], 2004, no. 4, pp. 33-44.
17. Sergeeva E.A. *Sotsial'naya podderzhka uyazvimykh semei (sotsiologicheskii analiz): dis. ... kand. sots. nauk* [Social Support of Vulnerable Families (Sociological Analysis): Ph.D. in Sociology Dissertation]. Moscow, 2006. Available at: <http://www.dslib.net/soc-struktura/socialnaja-podderzhka-ujazvimyh-semej.html>
18. Tikhonova N.E. Fenomen sotsial'noi eksklyuzii v usloviyakh Rossii [The Phenomenon of Social Exclusion in Russia]. *Mir Rossii* [World of Russia], 2003, no. 1, pp. 36-83.

19. Federal'nyi zakon ot 02.08.1995 N 122-FZ (red. ot 21.11.2011) "O sotsial'nom obsluzhivanii grazhdan pozhilogo vozrasta i invalidov" [Federal Law of August 02, 1995 No. 122-FZ (as Amended on November 21, 2011) "On social Services provided to the Elderly and Disabled"]. *Konsul'tantPlyus* [ConsultantPlus Legal Reference System].
20. Federal'nyi zakon ot 12.01.1995 (red. ot 16.10.2012) N 5-FZ "O veteranakh" [Federal Law of January 12, 1995 (as Amended on October 16, 2012) No. 5-FZ "On Veterans"]. *Konsul'tantPlyus* [ConsultantPlus Legal Reference System].
21. Federal'nyi zakon ot 20.08.2003 g. № 512-FZ "O poryadke ucheta dokhodov i rascheta srednedushevogo dokhoda sem'i i dokhoda odinoko prozhivayushchego grazhdanina dlya priznaniya ikh maloimushchimi i okazaniya im gosudarstvennoi sotsial'noi pomoshchi" [Federal Law of August 20, 2003 No. 512-FZ "On the Procedure of Accounting the Income and Calculating the Average Per Capita Family Income and Income of Citizens who Live Alone for the Purpose of Recognizing Them Poor and Grant Them State Social Assistance"]. *Konsul'tantPlyus* [ConsultantPlus Legal Reference System].
22. Federal'nyi zakon ot 21.12.1996 N 159-FZ (red. ot 29.02.2012) "O dopolnitel'nykh garantiyakh po sotsial'noi podderzhke detei-sirot i detei, ostavshikhsya bez popecheniya roditel'ei" [Federal Law of December 21, 1996 No. 159-FZ (as Amended on February 29, 2012) "On Additional Guarantees on Social Support of Orphaned Children and Children Left without Support of Their Parents"]. *Konsul'tantPlyus* [ConsultantPlus Legal Reference System].
23. Federal'nyi zakon ot 24.06.1999 N 120-FZ (red. ot 03.12.2011) "Ob osnovakh sistemy profilaktiki beznadzornosti i pravonarushenii nesovershennoletnikh" [Federal Law of June 24, 1999 No. 120-FZ (as Amended on December 03, 2011) "On the Fundamentals of the System for Preventing Child Neglect and Juvenile Delinquency"]. *Konsul'tantPlyus* [ConsultantPlus Legal Reference System].
24. Firsov B. Mental'nye miry sovremennogo rossiiskogo naseleniya (stat'ya tret'ya) [Mental Worlds of the Contemporary Russian Population (Article Number Three)]. *Teleskop: zhurnal sotsiologicheskikh i marketingovykh issledovaniy* [Telescope: A Journal of Sociological and Marketing Research], 2007, no. 6, pp. 14 – 27.
25. Khomukha V.I. *Institutsional'nye determinanty transformatsii sotsial'noi struk-tury regional'nogo soobshchestva: dis. ... kand. sotsiol. nauk* [Institutional Determinants of Transformation of the Social Structure of Regional Community: Ph.D. in Sociology Dissertation]. Stavropol, 2006. 157 p. Available at: <http://www.dslib.net/soc-struktura/institucionalnye-determinanty-transformacii-socialnoj-struktury-regionalnogo.html>
26. Shmidt V. Mezhdistsiplinarnyi podkhod k probleme sotsial'noi eksklyuzii [Interdisciplinary Approach to the Issue of Social Exclusion]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noi politiki* [The Journal of Social Policy Studies], 2004, vol. 2, no. 4, pp. 547-566.
27. Sztompka P. Ponyatie sotsial'noi struktury: popytka obobshcheniya [The Concept of Social Structure: An Attempt to Generalize]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2001, no. 9, pp. 3-13.
28. Chambers R. Editorial Introduction: Vulnerability, Coping, and Policy. *IDS Bulletin*, 1989, vol. 20, no. 2, pp 1-7.
29. Coudouel A., Hentschel J. *Poverty Data and Measurement. Preliminary Draft for a Sourcebook on Poverty Reduction Strategies*. The World Bank, Washington, D.C. 2000. April.
30. Coudouel A., Ezemenari K., Grosh M., Sherburne-Benz L. *Preliminary Draft for A Sourcebook on Poverty Reduction Strategies*. The World Bank, Washington, D.C. 2000. April.
31. Davies S. *Adaptable Livelihoods. Coping with Food Insecurity in the Malian Sahel*. New York: St. Martin's Press, 1996. P. 24.
32. Davis A.P. Targeting the Vulnerable in Emergency Situations: Who is Vulnerable? *Lancet*, 1996, no. 348 (9031), pp. 868-871.
33. Dilley M. Climate, Change, and Disasters. *Managing Disaster Risk in Emerging Economies*. Ed. by A. Kreimer, M. Arnold. The World Bank, Washington, D.C. 2000.
34. Eade D., Williams S. *The OXFAM Handbook of Development and Relief*. Oxford: Oxfam Publications, 1995.
35. Giddens A. *Central Problems in Social Theory: Action, Structure and Contradiction in Social Analysis*. Berkeley: University of California Press, 1979.
36. Giddens A. *The Third Way. The Renewal of Social Democracy*. Cambridge: Polity Press, 1998.
37. Holzmann R. Jorgensen S. *Social Protection as Social Risk Management: Conceptual Underpinnings for Social Protection Sector Strategy Paper. Social Protection Discussion Paper No. 9904*. The World Bank, Washington, D.C. 1999.

38. Lister R. *Poverty, Key Concepts*. Cambridge: Polity Press, 2004.
39. Loughhead S., Mittai O. *Urban Poverty and Vulnerability in India: A Social Perspective. Paper Presented at the Urban Forum: Urban Poverty Reduction in the 21st Century, April 3–5, 2000*. Chantilly, Virginia, 2000.
40. Morrow B.H. Identifying and Mapping Community Vulnerability. *Disasters*, 1999, vol. 23, no. 1, pp. 1-18.
41. Moser C. The Asset Vulnerability Framework: Reassessing Urban Poverty Reduction Strategies. *World Development*, 1998, vol. 26, no. 1, pp. 1-19.
42. Paugam S. Poverty and Social Disqualification: a Comparative Analysis of Cumulative Social Disadvantage in Europe. *Journal of European Social Policy*, 1996, vol. 6, no. 4.
43. Pritchitt L., Suryahadi A., Sumarto S. *Quantifying Vulnerability to Poverty: A Proposed Measure, Applied to Indonesia. Policy Research Working Paper #2437*. The World Bank, Washington, D.C. 2000.
44. Putnam R.D. *Making Democracy Work: Civic Tradition in Modern Italy*. Princeton: Princeton University Press, 1993.
45. Ravallion M. Expected Poverty Under Risk-Induced Welfare Variability. *Economic Journal*, 1998, March, pp. 1173-1183.
46. Sen A. *Social Exclusion: Concept, Application and Scrutiny, Social Development Papers No. 1*. Office of Environment and Social Development, Asian Development Bank. 2000.
47. Siegel P., Alwang J. *An Asset-Based Approach to Social Risk Management: A Conceptual Framework. Social Protection Discussion Paper No. 9926*. The World Bank, Washington, D.C. 1999. Pp. 10-12.

СТРАТЕГИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

DOI: 10.15838/esc.2016.2.44.3

УДК 338.124.4, ББК 65-971

© Щербаков Г.А.

Генезис и механизмы преодоления системных экономических кризисов

**Геннадий Анатольевич
ЩЕРБАКОВ**

кандидат экономических наук, доцент
Финансовый университет при Правительстве РФ
125993, Россия, г. Москва, ГСП-3, Ленинградский проспект, д. 49
G.Shcherbakov@mail.ru

Аннотация. Представленная статья имеет целью исследование происхождения и природы одного из самых непознанных явлений мировой экономической жизни – кризисов мирового хозяйства – явлений, природа которых до сих пор не получила общепризнанного объяснения в экономической науке. Рыночное хозяйство подчинено своим особым законам, стихийный характер которых обнаруживается во время кризисов. Однако анализ мирового «кризисного опыта» обращает внимание на важную особенность в формах реализации различных кризисов, которая сохраняется на всех этапах экономического развития. Одни экономические потрясения, несмотря на остроту и масштабность, постепенно уступают место оживлению и далее – полноценному экономическому подъему. Другие заканчиваются слабым подъемом и депрессией, постепенно переходящими в новую рецессию. Подобные кризисы, депрессии, периоды вялого оживления экономики в совокупности образуют «волны кризисного развития», в течение длительного времени удерживающие экономику в угнетенном состоянии. Влияние и последствия таких «волн» последовательных или совпадающих по времени экономических потрясений выходят за пределы среднесрочной экономической динамики. Они происходят в пределах действия долгосрочного (кондратьевского) цикла и совпадают с его нисходящей стадией, когда, согласно эмпирически подтвержденным идеям великого российского экономиста Н. Д. Кондратьева, экономика проходит сложный этап кризисно-депрессивного развития, конституирующий параметры будущего экономического роста. Экономические события данного этапа объединены в представленной статье в понятие «системный экономический кризис». Введение указанного понятия имеет целью структурировать в едином экономическом процессе разноплановые явления, происходящие на нисходящей стадии долгосрочного цикла. Каждое из них может быть вызвано особыми причинами и иметь отдельную историю, однако изначально все эти события протекают в логике, подчиненной решению общих

системных проблем, и по этой причине могут рассматриваться как составные части единого системного кризиса, преодоление которого обеспечивает выход общества на качественно новые рубежи экономического развития. Настоящая статья представляет собой попытку осмыслить причины и последствия возникновения системных экономических кризисов как фундаментального явления долгосрочного экономического цикла.

Ключевые слова: экономическое развитие, долгосрочный экономический цикл, рецессия, депрессия, системный экономический кризис, системная проблема, инновационное обновление, модернизация экономики.

Возникновение кризисов как периодического экономического явления, условия и время их появления остается одним из спорных и нерешенных вопросов экономической теории. Большинство исследователей придерживаются мнения, что регулярно повторяющиеся кризисы возникали еще задолго до формирования системы промышленного производства. Так, один из виднейших представителей американской экономической науки У. Митчелл заявляет о наличии экономических кризисов уже в последние десятилетия XVIII столетия, хотя тогда они имели менее существенное значение в хозяйственном развитии, чем в XX веке [25, с. 88]. Некоторые исследователи пытаются искать цикличность в череде экономических событий более ранних периодов, ошибочно включая в единый процесс циклического развития совершенно разноплановые и разнопричинные экономические потрясения, такие как: тюльпаномания в Нидерландах (1620–1630-е гг.), английский денежный кризис 1696 г., крах системы Джона Ло (Франция, 1716–1720 гг.), крах Компании Южных морей (Англия, 1720–1721 гг.) и др.

Л.А. Мендельсон, напротив, считает, что только постепенно хозяйственные потрясения приобрели характер циклических кризисов, и указывает на методологическую ошибку подхода «буржуазных исследователей», когда природа кризисов трактуется метафизически, игнорируется процесс развития [13, с. 238].

Представляя традиционный подход советской экономической науки, ученый пытается связать возникновение периодических кризисов с формированием капиталистической экономики и, следовательно, перспективы выравнивания экономического развития – с устранением основного источника возникновения «турбулентности» в экономике – капиталистической системы хозяйствования.

Определение времени возникновения экономических кризисов как периодического явления представляет теоретический интерес, однако выявление источников и природы кризисных потрясений, являющиеся целью настоящей статьи, несет в себе также практическую ценность, так как способно сформировать набор инструментов и методов влияния на характер протекания циклических процессов.

Еще в доиндустриальный период хозяйственная динамика характеризовалась существенной непостоянностью: периоды активизации хозяйственной деятельности чередовались с периодами экономического застоя. При этом периодически возникавшие кризисные ситуации в экономике обычно реализовывались в формате финансовых потрясений, а их причины находились вне воспроизводственного процесса. Основными причинами, провоцировавшими обострение проблем платежного баланса и вызывавшими кризисы, становились: массовые эпидемии, уносившие миллионы жизней; кровопролитные и разрушитель-

ные войны; серьезные неурожаи и эпизоотии, провоцировавшие стремительное удорожание важнейших продовольственных и сырьевых товаров [18, с. 8].

Совершенно иную природу имели последующие кризисы, которые были порождены внутренними условиями, происходили в мирное время и начинались совершенно внезапно с неизбежными последствиями: банкротствами, обнищанием населения, безработицей и т. д. Указанные события стали фиксироваться со 2-й четверти XIX века, когда по мере укрепления рыночных отношений и развития индустриального общества национальные экономики стали периодически подвергаться негативному воздействию нарушений баланса между объемами промышленного производства и платежеспособным спросом. Экономические кризисы, ставшие тяжелым и болезненным элементом рыночной динамики, начали осуществлять, согласно Ю.В. Яковцу, три основные функции: 1) «убирать устаревшие, потерявшие эффективность и конкурентоспособность элементы экономических систем (функция разрушения)»; 2) «расчищать дорогу для утверждения уже родившихся, но еще слабых и подавляющихся преобладавшими устаревшими элементами ростков будущей системы (созидательная, «акушерская» функция)»; 3) «очищать и передавать будущим поколениям генетическое ядро системы, наследственный инвариант (наследственная функция)» [22, с. 216-217].

Анализ мирового «кризисного опыта» обращает внимание на важную особенность в формах реализации различных кризисов, которая сохраняется на всех этапах экономического развития начиная с раннего индустриального периода. Одни экономические потрясения, несмотря на остроту и масштабность, постепенно уступали место оживлению и далее — полноценному

экономическому подъему (1825–1826, 1857–1858, 1866–1867, 1890–1894, 1900–1903, 1907–1908, 1920–1922 гг. и пр.), другие заканчивались слабым подъемом или депрессией, постепенно переходящими в новую рецессию. Подобные кризисы, депрессии, периоды вялого оживления экономики в совокупности образовывали волны кризисного развития, в течение длительного времени удерживавшие экономику в угнетенном состоянии. Например, период 1857–1872 гг. отмечен двумя мощными подъемами экономики длительностью 7 и 6 лет, предваренными столь же внушительными кризисами 1857–1858 и 1866–1867 гг. Однако последующий период 1873–1886 гг. представлял собой сплошную полосу депрессивного развития, названную современниками «Длинной депрессией» [23, с. 10]. Подобные депрессивные периоды наблюдаются также в 1836–1842, 1929–1938 и 1967–1982 гг. [см.: 20; 21]. Длительный период угнетенного состояния мировой экономики, стартовавший с мирового кризиса 2008–2009 гг. и включивший ряд других экономических потрясений регионального и странового масштабов, позволяет предположить разворачивание в настоящее время очередной волны депрессивного развития, способной продлиться до окончания 5-го «большого цикла» Кондратьева, т. е. предположительно до 2018–2020 гг.

Основываясь на идеях Н.Д. Кондратьева, рассматривавшего экономическую динамику как «поток непрерывных и многообразных качественных и количественных изменений» [10, с. 24], можно предположить, что вышеобозначенные различия в реализации кризисов являются следствием развития количественных и качественных процессов в экономике. По мнению российского ученого, в ситуации, когда элементы экономической системы претерпе-

вают трансформацию, не исчерпывающуюся изменением их числа и объема, следует говорить о наличии качественных изменений (например, смена организационных принципов, технологий, содержания и характера общественных потребностей и пр.). В других случаях (например, для цены, учетного процента, ренты и т. д.) ведущую роль играет движение количественных показателей. «Значение качественных изменений здесь выступает лишь тогда, когда меняется природа этих элементов, например, когда цена из вольной становится установленной или из рыночной – монопольной» [10, с. 20, 24].

Данный подход (далее Кондратьевым не развивавшийся) позволяет сформировать и научно обосновать перспективный «метод количественно-качественной декомпозиции», нацеленный на раскрытие содержательной стороны явлений, наблюдающихся в экономической действительности. Разделение экономической динамики на два принципиально разных (хотя и связанных каналами обратных связей) типа процессов: 1) количественные (потокосые, конъюнктурные) и 2) качественные (кумулятивно-преобразовательные) – представляет собой действенный способ исследования природы экономических явлений, позволяющий правильно уяснить сущность событий, включенных в общий циклический процесс.

Как количественные, так и качественные процессы в ходе реализации формируют негативные явления, которые в первом случае выражаются в нарушении экономических пропорций (дисбаланс предложения и спроса, диспаритет цен и пр.), во втором – в нарушении внутренних связей (внутренней гармонии) экономической системы. Г.Б. Клейнер обоснованно указывает на различия в понятиях «диспропорциональность» и «дисгармоничность», которые

зачастую неверно представляются как тождественные. В действительности дисгармоничность представляет собой состояние более глубокой деформации экономической системы, чем диспропорциональность. Она порождена качественными проблемами экономической системы и «является устойчивым препятствием на пути исправления перекосов в рамках самой экономики» [8, с. 73]. Соответственно дисгармоничность как результат негативных процессов качественного порядка требует принципиально иных решений в целях устранения ее последствий, чем диспропорциональность.

Так, количественные нарушения внутреннего баланса экономической среды (диспропорциональность), формирующиеся в фазе хозяйственного роста, приводят к возникновению обычных (в «традиционном» понимании) циклических экономических кризисов. В такой постановке кризис является «болезненным процессом ликвидации создавшихся под влиянием определенных условий несоответствий и диспропорциональностей производства и распределения, предложения и спроса» [11, с. 208]. Кризисные процессы, происходящие внутри экономической системы, имеют в этом случае потокосый характер и реализуются, как правило, в пределах среднесрочного экономического цикла. Преодоление кризиса происходит за счет восстановления старых или установления новых количественных пропорций, обеспечивающих дальнейшее развитие на среднесрочный период. В свою очередь, соответствующее изменение пространственной конфигурации системы не влечет за собой изменения ее свойств и функционального содержания. Подобное понимание экономического кризиса позволяет представить его как *экономическое явление, возникающее вследствие формирующегося в фазе хозяйственного роста нарушения коли-*

качественных пропорций (внутреннего баланса) экономической системы, преодолеваемое в результате восстановления старых или установления новых количественных пропорций, обеспечивающих дальнейшее развитие в рамках среднесрочного экономического цикла.

Одновременно в экономической системе возникают противоречия качественного характера (дисгармоничность), являющиеся «реакцией против аномальных сдвигов, наростов и несоответствий во взаимоотношении элементов хозяйства и условий их развития» [11, с. 254]. Указанные противоречия обнажают необходимость институциональных изменений, смены управленческой модели, создания новой технологической базы и пр. Масштаб и острота таких противоречий не позволяют устранить их в пределах среднесрочного циклического процесса, что приводит к накоплению и переносу возникающих дисфункций на следующий цикл. Аккумуляция кризисного потенциала (нерешенных проблем развития хозяйственной системы) способствует возникновению системного или, согласно определению Г.Б. Клейнера, мегаэкономического кризиса [7], определяющего необходимость осуществления кардинальных изменений качества системных связей между структурными образованиями в пространстве и во времени. В этом случае кризисные процессы, являющиеся «следствием кумулятивно накапливающихся условий в течение предыдущего времени» [10, с. 397], имеют кумулятивно-преобразовательный характер и требуют преобразования внутрисистемных связей, которое осуществляется в пределах долгосрочных (кондратьевских) циклов.

Термин «системный кризис» в экономической литературе зачастую применяется для обозначения глубины и охвата кризисного потрясения, масштабности и разрушительности данного экономи-

ческого явления. В подобном контексте указанное понятие используется ассоциативно и практически не несет какого-либо методологического наполнения. Однако при корректном использовании оно способно достаточно емко отражать содержание кризисных процессов, происходящих в формате долгосрочной экономической динамики.

В научной литературе можно встретить альтернативные «системному кризису» названия. Например, К. Перес [17] пишет о некоем «переломном моменте». Г. Менш ввел в научный оборот понятие «технологический пат» [24]. Основатель инновационной теории Й. Шумпетер выделяет на нисходящей стадии кондратьевского цикла экономическое событие, названное им «депрессией» и трактуемое как «внеподъемное» состояние в условиях падения предпринимательской прибыли. «Экономическая сущность процесса депрессии состоит в распространении — через механизм стремления к равновесию — технических достижений на все народное хозяйство», — считает австрийский экономист [19, с. 427]. Понятие «депрессия» применяется и автором теории долгосрочного технико-экономического развития С.Ю. Глазьевым для описания экономической среды, в которой осуществляется спад производств действующего технологического уклада и происходит вызревание ключевых инноваций нового этапа хозяйственного развития [3, с. 41]. Однако в последних работах академик Глазьев пишет также о «турбулентном режиме» и «системном кризисе», используя данные понятия как устоявшиеся для обозначения полосы кризисных событий долгосрочного цикла [4, с. 7, 57]. Представляется, что использование термина «системный экономический кризис» предполагает наиболее комфортный формат для обобщения противоречивых и многофак-

торных событий нисходящей стадии кондратьевского цикла, где экономика проходит сложный этап кризисно-депрессивного развития, формирующий параметры будущего экономического роста.

В логике настоящего исследования системный (мегаэкономический) кризис представляет собой *совокупность сопряженных в едином экономическом процессе явлений, возникающих вследствие формирования в экономической системе внутренних противоречий качественного характера, связанных с необходимостью кардинальных изменений институциональной среды, смены управленческой модели, качественного обновления технологической базы и пр. Преодоление системного экономического кризиса требует радикального изменения качества внутрисистемных связей и отношений между структурными образованиями, которое осуществляется в пределах долгосрочных циклов.*

Системный экономический кризис не является отдельным экономическим событием, а представляет собой экономический процесс – целеориентированную процессную систему, которая в виде функциональных элементов включает различные экономические явления, в совокупности обеспечивающие достижение основной цели – качественного преобразования экономики. Системные экономические кризисы (процессные системы) отличаются от обычных циклических кризисов, представляющих собой отдельные экономические события (событийные системы), каждое из которых выполняет свою функцию и имеет отдельную цель – ликвидацию количественных диспропорций и восстановление экономического баланса. Подобное разделение, основанное на базовых категориях системной экономики [см.: 7; 5, с. 66-68], позволяет избежать отождествления понятия «системность» с остротой и

тяжестью последствий кризиса и, как следствие, ошибочного зачисления обычных циклических потрясений (событий) в категорию «системных кризисов» (процессов) (например, кризисов 1857–1858 и 1907–1908 гг. в работах [12, с. 169-170; 2, с. 39]). Первые возникают и достигают своей цели в формате одного среднесрочного цикла, тогда как вторые – системные экономические кризисы – происходят в пределах действия долгосрочного (кондратьевского) цикла (т. е. периода, в 4–5 раз превышающего среднесрочный по длительности). Их реализация, как правило, осуществляется «волнами» последовательных или совпадающих по времени экономических потрясений разной силы и длительности, разделенных между собой краткими периодами депрессии или слабого экономического подъема. Каждое из них может быть вызвано особыми причинами и иметь отдельную историю, однако изначально все эти события протекают в логике, подчиненной решению общих системных проблем, и по этой причине могут рассматриваться как составные части единого системного кризиса, преодоление которого обеспечивает выход общества на качественно новые рубежи экономического развития.

Попытка структурировать в едином экономическом процессе разноплановые явления, происходящие на нисходящей стадии долгосрочного цикла, была предпринята в конце 1980-х гг. С.М. Меншиковым, писавшим, что данные явления «часто рассматриваются изолированно, их считают автономными, лишь совпадающими по времени с фазой длительного кризиса», в то время как «их следовало бы считать составными частями одного общего структурного кризиса экономики» [15, с. 88]. Указанный тезис закладывает основы комплексного изучения многоплановых и разнородных процессов нисходящей стадии кондрать-

евского цикла, включающей не только периоды экономического застоя, общих рецессий экономики, секторальных кризисных потрясений (промышленных, финансовых, ресурсных и пр.), но и краткие периоды слабого хозяйственного роста. Вместе с тем используемое здесь понятие «структурный кризис» существенно сужает возможности качественной характеристики кризисных процессов долгосрочного цикла, которая помимо непосредственно технологических аспектов должна содержать оценку институциональных, поведенческих, идеологических и других изменений, требующихся для реализации заложенного в экономической системе потенциала роста [см.: 16, с. 104].

На нисходящей стадии долгосрочного цикла экономика приближается к т. н. «акселерационному порогу», представляющему собой *совокупность сформировавшихся в процессе предыдущего развития экономических обстоятельств, ограничивающих перспективы дальнейшего хозяйственного роста вследствие исчерпания возможностей удовлетворения общественных потребностей при достигнутом уровне экономического развития и сложившейся структуре потребления*. Обобщенно можно выделить три вида ограничений, способных составить основу очередного акселерационного порога: 1) ресурсно-сырьевой (в частности, энергетический¹) порог; 2) экологический порог; 3) технологический порог.

Первое ограничение (ресурсно-сырьевое) проявилось в ходе системного экономического кризиса 1967–1982 гг. (волны энергетического кризиса 1973–1974 и 1979–1982 гг.). Второе ограничение (экологическое) заключается в противоречии

¹ Понятие «энергетический порог» введено Г.М. Кржижановским (1872–1959), который в 1920 г. был председателем комиссии ГОЭЛРО, в 1921–1923, 1925–1930 гг. – председателем Госплана, в 1930–1932 гг. – председателем Главэнерго, с 1930 г. – директором Энергетического института АН СССР (ныне – им. Кржижановского).

между стремительным развитием современной технократической цивилизации, сопровождающимся бурным ростом глобального потребления природных ресурсов, и возможностями окружающей среды противостоять нарастающему антропогенному давлению. Третье ограничение (технологическое) не имеет в отличие от предыдущих естественного характера, а связано исключительно с уровнем научно-технического развития общества и его способностью представить в процессе преодоления нового акселерационного порога инновационные решения, обеспечивающие дальнейший поступательный рост мировой экономики. До настоящего времени в долгосрочном экономическом развитии превалировали вызовы, связанные с технологическими ограничениями. Однако в дальнейшем влияние естественных факторов будет нарастать и технологические решения будут ориентированы не столько на стимулирование хозяйственного роста, сколько на снижение давления со стороны естественных ограничений экономической деятельности. В этом случае наиболее востребованными станут инновационные решения, направленные на смягчение напряженности, вызванной также негативным антропогенным воздействием на окружающую среду в процессе жизнеобеспечения человечества.

Наиболее исследованным видом ограничения долгосрочного экономического развития в настоящее время является недостаточный уровень технологической оснащенности, дисфункция технологических процессов в системе, вступающие в противоречие с прогрессивным характером и темпами развития элементов внешней среды. В такой постановке способом преодоления кризиса может стать радикальное обновление технической базы, внедрение новейших научных и технологических разработок, до этого не вос-

требуемых хозяйственным механизмом. Еще Н.Д. Кондратьев отмечал закономерность (1-я «эмпирическая правильность»), что «перед началом повышательной волны каждого большого цикла, а иногда в самом начале ее, наблюдаются значительные изменения в условиях хозяйственной жизни общества», выражающиеся в важных открытиях, изобретениях и пр. [9, с. 47–48]. В современных терминах речь идет о процессе внедрения инноваций, которые будут определять технологический облик следующего большого цикла. Таким образом, Кондратьев заложил основы инновационной теории длинных волн в то время, когда ее будущий создатель Й. Шумпетер относил инновации к среднесрочным колебаниям, понимая под ними прежде всего капиталовложения во внедрение новых продуктов [15, с. 181]. К сожалению, более глубокого анализа влияния технико-внедренческого процесса на экономическую динамику Н.Д. Кондратьев не представил. Я. ван Дайн отмечает по этому поводу: «Ирония заключается в том, что ингредиенты, необходимые для эндогенной теории длинных волн, были у него (Кондратьева) в руках. Он признавал важность технологических инноваций и перечислял их для соответствующих фаз подъема и спада; он также знал, что подъем в длинной волне связан с ростом основных капитальных благ. Однако он не смог связать их воедино: не увидел, что инновации создают новые индустриальные сектора и потому требуют собственной инфраструктуры» [26, с. 67].

Но само по себе изобретение автоматически не становится экономическим событием: требуется определенный толчок, чтобы оно адаптировалось рынком. Таким толчком является сумма возникающих обстоятельств, в совокупности формирующих системные экономические кризисы, которые в этой связи можно рассматривать как

инновационные — не только в смысле технологического и институционального обновления, но и в части появления новых отраслей промышленности, секторов экономики, нового поколения управленцев, нового типа потребления и пр.

В любом из вышеназванных случаев преодоление системного экономического кризиса связано с качественной перестройкой внутренних связей между элементами самой системы, коренным изменением системного профиля. Перефразируя А. Эйнштейна, считавшего, что ни одну проблему нельзя решить на том же уровне сознания, на котором она была создана [6], можно утверждать, что системная проблема не может быть устранена на том же уровне развития системы, на котором она возникла. В результате преодоления системных проблем происходит не только обновление технологической основы, но и смена (или коррекция) организационных принципов и управляющих структур, ответственных за сохранение качественных параметров системы.

Следует учитывать, что на практике синергетический эффект от совокупности новшеств, внедренных в результате преодоления системного кризиса, достигим лишь в ведущих экономиках, тогда как геоэкономическая периферия зачастую остается в удрученном положении и участвует в экономическом подъеме исключительно как поставщик сырьевых ресурсов, низкооплачиваемой рабочей силы, а также рынок сбыта для развитых стран [3, с. 39–40]. Иллюстрацией может служить беспрецедентный экономический подъем западных экономик, осуществленный на волне преодоления системного экономического кризиса 1967–1982 гг. Почти два десятилетия передовые экономические державы испытывали мощнейшие процессы восходящей стадии долгосрочного цикла

(с темпом хозяйственного роста более 25% в год в его ядровом комплексе информационно-коммуникационных технологий), в то время как т. н. «транзитивные экономики» (бывшие страны СССР и СЭВ) пребывали в состоянии глубокого упадка.

Вместе с тем на рубеже двух долгосрочных циклов для государств экономической периферии, создавших необходимые заделы в виде перспективных научно-технических разработок, появляется возможность технологического рывка на гребне новой длинной волны [3, с. 8]. Весьма показателен в этой связи опыт США, которые на восходящей стадии 3-го кондратьевского цикла (1890–1896 – 1914–1920 гг.) путем внедрения европейских технологий осуществили «прорыв» к последующему доминированию в мировой экономике. Одновременно такой же рывок осуществила и Германия, в которой бурный экономический подъем был прерван Первой мировой войной [1]. Примечательно, что обе страны не стали копировать модель индустриального развития лидера мировой экономической системы того периода – Англии и прежде всего развивали тяжелую промышленность [14, с. 134]. Выбранная стратегия сыграла важную роль в сокращении отставания от Великобритании и дальнейшего опережения ее в индустриальном развитии. Аналогичный путь после Второй мировой войны прошла Япония, которая на основе активного внедрения ряда западных магистральных технологических инноваций того периода (текстиль, сталь, автомобили, нефтехимия, электроприборы, микроэлектроника) реализовала «догоняющую» стратегию развития и на восходящей стадии 4-го цикла (1939–1950 – 1968–1974 гг.) достигла экономического уровня развитых стран Запада [1].

К изложенному следует добавить, что непреодоление «акселерационного порога»

закрепляет инерционное развитие экономики, ведущее к экономическому застою в рамках устаревшего, утратившего эффективность типа общественного воспроизводства. Иллюстрацией данного тезиса может служить локальный системный кризис советской (российской) экономики конца 1980-х – 1990-х годов, вызванный стечением во времени ряда критических и взаимосвязанных обстоятельств, таких как падение нефтяных цен в 1986 г. и последовавшее ухудшение внешнеэкономических условий для советского экспорта, нарушение устойчивых хозяйственных связей в результате роспуска СЭВ и распада СССР в 1991 г., резкая смена экономического курса страны от планового патернализма к непродуманному либерализму, «шоковая терапия» начала 1990-х годов и др.

Анализ работ, проведенных в области долгосрочной экономической динамики, демонстрирует существенное упущение исследователей, сфокусировавших усилия на объяснении причин возникновения длинных волн и практически оставивших за рамками процесса научного познания изучение среды, в которой происходит формирование условий периодического обновления экономической системы. Однако именно острота и масштаб противоречий, обнажающихся в волне экономических потрясений длинного (кондратьевского) цикла, доводит депрессивную экономику до готовности к проведению радикальных мероприятий по ее обновлению, а осуществляющееся в недрах кризисных пертурбаций преобразование генома экономической системы становится движущей силой ее качественного развития. По этой причине содержательная сторона событий нисходящей стадии долгосрочного цикла требует более глубокого осмысления и тщательного описания, а в целом большего внимания со стороны научного сообщества.

Литература

1. Акаев, А.А. Современный финансово-экономический кризис в свете теории инновационно-технологического развития экономики и управления инновационным процессом / А.А. Акаев // Системный мониторинг. Глобальное и региональное развитие / ред. Д.А. Халтурина, А.В. Коротаев. – М.: УРСС, 2009. – С. 141-162.
2. Алексеева, М.Б. Системный подход и системный анализ в экономике / М.Б. Алексеева. – Мурманск: МАЭУ, 2012. – 276 с.
3. Глазьев, С.Ю. Современная теория длинных волн в развитии экономики / С.Ю. Глазьев // Экономическая наука современной России. – 2012. – №2(57). – С. 27-42.
4. Глазьев, С.Ю. О неотложных мерах по укреплению экономической безопасности России и выводу российской экономики на траекторию опережающего развития (аналитическая версия доклада) / С.Ю. Глазьев // Российский экономический журнал. – 2015. – №5. – С. 3-62.
5. Дрогобыцкий, И.Н. Системный анализ в экономике. – 2-е изд., перераб. и доп. / И.Н. Дрогобыцкий. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2011. – 423 с.
6. Жемчужины мысли [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.inpearls.ru/autor/121/2> (дата обращения: 10.04.2014 г.).
7. Клейнер, Г.Б. Системный кризис, системный анализ, системный менеджмент [Электронный ресурс] / Г.Б. Клейнер. – Режим доступа: <http://www.kleiner.ru/ arpar/siskriz.html> (дата обращения: 10.01.2014).
8. Клейнер, Г.Б. Стратегия системной гармонизации экономики России / Г.Б. Клейнер // Экономические стратегии. – 2008. – №5-6. – С. 72-79.
9. Кондратьев, Н.Д. Большие циклы конъюнктуры / Н.Д. Кондратьев // Вопросы конъюнктуры. – М.: Фин. изд-во НКФ СССР, 1925. – Т. 1. Вып. 1. – С. 28-79.
10. Кондратьев, Н.Д. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения: избранные труды / Н.Д. Кондратьев; Международный фонд Н.Д. Кондратьева и др.; ред. колл.: Л.И. Абалкин (пред.) и др.; сост. Ю.В. Яковец. – М.: Экономика, 2002. – 767 с.
11. Кондратьев, Н.Д. Мировое хозяйство и его конъюнктуры во время и после войны / Н.Д. Кондратьев. – Вологда: Обл. отд-ние Гос. изд-ва, 1922. – 258 с.
12. Мау, В.А. Кризисы и уроки. Экономика России в эпоху турбулентности / В.А. Мау. – М.: Институт Гайдара, 2016. – 488 с.
13. Мендельсон, Л.А. Теория и история экономических кризисов и циклов: в 3-х томах / Л.А. Мендельсон. – М.: Соцэкгиз, 1959. – Т. 1. – 691 с.
14. Мендельсон, Л.А. Теория и история экономических кризисов и циклов: в 3-х томах / Л. А. Мендельсон. – М.: Соцэкгиз, 1959. – Т. 2. – 767 с.
15. Меньшиков, С.М. Длинные волны в экономике. Когда общество меняет кожу / С.М. Меньшиков, Л.А. Клименко. – М.: Междунар. отношения, 1989. – 272 с.
16. Нобелевские лауреаты по экономике: взгляд из России / под ред. Ю.В. Яковца. – СПб.: Гуманистика, 2003. – 996 с.
17. Перес, К. Технологические революции и финансовый капитал. Динамика пузырей и периодов процветания / К. Перес. – М.: Дело АНХ, 2011. – 232 с.
18. Финансовый кризис в России и в мире / под ред. Е.Т. Гайдара. – М.: Проспект, 2009. – 256 с.
19. Шумпетер, Й. Теория экономического развития: (Исследование предпринимательской прибыли, капитала, кредита, процента и цикла конъюнктуры) / Й. Шумпетер; пер. с нем. В.С. Автономова и др. – М.: Прогресс, 1982. – 455 с.
20. Щербаков, Г.А. Зависимость природы экономических явлений от источников хозяйственного роста. Периодические и системные экономические кризисы / Г.А. Щербаков // Экономическая кибернетика и системная экономика: сб. материалов круглого стола XVII Международной конференции по мягким вычислениям SCM'2014 (г. Москва, Финуниверситет, 4 июня 2014 г.) / под общей ред. чл.-корр. РАН Г.Б. Клейнера, проф. С.В. Прокопчиной. – СПб.: ЛЭТИ, 2014. – С. 113-117.
21. Щербаков, Г.А. Ретроспективный обзор причин и последствий макроэкономической нестабильности / Г.А. Щербаков // Экономика и предпринимательство. – 2013. – №2. – С. 11-18.
22. Яковец, Ю.В. Эпохальные инновации XXI века / Ю.В. Яковец. – М.: Экономика, 2004. – 444 с.

23. Depression of Trade and Industry. Final Report of the Royal Commission appointed to inquire into the Depression of Trade and Industry. – London: Eyre and Spottiswoode, etc., 1886. – 139 + LXVII p.
24. Mensch, G. Das Technologische Patt: Innovationen überwinden die Depression / G. Mensch. – Frankfurt-am-Main: Umschau-Verlag, 1975. – 287 p.
25. Thorp, W. *Busines Annals* / W. Thorp; with an introductory Chapter by W. Mitchell. – N.Y.: National Bureau of Economic Research, Inc., 1926. – 380 p.
26. Van Duijn, J.J. The long wave in economic life / J.J. Van Duijn. – London: Allen & Unwin, 1983. – 239 p.

Сведения об авторе

Геннадий Анатольевич Щербаков – кандидат экономических наук, доцент, Финансовый университет при Правительстве РФ (125993, Россия, г. Москва, ГСП-3, Ленинградский проспект, д. 49, G.Shcherbakov@mail.ru)

© Shcherbakov G.A.

The Genesis and Mechanisms to Overcome Systemic Economic Crises

Gennadii Anatol'evich Shcherbakov – Ph.D. in Economics, Associate Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation (49, Leningradsky Prospekt, Moscow, 125993, Russian Federation, G.Shcherbakov@mail.ru)

Abstract. The paper aims to look into the origin and nature of global economic crises, the least studied phenomena of the global economic life – the phenomena, the nature of which still has not received a generally accepted explanation in economic science. Market economy has its own laws, the spontaneous nature of which is revealed in times of crises. However, the analysis of global “crisis experience” draws attention to an important feature in the implementation of various forms of crises that remains at all the stages of economic development. Some economic shocks, despite their urgency and scale, gradually give way to recovery and then – to complete recovery. Other end up with weak revival and depression, gradually turning into a new recession. Such crises, depressions, and periods of sluggish economic recovery form the “waves of crisis development” that hold the economy in a depressed condition for a long time. The impact and the consequences of these “waves” of economic shocks that are sequential or overlapping in time go beyond the medium-term economic dynamics. They occur within a long-term (Kondratiev) cycle and coincide with its descending phase, when, according to empirically confirmed ideas of the great Russian economist Nikolai Kondratiev, the economy is undergoing a difficult stage of the crisis-depression development that shapes the parameters of future economic growth. The present paper unites the economic events of this stage in the concept of “systemic economic crisis”. This concept is introduced for the purpose of structuring in the single economic process the diverse phenomena occurring at the downward phase of the long-term cycle. Each of them may be due to special causes and have a separate history, but initially, all these events are subordinated to the decision of general systemic problems, and for this reason can be considered as part of the single systemic crisis, the overcoming of which provides the rise of the society to qualitatively new frontiers of economic development. The present paper is an attempt to understand the causes and consequences of systemic economic crises as a fundamental phenomenon of the long-term economic cycle.

Key words: economic development, long-term economic cycle, recession, depression, systemic economic crisis, systemic problem, innovative upgrading, economic modernization.

References

1. Akaev A.A. *Sovremennyy finansovo-ekonomicheskii krizis v svete teorii innovatsionno-tekhnologicheskogo razvitiya ekonomiki i upravleniya innovatsionnym protsessom* [Modern Financial-Economic Crisis in the Light of the Theory of Innovative-Technological Development of Economy and Management of Innovation Process]. *Sistemnyi monitoring. Global'noe i regional'noe razvitiye* [System Monitoring. Global and Regional Development]. Ed. by D.A. Khalturin, A.V. Korotaev. Moscow: URSS, 2009. Pp. 141-162.
2. Alekseeva M.B. *Sistemnyi podkhod i sistemnyi analiz v ekonomike* [System Approach and System Analysis in Economics]. Murmansk: MAEU, 2012. 276 p.
3. Glazyev S.Yu. *Sovremennaya teoriya dlinnykh voln v razvitiy ekonomiki* [The Modern Theory of Long Waves in Economic Development]. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoi Rossii* [Economics of Contemporary Russia], 2012, vol. 57, no. 2, pp. 27-42.
4. Glazyev S.Yu. *O neotlozhnykh merakh po ukrepleniyu ekonomicheskoi bezopasnosti Rossii i vyvodu rossiiskoi ekonomiki na traektoriyu operezhayushchego razvitiya (analiticheskaya versiya doklada)* [Concerning Urgent Measures for Strengthening Economic Security of Russia and Placing Russia's Economy in Rapid Development Trajectory (Academic Version of the Presentation)]. *Rossiiskii ekonomicheskii zhurnal* [Russian Economic Journal], 2015, no. 5, pp. 3-62.
5. Drogobyt'skii I.N. *Sistemnyi analiz v ekonomike* [System Analysis in Economics]. 2nd edition, revised and supplemented. Moscow: YuNITI-DANA, 2011. 423 p.
6. *Zhemchuzhiny mysli* [Pearls of Thought]. Available at: <http://www.inpearls.ru/autor/121/2> (accessed April 10, 2014).
7. Kleiner G.B. *Sistemnyi krizis, sistemnyi analiz, sistemnyi menedzhment* [System Crisis, System Analysis, System Management]. Available at: <http://www.kleiner.ru/arpab/siskriz.html> (accessed January 10, 2014).
8. Kleiner G.B. *Strategiya sistemnoi garmonizatsii ekonomiki Rossii* [Strategy for the System Harmonization of Russia's Economy]. *Ekonomicheskie strategii* [Economic Strategies], 2008, no. 5-6, pp. 72-79.
9. Kondratiev N.D. *Bol'shie tsikly kon'yunktury* [The Big Cycles of Conjunction]. *Voprosy kon'yunktury* [Issues of Conjunction], 1925, vol. 1, no. 1, pp. 28-79.
10. Kondratiev N.D. *Bol'shie tsikly kon'yunktury i teoriya predvideniya: izbrannye trudy* [The Big Cycles of Conjunction and the Theory of Insight: Selected Works]. Moscow: Ekonomika, 2002. 767 p.
11. Kondratiev N.D. *Mirovoe khozyaistvo i ego kon'yunktury vo vremya i posle voyny* [The World Economy and its Conjunction During and After the War]. Vologda: Obl. otd-nie Gos. izd-va, 1922. 258 p.
12. Mau V.A. *Krizisy i uroki. Ekonomika Rossii v epokhu turbulentnosti* [Crises and Lessons. Russia's Economy in an Era of Turbulence]. Moscow: Institut Gaidara, 2016. 488 p.
13. Mendel'son L.A. *Teoriya i istoriya ekonomicheskikh krizisov i tsiklov: v 3-kh tomakh* [Theory and History of Economic Crises and Cycles: in 3 Volumes]. Moscow: Sotsekgiz, 1959. Volume 1. 691 p.
14. Mendel'son L.A. *Teoriya i istoriya ekonomicheskikh krizisov i tsiklov: v 3-kh tomakh* [Theory and History of Economic Crises and Cycles: in 3 Volumes]. Moscow: Sotsekgiz, 1959. Volume 2. 767 p.
15. Men'shikov S.M., Klimenko L.A. *Dlinnye volny v ekonomike. Kogda obshchestvo menyaet kozhu* [Long Waves in the Economy. When Society Changes Its Skin]. Moscow: Mezhdunar. otnosheniya, 1989. 272 p.
16. *Nobelevskie laureaty po ekonomike: vzglyad iz Rossii* [Nobel Laureates in Economics: a View from Russia]. Ed. by Yu.V. Yakovets. Saint Petersburg: Gumanistika, 2003. 996 p.
17. Perez C. *Tekhnologicheskie revolyutsii i finansovyi kapital. Dinamika puzyrei i periodov protsvetaniya* [Technological Revolutions and Financial Capital: The Dynamics of Bubbles and Golden Ages]. Moscow: Delo ANKh, 2011. 232 p.
18. *Finansovyi krizis v Rossii i v mire* [The Financial Crisis in Russia and in the World]. Ed. by E.T. Gaidar. Moscow: Prospekt, 2009. 256 p.
19. Shumpeter I. *Teoriya ekonomicheskogo razvitiya: (Issledovanie predprinimatel'skoi pribyli, kapitala, kredita, protsenta i tsikla kon'yunktury)* [The Theory of Economic Development: An Inquiry into Profits, Capital, Credit, Interest and the Business Cycle]. Translated from German by V.S. Avtonomov et al. Moscow: Progress, 1982. 455 p.
20. Shcherbakov G.A. *Zavisimost' prirody ekonomicheskikh yavlenii ot istochnikov khozyaistvennogo rosta. Periodicheskie i sistemnye ekonomicheskie krizisy* [The Dependence of the Nature of Economic Phenomena on the Sources of Economic Growth. Periodic and System Economic Crises]. *Ekonomicheskaya kibernetika i*

- sistemnaya ekonomika: sb. materialov kruglogo stola XVII Mezhdunarodnoi konferentsii po myagkim vychisleniyam SCM'2014 (g. Moskva, Finuniversitet, 4 iyunya 2014g.)* [Economic Cybernetics and System Economy: Materials of the Round Table at the 17th International Conference on Soft Computing SCM'2014 (Moscow, Financial University, June 4, 2014)]. Saint Petersburg: LETI, 2014. Pp. 113-117.
21. Shcherbakov G.A. Retrospektivnyi obzor prichin i posledstviy makroekonomicheskoi nestabil'nosti [Retrospective Review of the Reasons and Consequences of Macroeconomic Instability]. *Ekonomika i predprinimatel'stvo* [Journal of Economy and Entrepreneurship], 2013, no. 2, pp. 11-18.
 22. Yakovets Yu.V. *Epokhal'nye innovatsii XXI veka* [Epochal Innovations of the 21st Century]. Moscow: Ekonomika, 2004. 444 p.
 23. *Depression of Trade and Industry. Final Report of the Royal Commission appointed to inquire into the Depression of Trade and Industry*. London: Eyre and Spottiswoode, etc., 1886. 139 + LXVII p.
 24. Mensch G. *Das Technologische Patt: Innovationen überwinden die Depression*. Frankfurt-am-Main: Umschau-Verlag, 1975. 287 p.
 25. Thorp W. *Business Annals*. With an introductory Chapter by W. Mitchell. New York: National Bureau of Economic Research, Inc., 1926. 380 p.
 26. Van Duijn J.J. *The Long Wave in Economic Life*. London: Allen & Unwin, 1983. 239 p.

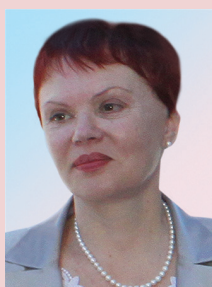
СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ

DOI: 10.15838/esc.2016.2.44.4

УДК 314.174, ББК 60.723.3

© Доброхлеб В.Г., Зверева Н.В.

Потенциал современных поколений России*

**Валентина Григорьевна
ДОБРОХЛЕБ**

доктор экономических наук, профессор
Институт социально-экономических проблем народонаселения Российской
академии наук (ИСЭПН РАН)
117218, Россия, г. Москва, Нахимовский проспект, д. 32
vdobrokhleb@mail.ru

**Наталья Викторовна
ЗВЕРЕВА**

доктор экономических наук, профессор
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
119991, Россия, г. Москва, Ленинские горы, д. 1
zvereva52@yandex.ru

Аннотация. Показана необходимость социально-демографического подхода к определению потенциала современных поколений. Демографический потенциал поколений определяется их численностью, долей в общей численности населения, ожидаемой продолжительностью жизни. Экономический – долей занятых представителей разных поколений в общей численности занятых. Социальный – системой ценностей поколений. Быстрый рост различий в этих характеристиках ведет к разрыву межпоколенческих связей, связан с обострением общественных противоречий. Потенциал современных поколений может рассматриваться в различных аспектах: по численности поколений, по показателю ОПЖ (ожидаемой продолжительности жизни при рождении), по доле представителей разных поколений, как разделяющих, так и не разделяющих базовые социальные ценности общества, в том числе в ценностные установки, связанные с репродуктивным и иными видами демографического поведения. В работе с целью выявления существующих различий между поколениями в рамках социально-демографического подхода проведен анализ динамики численности молодежи в 1926, 1936, 2014 гг. в Российской Федерации, сравнительный анализ вто-

* Статья подготовлена при поддержке РФФИ, грант № 14-06-00120 «Факторы и детерминанты трансформации модели разрыва поколений в современной России».

ричных и авторских социологических данных ценностных и репродуктивных ориентаций условно родительского и детского поколений. Российские исследователи при рассмотрении жизненного потенциала населения показали, что за период с 1990 по 2010 год жизненный потенциал населения России сократился. Снижение жизненного потенциала населения в целом связано с уменьшением данного показателя для младшего поколения (детских возрастов), обусловленным сокращением численности и доли этого поколения в структуре населения. Снижение жизненного потенциала не остановлено из-за сохраняющегося сокращения численности младшего поколения. Вместе с тем в этот период увеличилась ожидаемая продолжительность жизни. Однако в целом смертность в РФ значительно превышает показатели экономически развитых стран, при этом в первом квартале 2015 года по сравнению с предыдущим годом число умерших от основных классов причин смерти по сравнению с соответствующим периодом прошлого года выросло. Система жизненных целей молодых людей до 30 лет и людей в возрасте 45 лет и старше значительно различается по таким пунктам, как получение образования, постоянное повышение квалификации, вырастить двоих детей, иметь собственное семейное дело и жить на полученный от него доход, интересно проводить досуг, много общаться с друзьями. Стремление к свободе, независимости более свойственно молодым людям от 20 до 30 лет. Гипотеза о росте индивидуализма среди молодежи не подтвердилась. Оценка семьи (зарегистрированного брака) и двух-трех детей молодыми людьми значительно отличается от соответствующих оценок старшего поколения. Материальные ценности неизменно у всех поколений занимают главенствующее место. Репродуктивные планы молодежи определяются как воспитанием, образом жизни родительской семьи, так и новыми социально-экономическими условиями, которые оцениваются через систему ценностных ориентаций, жизненных целей, определяемых также изменением общественных ценностей в новых условиях. Система ценностей является регулятором первоочередности удовлетворения потребностей. В условиях ограниченности ресурсов они могут прежде всего тратиться на удовлетворение потребностей, стоящих наиболее высоко в иерархии, но не на удовлетворение потребности в нескольких детях. Потенциал поколений, в том числе их социально-экономическая активность, также численность еще не рожденных поколений в значительной степени определяется социальными ценностями, которые формируются сегодня. Поколения, в том числе поколение 90-х годов, стоят перед историческим выбором, определяющим не только сегодняшние, но и будущие возможности России.

Ключевые слова: поколение, потенциал поколений, занятость поколений, жизненный потенциал поколений, система ценностей поколений, социальное поколение.

Интерес к проблеме сходства и различия поколений, их взаимодействия, как правило, усиливается в периоды, связанные с радикальными общественными переменами. По этой проблеме были опубликованы наиболее известные исследования — К. Мангейма [14] и Ортеги-и-Гассета [16]. Маргарет Мид выявила разрыв систем жизненных целей между поколениями в связи с переломными историческими этапами социально-экономического развития [15]. В России

работы в этом направлении, привлечшие внимание как ученых, так и общественности, анализировали ход и последствия радикальных реформ 1990-х годов, оказывающие разное влияние как на благосостояние, так и на систему ценностей поколений. Широко известны работы Ю. Левады [12], Б. Дубина [5], Т. Шанина [26]. Обострение проблемы сохранения устойчивости социальных систем повышает актуальность выявления и исследования механизмов, определяющих социально-

демографические изменения, с одной стороны, а с другой — детерминирующих устойчивость социума.

Понятие «поколение» в значительной мере связано с демографией, предметом которой является их воспроизводство. Данная дефиниция определяет поколение как группу людей, родившихся в один и тот же промежуток времени. Кроме того, поколениями называют потомство супружеской пары или совокупности супружеских пар по степеням родства (родители — дети — внуки и т.д.). Наряду с этим существует понятие «когорты», которое имеет несколько более широкий смысл, чем только совокупность людей, родившихся в один временной период, когорты может формироваться и на основе иных демографических событий, а не только рождений [19]. Основные возрастные группы, поколения, специфика их жизненного пути определяются социально-экономическими условиями (прежде всего занятостью), несут в себе социальный смысл, что связано и с общественными нормами, которые в значительной мере определяются основными стадиями жизненного пути: детство, зрелость, старость. Можно выделить различные критерии определения поколений (как чисто демографический, так и экономический, социальный, политический и т.д.). В этом контексте в России младшее поколение (критерий возможности занятости — экономико-демографический) — это населения моложе трудоспособного возраста (0 — 15 лет), среднее — трудоспособный возраст (16—54 года у женщин и 16—59 лет у мужчин), старшее — (55 лет и старше у женщин и 60 лет и старше у мужчин).

Под влиянием изменяющихся условий социальной среды формируются и новые стадии жизненного пути. Например, выделяется новый жизненный этап между юностью и зрелостью, связанный с «поис-

ками себя» — «*emerging adulthood*» [27]. В современном мире старость уже разделяют на два возраста: *the Old Old*, или «старый старик», — это период жизни, когда человек уже нуждается в постоянной опеке и уходе; в перспективе доля таких людей, например, старше 80 лет в общей численности населения будет увеличиваться (в демографии выделяется специальный показатель «глубина старения», т.е. отношение данной возрастной группы к населению старше трудоспособного возраста — «третьего возраста»). Выделяются также *the Young Old*, или «молодые старики», которые и в «третьем возрасте» сохраняют физиологический, социальный и профессиональный потенциал.

Важная социальная характеристика принадлежности к «социальному поколению» — это причастность к какому-либо историческому событию, которое обуславливает специфику его функционирования. В первой половине XX века в силу увеличивающегося динамизма социально-экономического развития, условий жизнедеятельности, ценностей различных поколений, актуальными становятся направления исследований, связанные с преемственностью поколений. Наиболее интересными в этой связи являются труды испанского философа Х. Ортеги-и-Гассета [16], который анализировал особенности восприятия различных видов искусства и культуры как межпоколенческие различия, и М. Мид, которая изучала особенности восприятия взрослыми «мира детства» как особого мира в связи с развитием социума [15].

К середине прошлого века относятся первые социологические подходы к данной проблеме. К. Мангейм [14] связал процесс формирования поколений не только с рождением определенной совокупности людей в конкретный период времени, но и с теми историческими событиями

ями, которые влияют на жизненный путь того или иного поколения. В демографии длина поколения определяется как средний возраст матери при рождении ребенка (27–28 лет как в развитых, так и в развивающихся странах). Фундаментальной работой, посвященной не только узко демографическому, но и социально-экономическому подходу к исследованию поколений, является книга К. Мангейма «Проблема поколений», в которой выделено два различных подхода к анализу проблемы поколений: позитивистский и историко-романистский. Первый подход в большей мере связан с определением границ и величины поколения на основе степени их значимости в общественной жизни. Суть проблемы он сводил к вычислению среднего периода времени, необходимого для того, чтобы старшее поколение было вытеснено младшим в общественной жизни, и главным образом к обнаружению того естественного исходного момента в истории, от которого следует вести отсчет нового поколения. Длина поколения им определялась в 30 лет, в связи с тем что до 30 лет человек, как правило, учится, становится в жизни, а к 60-ти годам завершает участие в общественной жизни.

Поколение в социально-демографическом смысле может рассматриваться как форма социальной связи, при которой разделяемые нормы позволяют соотносить себя с «другими», похожими на «тебя» (на основе возрастных характеристик или одного и того же года рождения). Важна ситуация перехода от поколения к поколению, понимание того, что именно фиксируется как устойчивый, передаваемый образец, а что в социальных нормах меняется. При этом определяющим становится механизм изменений, смены норм, системы ценностей, в том числе перелома или общего обвала нормативных систем при смене одно-

го поколения другим. Понятие поколения фиксирует соответствующие точки разлома социального и культурного порядка, направления и механизмы опосредования и перехода между «прежним» и «новым». В России исследователи поколений или проблемы поколений так или иначе все время имеют дело со «следом» или «симптомом» другой, неупоминаемой проблемы. Точнее, узла проблем: 1) лидерства (инновации); 2) его успеха, признания (гратификации) и 3) поддержания численности и передачи достижений (репродукции, в том числе в семье). Иными словами, речь идет о системных межпоколенческих вызовах устойчивого и преемственного развития советского, а может быть, и российского общества — эпохи ускоренной модернизации (XIX — начала XX в.), начавшейся с 90-х годов прошлого века и продолжающейся до настоящего времени. Вне института семьи (и форм традиционного общества) понятие поколения выступает или в значении течения, движения (социально-романистский подход: романтическое поколение, поколение 1914 года, поколение 1968 года и т.п.), или представляет собой хронологический (синхронный) срез так называемого «условного поколения» и результатов влияния на него массовых институтов: семей, социальной сферы, производства, социальной политики. Такой подход примерно соответствует *внутрисемейным, историческим* и институциональным поколениям и близок к разделению *демографически* и *исторически* значимых поколений у Ю.А. Левады [12]. С этой точки зрения интересно определение, предложенное С.Н. Зенкиным: «Поколение — это время, воплощенное в людях, их драматической судьбе, в непрерывную длительность исторического процесса оно вписывает меру, обусловленную жизненным циклом человеческого тела...» [9]

Потенциал современных поколений может рассматриваться в различных аспектах: по численности поколений, по показателю ОПЖ (ожидаемой продолжительности жизни при рождении), по доле представителей разных поколений, как разделяющих, так и не разделяющих базовые социальные ценности общества, в том числе ценностные установки, связанные с репродуктивным и иными видами демографического поведения.

Соотношение численности различных поколений является основополагающим показателем стабильного развития экономики и социальной жизни страны. Относительно большая численность населения трудоспособного возраста (представителей среднего поколения), безусловно, дает стране возможность для экономического роста. Понятие «демографического окна» основано на преимуществах стран, имеющих низкую демографическую нагрузку. «Демографическое окно» («демографический бонус») не может длиться более длины поколения, а после наступает повышение демографической нагрузки. Традиционно повышение доли пожилых людей рассматривалось и продолжает рассматриваться в основном с точки зрения негативных последствий для пенсионных систем и увеличения демографической нагрузки на население трудоспособного возраста.

Повышение доли населения дотрудоспособного возраста — как имеющее разные экономические последствия в краткосрочном и долгосрочном периоде.

Демографическим потенциалом человеческого капитала, различающегося у разных поколений, является численность населения, его возрастно-половая структура. В России, начиная с 2008 г., происходит систематическое сокращение доли населения трудоспособного возраста во всем населении, в то время как накануне первой советской индустриализации эта доля была высокой (табл. 1) [23].

Коэффициент демографической нагрузки составлял в 1926 г. 957 человек нетрудоспособных на тысячу населения трудоспособного возраста. В то же время коэффициент демографической нагрузки пожилыми — 167. Среди лиц трудоспособного возраста целесообразно выделить группы молодежи в возрасте 20–24 и 25–29 лет. Численность сельского населения трудоспособного возраста, в т.ч. молодого (быстро обучаемого новым профессиям, особенно в группе 20–24 года), в возрасте 20–29 лет, превышали более чем в 3 раза численность городского населения того же возраста. То же можно отметить в отношении возрастной группы 30–39 лет (менее креативной, но более опытной и ответственной), имеющей семьи не с одним

Таблица 1. Численность и возрастная структура населения накануне индустриализации России, 1926 г.

Возрастная структура	Численность, млн. чел.	Доля, в %
Все население	92681	100
20–24 года	8732	9,4
25–29 лет	7324	7,9
20–29 лет	16056	17,3
Младше трудоспособного возраста	36854	39,8
Трудоспособного возраста	47830	51,6
Старше трудоспособного возраста	7945	8,6
Рассчитано по: [23].		

ребенком, которые нужно было содержать. Вместе с тем старшее поколение через институт «наставничества» помогало молодежи приобрести профессию, квалификацию и опыт работы, что выступало экономической основой взаимодействия поколений.

Индустриализация России в то время происходила благодаря сельскому населению, в первую очередь молодому (до 30 лет) и среднего возраста (до 40 лет). В связи с этим остро стояла проблема образования сельского населения, и прежде всего получения им первичного и вторичного образования. Основой индустриализации страны были «руки» относительно молодого сельского населения. Однако происходил «разлом» системы ценностей и знаний сельской молодежи, приехавшей в города, и сельского населения. Но в то же время сельская молодежь приобщалась к городскому образу жизни в основном через производственное взаимодействие со старшим (30–39 лет) поколением горожан.

Накануне второй мировой войны численность населения выросла, что могло свидетельствовать о развитии экономики (росте числа производителей и потребителей). Численность и доля населения, в т.ч. трудоспособного возраста, и его основных возрастных групп накануне второй мировой войны показана в *табл. 2* [23].

По сравнению с уровнем 1926 г. выросли численность и доля населения трудоспособного возраста, в т.ч. наиболее перспективных (или производительных) возрастных групп.

В настоящее время ясно обозначились тенденции старения населения при необходимости нового индустриального развития страны (*табл. 3*).

Численность населения трудоспособного возраста стала больше, чем в 1939 г., однако его доля в общей численности населения снизилась. Более чем в 2,7 раза выросло население старше трудоспособного возраста, в 1,7 раза сократилась доля детей – будущей молодежи как демогра-

Таблица 2. Численность и возрастная структура населения России накануне войны, 1939 г.

Возрастная структура	Численность, млн. чел.	Доля, в %
Все население	108377	100
20–24 года	8744	8,1
25–29 лет	10454	9,6
20–29 лет	19198	17,7
Младше трудоспособного возраста	42072	38,8
Трудоспособного возраста	56923	52,5
Старше трудоспособного возраста	9362	8,6
Рассчитано по: [23].		

Таблица 3. Численность и возрастная структура населения России на 1 января 2014 г.

Возрастная структура	Численность, млн. чел.	Доля, в %
Все население	143667	100
20–24 года	9971	6,9
25–29 лет	12522	8,7
20–29 лет	22493	15,7
Младше трудоспособного возраста	24717	16,4
Трудоспособного возраста	85162	60,2
Старше трудоспособного возраста	33788	23,5
Рассчитано по: [24].		

фической основы развития экономики. Демографическая нагрузка составляла 661 на тысячу населения (значительно снизилась по сравнению с довоенным временем), но с лицами старше трудоспособного возраста она составляла 390, т.е. выросла более чем в 2 раза. Наиболее значительно эта тенденция проявилась в городском населении, что в условиях нашей большой по территории страны представляется вызовом дальнейшему развитию экономики.

Существенными являются не только численность и возрастная структура населения, но и показатели ожидаемой продолжительности жизни. Основоположники потенциальной демографии [22] вводят такое понятие, как жизненный потенциал, который определяется как число лет жизни, которые предстоит прожить индивиду или группе в данном возрасте при условии сохранения уровня по возрастной смертности (ожидаемая продолжительность жизни в определенном возрасте). Соответственно, на жизненный потенциал в значительной мере влияет половозрастная структура [1, 17, 28]. Российские исследователи [20] при рассмотрении жизненного потенциала населения и его основных возрастных групп, в определенном смысле связанных с младшим, средним и старшим поколениями нашей страны, показали, что за период с 1990 по 2010 год жизненный потенциал населения России сократился. Снижение жизненного потенциала населения в целом связано с уменьшением данного показателя для младшего поколения (детских возрастов), обусловленным сокращением численности и доли этого поколения в структуре населения. Снижение жизненного потенциала не остановлено из-за сохраняющегося сокращения численности младшего поколения (при пока еще сохраняющемся росте числа родившихся). Вместе с тем в этот период увеличилась ожидаемая продолжитель-

ность жизни. Однако в целом смертность в РФ значительно превышает показатели экономически развитых стран, при этом в первом квартале 2015 года число умерших от основных классов причин смерти (в т.ч. в расчете на 100 тысяч населения) по сравнению с соответствующим периодом прошлого года выросло.

Таким образом, мы подошли к социально-демографическому критерию выделения молодежи как особой группы. Молодежь – это часть населения в возрасте от 15 до 30 лет (иногда верхней границей принимают 35 лет, что связано с социально-экономическими причинами – см. ниже), имеющая свою систему жизненных целей, условия и образ жизни, социально-экономическое и демографическое поведение, отношение к мерам социальной и демографической политики, отличающие эту группу от других возрастных групп.

Одним из основных социальных институтов, формирующих базовые ценности, установки, типы поведения, остается семья. Семья – один из первых социальных институтов человеческой цивилизации. Передача социальных норм в значительной степени происходит в рамках семьи. За десять тысячелетий существования мира «человека разумного» ее структура не оставалась застывшей. В то же время условия жизни семьи, передаваемые новым поколениям нормы поведения, ценности изменялись крайне медленно. Буржуазные революции ускорили социальное время. Современный период можно назвать эпохой «быстротекущих социальных связей» [21]. Сегодня жизнедеятельность поколений в нашей стране в значительной степени связана с «зыбкостью», изменчивостью основных социальных институтов, прежде всего семьи, при усиливающихся внутренних и внешних геополитических вызовах. В этих

условиях семья деформируется, а в ряде случаев перестает эффективно исполнять свою нормативно ориентирующую функцию. Передача культурного наследия от поколения к поколению теряет линейно-поступательную направленность. Как отмечают сотрудники Института социально-политических исследований РАН Ю.А. Зубок и В.И. Чупров, «постоянно возникают риски, связанные с несовместимостью учебы с работой (либо того и другого) с удовлетворением своих культурных запросов. На индивидуальном уровне данное противоречие разрешается последовательным выбором приоритетов. В общественной жизни, особенно при неэффективной социальной политике, в процессе передачи культур накапливаются противоречия между материальным и духовным производством. Недооценка развития любой из сторон общественно-го производства, будь то материальные условия жизни или духовное развитие, усиливает социальные риски не только в этих сферах, но и в общественном воспроизводстве в целом. Роль социальных институтов в достижении и сохранении единства обеих сторон производства трудно переоценить» [10].

Жизнеспособность и значимость страны и цивилизации детерминирована демографическим фактором, практически все демографические процессы связаны с основным социальным институтом общества – семьей. Основы матримониально-го, репродуктивного, самосохранительно-

го поведения, как правило, формируются в семье. В связи с этим при решении проблем воспроизводства населения принципиальная роль принадлежит семейным структурам.

Их динамика в России характеризуется:

- увеличением возраста вступления в первый брак;
- ростом доли неполных семей из-за разводов, внебрачной рождаемости и овдовения;
- возрастанием удельного веса сложных семей, супругов или матерей с детьми, проживающих совместно с родителями и/или другими родственниками из-за жилищных проблем;
- переходом части семейных общественных функций к внесемейным институтам.

Исследования показывают, что высокой остается доля представителей младшего поколения, которые не находят образцов для подражания. Опрос [3], проведенный в мае 2009 г., свидетельствует, что доля молодежи, имеющей идеал для подражания, сокращается с 31,5% в возрасте 14–17 лет до 23,1% в возрасте 25–30 лет. При этом идеалом чаще всего выступают родственники и друзья, в том числе: родственники (близкие) – 35%; учитель, преподаватель – 9,5%; друг – 29,9%. Идеалом, в первую очередь, считают мать или отца. Кумиры жизненным идеалом становятся не часто. Исследования ИСЭПН РАН, проведенные в 2013 году, показали (табл. 4), что более 70% школьников, студентов и работающей

Таблица 4. Оценка респондентами отношений с родителями, в %

Варианты ответа	ВПО	СПО	Работающая молодежь	Школьники
Хорошие	84,6	73,6	78,6	76,7
Удовлетворительные	14,2	26,4	18,8	16,7
Плохие	1,1	0,0	2,6	6,7
ИТОГО	100,0	100,0	100,0	100,0

молодежи определили отношения с родителями как хорошие. Наиболее напряженные отношения у школьников, из которых 7% назвали их плохими.

Ученые отмечают, что в массовом сознании российской молодежи «жизненный успех» — это прежде всего крепкая семья и дети, а также уважение окружающих. Вторая группа значимых жизненных целей — богатство (благополучие), интересная работа. И только после этого следует наличие надежных друзей. В монографии «Молодежь России: социологический портрет» интересной является постановка проблемы социального конфликта. По мнению авторов, это будет конфликт между теми россиянами, которые уже заняли свои ниши в социальной структуре, и молодыми аутсайдерами, которые начнут бороться не столько за сами эти ниши, сколько за перестройку всего социального пространства. Вероятно, возможны иные сценарии в связи с тем, что младшее поколение, как и старшие возрастные когорты, крайне неоднородно. Сегодня основной раскол общества связан не столько с поколенческими разрывами, сколько с разрывом в доходах, экономическим неравенством внутри самих поколений.

Основой микромира России, связи поколений, стабильности общества, как уже говорилось, является семья. Ее изменения (как и других общественных институтов)

происходят в условиях перемен в демографической структуре населения, его нарастающего старения. Молодые люди по сравнению со своими родителями дольше учатся, позже ищут и находят стабильную работу, существенно различающуюся по величине заработка, все позже вступают в зарегистрированный брак, обзаводятся детьми. Как и для «поколения третьего возраста», так и для молодых демографы начали выделять новый жизненный этап (этап неопределенности) между юностью и зрелостью, который связан с «поисками себя», который Д. Арнетт назвал «*emerging adulthood*» [15]. Общество и семья получают новый социальный вызов, обусловленный недостаточной интеграцией молодежи во взрослую жизнь, увеличивающейся экономической нагрузкой на родителей, имеющих взрослых детей. В связи с этим возрастная граница принадлежности к молодежи «отодвигается» с 30 до 35 лет.

В постсоветской России доля молодежи 15–34 лет в общей численности населения изменялась следующим образом. Самая высокая с 1991 г. доля молодежи была зарегистрирована в 2006 г. Численность и доля молодежи до 1 января 2031 г. даны в соответствии с прогнозом Федеральной службы государственной статистики (пересмотренным в 2014 г. с целью включения Крымского федерального округа и г. Севастополя) (табл. 5).

Таблица 5. Численность молодежи и ее доля в общей численности населения на 1 января соответствующего года, факт и прогноз по среднему варианту

Год	Численность молодежи, тыс. чел.	Доля в общей численности населения, в %
1991	4388,3	29,5
2000	4239,5	28,6
2006	4513,8	31,6
2013	4110,9	28,6
2014	41109,3	28,6
2020	3624,8	25,4
2025	3225,3	21,4
2031	3329,5	22,5

Рассчитано по [24, 18].

Одним из важных направлений изучения взаимосвязи социально-экономического и демографического поведения поколений (родителей и молодых людей) является сравнительный анализ влияния числа рожденных детей, а также ожидаемого и желаемого числа детей, системы ценностных ориентаций родителей на поколение их детей. Дети склонны усваивать поведенческую модель, диктуемую обществом как приемлемую для них, так и ориентации своих родителей на рождение детей с учетом своих жизненных ситуаций.

При исследовании репродуктивных ориентаций, как правило, используют следующие показатели: идеальное число детей («Сколько детей лучше всего иметь в семье»), желаемое число детей («Сколько детей (включая имеющихся) Вы хотели бы иметь при наличии всех необходимых Вам условий»), ожидаемое число детей («Сколько детей (включая имеющихся) Вы собираетесь иметь»), а также оценку вероятности рождения ребенка в ближайшие годы, как правило в ближайшие 3 года («Собираетесь ли Вы родить ребенка в ближайшие три года: да обязательно, да, вероятно, трудно сказать, не собираемся, ни в коем случае не собираемся»). Вопрос может также включать просьбу оценить эту вероятность по шкале). Основные два вопроса — это вопросы об ожидаемом числе детей и оценка вероятности рождения ребенка в определенный период времени, первый из вопросов отражает репродуктивные планы с учетом общих условий жизни конкретной семьи, второй — репродуктивные намерения в ближайшее время.

По переписи населения 2010 г. среднее число рожденных детей на одну женщину у «поколений дочерей», фактически вышедших из репродуктивного периода (40–44 года), составляло 1,64, у «поколений матерей» в возрасте 65–69 лет — 1,88.

У городских женщин — соответственно 1,50 и 1,68; у сельских — 2,03 и 2,48. У «поколений дочерей» в возрасте 45–49 лет число рожденных детей на женщину было 1,76, у «поколений матерей» в возрасте 70 лет и старше — 2,08. У городских женщин — соответственно 1,61 и 1,83, у сельских женщин — 2,16 и 2,71. Иначе говоря, «поколение матерей» имело больше детей, чем «поколение дочерей», что является отражением как условий жизни этих поколений, так и системы их ценностей [11].

Согласно результатам исследования в Липецкой области (2006), ценности, репродуктивные планы молодых людей лишь частично совпадают с соответствующими показателями поколения их родителей¹. Желаемое число детей у юного мужского поколения — 1,6, а ожидаемое — 1,5. У мужского поколения родителей — соответственно 2,1 и 1,8, т.е. значимо больше. У молодого женского поколения желаемое число детей составило 2,0, а ожидаемое — 1,7. У их матерей — соответственно 2,3 и 1,7. Ожидаемое число детей у молодого поколения мужчин меньше, чем у их отцов, но у девочек — такое же, как и у их матерей (однако желаемое число детей у дочерей меньше).

У девочек, не имевших братьев и сестер, ожидаемое число детей составило 1,6, у девочек, имевших одного брата или сестру, — 1,7 (т.е. в двухдетных семьях), у воспитанных в трехдетных семьях — 1,8. У мальчиков — соответственно 1,4; 1,5; 1,8. У их матерей ожидаемое число детей не зависит от числа детей в семье их родителей (т.е. бабушек и дедушек молодежи) — неизменно 1,7 [4]. Родительская семья оказывает влияние на репродуктивные планы современ-

¹ Опрошено 1720 мужчин и женщин и 720 подростков (с 14 до 18 лет). Аналогичные результаты получены и в исследовании, проведенном на территории Вологодской области под рук. А.А. Шабуновой. См. подробнее [25].

ных молодых людей, но не оказала влияние на репродуктивные планы их матерей (здесь большую роль сыграла, вероятно, сложная социально-экономическая ситуация, в которой жили матери (средний возраст матерей 37 лет, девушек – 16 лет).

Причиной различий репродуктивных ориентаций молодежи и более старшего поколения могут являться и разные системы ценностей молодых людей, рожденных в переходный период, отличающиеся от системы ценностей их родителей (табл. 6)².

Ниже всех оценивается ценность троих детей, двоих детей и самореализации. Относительно высоко женщины оценивают важность для них семьи и ребенка, мужчины – жилье и материальное благополучие. Разница между оценками материального благополучия и семьи у женщин составляет -0,1 балла (разница незначима), у мужчин – 0,3 балла (разница значима); материального благополучия и двоих детей – соответственно 0,7 и 1,2; троих детей – 2,2 у обоих полов (здесь по всем показателям разница значима). Система ценностей молодых людей практически совпадает с системой ценностей их родителей, кроме такой цели, как самореализация, более важной для молодежи (см. табл. 6).

Молодым поколением ниже всего оценивается также ценность трех и двух детей, самореализации. Но для девушек, в отличие от поколения их матерей, относительно более важны материальное благополучие и жилье, для юношей по сравнению с отцами – образование и карьера. Разрыв между семейными и внесемейными ценностями у молодого поколения выше, чем у старшего поколения родителей. Так, разрыв оценок между материальным благополучием и семьей у девушек составляет 0,2 балла, у юношей – 0,1 балла; двоих детей – у девушек 1,1, троих детей – 2,3 балла. У юношей – соответственно 2,0 и 1,4 балла (значимые различия). Значимы различия между поколениями по таким жизненным целям, как самореализация и намерение иметь двоих детей.

Общероссийское исследование молодежи было проведено в сентябре 2006 г. по репрезентативной выборке в 18 регионах России, представляющих все федеральные округа (опрошено 1500 молодых людей в возрасте до 35 лет)³. По результатам проведенного социологического опроса среднее желаемое число детей (число детей, которые респондент хотел бы иметь в своей семье при всех необходимых ему условиях)

Таблица 6. Оценка значимости некоторых ценностей родителями и молодыми людьми (средний балл по 5-балльной шкале)

Ценности	Родители	Молодые люди
Благоустроенное жилье	4,6	4,5
Работа	4,2	4,3
Иметь семью	4,4	4,3
Иметь ребенка	4,3	4,2
Материальное благополучие	4,5	4,5
Образование	4,2	4,4
Карьера	4,3	4,4
Самореализация	3,7	4,2
Иметь двоих детей	3,6	4,0
Иметь троих детей	2,4	2,3

² В закрытом вопросе респондентам было предложено 16 ценностей. См. [25, с. 115].

³ Исследование проведено по заказу Министерства здравоохранения и социального развития РФ. Руководитель проекта – д.э.н. Л.Л. Рыбаковский, один из исполнителей – соавтор статьи.

составило 2,04. Таким образом, даже то число детей, которое респонденты хотели бы иметь при наличии всех необходимых условий, меньше того, которое требуется для обеспечения воспроизводства населения. Ожидаемое число детей также 1,70.

В обследовании проведен анализ системы ценностей молодых людей, а в ней — анализ значимости семейных ценностей. Респондентам предлагался список из 13 ценностей, включающих такие ценности, как достаток, жилье, образование, карьера, досуг, свобода, независимость, а также ценности семейной жизни в зарегистрированном браке, ребенка, двух детей, трех детей. Важность этих ценностей предлагалось оценить по 5-балльной шкале. На первом месте по своему значению для молодых людей стоят ценность жилья, материального благополучия, ребенка (3-е место в списке из 13 ценностей), образования (профессии, повышения квалификации). Ценность семьи (зарегистрированного брака) — на 7 месте⁴, нескольких детей (8-е место), ценность двух детей находится в середине списка (9-е место в списке из 13 ценностей), трех детей — в самом конце, на 13 месте. Расчет связи оценок позволяет сделать вывод о том, что понятие «несколько детей» ассоциируется у молодежи в основном только с двумя детьми. Обращает на себя внимание невысокая ценность зарегистрированного брака и низкая ценность трех детей⁵.

В 2010 г. исследование было повторено⁶. Среднее желаемое число детей у молодых людей составляло 2,3, а ожидаемое — 1,6.

⁴ В данном исследовании изменена формулировка вопроса: спрашивалось оценить не семью, а жизнь в своей семье, в зарегистрированном браке, что и снизило оценку, которая незначимо отличается от оценки одного ребенка.

⁵ Более подробно см.: Архангельский В.Н., Зверева Н.В., 2007.

⁶ Заказчик, руководитель и исполнители те же, опрошена 1000 молодых людей в возрасте до 35 лет.

После начала реализации демографической политики желаемое число детей выросло, но ожидаемое, наоборот, снизилось. Наибольшие оценки получили такие жизненные цели, как жилье (1 место), материальный достаток и крепкое здоровье (2–3 места⁷), прожить долгую жизнь и желание увидеть внуков (4–5 места). Ценность одного ребенка стала ниже ценности двух детей, ценность трех детей осталась на последнем месте.

По данным исследования репродуктивных планов населения, проведенного под руководством Федеральной службы государственной статистики в 2012 году⁸, оценка важности жизненных целей молодыми людьми до 20 лет и людьми в возрасте 45 лет и старше (условно «поколениями детей и родителей»), а также поколениями молодежи от 20 до 30 лет различалась (табл. 7).

Желаемое число детей у молодых людей до 20 лет составляло 2,2, в возрасте 20–29 лет — 2,1, у поколений в возрасте старше 45 лет — 2,3. Ожидаемое число детей — соответственно 2,0; 2,0; 1,8. Низкое ожидаемое число детей у старших поколений можно объяснить тем, что их активный репродуктивный возраст приходился на сложные 90-е годы и потому они не смогли реализовать свои репродуктивные планы⁹.

Система жизненных целей молодых людей до 30 лет и людей в возрасте 45 лет и старше значимо различается по таким целям, как получить образование и постоянно повышать квалификацию (последнее может быть важно и для людей более старшего возраста), вырастить двоих детей, иметь собственное семейное дело и

⁷ Задавались вопросы и об оценке здоровья, желания увидеть внуков.

⁸ Опрошено 10 тысяч человек в 30 регионах РФ. В исследовании принимал участие соавтор данной статьи.

⁹ Обращает на себя внимание вывод о том, что оценка семьи (зарегистрированного брака) уже во всех поколениях значимо ниже оценки одного ребенка.

Таблица 7. Оценка значимости некоторых жизненных целей
«поколениями детей и родителей» (средний балл по 5-балльной шкале)*

Жизненная цель	До 20 лет	20-29 лет	45 лет и старше
Собственное хорошее жилье	4,8	4,9	4,7
Жить в зарегистрированном браке с супругом(ой), своей семьей	4,4	4,3	4,2
Воспитать ребенка	4,6	4,7	4,6
Много работать, но и получать высокую заработную плату за свою работу	4,4	4,5	4,6
Материальное благополучие моей семьи	4,8	4,9	4,8
Получить образование, постоянно повышать квалификацию	4,4	4,1	3,2
Иметь свое собственное семейное дело, чтобы работать только в нем, вкладывать в него средства и силы, жить на полученный от него доход	3,6	3,5	2,9
Вырастить двоих детей	4,1	4,1	3,8
Карьерный рост	4,2	4,0	2,9
Интересно проводить досуг	4,2	4,1	3,3
Много общаться с друзьями	3,8	3,7	3,0
Иметь троих детей	2,5	2,6	2,3
Быть свободной(ым), независимой(ым) и делать то, что хочу только я	3,1	2,7	3,3
* Группа молодежи и людей старше 45 лет составляет каждая более 1500 человек.			

жить на полученный от него доход, интересно проводить досуг, много общаться с друзьями. Стремление к свободе, независимости более свойственно молодым людям от 20 до 30 лет. Отметим тот факт, что стремление к свободе, независимости, желание делать то, что хочет сам опрошенный, у молодых людей стоит на предпоследнем месте в системе жизненных целей, в отличие от людей более старшего возраста (у них эта цель занимает 6–7 место, т.е. в середине системы жизненных целей, вместе с интересным проведением досуга). Видимо, гипотезу о росте индивидуализма среди молодежи следует еще раз проверить¹⁰. Оценка важности семьи (зарегистрированного брака) и двух-трех детей молодыми людьми значимо отличается от соответствующих оценок старшего поколения. Материальные ценности неизменно у всех поколений занимают главенствующее место.

¹⁰ К такому же выводу привело исследование, проведенное среди студентов экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова в 2013 г. (опрошено 120 студентов 3–4 курсов).

Система ценностей является регулятором первоочередности удовлетворения потребностей. В условиях ограниченности ресурсов они могут прежде всего тратиться на удовлетворение потребностей, стоящих наиболее высоко в иерархии, но не на удовлетворение потребности в нескольких детях. Повышение материального уровня жизни людей, материальная поддержка семей с детьми без одновременной целенаправленной деятельности по повышению ценности нескольких детей может привести к тому, что полученная материальная поддержка будет восприниматься как недостаточная для рождения еще одного ребенка.

Потребность в детях, ее место в системе ценностей выступает в настоящее время основным непосредственным регулятором репродуктивного поведения. Из этого следуют два важных вывода для демографической политики, направленной на повышение рождаемости. Во-первых, улучшение условий жизни, условий реализации потребности в детях приведет к некоторому повышению рождаемости в пределах

желаемого числа детей (т.е. у молодежи ниже 2,03 ребенка, скорее всего не выше 1,7–1,8). Во-вторых, изменение потребности в детях, повышение ценности нескольких детей (если этого удастся добиться) может дать несоизмеримо больший и долговременный результат, чем улучшение условий жизни (здесь ценностная, нравственная связь поколений играет важнейшую роль). Делать нужно одновременно и то, и другое. Только совместное решение обеих этих задач позволит сделать политику повышения рождаемости эффективной. Особенно

это необходимо учитывать в настоящее, не простое для наших экономических возможностей проведение демографической политики, время.

Потенциал поколений, в том числе их социально-экономическая активность, а также численность еще не рожденных поколений в значительной степени определяется социальными ценностями, которые формируются сегодня. Поколения, в том числе поколение 90-х годов, стоят перед историческим выбором, определяющим не только сегодняшние, но и будущие возможности России.

Литература

1. Андреев, Е.М. Метод компонент в анализе продолжительности жизни [Текст] / Е.М. Андреев // Вестник статистики. – 1982. – №3. – С. 42-47.
2. Архангельский, В.Н. Система ценностей молодых людей и роль демографической политики в повышении рождаемости (по результатам общероссийского исследования молодежи) [Текст] / В.Н. Архангельский, Н.В. Зверева // Федерализм. – 2007. – №2. – С. 155-172.
3. Горшков, М.К. Ценностные ориентации, нравственные установки и гражданская активность молодежи [Текст] / М.К. Горшков, Ф.Э. Шереги // Мониторинг общественного мнения. – 2010. – 1(95). – Январь–февраль. – С. 5-36.
4. Донец, В.Д. Демографическое поведение родителей и детей [Текст] / В.Д. Донец // Ученые записки открытого демографического семинара молодых ученых; под ред. М.А. Авдеевой. – М.: МАКС ПРЕСС, 2010. – С. 107-120.
5. Дубин, Б. Старшие и младшие: три поколения на переходе [Текст] / Б. Дубин // Дружба народов. – 1994. – №2. – С. 159-170.
6. Дубин, Б. Социальный статус, культурный капитал, ценностный выбор: межпоколенческая репродукция и разрыв поколений [Текст] / Б. Дубин // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. – 1995. – №1. – С. 12-16.
7. Дубин, Б. Дети трех поколений [Текст] / Б. Дубин // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. – 1995. – №4. – С. 31-33.
8. Дубин, Б. К вопросу о поколенческих и региональных параметрах социокультурных перемен [Текст] / Б. Дубин // Куда идет Россия?.. Социальная трансформация постсоветского пространства. Междунар. симпозиум, 12-14 янв. 1996 г. / Междисциплинар. акад. центр социал. наук; под общ. ред. Т.И. Заславской. – М.: Аспект-Пресс, 1996. – С. 327-334.
9. Зенкин, С.Н. «Поколение»: опыт деконструкции понятия [Текст] / С.Н. Зенкин // Поколение в социокультурном контексте XX века. – М.: Наука, 2005. – С.130-136.
10. Зубок Ю.А., Чупров В.И. Социальная регуляция в условиях неопределенности. Теоретические и прикладные проблемы в исследовании молодежи [Текст] / Ю.А. Зубок, В.И. Чупров. – М.: АCADEMIA, 2008. – С. 48.
11. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 07.2015).

12. Левада, Ю.А. Три «поколения перестройки» [Текст] / Ю.А. Левада // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. — 1995. — №3. — С.7-10.
13. Левада, Ю.А. Поколения XX века: возможности исследования [Текст] / Ю.А. Левада // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. — 2001. — №5.
14. Мангейм, К. Проблема поколений [Текст] / К. Мангейм // Новое литературное обозрение. 1998. — №2(30). — С. 18-24.
15. Мид, М. Культура и мир детства / М. Мид // Избр. произведения. — М., 1988. — 429 с.
16. Ортега-и-Гассет, Х. Тема нашего времени [Электронный ресурс] / Х. Ортега-и-Гассет // Самосознание культуры и искусства XX века. — М., 2000. — Режим доступа: <http://www.countries.ru/library/texts/gasset.htm> (дата обращения: 03.11.2014).
17. Пирожков, С.И. Трудовой потенциал в демографическом измерении [Текст] / С.И. Пирожков. — Киев: Наукова думка, 1992.
18. Прогноз возрастной структуры населения России по однолетним возрастным группам. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (дата обращения: 07.2015).
19. Демография для практических работников [Электронный ресурс] / Л.Л. Рыбаковский, В.Н. Архангельский, Ю.В. Дмитриева, А.Е. Иванова, Н.И. Кожевникова, О.Л. Рыбаковский, Е.В. Страхова. — Режим доступа: <http://rybakovsky.ru/uch1/uchebn1.html> (дата обращения: 10.03.2015).
20. Смертность пожилых в Санкт-Петербурге: гендерные различия [Текст] / Г.Л. Сафарова, О.Н. Михайлова, Л.В. Козлов, А.И. Лисененков // Тезисы XIII Российского национального конгресса «Человек и его здоровье», г. Санкт-Петербург, 25–28 ноября 2008 г. — СПб., 2008. — С. 114.
21. Тоффлер, Э. Третья волна [Текст] / Э. Тоффлер. — М.: АИСТ, 1999. — С. 185.
22. Фильрозе, Э. Очерк потенциальной демографии [Текст] / Э. Фильрозе. — М.: Статистика, 1975.
23. Численность и состав населения Российской Федерации [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (дата обращения: 22.06.2015).
24. Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту на 1 января 2014 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140095700094 (дата обращения: 07.2015).
25. Шабунова, А.А. Рождаемость и воспроизводство населения территории / А.А. Шабунова, О.Н. Калачикова. — Вологда: ИСЭРТ РАН, 2011. — 148 с.
26. Шанин, Т. История поколений и поколенческая история России [Электронный ресурс] / Т. Шанин. — Режим доступа: <http://www.polit.ru/article/2005/08/09/shanin/> (дата обращения: 10.03.2015).
27. Arnett, J.J. Emerging adulthood: A Theory of Development from the Late Teens Through the Twenties [Text] / J.J. Arnett. — American Psychologist. — 2000. — Т. 55. — №5.
28. Preston, S.H. Demography. Measuring and Modeling Population Processes [Text] / S.H. Preston, P. Heuvelline, M. Guillot. — Blackwell Publishers, 2001.

Сведения об авторах

Валентина Григорьевна Доброхлеб — доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт социально-экономических проблем народонаселения Российской академии наук (ИСЭПН РАН) (117218, Россия, г. Москва, Нахимовский проспект, д. 32, vdobrokhleb@mail.ru)

Наталья Викторовна Зверева — доктор экономических наук, профессор кафедры народонаселения экономического факультета, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (119991, Россия, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, zvereva52@yandex.ru)

© Dobrokhleb V.G., Zvereva N.V

The Potential of Modern Russian Generations

Valentina Grigor'evna Dobrokhleb – Doctor of Economics, Professor, Chief Research Associate, Institute of Socio-Economic Studies of Population of the Russian Academy of Sciences (32, Nakhimov Avenue, 117218, Moscow, Russian Federation, vdobrokhleb@mail.ru)

Nataliya Viktorovna Zvereva – Doctor of Economics, Professor of the Department of Population, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University (1, Leninskie Gory, Moscow, 1119991, Russian Federation, zvereva52@yandex.ru)

Abstract. The paper considers the necessity of socio-demographic approach to assessing the potential of modern generations. The demographic potential of generations is determined by their number, their share in total population, and their life expectancy. Their economic potential is determined by the proportion of representatives of different generations in total employment. Their social potential is determined by the system of values of generations. The rapid growth of differences in these characteristics leads to the break up of intergenerational relations and is connected with the aggravation of social contradictions. The potential of modern generations can be considered in different aspects: number of generations, life expectancy at birth, the share of representatives of different generations that share or do not share the basic social values of the society, including values related to reproductive and other types of demographic behavior. In order to identify existing differences between generations in the framework of the socio-demographic approach, the paper analyzes the dynamics of the number of young people in 1926, 1936, 2014 in the Russian Federation; the authors also carry out a comparative analysis of the secondary and authors' sociological data of values-related and reproductive attitudes of conditionally parental and child generations. Russian researchers studied the life potential of the population and proved that in 1990–2010, the life potential of Russia's population decreased. Reduction in the life potential in the population in general is associated with a decrease in this indicator for the younger generation (children's ages) due to the reduction in the number and proportion of this generation in the population structure. The reduction in the life potential has not stopped because the number of the younger generation continues to decrease. However, life expectancy in this period increased. Nevertheless, in general, mortality in the Russian Federation is considerably greater than in developed countries; in the first quarter of 2015 compared to the previous year, the number of deaths from major causes of death increased compared to the corresponding period of the last year. The systems of life goals of young people up to 30 years old and people aged 45 and older significantly differ in aspects such as education, continuous training, raising children, setting up one's own family business and living on its income, spending free time, communicating a lot with friends. The desire for freedom and independence is more typical of young people aged 20–30. The hypothesis about the growth of individualism among young people has not been confirmed. Young people and the older generation have different opinions concerning the family (registered marriage) and two or three children. Material values occupy a dominant place in the opinions of all the generations. Reproductive plans of young people depend on education, lifestyle of their parental family and new socio economic conditions that are measured through the system of value orientations, life goals that depend on changing social values in the new environment. The value system is a regulator of priority in the satisfaction of demands. When the resources are limited, they can first of all be spent on the highest needs in the hierarchy rather than on the satisfaction of the need to have several children. The potential of generations, including their socio-economic activity and the number of unborn

generations are largely determined by social values that are being formed today. The generations, including the generation of the 1990s, are facing a historical choice that will determine not only the present-day but also the future opportunities for Russia.

Key words: generation, potential of generations, employment of generations, life potential of generations, system of values of generations, social generation.

References

1. Andreev E.M. Metod komponent v analize prodolzhitel'nosti zhizni [Component Method in the Analysis of Life Expectancy]. *Vestnik statistiki* [Statistics Bulletin], 1982, no. 3, pp. 42-47.
2. Arkhangel'skii V.N., Zvereva N.V. Sistema tsennostei molodykh lyudei i rol' demograficheskoi politiki v povyshenii rozhdaemosti (po rezul'tatam obshcherossiiskogo issledovaniya molodezhi) [The System of Values of Young People and the Role of Demographic Policy in Raising Birth Rate (Based on the Results of the All-Russian Youth Research)]. *Federalizm* [Federalism], 2007, no. 2, pp. 155-172.
3. Gorshkov M.K., Sheregi F.E. Tsennostnye orientatsii, nraivstvennye ustanovki i grazhdanskaya aktivnost' molodezhi [Values, Moral Principles and Civil Activity of Young People]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya* [Public Opinion Monitoring], 2010, vol. 95, no. 1, January–February, pp. 5-36.
4. Donets V.D. Demograficheskoe povedenie roditel'ei i detei [Demographic Behavior of Parents and Children]. *Uchenye zapiski otkrytogo demograficheskogo seminara molodykh uchenykh* [Scientific Notes of the Open Demographic Seminar of Young Scientists]. Ed. by M.A. Avdeeva. Moscow: MAKS PRESS, 2010. Pp. 107-120.
5. Dubin B. Starshie i mladshie: tri pokoleniya na perekhode [The Senior and Junior: Three Generations at the Transition]. *Druzhiba narodov* [Friendship of Peoples], 1994, no. 2, pp. 159-170.
6. Dubin B. Sotsial'nyi status, kul'turnyi kapital, tsennostnyi vybor: mezhpokolencheskaya reproduksiya i razryv pokolenii [Social Status, Cultural Capital, Value Choice: Intergenerational Reproduction and Generation Gap]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: monitoring obshchestvennogo mneniya* [Economic and Social Changes: Public Opinion Monitoring], 1995, no. 1, pp. 12-16.
7. Dubin B. Deti trekh pokolenii [Children of Three Generations]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: monitoring obshchestvennogo mneniya* [Economic and Social Changes: Public Opinion Monitoring], 1995, no. 4, pp. 31-33.
8. Dubin B. K voprosu o pokolencheskikh i regional'nykh parametrah sotsiokul'turnykh peremen [On the Question of Generational and Regional Socio-Cultural Parameters of Change]. *Kuda idet Rossiya?... Sotsial'naya transformatsiya postsovetskogo prostranstva. Mezhdunar. simpozium, 12-14 yanv. 1996 g.* [Where Is Russia Going?... Social Transformation of the Post-Soviet Space. International Symposium, December 12–14, 1996]. Under the general editorship of T.I. Zaslavskaya. Moscow: Aspekt-Press, 1996. Pp. 327-334.
9. Zenkin S.N. "Pokolenie": opyt dekonstruktsii ponyatiya ["Generation": the Experience of Deconstruction of the Concept]. *Pokolenie v sotsiokul'turnom kontekste XX veka* [Generation in the Socio-Cultural Context of the 20th Century]. Moscow: Nauka, 2005. Pp. 130-136.
10. Zubok Yu.A., Chuprov V.I. *Sotsial'naya regulyatsiya v usloviyakh neopredelennosti. Teoreticheskie i prikladnye problemy v issledovanii molodezhi* [Social Regulation in Conditions of Uncertainty. Theoretical and Applied Problems in the Study of Young People]. Moscow: ACADEMIA, 2008. P. 48.
11. *Itogi Vserossiiskoi perepisi naseleniya 2010 g.* [The Results of the All-Russia Population Census 2010]. Available at: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (accessed 07.2015).
12. Levada Yu.A. Tri "pokoleniya perestroika" [Three "Generations of Perestroika"]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: monitoring obshchestvennogo mneniya* [Economic and Social Changes: Public Opinion Monitoring], 1995, no. 3, pp. 7-10.
13. Levada Yu.A. *Pokoleniya XX veka: vozmozhnosti issledovaniya* [Generations of the Twentieth Century: Opportunities for Research]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: monitoring obshchestvennogo mneniya* [Economic and Social Changes: Public Opinion Monitoring], 2001, no. 5.
14. Mannheim K. Problema pokolenii [The Problem of Generations]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Review], 1998, vol. 30, no. 2, pp. 18–24.
15. Mead M. Kul'tura i mir detstva [Culture and the World of Childhood]. *Izbr. proizvedeniya* [Selected Works]. Moscow, 1988. 429 p.

16. Ortega y Gasset J. Tema nashego vremeni [El tema de nuestro tiempo]. *Samosoznanie kul'tury i iskusstva XX veka* [The Consciousness of Culture and Art of the Twentieth Century]. Moscow, 2000. Available at: <http://www.countries.ru/library/texts/gasset.htm> (accessed November 03, 2014).
17. Pirozhkov S.I. *Trudovoi potentsial v demograficheskom izmerenii* [Labor Potential in Demographic Dimension]. Kiev: Naukova dumka, 1992.
18. *Prognoz vozrastnoi struktury naseleniya Rossii po odnoletnim vozrastnym gruppam*. [The Forecast of the Age Structure of Russia's Population by Individual Years of Age Groups]. Available at: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (accessed 07.2015).
19. Rybakovskii L.L., Arkhangel'skii V.N., Dmitrieva Yu.V., Ivanova A.E., Kozhevnikova N.I., Rybakovskii O.L., Strakhova E.V. *Demografiya dlya prakticheskikh rabotnikov* [Demographics for Practitioners]. Available at: <http://rybakovsky.ru/uch1/uchebn1.html> (accessed March 10, 2015).
20. Safarova G.L., Mikhailova O.N., Kozlov L.V., Lisenenkov A.I. Smernost' pozhilykh v Sankt-Peterburge: gendernye razlichiya [Mortality in the Elderly in Saint Petersburg: Gender Differences]. *Tezisy XIII Rossiiskogo natsional'nogo kongressa "Chelovek i ego zdorov'e", g. Sankt-Peterburg, 25–28 noyabrya 2008 g.* [Abstracts of the 13th Russian National Congress "Man and His Health", Saint Petersburg, November 25–28, 2008]. Saint Petersburg, 2008. P. 114.
21. Toffler A. *Tret'ya volna* [The Third Wave]. Moscow: AIST, 1999. P. 185.
22. Vielrose E. *Ocherk potentsial'noi demografii* [Zarus demografii porencjalnej]. Moscow: Statistika, 1975.
23. *Chislennost' i sostav naseleniya Rossiiskoi Federatsii* [The Size and Composition of the Population of the Russian Federation]. Available at: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (accessed June 22, 2015).
24. *Chislennost' naseleniya Rossiiskoi Federatsii po polu i vozrastu na 1 yanvarya 2014 g.* [Population Size of the Russian Federation by Sex and Age as of January 01, 2014]. Available at: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140095700094 (accessed 07.2015).
25. Shabunova A.A., Kalachikova O.N. *Rozhdaemost' i vosproizvodstvo naseleniya territorii* [Fertility and Reproduction of Population of the Territory]. Vologda: ISERT RAN, 2011. 148 p.
26. Shanin T. *Istoriya pokolenii i pokolencheskaya istoriya Rossii* [The History of Generations and Generational History of Russia]. Available at: <http://www.polit.ru/article/2005/08/09/shanin/> (accessed March 10, 2015).
27. Arnett J.J. Emerging Adulthood: A Theory of Development from the Late Teens through the Twenties. *American Psychologist*, 2000, vol. 55, no. 5.
28. Preston S.H., Heuvelline P., Guillot M. *Demography. Measuring and Modeling Population Processes*. Blackwell Publishers, 2001.

Современная российская демографическая политика в области рождаемости: результаты и направления совершенствования*

**Лариса Алексеевна
ПОПОВА**

доктор экономических наук, доцент
Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера
Коми научного центра Уральского отделения РАН
167982, Россия, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26
popova@iespn.komisc.ru

Аннотация. На протяжении последних лет в России проводится активная государственная демографическая политика, направленная на поддержку вторых и более рождений. В статье рассматривается ее эволюция, оценивается эффективность и предлагаются направления совершенствования. Установлено, что наращивание мероприятий демографической политики путем введения в 2011 г. региональных материнских капиталов на третьего ребенка в дополнение к федеральному капиталу на второго ребенка дало заметные положительные результаты. Оно позволило продлить позитивный тренд рождаемости уже в условиях начавшегося ухудшения структуры женщин фертильного возраста; максимально реализовать ранее отложенные старшими поколениями рождения; увеличить детность семей за счет дополнительных рождений; усилить семейную компоненту рождаемости; повысить репродуктивные установки населения. Вопреки опасениям, рост установок детности произошел не только у старших возрастных когорт. Проведенное в 2013 г. социологическое обследование дает основания надеяться, что малочисленные поколения 1990-х годов рождения, от которых зависят перспективы рождаемости, выйдут на режим слегка расширенного воспроизводства. В условиях ухудшения возрастной структуры детородных контингентов необходимо продолжение и совершенствование демографической политики. Должны быть сохранены все составляющие экономических мер поддержки семей, в том числе детские пособия малообеспеченным семьям, но с увеличением горизонта их назначения до совершеннолетия ребенка. Следует расширить направления реализации материнских

* Работа подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 15-02-00355 «Влияние федеральных и региональных мер демографической политики на репродуктивные установки населения и перспективы рождаемости»).

капиталов. При разработке новых мероприятий демографической политики необходимо сделать больший акцент на психологических мерах по формированию ценностных ориентаций населения в области детности, на улучшении качественной структуры рождаемости и укреплении института семьи. Требуется переориентация экономических мероприятий на вторые рождения, как наиболее семейные. Генеральной линией демографической политики в области рождаемости является повышение самостоятельности семей за счет роста занятости и доходов от трудовой деятельности и развития льготных жилищных программ для семей с детьми.

Ключевые слова: демографическая политика, уровень и структура рождаемости, календарь рождений, репродуктивные установки, реальные поколения.

На протяжении последних восьми лет в России проводится активная демографическая политика в области рождаемости. При этом происходит постепенное наращивание ее мероприятий. Поэтому вопросы, связанные с эволюцией государственной просемейной политики и оценкой ее влияния на уровень и структуру рождаемости, на изменения календаря рождений, на степень реализации существовавших репродуктивных установок населения, на пересмотр своих репродуктивных планов представителями старших когорт детородного возраста, на уровень формирующихся у молодежи установок детности, имеют большое значение. Представленная статья посвящена анализу развития проводимой в России демографической политики, оценке ее результатов и направлениям совершенствования.

Начало современной российской демографической политики можно датировать 2006 годом, когда Президент РФ В.В. Путин обратился с Посланием к Федеральному Собранию, в котором демографические проблемы были названы самой острой, ключевой проблемой России. Результатом выполнения поставленной перед законодательными и исполнительными органами власти задачи по развертыванию активной государственной политики в области рождаемости явилось принятие в ноябре—декабре 2006 г. ряда федеральных законов, а

также разработка «Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года», утвержденной в октябре 2007 г. При этом следует отметить провозглашенный вновь после длительного перерыва дифференцированный подход к стимулированию рождений разной очередности. В качестве приоритета был выдвинут второй ребенок — именно тот, кто зачастую является очень желанным (согласно обследованиям ВЦИОМ, даже в кризисные 1990-е годы среднее желаемое число детей в семье опускалось ниже двух лишь в период 1992—1994 гг. [2]), но для рождения которого существует слишком много ограничений в семьях, сознательно планирующих свою жизнь.

В целом российская система мер помощи семьям с детьми включает следующие пособия и выплаты:

1. Пособие при ранней постановке беременной женщины на учет в женской консультации (в 2015 г. размер составляет 543,67 руб.).

2. Пособие по беременности и родам. Оплачивается по больничному листу: при стаже до 5 лет — 60% заработной платы, от 5 до 8 лет — 80%, свыше 8 лет — 100%. Однако в 2002 г. был установлен максимум этого пособия: его размер не может превышать предельной величины базы для начисления страховых взносов в Фонд социального страхования. В 2015 г. за 140 дней декретно-

го отпуска максимальная величина пособия составляет 228603,2 руб. (приблизительно 49 тыс. руб. в месяц). Женщины, проработавшие менее двух лет с низкой зарплатой либо вообще не имевшие заработка в этот период, получают пособие в минимальном размере: в 2015 г. — 27455,4 руб. за весь период декретного отпуска (т.е. за месяц в размере минимальной оплаты труда).

3. Единовременная выплата при рождении ребенка (в 2015 г. размер составляет 14497,8 руб.).

4. Ежемесячное пособие по уходу за ребенком до полутора лет. С 1 января 2007 г. впервые выплачивается и неработающим женщинам с дифференциацией по очередности рождения. На момент введения было установлено в размере 1500 руб. в месяц на первого ребенка, 3000 руб. — на последующих детей. К 2015 г. в результате индексаций увеличилось, соответственно, до 2718,34 руб. и 5436,67 руб. в месяц. Для работающих женщин размер пособия составляет не менее 40% заработка и не менее его минимального размера, но не более 19855,82 руб. (в 2007 г. максимальный размер составлял 6000 руб.). В регионах с районными коэффициентами пособие назначается с применением коэффициента (в случае если он уже не учтен в составе заработной платы).

5. Ежемесячное пособие на ребенка. Назначается по принципу малообеспеченности семьи. Сумма выплаты колеблется от 50 до 100 руб. в месяц в зависимости от возраста ребенка. Матери-одиночки получают надбавку 50%. В ряде регионов к этому пособию делаются региональные надбавки. Так, в Республике Коми ежемесячное пособие на ребенка, выплачиваемое малоимущим семьям, в конце 2015 г. установлено в следующих размерах: на детей в возрасте до 1,5 года — 1225,39 руб.; от 1,5 до 3 лет —

1188,73 руб.; от 3 до 6 лет — 670,76 руб.; от 6 до 16 лет — 335,37 руб.; на детей в возрасте от 16 до 18 лет, обучающихся в общеобразовательных организациях, — 335,37 руб. Размер увеличивается на 156,50 руб. для детей одиноких родителей, на 78,24 руб. для детей, родители которых уклоняются от уплаты алиментов [8].

6. Единовременное пособие при передаче ребенка на воспитание в семью. Равняется единовременной выплате при рождении ребенка. В случае усыновления ребенка-инвалида, ребенка старше 7 лет, а также детей, являющихся братьями и (или) сестрами, — 100 тыс. руб. на каждого.

Российским законодательством предусматриваются также единовременное пособие беременной жене военнослужащего, проходящего военную службу по призыву, и ежемесячное пособие на ребенка военнослужащего, проходящего службу. Все виды детских пособий в России ежегодно индексируются.

С 1 января 2007 г. согласно Федеральному закону № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» [22] в России была введена совершенно новая на тот момент мера демографической политики — сертификат на материнский (семейный) капитал при рождении второго (последующего) ребенка. Базовый размер составил 250 тыс. руб. К 2015 г. в результате ежегодной индексации он достиг суммы 453026 руб. Средства материнского капитала могут использоваться на улучшение жилищных условий, на образование ребенка и на накопительную часть будущей пенсии матери.

Эффективности федеральных мер демографической политики 2006–2007 гг. посвящено уже значительное число работ [например, 1, 3, 7, 10, 11, 17, 18, 19], которые по-разному оценивают ее результативность как по динамике статистических по-

казателей, так и на основе данных социологических обследований. Однако нельзя отрицать того, что введение материнского капитала на второго ребенка, назначение дифференцированного по очередности рождения ежемесячного пособия до достижения ребенком полутора лет неработающим женщинам, которые чаще всего представлены студентами вузов, учащимися ссузов либо недавними выпускниками образовательных учреждений, и увеличение размеров детских пособий не только позволили продлить позитивные тенденции рождаемости, которые в 2005–2006 гг., в условиях благоприятного воздействия изменений возрастной структуры фертильных контингентов, уже испытали стагнацию и снижение, но и содействовали увеличению детности семьи в результате более полной реализации репродуктивных планов населения, а также заложили начало устойчивого тренда к сокращению уровня внебрачной рождаемости. В то же время они способствовали уплотнению календаря рождений и досрочному исчерпанию итоговой плодовитости многочисленных поколений 1970–1980-х годов рождения [14], что на фоне начавшегося в 2010–2011 гг. ухудшения структуры женщин детородного возраста представляло дополнительную угрозу для уровня рождаемости.

К тому же к 2010 г. эффект новых мер демографической политики практически исчерпался. Темпы прироста суммарного коэффициента рождаемости в 2010 и 2011 гг. составили в России, соответственно, 1,6 и 1,0% против 8,5% в 2007 г. [рассчитано по 13]. Требовалась активизация демографической политики. Поскольку к этому моменту стало совершенно очевидно, что основным направлением использования средств материнского капитала является улучшение жилищных условий, поправкой от 28 июля 2010 г. Федеральный закон

№ 256-ФЗ разрешил использовать средства капитала для перечисления на лицевой счет владельца сертификата, чтобы семья могла самостоятельно построить или реконструировать дом.

Кроме того, в Президентском Послании 2010 г. было предложено Правительству совместно с регионами проработать порядок единовременного предоставления семьям на безвозмездной основе земельных участков под строительство жилого дома или дачи при рождении третьего (последующего) ребенка. В соответствии с этим в ряде субъектов Федерации были разработаны региональные законы о бесплатном предоставлении земельных участков в собственность многодетным семьям, вступившие в действие с начала 2011 г. В указанном году опять немного расширились возможности использования материнского капитала на второго ребенка. 1 июля 2011 г. были внесены изменения в Закон № 256-ФЗ, которые освободили от сроков право родителей на оформление ипотечного кредита на средства капитала. Появилась возможность вовлекать семейный капитал в кредитные отношения на любой стадии, в том числе и использовать его на погашение ипотечных кредитов, полученных ранее.

Важным шагом было принятие в 2011 г. региональных законов о материнском (семейном) капитале при рождении третьего (последующего) ребенка. Так, в Республике Коми с 1 июля 2011 г. вступил в силу закон «О дополнительных мерах социальной поддержки семей, имеющих детей, на территории Республики Коми» [9], утвердивший материнский капитал на третьего ребенка в размере 150 тыс. руб. Средства капитала могут быть направлены на улучшение жилищных условий, получение детьми образования и платных медицинских услуг. Кроме того, законом предусматривается ежегодная единовременная выплата в раз-

мере 25 тыс. руб., которая может быть направлена на оплату занимаемого семей жилого помещения и коммунальных услуг, на содержание детей в дошкольных учреждениях, на уплату налогов, на страхование имущества семьи и жизни детей. Следует отметить, что в других субъектах Федерации величина регионального материнского капитала значительно ниже, чем в Республике Коми, — от 25 до 100 тыс. руб. В Коми предоставляется больше возможностей для распоряжения средствами регионального капитала, что делает эту меру демографической политики и социальной поддержки многодетных семей более эффективной. Поэтому оценка влияния на процессы рождаемости наращивания демографической политики во многом построена на позитивном примере этого региона, тем более что он характеризуется также наличием статистики по очередности рождения, что делает анализ более полным и достоверным.

Анализ ситуации на основе российских данных и углубленный анализ на примере Республики Коми выявляет, что наращивание государственных демографических инициатив дало достаточно заметные положительные результаты. Во-первых, оно позволило продлить позитивный тренд рождаемости уже в условиях начавшегося в 2010–2011 гг. ухудшения возрастной структуры женщин фертильного возраста. Прирост рождаемости, значительно сократившийся в 2009–2011 гг. в сравнении с 2007–2008 гг., в 2012 г. вновь увеличился: общий коэффициент вырос в России с 12,6 на 1000 человек населения до 13,3‰. В 2013 г. было зафиксировано некоторое снижение его уровня — до 13,2‰. Но в 2014 г. рост возобновился — все до тех же 13,3‰ (как с учетом, так и без учета Крымского ФО). Суммарный коэффициент увеличился с 1,58 детей в 2011 г. до 1,69 в 2012 г. и

1,75 в 2014 г. [13]. В 2012 г. в сельской местности страны был преодолен психологически важный рубеж простого воспроизводства населения: для условного поколения 2012 г. суммарный коэффициент составил 2,215 детей. В 2014 г. он достиг 2,338 детей против 1,585 у городского населения.

Во-вторых, расширение мер демографической политики дало возможность максимально реализовать рождения, ранее отложенные старшими поколениями, о чем свидетельствует динамика темпов прироста по возрастных коэффициентов рождаемости. За 1999–2014 гг. произошел заметный сдвиг рождаемости в старшие группы населения. В 2008 г. возрастная мода рождаемости переместилась в России из группы 20–24 лет в группу 25–29 лет. Темп прироста возрастных коэффициентов, отрицательный в целом за 1999–2014 гг. в группах 15–19 и 20–24 лет, нарастает от возраста к возрасту, достигая максимума в группе 40–44 лет [рассчитано по 13]. До 2006 г. максимальный ежегодный прирост возрастного коэффициента рождаемости приходился на группу 35–39 лет. В этот период происходила в основном спонтанная реализация отложенных рождений в семьях, в которых, в условиях улучшения в стране социально-экономической ситуации, появилась возможность для этого. С 2007 г. максимальный прирост перешел в старший возрастной интервал — начали реализовываться рождения, простимулированные федеральным материнским капиталом, которых в его отсутствие, скорее всего, не было бы.

В-третьих, параллельно с этим наблюдается увеличение процента рождений второй, третьей и более высокой очередности. Об этом убедительно свидетельствует статистика в регионах с полным учетом рождений по порядку рождения, например в Республике Коми. В целом за 2006–2014 гг.

доля первенцев уменьшилась в республике на 30,5%, а процент рождений всех остальных порядков увеличился. В первые два года после введения федерального материнского капитала на второго ребенка доля вторых детей в Коми повысилась на 11,3%, третьих — на 25,0%, четвертых и более детей — на 19,0%. В условиях действия регионального капитала на третьего ребенка удельный вес вторых рождений увеличился к 2014 г. по сравнению с 2010 г. на 9,5% (достигнув 41,6%), третьих — на 54,0% (до 13,4%), более старших очередностей — на 72,7% (до 3,8%) [рассчитано по 5, с. 48]. В 2014 г. доля вторых детей (41,6%) превысила долю первых (41,2%). Таким образом, наращивание мероприятий демографической политики, ориентированной на стимулирование вторых, третьих (и последующих) рождений, способствует возрастанию интенсивности рождаемости в результате не только изменения календаря рождений, но и более полной реализации репродуктивных планов населения.

В-четвертых, оно еще более усилило семейную компоненту рождаемости, придав начавшейся в 2006 г. тенденции снижения доли внебрачных рождений устойчивый характер. После двух с лишним десятилетий роста, в течение которых процент рождений вне брака увеличился в России почти в три раза, уровень внебрачной рождаемости сократился с 30,0% в 2005 г. до 22,6% в 2014 г. [4]. Это по-прежнему более чем в два раза выше, чем в начале 1980-х годов, однако прослеживается уже достаточно устойчивый тренд.

Но самое главное то, что наращивание мер демографической политики способствовало росту установок детности. Под руководством автора с интервалом в пять лет было проведено два социологических обследования, в которых ряд вопросов ка-

сался репродуктивного поведения населения. Первое обследование выполнено после введения федерального материнского капитала в конце 2008 — начале 2009 г. (основной массив опрошен в 2008 г., выборка и результаты подробно описаны в [14]). Второе — в 2013 г. в условиях реализации регионального семейного капитала (выборка описана в [15], основные результаты по репродуктивному поведению — в [16]). Прежде всего, необходимо отметить рост к 2013 г. всех основных видов репродуктивных установок. Среднее идеальное число детей увеличилось за пять лет с 2,35 до 2,50, желаемое при всех необходимых условиях — с 2,48 до 2,67, среднее ожидаемое число детей практически достигло уровня простого замещения поколений (выросло с 1,98 до 2,13 детей) [16].

Вопреки опасениям, рост произошел не только у старших когорт населения, которые ранее смогли воспользоваться материнским капиталом на второго ребенка, а после введения регионального капитала на третьего ребенка получили возможность пересмотреть и повысить свои репродуктивные ожидания. В свое время обследование 2008—2009 гг. показало, что федеральные меры демографической политики, ориентированные на второго ребенка, были адресованы главным образом многочисленным поколениям 1980-х годов рождения, а малочисленных поколений начала 1990-х годов стимулирующий эффект федеральных мер не достиг [14]. Введенный в 2011 г. региональный материнский капитал на третьего ребенка, по логике, также адресован старшим поколениям, в том числе и когортам 1980-х годов рождения, которые ранее откликнулись на мероприятия по стимулированию вторых рождений. Однако эффект региональных мер демографической политики оказался более

универсальным. Материнский капитал на третьего ребенка повлиял на репродуктивные планы всех без исключения реальных когорт населения. В наибольшей степени повышение уровня репродуктивных ожиданий, как и предполагалось, характерно для поколений середины 1970-х — начала 1980-х годов. Достаточно значительно увеличилась к 2013 г. и величина ожидаемого числа детей у поколения 1989—1993 гг. рождения, которые, согласно результатам предыдущего обследования, не получили стимулирующего влияния федеральных мер демографической политики. В то же время репродуктивные планы этой когорты и в 2013 г. ниже, чем у других поколений. Это, безусловно, окажет свое негативное влияние на уровень рождаемости ближайших лет. Но самый интересный и на первый взгляд неожиданный результат состоит в том, что наиболее значительным уровнем репродуктивных планов в условиях реализации регионального материнского капитала характеризуется самое молодое поколение, принимавшее участие в опросе. Это малочисленное поколение середины — второй половины 1990-х годов рождения [16]. Очевидно, эта когорта, стандарты демографического поведения которой формировались в благоприятных условиях устойчивой активизации внимания государства к проблемам в области рождаемости, получила достаточно мощный позитивный импульс для реализации своих репродуктивных планов. Есть основания надеяться, что это поколение, от которого во многом зависят перспективы рождаемости, выйдет на режим слегка расширенного воспроизводства. Иными словами, последовательное наращивание мер просемейной демографической политики способно повлиять не только на текущую ситуацию в области рождаемости, но и на ее перспективы.

Есть еще одно мероприятие, которое собственно мерой демографической политики считать нельзя, поскольку оно касается только малообеспеченных семей, но которое, по мнению ряда исследователей, сыграло очень заметную роль в увеличении процента рождений третьей и более очередности в 2013—2014 гг. Речь идет о введенной в соответствии с Указом Президента Российской Федерации «О мерах по реализации демографической политики Российской Федерации» от 7 мая 2012 г. № 606 [21] ежемесячной денежной выплате в размере регионального прожиточного минимума для детей в случае рождения в семье третьего (последующего) ребенка до достижения им трех лет. Предоставление этой меры социальной поддержки зависит от среднедушевого дохода семьи и выплачивается только семьям, имеющим статус малоимущих. Выплата была введена в регионах с уровнем рождаемости ниже среднего по стране на условиях софинансирования из регионального и федерального бюджетов.

Хотя в Республике Коми суммарный коэффициент рождаемости на уровне второго знака после запятой с 2002 г. стабильно превосходит средний по России, региону удалось получить право на федеральное софинансирование и внедрить упомянутое социальное пособие. Согласно Указу Главы Республики Коми № 73 от 15 июня 2012 г. «О реализации Указа Президента Российской Федерации от 07.05.2012 г. № 606 «О мерах по реализации демографической политики Российской Федерации» [20] с 1 января 2013 г. нуждающимся в поддержке семьям в случае рождения после 31 декабря 2012 г. третьего (последующего) ребенка была введена ежемесячная денежная выплата в размере установленного в республике прожиточного минимума для детей, назначаемая до достижения ребенком возраста трех лет.

Размер ежемесячной выплаты является весьма ощутимым, особенно для жителей сельской местности. Например, во II квартале 2015 г. величина прожиточного минимума на ребенка в южных районах Республики Коми составила 10524 руб., в северных — 11488 руб. В результате после введения ежемесячной социальной выплаты на третьего ребенка среди многодетных семей республики произошел заметный рост доли малоимущих. За два с половиной года (с начала 2013 до конца первого полугодия 2015 г.) в ряде сельских районов Коми доля детей, получающих эти выплаты, превышает 80% от общей численности родившихся третьими и последующими (в Усть-Куломском и Ижемском районах — 83–84%, в Корткеросском — 86,5%), а в целом по республике составляет 43,5% [6]. С одной стороны, это, конечно, следствие повышения обращаемости населения за пособием, размер которого представляет вполне весомую сумму. С другой — следствие снижения уровня среднедушевых доходов семьи при рождении очередного ребенка. Но во многом это и результат роста рождаемости в малообеспеченных слоях, простимулированного возможностью получения нового источника дохода. И в таком случае возникает вопрос: как будут жить эти семьи и эти дети, когда им исполнится три года или просто после 31 декабря 2015 г., если сроки выплаты пособия не будут продлены: действующим законодательством предусмотрено предоставление малоимущей семье указанной денежной выплаты только до конца 2015 г.

При этом сроки действия федерального и регионального материнских капиталов также ограничены 31 декабря 2016 г. В то же время для того чтобы невысокие репродуктивные ожидания малочисленных поколений конца 1980-х — начала 1990-х

годов могли удовлетвориться в максимальной степени, чтобы репродуктивные планы еще более малочисленных поколений середины — второй половины 1990-х годов, сформировавшиеся на довольно высоком уровне, могли реализоваться полностью и чтобы следующие за ними тоже малочисленные поколения 2000-х годов рождения, которые только-только вступают в репродуктивный возраст, запланировали для себя не меньшее число детей, необходимо не только продолжать проведение демографической политики в области рождаемости, но и активизировать ее мероприятия.

Это означает, что, по меньшей мере, необходимо пролонгировать действие и федерального, и регионального материнских капиталов. Эффективность и того и другого имеет не только характер изменения календаря рождений. Они реально способствовали увеличению детности семей и повышению уровня репродуктивных установок молодых поколений, которое сыграет свою роль в перспективе. Отмена материнских капиталов приведет к разочарованию населения в государственной демографической политике. В условиях предстоящего длительного структурного понижения уровня рождаемости это чревато новым витком демографического кризиса — более глубокого, чем в 1990-е годы. Еще большую опасность представляет предполагаемый после 2016 г. переход к адресному назначению материнского капитала по принципу малообеспеченности. На наш взгляд, демографической политике категорически противопоказана адресность по бедности. Когда в социально-демографической политике приоритет отдается социальной компоненте — не стоит ожидать от нее устойчивого демографического эффекта. Если переход после 2016 г. на принцип адресного назначения материнских капиталов

только малообеспеченным семьям будет осуществлен, мы не только потеряем рождения, как будет в случае отмены этих мер демографической политики, но мы потеряем их в тех слоях населения, которые обладают самым высоким социализирующим потенциалом. Кроме того, адресность по малообеспеченности в демографической политике, акцентирование внимания на «экономической невыгодности» рождения детей для семьи может оказать отрицательное влияние на уровень репродуктивных установок, формирующихся у поколений 2000-х годов рождения, что, в свою очередь, негативно отразится на дальнейших перспективах рождаемости. Уровень рождаемости, определяемый малочисленными поколениями, может быть повышен лишь за счет корректировки репродуктивного поведения в сторону повышения детности семей [12, с. 152].

В то же время ежемесячную денежную выплату в размере регионального прожиточного минимума ребенка в случае рождения в семье третьего (последующего) ребенка, изначально утвержденную в регионах только для малообеспеченных семей, на наш взгляд, следует и дальше реализовывать не как меру демографической политики, а как меру социальной поддержки многодетных семей с низкими доходами. В таких условиях, во-первых, будет реальная возможность продлить срок действия этого пособия после 31 декабря 2015 г.: на сегодняшний день Министерство труда и социальной защиты Республики Коми инициирует его продление на 2016–2018 годы [6]. А, во-вторых, в условиях выплаты этого пособия только на третью часть, максимум половину детей из малообеспеченных многодетных семей совершенно правомерно ставить вопрос о возможности его распространения и на более старшие

возраста — вплоть до достижения ребенком 16 лет (обучающимся в общеобразовательных учреждениях — до 18 лет). Возможно, с применением поправочных коэффициентов для разных возрастных категорий аналогично ежемесячному пособию на детей. С точки зрения экономики народонаселения главным результатом рождаемости является не рождение детей, а достижение ими возраста экономической активности с максимально высокими качественными характеристиками. Небогатым семьям, решившимся на рождение третьих и более детей, государство должно помочь социализировать их до периода трудоспособности, поскольку в этом заключается его важнейший народнохозяйственный интерес.

Таким образом, в условиях ухудшения структуры фертильных контингентов крайне важно и дальше следовать выбранному курсу демографической политики, обеспечить ей длительный, преемственный характер. Необходимо продолжать реализовывать ее как на федеральном, так и на региональном уровне, а также консолидировать усилия различных социальных институтов в решении демографических проблем, касающихся повышения рождаемости, улучшения ее качественных аспектов. Прежде всего, должны быть сохранены все составляющие экономических мер поддержки семьи с детьми. Это означает безусловную пролонгацию федерального и регионального материнских капиталов после 31 декабря 2016 г. с ежегодной их индексацией, как и всех остальных видов пособий на детей. В связи с этим обнадеживает тот факт, что 3 декабря 2015 г. в ежегодном президентском Послании Федеральному Собранию прозвучал тезис о необходимости продления действия материнского капитала на второго ребенка еще как минимум на два года и что 18 декабря 2015 г. законопро-

ект об этом был принят Государственной Думой сразу в трех чтениях. Как видится, следующим шагом будет пролонгация регионального материнского капитала. Но продление на два года — это паллиатив. Указанные меры демографической политики необходимо сделать бессрочными, чтобы в дальнейшем избегать феномена досрочного исчерпания итоговой плодовитости реальных когорт в стремлении успеть воспользоваться какой-то экономической преференцией.

При этом должны быть существенно расширены направления реализации материнских капиталов. Это экономически незатратно, а психологический эффект может оказаться весьма значительным. В 2015 г. уже рассматривался вопрос о снятии ограничения на распоряжение средствами федерального семейного капитала на оплату первоначального взноса по ипотеке до достижения ребенком трех лет. Обсуждается также возможность приобретения за счет средств сертификата нового автомобиля, произведенного на территории России. Наличие автотранспортного средства существенно расширяет экономические возможности семьи. А вместе с тем это будет реальной поддержкой отечественного автопрома, брендом которого вполне может стать слоган «Автомобиль для молодой семьи». Исследователи предлагают предоставить владельцам сертификатов право на лечение детей за счет средств материнского капитала и на получение образования родителями.

При разработке новых мер демографической политики следует сделать больший акцент не на количественных показателях, а на улучшении качественной структуры рождаемости, укреплении института семьи, возрождении и усилении духовно-нравственных традиций семейных

отношений. Самой просемейной мерой демографической политики можно считать приоритет вторых рождений, поскольку именно они являются наиболее семейными. На наш взгляд, сегодня требуется переориентация экономических мероприятий демографической политики на вторые рождения. При обязательном сохранении и федерального, и региональных материнских капиталов необходимо усилить меры, стимулирующие вторые рождения. Например, в дополнение к федеральному ввести региональные материнские капиталы на второго ребенка. Новые инициативы государства должны вовлекать в свою орбиту не только многодетные семьи, но и прежде всего двухдетные. Чтобы самым распространенным типом семьи в России стала не однодетная, а двухдетная семья. Это тем более актуально, что адресатом усиления мер, ориентированных на вторые рождения, в настоящее время будут малочисленные когорты 1990-х годов рождения, активизация репродуктивного поведения которых отвечает долгосрочным целям демографического развития страны. Кроме того, это будет позитивно влиять на формирование установок детности поколений 2000-х годов рождения, тоже малочисленных.

При этом основной упор в экономических мерах демографической политики должен быть сделан на повышение самостоятельности семей с детьми, достичь которой можно как за счет роста занятости, доходов от трудовой деятельности, возможностей членов молодых семей заниматься предпринимательством, так и за счёт расширения льготных жилищных программ для семей с детьми. Для России, испытавшей быстрые темпы урбанизации на протяжении 30–70-х годов XX века и отличающейся высокой стоимостью возведения жилья в связи с суровыми

природно-климатическими условиями, нерешенность жилищных проблем населения имеет давнюю историю. По результатам практически всех социологических обследований неудовлетворенность жилищными условиями является важнейшим после материальных проблем фактором, не позволяющим семьям реализовывать желаемое число детей. Не случайно основным направлением использования средств материнского капитала является именно улучшение жилищных условий. Поэтому следует расширять спектр мероприятий, помогающих молодым семьям в решении этого вопроса. Это и льготное ипотечное кредитование со снижением процентной ставки при рождении второго и третьего ребенка, и освобождение от первоначального взноса, и софинансирование государством строительства льготного жилья для семей с двумя и более детьми с ценой за квадратный метр ниже средней по населенному пункту и пр. Но в любом случае повышение экономической самостоятельности и улучшение жилищного положения семей с детьми — это прежде всего прерогатива государства. То есть наряду с пособиями на детей эти направления относятся к экономическим мерам государственной демографической политики.

В то же время ни в коем случае нельзя недооценивать эффективность психологических мер демографической политики

по формированию ценностных ориентаций населения в области детности. Есть основания полагать, что достаточно большая часть как повышения рождаемости в 2006–2014 гг., так и увеличения уровня репродуктивных установок населения при наращивании мер демографической политики — это следствие той благоприятной психологической атмосферы, которая сложилась в российском обществе в условиях повышения внимания государства к проблемам в области рождаемости, носящего не декларативный характер, а подкрепленного крупномасштабными экономическими мерами. Поэтому должна быть существенно усилена ориентационная работа среди молодежи с целью формирования у нее репродуктивных стандартов на уровне двухдетности и среднетности. Меры ценностного блока демографической политики, направленные непосредственно на формирование потребности в детях, должны закладываться в сознание населения еще в подростковом возрасте, когда происходит становление приоритетов в жизненных ориентациях человека, поэтому важнейшими проводниками такой политики должны быть семья и школа. Но главным субъектом разработки и реализации социально-психологической демографической политики по повышению потребности в детях является государство.

Литература

1. Архангельский, В.Н. Оценка демографической результативности мер помощи семьям с детьми в России / В.Н. Архангельский // Демография и социальная экономика (Демографія та соціальна економіка). — 2014. — № 1. — С. 108-120.
2. Бодрова, В. Сколько детей хотят иметь россияне? / В. Бодрова // Демоскоп Weekly. — 2002. — №81-82. — 23 сент. — 6 окт. [Эл. рес.]. — URL: <http://demoscope.ru/weekly/2002/081/tema01.php> (дата обращения: 28.11.2015).
3. Вишневский, А.Г. Демографический прорыв или движение по кругу? [Эл. рес.] / А.Г. Вишневский. — URL: <http://demoscope.ru/weekly/2012/0533/tema05.php> (дата обращения: 19.11.2015).

4. Демографические итоги I полугодия 2015 года (часть II) [Эл. рес.] // Демоскоп Weekly. – 2015. – №655-656. – 21 сент. – 4 окт. <http://www.demoscope.ru/weekly/2015/0655/barom01.php> (дата обращения: 28.11.2015).
5. Демографический ежегодник Республики Коми. 2015: стат. сб. / Комистат. – Сыктывкар, 2015.
6. Доклад министра труда и социальной защиты Республики Коми Семяшкина И.В. на заседании Правительства Республики Коми от 27 августа 2015 г. – Сыктывкар, 2015.
7. Елизаров, В.В. Семейная политика: прошлое, настоящее, будущее / В.В. Елизаров // Стратегия демографического развития России: рождаемость и семейная политика: матер. Всерос. науч.-практ. конф. – Вып. 1. – М., 2013. – С. 10-28.
8. Закон Республики Коми «О государственных гарантиях в Республике Коми семьям, имеющим детей» № 57-РЗ от 12.11.2004 г., ред. от 19.11.2015 г. [Эл. рес.]. – URL: <http://www.komiinform.ru/news/129388/> (дата обращения: 27.11.2015).
9. Закон Республики Коми «О дополнительных мерах социальной поддержки семей, имеющих детей, на территории Республики Коми» от 29.04.2011 г. № 45-РЗ // Республика. – 2011. – № 98. – 12 мая.
10. Захаров, С.В. Рост числа рождений в России закончился? [Эл. рес.] / С.В. Захаров. – URL: <http://demoscope.ru/weekly/2011/0453/tema01.php> (дата обращения: 12.11.2015).
11. Зверева, Н.В. Действенность мер демографической политики в области рождаемости: оценки населением / Н.В. Зверева // Вестник Самарского государственного экономического университета. – 2013. – № 9. – С. 15-27.
12. Калачикова, О.Н. Тенденции и перспективы демографического развития России и Вологодской области / О.Н. Калачикова, А.А. Шабунова, М.А. Ласточкина // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2012. – № 5 (23). – С. 143-153.
13. Официальный сайт Росстата. – URL: <http://www.gks.ru/> (дата обращения: 31.08.2015).
14. Попова, Л.А. Современные стандарты репродуктивного поведения населения и задачи просемейной демографической политики / Л.А. Попова, Н.А. Бутрим // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2011. – № 2 (14). – С. 73-85.
15. Попова, Л.А. Экономические и социальные аспекты старения населения в северных регионах / Л.А. Попова, Е.Н. Зорина. – Сыктывкар, 2014. – 122 с.
16. Попова, Л.А. Трансформация репродуктивного поведения населения Республики Коми: факторы и последствия / Л.А. Попова, М.А. Шишкина, Н.А. Бутрим // Регион: экономика и социология. – 2015. – № 3 (87). – С. 190-212.
17. Римашевская, Н.М. Изменение посемейной структуры населения как следствие «новой» пронаталистской политики в России / Н.М. Римашевская, В.Г. Доброхлеб, Ю.Н. Янчук // Демографическое настоящее и будущее России и ее регионов: материалы Всерос. науч.-практ. конф. – Вып. 1. – М., 2012. – С. 87-94.
18. Рыбаковский, О.Л. Эффективность политики России в области рождаемости / О.Л. Рыбаковский, О.А. Таюнова // Стратегия демографического развития России: рождаемость и семейная политика: матер. Всерос. науч.-практ. конф. – Вып. 1. – М., 2013. – С. 92-101.
19. Синельников, А.Б. Влияние семейной и демографической политики на брачность и рождаемость / А.Б. Синельников // Стратегия демографического развития России: рождаемость и семейная политика: матер. Всерос. науч.-практ. конф. – Вып. 1. – М., 2013. – С. 127-135.
20. Указ Главы Республики Коми от 15 июня 2012 г. № 73 «О реализации Указа Президента Российской Федерации от 07.05.2012 г. № 606 «О мерах по реализации демографической политики Российской Федерации». – URL: http://www.detskie-posobiya.ru/ezhemesjachnye_denezhnye_vyplaty_na_tretego_rebenka_do_3_let_mnogodetnym_semjam/komi/ukaz_73/ (дата обращения: 20.11.2015).
21. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2012 г. № 606 «О мерах по реализации демографической политики Российской Федерации». – URL: <http://gubernator96.ru/uploads/606.pdf> (дата обращения: 20.11.2015).
22. Федеральный закон «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» от 29.12.2006 г. № 256-ФЗ // Российская газета. – 2006. – № 297 – 31 дек.

Сведения об авторе

Лариса Алексеевна Попова – доктор экономических наук, доцент, заместитель директора по научной работе, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук (167982, Россия, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26, popova@iespn.komisc.ru)

© Popova L.A.

Modern Russian Demographic Policy in the Field of Fertility: Results and Areas for Improvement

Larisa Alekseevna Popova - Doctor of Economics, Associate Professor, Deputy Director for Science, Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North Komi Science Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (26, Kommunisticheskaya Street, Syktyvkar, Komi Republic, 167982, Russian Federation, popova@iespn.komisc.ru)

Abstract. In recent years, Russia has been pursuing the demographic policy focused on the support of the birth of the second and more children. The paper discusses the development of this policy, assesses its effectiveness and suggests areas for improvement. It has been established that the expansion of demographic policy measures by introducing in 2011 the regional maternal capital for the birth of the third child in addition to the federal capital for the second child gave positive results. It helped extend the positive trend in the birth rate as the situation concerning the women of childbearing age began to worsen; it also helped older generations to decide in favor of having children rather than wait for better times; in addition, this policy helped extend the families through additional births, strengthen the family component of fertility, and promote reproductive attitudes of the population. In spite of the fears, the growth in the number of decisions to have children took place not only in older age cohorts. A sociological survey conducted in 2013 gives reason to hope that the small generations of those born in the 1990s and on which the prospects of fertility depend, will achieve slightly expanded reproduction. As the age structure of fertile contingents is deteriorating, it is necessary to carry on and improve demographic policy. It is necessary to preserve all the components of economic measures to support families, including childcare allowances to low-income families, and they should be extended up to the time when the child comes of age. It is necessary to widen the scope of implementation of the maternity capital. When developing the new measures of demographic policy, one should put more emphasis on the psychological measures aimed to form value orientations of the population in the area of childbearing, to improve the quality structure of fertility and strengthen the institution of family. It is necessary to reorient economic activities on second births. The general line of the demographic policy in the field of fertility is to increase self-sufficiency of families through the promotion of employment and increase in incomes from employment and development of preferential housing programs for families with children.

Key words: demographic policy, level and structure of fertility, calendar of births, reproductive attitudes, real generations.

References

1. Arkhangelskii V.N. Otsenka demograficheskoy rezul'tativnosti mer pomoshchi semyam s detmi v Rossii [Assessment of Demographic Efficiency of Measures of Providing Support to Families with Children in Russia]. *Demografiya ta sotsialna ekonomika* [Demography and Social Economy], 2014, no. 1, pp. 108-120.

2. Bodrova V. Skol'ko detei hotyat imet' rossiyanе [How Many Children Russians Want Have]. *Demoskop Weekly* [Demoscope Weekly], September 23 – October 6, 2002. Available at: <http://demoscope.ru/weekly/2002/081/tema01.php> (date of access: November 28, 2015).
3. Vishnevskii A.G. *Demograficheskii proryv ili dvizhenie po krugu?* [Demographic Breakthrough or Going Round in Circles?], 2012. Available at: <http://demoscope.ru/weekly/2012/0533/tema05.php> (date of access: November 19, 2015).
4. *Demograficheskie itogi 1 polugodiya 2015 goda (chast' 2)* [Demographic Totals of the First Half-Year 2015 (Part 2)]. *Demoskop Weekly* [Demoscope Weekly], no. 655-656, 21 September – 4 October 2015. <http://www.demoscope.ru/weekly/2015/0655/barom01.php> (date of access: November 28, 2015).
5. Demograficheskie ezhegodnik Respubliki Komi. 2015: stat.sb [Demographic Yearbook of the Komi Republic. 2015: Statistics Collection]. *Komistat* [Territorial Body of the Federal State Statistics Service in the Komi Republic]. Syktyvkar, 2015.
6. *Doklad Ministra truda i social'noj zashchity Respubliki Komi Semyashkina I.V. na Zasedanii Pravitel'stva Respubliki Komi ot 27 avgusta 2015 g.* [The Report of I.V. Semyashkin, the Minister of Labor and Social Protection of the Komi Republic, at the Session of the Government of the Komi Republic on August 27, 2015]. Syktyvkar, 2015.
7. Yelizarov V.V. Semeynaya politika: proshloe, nastoyashchee, budushchee [Family Policy: the Past, the Present and the Future]. *Strategiya demograficheskogo razvitiya Rossii: rozhdaemost i semeynaya politika. Mater. Vseross. nauch.-prakt. konfer. Vyp. 1.* [Strategy for Demographic Development of Russia: Fertility and Family Policy. Materials of the All-Russian Scientific-Practical Conference]. Moscow, Econ-Inform Publ., 2013. Vol. 1. Pp. 10-28.
8. *O gosudarstvennykh garantiyakh v Respublike Komi sem'yam, imeyushchim detei: zakon Respubliki Komi ot 12.11.2004 g. № 57-RZ. Red. ot 19.11.2015 g.* [Law of the Komi Republic “On State Guarantees in the Komi Republic to the Families with Children” No.57-RZ of November 12, 2004. As Amended on November 19, 2015]. Available at: <http://www.komiinform.ru/news/129388/> (date of access: November 27, 2015).
9. O dopolnitel'nykh merakh sotsial'noy podderzhki semey, imeyushchikh detey, na territorii Respubliki Komi: Zakon Respubliki Komi ot 29.04.2011 g. № 45 [Law of the Komi Republic “On Additional Measures of Providing Social Support to Families with Children, on the Territory of the Republic of Komi” No.45 of April 29, 2011]. *Respublika* [Republic], 2011, no. 98, May 12.
10. Zakharov S.V. *Rost chisla rozhdeniy v Rossii zakonchilsya?* [Has the Increase in Birth Stopped in Russia?]. Available at: <http://demoscope.ru/weekly/2011/0453/tema01.php> (date of access: November 12, 2015).
11. Zvereva N.V. Deystvennost mer demograficheskoy politiki v oblasti rozhdaemosti: otsenki naseleniem [Efficiency of Measures for Demographic Policy Concerning Birthrate: Population Estimates]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta* [Vestnik of Samara State University of Economics], 2013, no. 9, pp. 15-27.
12. Kalachikova O.N., Shabunova A.A., Lastochkina M.A. Tendentsii i perspektivy demograficheskogo razvitiya Rossii i Vologodskoi oblasti [Demographic Evolution Trends and Prospects in Russia and the Vologda Oblast]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast]. 2012, no. 5 (23). pp. 143-153.
13. *Ofitsial'nyi sait Rosstat* [Official Website of the Federal State Statistics Service of Russia]. Available at: <http://www.gks.ru/> (date of access: August, 31, 2015).
14. Popova L.A., Butrim N.A. Sovremennyye standarty reproduktivnogo povedeniya naseleniya i zadachi prosemeinoi demograficheskoi politiki [Modern Standards of Reproductive Behavior of the Population and the Objectives of Pro-Family Population Policy]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 2011, no. 2 (14), pp. 73-85.
15. Popova L.A., Zorina E.N. *Ekonomicheskie i sotsial'nye aspekty stareniya naseleniya v severnykh regionah* [Economic and Social Aspects of Population Aging in the Northern Regions]. Syktyvkar, 2014, 122 p.
16. Popova L.A., Shishkina M.A., Butrim N.A. Transformatsiya reproduktivnogo povedeniya naseleniya Respubliki Komi: faktory i posledstviya [Change in Reproductive Behavior in the Komi Republic: Factors and Consequences]. *Region: ekonomika i sociologiya* [Region: Economy and Sociology], 2015, no. 3 (87), pp. 190-212.
17. Rimashevskaya N.M., V.G. Dobrokhleb, Yanchuk Yu.N. Izmenenie posemeynoy struktury naseleniya kak sledstvie “novoy” pronatalistskoy politiki v Rossii [Change in Household Structure of the Population as a Consequence of the “New” Pro-Natalist Policy in Russia]. *Demograficheskoe nastoyashchee i budushchee Rossii i ee regionov: Mater. Vseross. nauch.-prakt. konfer. Vyp.1* [Demographic Present and Future of Russia and Its Regions: Materials of the All-Russian Scientific-Practical Conference]. Moscow, 2012. Vol. 1. Pp. 87-94.

18. Rybakovskii O.L., Tayunova O.A. Effektivnost' politiki Rossii v period rozhdaemosti [Efficiency of Russia's Policy in Fertility Period]. *Strategiya demograficheskogo razvitiya Rossii: rozhdaemost i semeynaya politika. Mater. Vseross. nauch.-prakt. konfer. Vyp. 1* [Strategy for Demographic Development of Russia: Fertility and Family Policy. Materials of the All-Russian Scientific-Practical Conference]. Moscow: Econ-Inform Publ., 2013. Vol. 1. Pp. 92-101.
19. Sinelnikov A.B. Vliyanie semeynoy i demograficheskoy politiki na brachnost i rozhdaemost [The Impact of Family and Demographic Policy on Marriage Rate and Fertility]. *Strategiya demograficheskogo razvitiya Rossii: rozhdaemost i semeynaya politika. Mater. Vseross. nauch.-prakt. konfer. Vyp. 1* [Strategy for Demographic Development of Russia: Fertility and Family Policy. Materials of the All-Russian Scientific-Practical Conference]. Moscow: Econ-Inform Publ., 2013. Vol. 1. Pp. 127-135.
20. *O realizatsii Ukaza Prezidenta Rossiiskoi Federatsii ot 07.05.2012 g. № 606 "O merakh po realizatsii demograficheskoi politiki Rossiiskoi Federatsii": ukaz Glavy Respubliki Komi ot 15.06.2012 g. № 73* [On the Realization of the Decree of the President of the Russian Federation of May 07, 2012 No. 606: The Decree of the Head of the Komi Republic of June 15, 2012 No. 73]. Available at: http://www.detskie-posobiya.ru/ezhemesjachnye_denezhnye_vyplaty_na_tretogo_rebenka_do_3_let_mnogodetnym_semjam/komi/ukaz_73/ (date of access: November, 20, 2015).
21. *O merakh po realizatsii demograficheskoi politiki Rossiiskoi Federatsii: ukaz Prezidenta Rossiiskoi Federatsii ot 07.05.2012 g. № 606* [On the Measures of Realization the Demographic Policy in the Russian Federation: The Decree of the President of the Russian Federation of May 07, 2012 No. 606]. Available at: <http://gubernator96.ru/uploads/606.pdf> (date of access: November, 20, 2015).
22. *O dopolnitel'nykh merakh gosudarstvennoy podderzhki semei, imeyushchikh detei: Federal'nyi zakon ot 29.12.2006 g. № 256-FZ* [Federal Law "On Additional Measures of State Support to Families with Children" No.256-FL of December 29, 2006]. *Rossiyskaya gazeta* [The Russian Newspaper], 2006, no. 297, December 31.

DOI: 10.15838/esc.2016.2.44.6

УДК 314.114, ББК 60.546.22

© Трошина Т.И.

Стратегии и практики коллективного самосохранения населения северной деревни: исторический опыт и современные реалии*

**Татьяна Игоревна
ТРОШИНА**

доктор исторических наук, доцент
Северный Арктический федеральный университет имени М.В. Ломоносова
163002, Россия, г. Архангельск, набережная Северной Двины, д. 17
public@narfu.ru

Аннотация. Статья является результатом научно-теоретического и эмпирического исследования автором проблемы коллективного самосохранения локальных социумов на территории Архангельской области. Платой за рост общего благосостояния становится ослабление семейных связей, деформация половозрастной структуры населения и, как следствие, усугубление рисков демографического характера, развитие различных социальных девиаций, разрушение традиционных связей, которые веками позволяли людям выживать благодаря социальной солидарности и взаимопомощи. Социальные риски влекут за собой – прямо или опосредованно – и все остальные риски, придавая им особенно тяжелые для общества формы. Вместе с тем в обществе в исторической ретроспективе сформировались механизмы защиты от негативных последствий социальных и прочих потрясений. Особо четкие формы они приобрели у локально проживающих групп населения, сохраняясь и в настоящее время в виде социального контроля, социальной солидарности, других форм коллективной защиты. Продолжают существовать и внутри-социумные механизмы, которые в условиях удаленности от социальных служб и органов правопорядка заставляют людей проявлять активность и взаимопомощь. Эта сторона социальной жизни имеет не только научный интерес (как уходящая традиция), но и практический – поскольку сохраняющийся таким образом социальный и культурный потенциал можно развивать и использовать для организации жизнедеятельности отдаленных населенных пунктов. Опираясь на изучение истории региона, автор

* Статья подготовлена в рамках исследования, поддержанного грантом Российского научного фонда (проект № 15-18-00104 «Российская Арктика: от концептуализации к эффективной модели государственной этнонациональной политики в условиях стабильного развития регионов»).

выявила риски социокультурного характера, которые могут возникнуть у населения отдаленных и слабозаселенных территорий под влиянием различной природы внешних и внутренних вызовов. На основе этой концепции была составлена и реализована в 2015 году программа полевого изучения стратегий и практик преодоления этих рисков локально проживающими социумами.

Ключевые слова: отдаленные и слабозаселенные территории, сельское население, Архангельская область, социокультурные риски, коллективное самосохранение, социальная история, полевые исследования.

Русская деревня, крестьянство, сельское население всегда были достаточно популярным предметом научного исследования экономистов, социологов, историков, культурологов. Сейчас, когда происходит рефлексия по поводу последствий кризисных явлений в общественной, экономической, политической и культурной жизни, это внимание сохраняется и обостряется. Причина в том, что любая дискуссия о современном состоянии российского общества, о причинах неуспешности проводимых реформ ставит вопрос о «национальном менталитете». И если маргинальные социальные группы рано или поздно изменяют свой менталитет, приспосабливаясь под потребности модернизируемого общества, то такие традиционалистские слои, как крестьянство, на протяжении всех реформ и революций проявляли удивительное упорство в сохранении своих представлений, своего образа жизни.

Крестьянство, отличаясь особым типом ментальности и подчиненным положением по отношению к власти и иным социальным группам [14], казалось бы, никогда не было актором политической жизни. Но, оставаясь до середины XX века большинством населения России, оно само по себе, как отмечал американский советолог, выходец из Советского Союза М. Левин, составляло важнейший фактор развития событий российской истории [16]. Любые изменения происходили под влиянием реакции многомиллионного и относительно целостного крестьянского общества на

принудительные меры государства по проведению модернизации (от кого бы они ни исходили — от Петра I, П.А. Столыпина или И.В. Сталина). В 1917–1920 годах эта реакция вылилась в архаизацию деревни, а именно привела к инверсии, к возвращению общинности в социальной жизни и аграрного производства — в экономической [2, 13, 15, 16].

М. Левин, однако, предлагал учитывать и то, что в результате ускоренной социальной мобильности представителями новой элиты на протяжении почти всего XX века в основном были выходцы из крестьянской среды, носители соответствующего менталитета, представлений, социальных ожиданий. Они привносили в реализацию модернизационного проекта «свою психологию, свои представления, свой менталитет, свою архаичную стихийность» [см.: 3], что и ставило на повестку дня очередную модернизацию [2].

Поскольку все бурные события в истории России на протяжении XX века приходились на периоды мощных урбанизаций и их основными участниками были выходцы из крестьянской среды в первом, редко втором или третьем поколении, не случаен интерес к постперестроечной деревне со стороны зарубежных исследователей. В 1990-е, в начале 2000-х годов в России было реализовано несколько больших совместных исследований, среди которых следует отметить российско-британский социологический проект «Изучение социальной структуры советского и постсо-

ветского села» и проект «Индустриализированная деревня: к трансформации сельского стиля жизни в постсоциалистических обществах».

В рамках реализации этих проектов финансировались в первую очередь не архивные изыскания, а фиксация «устной истории», благодаря чему был собран уникальный материал, который позволяет ученым различных направлений (социологам, экологам, политологам, культурологам, юристам, историкам, экономистам) осмыслить переходный период не только с точки зрения интеллектуалов, но и «глазами простолюдинов».

Такое голографическое изучение современной деревни, при котором происходят попытки осмысления проблем, имеющих в том числе и историческую подоплеку (включение локальных социумов и отдельных индивидов в «расширенное общество», последствия «большого демографического перехода», мощной социально-культурной и экономической модернизации и проч.), демонстрирует и отдельные недостатки, оставшиеся нам «в наследство» еще от времен Радищева и революционных демократов, которым было свойственно идеализировать и одновременно жалеть крестьян, видя корень любого «зла» в государственной политике.

Описывая деревню, современные исследователи указывают на «несамостоятельность, безынициативность, надежду на сильного руководителя», видя в этом «наследство Советской власти, которое [деревня], в свою очередь, получила от своей предшественницы — царской России». «Патерналистская политика государства, которая транслировалась через крестьянскую общину до 1917 г. и через колхозно-совхозный строй после революции, приучила население надеяться на то, что за тебя все будет решено» — так описывают

авторы свои впечатления от изучения сибирского села [11, с. 64]. Поскольку такое объяснение входит в диссонанс с принятыми представлениями об особом характере русских сибиряков, — находят и другое объяснение. Оказывается, кроме негативного влияния «колхозно-совхозного строя», на менталитет жителей деревни повлияло и большое количество проживавших здесь переселенцев «из белорусских и смоленских деревень, где всего за 50 с лишним лет до основания [деревни] было крепостное право» [11, с. 64].

Проблемы для полноценной работы местного самоуправления, вызванные разрушением связей в деревне, глава администрации одного из башкирских районов увидел в миграционных процессах, и главным рычагом их, по его мнению, были репрессии сталинской эпохи (раскулачивание и проч.) [6]. В начале XX века миграция не была такой высокой, однако желающих на выборные должности находилось мало — возможно, по причине возмужавшего доверия к закону, что уменьшало важность самоуправления. Когда же после революции произошло ослабление и делегитимизация государственной власти, — тогда самосохранительные институты поспособствовали воссозданию мощной системы самоуправления в деревне, которую, приспособивая к новым государственным потребностям, пришлось разрушать достаточно жесткими способами.

Таким образом, сохраняется традиция видеть «во всем плохом» результаты либо крепостного права, либо советской власти. А для тех групп крестьян, которые традиционно рассматривались как положительный результат свободного развития (поморы, сибирцы), в качестве причины добавлялось еще внешнее воздействие в виде переселенцев, принесших с собой негативный приспособленческий менталитет. В результате

всего этого комплекса причин и сложилось, как полагают, неприятие тех свобод, которые были дарованы эпохой реформ, объясняемое тем, что «в деревне нет шансов отстаивать свои интересы, кроме глухого сопротивления и недоверия любым акциям властей» [10, с. 36].

Уже сложно обвинять во всем крепостное право (которое распространялось лишь на 40% сельского населения России, было отменено полтора века назад и к тому же принесло много положительного — в виде навязанных населению экономических, социальных и культурных инноваций). Да и колхозное время воспринимается сейчас далеко не отрицательно, что связано с общинной традицией, которую продолжают идеализировать. В поисках причин неудачи очередных реформ следовало бы опереться на знания о негативном восприятии крестьянством любых инноваций (например, начиная с введения в петровскую эпоху картофеля и его окучевания — до уборки машинами). Вслед за В.О. Ключевским, связывавшим большую устойчивость традиционных форм у «великороссов» с особенностями природно-климатических условий, Л.В. Милов объяснял это свойственным вообще России минимизированным прибавочным продуктом [18], что формировало страх перед любыми новшествами, любым отходом от проверенных временем стандартов.

Здесь следует учесть и региональные особенности отдельных крестьянских групп, которые нельзя игнорировать при всей внешней схожести крестьянства, существующей благодаря своему качеству как социальной основы. Сложно, например, сравнивать крестьян северо-восточных районов Архангельской области не только с земледельцами Южной Азии или Воронежской области, но и даже Вологодской. Так, меньшая приспособленность к изме-

нениям, как экономическим, так и социальным, культурным, присутствует именно у крестьян, не знавших «крепостного ига» (которое, кроме прочего, включало цивилизирующее влияние помещиков, дворянской культуры) и привыкших ожидать в определенных обстоятельствах помощи именно от государства.

Многие интерпретации современных процессов в деревне можно подвергнуть критическому анализу с социально-исторических позиций. Но широкое обобщение — не задача историка. Поэтому в данной статье дается авторское понимание процессов «выживания» в условиях очередного варианта русской модернизации населения отдаленных и малозаселенных территорий Севера Европейской России, которое показывало и показывает удивительные примеры коллективного самосохранения в условиях любых, самых тяжелых кризисов.

Крестьянами принято называть представителей социальной группы, занятой натуральным или натурально-товарным сельскохозяйственным производством на базе семейного хозяйства (двора), существующих в специфическом природном и культурном контексте [14]. Этот термин стал уже как бы устаревшим. Социологи и экономисты все чаще используют понятие «сельское население», поскольку в силу различных обстоятельств большинство занятых сейчас в сельскохозяйственном труде в той или иной степени являются наемными работниками, а среди других обитателей сельской местности немало маргиналов, выкинутых из городской жизни под влиянием кризисных явлений 90-х годов. До сих пор в село продолжают возвращаться те, кто не смог найти своего места в городской жизни, которая на протяжении XX века становилась все более и более привлекательной для деревенской молодежи.

Обращает на себя внимание тот факт, что в литературе, не только публицистической, но нередко и научной, построенной на статистических данных, на результатах социологических опросов о «социальном самочувствии» населения, присутствуют упаднические настроения, оценки ситуации в современной русской деревне (прежде всего в Нечерноземье) как деградирующей.

Социологические опросы озадачивают «тенденцией социальной патологии и дезорганизации (алкоголизм, преступность и проч.), которая проявляется сегодня на селе гораздо резче, чем в городе» [10, с. 24]. Отмечается, что в оценке своего современного состояния и в социальных ожиданиях сельского населения «абсолютно преобладают темные и полутемные тона» [5, 7, 22, 26]. «Село, — пишет в 2005 году доктор экономических наук Л.В. Бондаренко, — переживает едва ли не самый драматичный период в своей истории. Оно отброшено в развитии на десятилетия назад. Усугубились негативные явления доперестроечного периода, возникли и прогрессируют новые — безработица, массовая бедность, недоступность образования, медицинской помощи, культурных, торговых, бытовых услуг, социально-психологический стресс, порожденный отступлением от ранее завоеванных позиций, неуверенностью в завтрашнем дне, “отсутствием света в конце туннеля”, нравственная деградация» [5, с. 69]. С опорой на конкретные цифры делаются выводы об отставании доходов селян от доходов жителей городов, о сокращении населенных пунктов в сельской России, высокой естественной убыли, вызванной в том числе и худшей обеспеченностью сельских поселений основными объектами социальной сферы, их недоступностью из-за удаленности и слабого развития транспортной инфраструктуры.

Таким образом, формальные методы исследования социальных и социально-экономических условий северной деревни (и не только на современном этапе — можно обратиться к публикациям схожего характера начала XX века) дают негативную картину происходящего.

Положительно оценивать деревню, пожалуй, продолжают только этнографы, которые в силу специфики своего предмета изучают сохранившиеся традиционалистские формы, воспринимая их при этом чаще всего как архаичные, устаревшие. Вместе с тем, опираясь на свои полевые исследования, проведенные еще в 1970–90-е годы, автор видела в подобных традиционных формах материальной и духовной жизни, восстановленных в экстремальных экономических условиях 1920-х годов, проявление самосохранительных технологий, нацеленных на социальное, культурное и материальное выживание [23]. Подобное сопротивление инновациям, сохранение в коллективной памяти альтернативных способов существования, готовность при необходимости их реанимировать рассматривалось Дж. Скоттом как способ пассивного сопротивления навязываемым новшествам [21]. Впрочем, по мнению израильского социолога Ш. Эйзенштадта, демонстративное неприятие навязываемых инноваций может иметь и другой смысл: отражать «процесс реконструирования ряда существующих [социальных и культурных] моделей» и подготовку их к функционированию в новых реалиях, то есть к созданию новых форм социальной жизни [29].

С мрачными оценками современного состояния деревни (которые можно объяснить вообще характерным для сельского населения стремлением несколько занизить при формальном социологическом опросе свое материальное положение, негативно охарактеризовать его по срав-

нению с прошлым) контрастирует исследование Ю.М. Плюснина. Изучая в течение нескольких лет систему местного самоуправления локально проживающих обществ как бы «изнутри», путем включенного наблюдения [20], он предложил «гипотезу детерминации уровня развития местного самоуправления действием механизмов изоляции», отметив, что «более развитое самоуправление» проявляется именно в удаленных, локальных поселениях, то есть «при наличии изолирующих условий» [19]. Разумеется, негативные приметы современной сельской жизни скрыть нельзя, однако, по мнению исследователя, они преувеличены менее внимательными и вдумчивыми наблюдателями, да и чаще всего связаны с «пришлым» элементом, который (как после 1918 года) захлестнул русскую деревню в 1990-е.

Отличие выводов при изучении, казалось бы, одного объекта (современной нечерноземной деревни) объясняется исследовательскими подходами. Формальный социологический опрос или интерпретация статистических сведений создает иное представление, чем включенное наблюдение, проведение глубинных интервью и обработка полученных результатов с применением процедуры плотного описания, то есть методов, широко применяемых в этнографии. Обоснование этих методов применительно к изучению современной деревни представлено В.Г. Виноградским [8], Н.Н. Козловой [13].

Говоря о Дж. Скотте, Т. Шанин особо отмечал его этнографическую, полевую работу [27]. Выводы Скотта о «пассивном сопротивлении» крестьян любым действиям властей как единственном доступном орудии борьбы [21] широко используются при интерпретации социальной истории и современной действительности русской деревни. Однако, при всех схожих формах сопротивления, вряд ли корректно сравни-

вать крестьян Юго-Восточной Азии с русскими, тем более северорусскими крестьянами, из которых особо «вытягивать» было нечего, и государство в отношении их чаще выступало с патерналистской политикой, одной из форм которой было достижение консенсуса власти и населения с целью не допустить ярко выраженного гражданского неповиновения.

Анализ Дж. Скотта для исследователей русской деревни важен скорее как методологический инструментарий, предлагающий интерпретировать различные формы социальных стратегий крестьянского населения, наблюдаемые путем применения этнографических методов, с помощью исторических знаний, предполагающих большой объем сравнительных подходов как в синхронном, так и в диахронном измерении. Например, при использовании «семейных» и других «устных историй» следует учитывать отмеченное Скоттом «недоговаривание» перед «чужими», а при интерпретации результатов включенного наблюдения и записанных рассказов («мемората») — пользоваться имеющимся историческим материалом.

Вообще, заточенность исторических и этнографических исследований на объяснение судеб северной русской деревни присутствовала, на пике «перестройки», на конференции в Вологде в 1989 году [1]. Новые подходы к деревне XX века в Вологде продолжают развиваться [4, 12]. Однако эти исследования нечерноземной деревни все же в первую очередь касаются населения больших сел и деревень. Автор же сосредоточила свое внимание на территориях, которые и в более давние времена сохраняли население в значительной степени благодаря усилиям государства; делает акцент на тех деревнях, которые почти исчезли из списка населенных мест, с целью выяснить, что же заставляет людей держаться за эту землю.

Положенное в основу статьи исследование не соответствует общему крестьяно-ведческому мейнстриму еще и по причине специфики крестьянского населения северных территорий, не просто непродуцирующих, а нередко и совершенно неземледельческих. Есть основание утверждать, что к началу XX века в северных регионах Европейской России крестьянства в чистом виде (не как сословия, а как социально-экономической группы) не было, поскольку по природно-климатическим условиям занятия сельского населения не имели исключительно земледельческой направленности. Любая крестьянская семья ту или иную часть своей рабочей силы направляла на занятия неземледельческими промыслами и на фабрично-заводские работы. Если в центральной России неземледельческие ориентации крестьянства стали развиваться в пореформенный период, то на Европейском Севере промысловая направленность хозяйственной деятельности крестьян имела давнюю историю. В северных уездах региона земледелие являлось для крестьян лишь дополнительным занятием, к которому возвращались только в случае сокращения других видов заработка. Так произошло, например, в третьей четверти XIX века в связи с сокращением и ликвидацией в крае государственной промышленности. Крестьянин средней полосы России был вынужден заниматься неземледельческими видами деятельности, чтобы заработать деньги на уплату налогов. Северный крестьянин нуждался в заработках для приобретения хлебных продуктов и ряда других продовольственных товаров, что способствовало его стремлению заниматься наемным трудом. О ранней пролетаризации северных крестьян уже в середине XIX века писал экономист-народник В.В. Берви-Флеровский [25, с. 246].

Можно сказать, что сельскохозяйственные устремления здесь были сформированы в советское время, под влиянием колхозов, из которых, как известно, выйти было достаточно сложно. Вместе с тем отдаленность большинства северных деревень, плохая транспортная связь приводили к тому, что занятия сельским хозяйством здесь были не только затрудненными в силу природно-климатических возможностей, но и бесполезными, т. к. вывезти произведенную продукцию для реализации иногда было просто невозможно. Тем более в рыночных условиях, когда произведенная таким образом продукция становилась неконкурентоспособной по сравнению с привезенной даже из «дальнего зарубежья».

В своем исследовании автор исходит из того, что в 1990-е годы в российской деревне происходили события, схожие с другими «смутными» временами (в том числе — после революции 1917 года). Государство ослабило контроль за экономической, социальной, культурной жизнью населения. Нарушились налаженные в советские годы транспортная связь, системы здравоохранения и образования, другие формы жизнеобеспечения (торговля, помощь при стихийных бедствиях, контроль за девиациями). Это в особой степени коснулось северных территорий, которые еще с 1970-х годов были «приговорены» к сокращению численности сельских поселений; в 1990-е годы программа «переселения с севера» не была окончательно реализована только из-за недостатка финансирования.

«Постперестроечная» ситуация была чревата также тем, что деревня оказалась «прибежищем» для значительной части земляков, которые в период интенсивной социалистической урбанизации покинули родные места, но в условиях деиндустри-

ализации и деконверсии 90-х годов потеряли работу, а многие — и иные стержни в жизни. Следует признать, что возвращались далеко не самые успешные горожане, чем создавалось дополнительное напряжение в деревнях.

Специфические **самосохранительные стратегии локальных социумов** (под которыми автор имеет в виду население отдаленных и малонаселенных северных территорий) сложились под влиянием событий заселения этих территорий и тех рисков и опасностей, которые ожидали здесь население в связи с неблагоприятными природно-климатическими факторами.

Определенная часть автохтонного населения Русского Севера переселилась сюда в условиях так называемого «климатического оптимума», позволявшего переселенцам заниматься привычными видами деятельности. По мере похолодания климата происходила экономическая и культурно-бытовая адаптация этих групп населения к новым условиям.

Миграционные процессы, происходившие в позднейшее время (с конца XVII века), были связаны с политическими условиями: под давлением репрессивной политики государства сюда уходили старообрядцы. Они стремились селиться на удаленных от контроля властей территориях. Занимаясь земледелием в мало приспособленных для этого регионах, они дисперсно заселили огромные северные площади. Малолюдные поселения старообрядцев были разделены огромными бездорожными пространствами, и такая удаленность и труднодоступность поддерживалась ими осознанно. Вместе с тем именно старообрядцы начали включаться в товарно-денежные отношения, т.к. были заинтересованы в доходах для уплаты государству налогов, дающих им право относительно свободно проживать и исповедовать свою

веру. Сельское хозяйство в этой зоне рискованного земледелия не давало нужных заработков. Поэтому русское население Севера стремилось освоить новые занятия, все более проникая на территории, занятые, например, ненцами, и создавая им конкуренцию как в оленеводстве, так и в промыслах (лесной и морской охоте, рыболовстве). Другим способом заработка денег, необходимых для уплаты налогов и других целей, стали отхожие городские занятия: фабрично-заводские, строительные, в сфере услуг и проч.

В связи со спецификой расселения населения здесь возникло несколько групп опасностей:

1. Со стороны властей (в лице чиновников) опасность исходила уже по факту принадлежности значительной части населения к расколу.

2. Можно предположить, что в доимперский и раннеимперский периоды население таких малолюдных и отдаленных деревень подвергалось нападениям разбойников и банд дезертиров, которых здесь немало оказалось во времена грандиозных строек петровской эпохи. Опасность вооруженного нападения исходила и от соседнего населения, желавшего изгнать со своих территорий экономических конкурентов.

3. Не меньше рисков создавало нарушение внутрисоциумного равновесия, исходящее от членов сельских общин, длительное время проживавших вне их (находясь на службе в армии, на отхожих работах) и подвергавшихся воздействию факторов иных культур. Под влиянием этих процессов существовавшая система социального контроля (и самоконтроля) постепенно подвергалась эрозии.

Исторически в локальных социумах сложилась система защиты от этих опасностей.

В отношении властей

- В результате движения навстречу интересам друг друга возникла *система консенсуса*, предполагающая взаимные уступки со стороны государства и населения. Локальные социумы получали права самостоятельности в решении отдельных вопросов (например, организация внутренней жизни в соответствии с «обычным правом»; возможность самим решать, кого «отдавать» в рекруты и на другие «царские службы») в обмен на уплату налогов и исполнение государственных повинностей: строительство дорог и переправ, их содержание и проч. Со стороны государства подобный консенсус был обоснован невозможностью контролировать жизнь малолюдных поселений, разбросанных на огромных территориях. По мере укрепления чиновничьего аппарата и усиления власти закона происходило включение всех групп населения в общегосударственное правовое пространство.

- Сформировалась *система «круговой поруки»*, устраивающая как власти, так и население. Государство воздействовало на локальные социумы через выбранных представителей, которые в случае нарушения установившегося консенсуса отвечали перед властями. Со своей стороны население гарантировало своему представителю защиту в случае возможного наказания со стороны властей. Власти (и царские, и раннесоветские) это понимали; за «мирские преступления» (например, коллективные порубки государственного леса, раздачу заготовленного по госзаданию зерна и других ресурсов) наказывали экономически: штрафовали старосту или конфисковали часть его имущества, и население компенсировало своему представителю эти потери. В случаях, если требования властей были нереальны для исполнения или экономическое наказание оказыва-

лось слишком тяжелым для населения, такая «круговая порука» нарушалась и представитель местного самоуправления «отдавался» властям для несения наказания («пострадать за мир»).

Защита от «чужих» первоначально выражалась в возможной системе обороны от возможных нападений. Судя по позднейшим сведениям, это выглядело так: в случае нападения на деревню (например, прихода карательного отряда, как случалось во время подавления бунтов) по условному сигналу, обычно колокольному набату, все мужчины, вооружившись, бежали на подмогу. Позднее такой способ самозащиты трансформировался в коллективную помощь, к примеру, при пожарах. В годы гражданской войны были прецеденты создания отрядов самообороны для защиты своих деревень от реквизиций, грабежа со стороны солдат и отрядов дезертиров. Это так же было рецидивом коллективной памяти, когда крестьяне совместно вооружались — сначала против шаек разбойников, затем против волков. Такую систему самообороны использовало и государство, привлекая население для устройства облав на беглых преступников.

Исторические аналогии показывают, что в догосударственные времена могли существовать такие формы **защиты** локального социума **от «своих»** девиантных членов, как изгнание и даже убийство. Позднее, опасаясь ответственности за самосуды, «неудобных» крестьянскому обществу лиц стали сдавать властям или давать им паспорта на отход. Следует учитывать, что некоторые «девиации» в глазах государства были положительными. Например, желание заниматься иными видами деятельности, получить образование, перейти в другое сословие и т.д. Вскоре возникло своеобразное равновесие: лишние и по разным причинам ненужные в крестьян-

ской среде люди выталкивались из нее и находили свое место в «расширенном» обществе. Некоторые из таких маргиналов, как правило вынужденные, возвращались в деревни (после службы в армии, ученичества и отхожих занятий в городах); с помощью социального контроля их принуждали к конформному поведению, как того требовала традиция. Другие, оторвавшись от родных корней, возвращались сюда под влиянием обстоятельств. Особенно массовым было возвращение из голодающих городов в период революции и гражданской войны. Вернувшиеся однообщинники нередко были носителями новых, чуждых традициям локального социума установок. Групповое давление (негативная стереотипизация, пренебрежение, позорящие наказания и другие санкции) не всегда оказывали нужное воздействие на таких людей. От них стремились избавиться другими способами; иногда население, сговорившись, оговаривало перед властями нежеланного однообщинника. Были и более жестокие расправы над земляками, чье поведение грозило благополучию и спокойствию остальных (подобные случаи автор специально описала на материалах послереволюционной северной деревни [24]).

Приведенные результаты изучения социокультурной истории региона были положены в основу определения тех рисков социокультурного характера, которые могут возникнуть у населения отдаленных и слабозаселенных территорий под влиянием различной природы внешних и внутренних вызовов. С опорой на сделанные выводы, а также на собственный опыт полевой работы, осуществлявшейся в 1980–90-е годы, автором была составлена и реализована в 2015 году в отдаленных поселениях Архангельской области программа изучения стратегий и практик преодоления этих рисков локально проживающими социумами.

В настоящей статье представлены результаты по деревням трех районов – Лешуконского, Мезенского, Пинежского. Площадь этих районов составляет 92,3 кв. км, а население – чуть больше 40 тысяч человек (то есть 0,4 жителя на 1 кв. км), и при этом постоянно сокращается. Население проживает в 225 селах, поселках и деревнях; есть еще 2 городских поселения (Мезень, Каменка), бывший город Пинега (теперь поселок) и еще два районных центра – Лешуконское и Карпогоры. Общее население этих «городков» – 11,5 тыс., т.е. более четверти населения районов. В остальных 220 поселениях в среднем проживает по 140 человек. Но это в среднем. Например, в «наиболее урбанизированном» Лешуконском районе в деревнях проживает жителей в 4–5 раз меньше этого показателя.

Еще в XIX веке это были многолюдные (по северным меркам) и богатые территории. Сокращенные поморские промыслы сменились доходными лесопромышленными. В советское время здесь было немало лесных поселков, а также исправительно-трудовых лагерей, обитатели которых занимались лесоповалом и сплавом леса к заводам. Транспортное сообщение было налаженным – летом по рекам Пинеги и Мезени, зимой – по «зимникам». Реки из-за беспорядочных вырубок стали несудоходными и использовались только для сплава леса. Авиационный транспорт в 1970-е годы стал самым доступным и удобным, соединив райцентры не только с Архангельском, но и с крупными деревнями. В 1990-е годы местная авиация почти полностью исчезла, и поселения оказались отрезанными таким бездорожьем, которого здесь, пожалуй, никогда не было. В лучшем положении оказались только поселения по среднему течению Пинеги, куда была проложена железная дорога.

В другие места только зимой, на свой страх и риск, частники стали возить на «пазиках» пассажиров по дорогам, годным только для тракторов да лесовозов. С 2000-х годов ситуация стала выправляться: сначала для пассажирских перевозок использовали «зимники», затем стали строиться автомобильные дороги, которые прерывались многочисленными переправами через речки. В настоящее время количество этих переправ неуклонно сокращается в связи с установкой понтонных, а через небольшие речки — и постоянных мостов. Это заметно улучшило быт местного населения, однако фактически означает экономическую капитуляцию: мосты перекрывают реки и сплав леса становится невозможным. Доставка леса автотранспортом существенно удорожает это сырье, делая лесопереработку нерентабельной. Ликвидированы ИПК, вымирают когда-то многолюдные поселки при леспромхозах. Однако деревня продолжает жить. Не смогли ее полностью уничтожить ни коллективизация, ни проводившаяся в 1970-е годы программа по ликвидации «неперспективных» деревень, ни «переход на рыночные рельсы» в 1990-е.

Для выяснения форм и способов коллективного самосохранения проживающего здесь населения были выбраны деревни со старожильческим русским населением, расположенные вдоль вновь устраиваемых автомобильных дорог. Именно здесь происходящие изменения отличаются наибольшей динамикой: сохранившиеся традиционные формы социальной жизни соседствуют со ставшими вдруг доступными «плодами цивилизации», которые были принесены дорогами и проложенными вдоль них волоконно-оптическими линиями, доставившими в деревню Интернет и мобильную связь.

Исследование **уровня затребованности исторически сложившегося коллективного опыта в современных условиях** проводилось путем интервьюирования населения с помощью специально составленного опросника. Респондентам предлагалось ответить на вопросы, касающиеся их исторической памяти о существовавших формах внутриобщинной солидарности; о способах ее поддержания в 1990-е годы и на современном этапе.

Разумеется, полных аналогий ожидать было сложно — социальный опыт приобретает дифференцированные формы в зависимости от «вызовов» действительности. И вместе с тем разрушение сложившейся в 1970-е — 80-е годы социальной и экономической стабильности имело явное сходство с событиями послереволюционных лет начала XX века.

Восстановление утраченной стабильности кажется сомнительным в связи с хозяйственным упадком северной деревни, ее обезлюдением как в естественно-демографическом отношении, так и в связи с усилением тенденции географической и социальной мобильности, которая из-за безработицы приобретает формы вынужденного «отхода». А также — в связи с бесперспективностью деревни в глазах экономистов и политиков. Однако деревня продолжает жить и, по мнению ее жителей и мигрантов-горожан в первом поколении, могла бы частично сохранить свой человеческий потенциал, если бы были рабочие места.

Пенсии, достаточно высокие в северных районах, пособия на детей и пособия по безработице, можно сказать, являются неплохим подспорьем для жителей деревни, если учитывать их минимизированные потребности. Активность малого бизнеса способствует возможностям заработка в летне-осеннее время путем организован-

ных закупок грибов, ягод, других «даров природы». В меньшей степени, но все же затребованной остается продукция животноводства (молоко, мясо). Важным стимулом для производства продукции не только для собственного потребления, но и на продажу служит необходимость помогать первое время живущим в городе детям, а также определенная «мода» на улучшение деревенского быта. Ламинированные полы, пластиковые окна теперь обычны во многих традиционно крестьянских домах. Привычными становятся стиральные машинки, водяные насосы, позволяющие провести в дом водопровод; все чаще встречается местная канализация. Следует сослаться на исторически сложившуюся традицию северной деревни, когда образцы «городского» быта (до революции — это самовары, фаянсовая посуда, одежда и проч.; в позднесоветское время — городская мебель и планировка дома, постельное белье, настенные обои, крашенные полы) завоевывали вкусы населения быстрее, чем экономические и социальные инновации.

Современное распространение культурно-бытовых инноваций связано с воздействием внешней «моды». Это веяния не столько «города», сколько жизненных стандартов, приносимых с собой новыми «отходниками». Чаще всего это мужчины, которые, не желая уезжать из деревни, устраиваются работать вахтовым методом. Как правило, они хорошо зарабатывают и стремятся обустроить свою сельскую жизнь «на городской манер». Местные предприниматели (обычно из районного центра) быстро реагируют на подобные запросы и предоставляют необходимые товары и услуги. К сожалению, запросы бывают разные. В ряде деревень, где «отход» (выражаясь современным языком — «вахты») не распространен и мода на обустройство быта

не привилась, сохраняется в большей степени потребность в спиртном, которое «по заказу» привозят также «бизнесмены» из ближайшего крупного населенного пункта.

Широкое распространение «вахт» ведет к значительному имущественному расслоению населения. Если в доме инициативный, деловой мужчина, семья предпочитает оставаться в деревне (даже если имеет городскую квартиру, в которой обычно живут взрослые дети); ее достаток высок, быт обустроен. В настоящее время для некоторой части мужчин работа есть и в деревне. Но кроме определенных профессиональных умений, которые обычно приобретены благодаря опыту городской жизни (знание электрики, механики, строительства), в этом случае необходим и определенный «первоначальный капитал» — трактор, автомобиль, катер, снегоход. Имея такую технику, сельский житель может взять у администрации подряд, например, на расчистку от снега дороги. Поскольку в районах практически отсутствует внутренний муниципальный транспорт, имеющие собственные катера и автомобили жители занимаются «извозом», доставляя «безлошадных» земляков в районный или областной центр — на вокзал, в поликлинику, за покупками.

Само собой разумеется, что в северной деревне наблюдается значительный половозрастной дисбаланс. По сравнению с 1970-ми годами, когда этот дисбаланс в условиях ускоренной урбанизации стал особенно проявляться, в современной деревне меньше людей старческих возрастов (их увозят в города родственники, одиноких нередко помещают в дома-интернаты), меньше детей. Хотя последние годы в связи с введением «материнского капитала» многие женщины, имеющие уже выросших детей, уехавших учиться в города, решились на рождение еще одного ребенка,

поскольку без детей, по их словам, «в деревне скучно». И это превратилось в тенденцию: по словам информантов, мотивацией служат «материнский капитал», с помощью которого можно, например, помочь в приобретении жилья старшим детям, или льготы, предоставляемые государством и местной администрацией многодетным семьям.

Многие сельские жители хотели бы взять детей на воспитание или усыновление, однако в связи с отсутствием в их деревнях школ отделы опеки и попечительства их просьбы не удовлетворяют.

Сохраняется отмечавшийся в 1970-х годах значительный перекося в сторону превышения численности мужского населения. В 1990-е годы этот перевес усугубился возвращением из городов в родные деревни именно мужчин, которые оказались менее способными к адаптации в новых социально-экономических условиях. К тому же для мужчин жизнь в деревне привлекательнее, чем для женщин, которых она отталкивает тяжестью домашней работы и бытовым неустройством.

Сложившиеся обстоятельства создают проблему, вызванную сужением традиционных социальных контактов. Если молодежь, уезжая в города на учебу или работу, а также пользуясь Интернет-сайтами знакомств, может найти себе «пару», то для людей среднего возраста это затруднено. Вместе с тем в сельской местности одинокому человеку или неполной семье прожить сложно. Довольно распространено, когда женщины среднего возраста (одинокие, разведенные, вдовы) «берут в дом» мужчину, который выполняет всю необходимую мужскую работу. Когда такой мужчина «срывается» («запивает»), хозяйка его «выгоняет» и «принимает в дом» другого. Подобное трудно объяснить «распушенностью нравов» или потребительским отношением к мужчине-работнику. Можно

сослаться на объяснение схожих процессов в среде ненцев-кочевников, сделанное этнологом А.В. Головневом: по его мнению, легкость семейных трансформаций — это способ социального маневрирования жителей относительно замкнутых социумов, направленных как на сбережение ценного семейного потенциала, так и на потребность избавиться от помех в этом отношении, решительно расторгнув неудачное брачное партнерство [9, с. 43].

Вместе с тем в деревнях много вполне «положительных» одиноких мужчин, не имеющих возможности привезти жену из другого места и не желающих при этом вступать в брак или сожительство с односельчанками, которые чаще всего являются родственницами, пусть и дальними. Прежняя брачная традиция нарушилась, и в настоящее время в деревню в результате вступления в брак чаще приезжают чужаки-мужчины, чем женщины. Случается, что потенциальный сельский «жених» знакомится с женщиной по переписке (по собственной инициативе или при помощи друзей и родственников); в таком случае женщины предпочитают увезти его к себе, чем перебираться в деревню, да еще чужую. Причина не только в тяжелых бытовых условиях, которые в первую очередь касаются женщин, но и в отсутствии женских заработков, без которых те не рискуют остаться, не особенно рассчитывая на своих мужей. Еще 15–20 лет назад, в условиях разрушения колхозно-совхозной системы, в деревнях сохранялась в основном женская оплачиваемая работа, связанная с услугами (продавец, фельдшер, учительница, почтальон, библиотекарь, клубный работник). Теперь соответствующие учреждения в малых поселениях закрыты. Работники образования стали «кузницей кадров» для местной администрации (глава и сотрудники сельской администрации,

сельские старосты — в основном бывшие учителя). Централизация школьного и медицинского дела, учреждений социального обеспечения лишает деревню последних рабочих мест.

Благодаря плодам цивилизации, в первую очередь телевидению и Интернету, многие вопросы, касающиеся в том числе дополнительного образования для детей и даже элементарной медицинской помощи, люди решают сами. Почти в каждом доме есть тонометр для измерения артериального давления; уколы тоже «делают сами» (возможно, в действительности делают бывшие медработники, которые без лицензии не имеют права на осуществление этих процедур, и односельчане их «покрывают»). По словам жителей, просмотр телепрограмм на медицинские темы помогает им в постановке диагноза и производстве простейшего лечения.

Прически женщины «делают друг другу», мужчины пользуются машинками для стрижки. Почтовые услуги сейчас мало востребованы. Чаще пользуются телефоном, если есть связь — мобильным, а также скайпом. Письма передают адресату с оказией, без соблюдения формальностей.

Обычная в деревне помощь пожилым людям в отдаленных районах в рамках реализации «политики занятости» переходит на профессиональную основу. Взяв «на уход» четырех пожилых людей (в районах, приравненных к Крайнему Северу, — трех), такой помощник получает полную ставку «социального работника»; соответственно, если на попечении один человек, то оформление происходит на треть, на четверть ставки. Благодаря такому оформлению сельский житель трудоспособного возраста не теряет стаж, к тому же решается проблема помощи пожилым людям, которые не желают перебираться к родственникам или в интернат.

Торговля в отдаленных деревнях производится выездными лавками, и то не везде (если жителей в отдаленном и труднодоступном поселении мало, предпринимателю невыгодно направлять туда транспорт). В таких условиях многие обзаводятся хлебобулочными; нужные продукты и промышленные товары «заказывают» односельчанам, выезжающим за покупками в город. В 90-е годы, когда стали закрываться торговые учреждения, ситуация напоминала конец XIX века, когда из однородной крестьянской массы стали выделяться торговцы. Сначала они брали на реализацию продукцию своих односельчан, привозя им по заказу нужные товары; затем стали доставлять в деревню мелким оптом то, что, по их мнению, можно было легко реализовать, и устраивали торговлю в своих домах. Затем уже появились «лавки» и «магазины». В советское время, после короткого периода архаизации в этом вопросе, торговля вновь была налажена — как государственная, так и от «потребкооперации». После ее прекращения здания магазинов пустовали из-за дороговизны аренды. Опять, как век назад, началась торговля «по заказам» и мелким оптом, а также «на дому».

В настоящее время сельская торговля находится в руках либо районной потребкооперации (где она сохранилась), либо частных. Отношение к последним в крупных поселениях негативное («кулачье, наживаются за наш счет»); в отдаленных деревнях положительное, поскольку предприниматели помогают населению реализовывать продукцию и завозят необходимые товары. В частных магазинчиках товары нередко дают «под запись». Если торговой точки нет, то торговля, в том числе обменная (особый запрос на ягоды, грибы, рыбу), ведется предпринимателем через «доверенного человека», как правило, проживающего в этой деревне родственника.

Торговля спиртными напитками находится под условным запретом: почти в каждой деревне есть актив, в основном из женщин и пенсионеров (формы могут быть разные: «женсовет», «совет ветеранов», ТОС – «территориальное общественное самоуправление»), который ставит препоны на пути бесконтрольной продажи водки.

С торгующими низкокачественным спиртным «в разлив» «шинкарями», которые имеются почти в каждой деревне, борются и другими способами. Например, упорно распространяются слухи, что все, кто занимается подпольной винной торговлей, «плохо кончают»: умирают от рака, погибают от несчастных случаев. Такие «страшилки» действуют не на всех – слишком велика прибыль от этого бизнеса. А официально справиться с «шинкарями» сложно. По информации сотрудника сельской администрации, удалось поймать такого с поличным, однако во время судебного разбирательства никто из жителей деревни не решился давать показания против своего соседа.

Элементы «круговой поруки» присутствуют в деревне и сейчас. Выявить конкретные случаи весьма сложно, так как население, руководствуясь как раз «круговой порукой», информацией не делится. Традиционно «покрывают» своих от сотрудников госавтоинспекции и рыбохотнадзора. Мелкие и бытовые преступления стремятся не доводить до сведения милиции. В отношении детей «беседуют с родителями». Если случаются драки в семье (муж поднимает руку на жену) – «беседуют» с виновником; иногда высказывают коллективное «презрение» – «не здороваются».

Социально опасные деяния, прежде всего кражи, совершенные взрослыми, как правило, социальному контролю уже не подчиняются, и приходится обращаться за помощью к милиции. В советское время

незначительные преступления рассматривались «товарищескими судами», в случае более тяжких проступков практиковались выездные сессии суда, что отвечало запросам населения в открытости подобных процедур. Сейчас, однако, подобные апелляции к общественности не применяются; с другой стороны, присвоение чужого имущества становится уголовно наказуемым в случае стоимости украденного выше определенной суммы. Это создает сложности в тех поселениях, где имеются такие воришки: справиться с ними традиционными или административными мерами не всегда представляется возможным.

В некоторых деревнях, в том числе небольших, присутствуют неприязненные отношения между соседями, иногда принимающие открытые формы. Но дальше угрозы дело не доходит. Как правило, групповое психологическое давление испытывают местные предприниматели, иногда «наделенные властью» лица – в тех случаях, когда, по мнению жителей деревни, они не действуют в общих интересах.

Если материальный достаток оказался выше благодаря помощи детей или вахтовой работе, сообществом это воспринимается нормально. Более того, все чаще отмечается стигматизация как раз неуспешных, «бедных» земляков. В некоторых случаях помощь (погорельцам, многодетным малообеспеченным семьям, престарелым) оказывается как индивидуальная, так и коллективная, как в ответ на просьбу о такой помощи, так и на основе традиционной солидарности. Что касается последнего, то здесь наблюдается гибкая трансформация помощи, которая еще недавно была обязательной и безвозвратной. В настоящее время у стариков есть деньги (пенсия, помощь городских родственников), государство финансирует оказываемую им помощь – и отношения переходят на «денежные» рельсы.

В условиях отсутствия должного контроля развиваются «неформальные» экономические системы, нередко построенные на принципах моральной экономики [28]. Это и получение дохода, не облагаемого налогом или не одобряемого местным сообществом (например, торговля спиртным); оказание взаимных услуг; распределение нарядов «по знакомству» (как правило, выгодный наряд на расчистку улиц или транспортные услуги получает муж или другой родственник старосты). Часто встречаются фиктивные безработные, получающие пособие и имеющие при этом доходные неофициальные занятия или прибыльное домашнее хозяйство. Следует отметить, что всё это виды деятельности, основанные на коллективном, иногда личном (в том числе приобретенном в городах) опыте.

Подытоживая сделанные наблюдения, следует сказать следующее.

Для русских характерна достаточно интенсивная интеграция в общенациональное пространство. Подтверждением тому служит тот факт, что малочисленное для огромных территорий население достаточно быстро, благодаря школьному образованию и особенно средствам массовой информации, утратило ярко выраженные диалектные особенности и регионально-культурную идентичность (что, например, присутствует благодаря культивации в куда более плотно заселенных странах, таких, как Германия, Франция, Великобритания). Вместе с тем групповые общности местного уровня сохраняются, что вызвано потребностями коллективного существования в условиях удаленного проживания. При этом, по мере усиления государственной поддержки, со стороны населения появляется все большее доверие к властным структурам и довольно легкий отказ от локальных форм жизнеобеспечения.

Своего рода модераторами между государством и населением становятся инициативные группы, состоящие в основном из наиболее авторитетных лиц старших возрастов и местной интеллигенции, которая по мере закрытия в малых поселениях школ, клубов и других обеспечивавших её работой учреждений, а также в связи со своими демографическими характеристиками (в деревнях остаются образованные люди пенсионного возраста) занимается активной общественной работой. Государство через различные структуры оказывает помощь таким инициативным группам, которые не столько влияют на изменение экономической жизни деревни, сколько поддерживают в ней социальный контроль и необходимый порядок.

Внешнее проникновение достаточно ограничено в настоящее время. Как правило, это предприимчивые люди, занимающиеся скупкой местной продукции, иногда для занятия бизнесом (это торговля, реже фермерство), что отвечает интересам населения. В тех деревнях, которые находятся близко к федеральным трассам и к относительно крупным поселениям, отмечается озабоченное отношение к пришлым элементам («раньше к приезжим относились хорошо, теперь – настороженно»); в отдаленных и труднодоступных местах отношение к ним в целом положительное.

Однако усиливающееся имущественное расслоение традиционно сплоченных обществ не может не вызывать беспокойство. Происходит оттягивание наиболее инициативных людей в города или на внедеревенские заработки. Сопутствующий этому процесс индивидуализации ведет к отчуждению людей от общинных интересов. По мере ухода из жизни активных людей «старой формации» их функции могут перейти в руки остающихся в деревнях «субпассионариев».

По всей видимости, рассчитывать на местные локальные социумы, как на существующие в некоторых странах Европы «комьюнити» (исторически сложившиеся и поддерживаемые на культурном и экономическом уровне социально-территориальные общности), в части выполнения функций, направленных на развитие жизненного сценария общины в целом, не приходится.

Зафиксированная автором общинная деятельность носит сугубо социальный характер, обусловленный традиционной солидарностью, основанной на соседских и родственных чувствах. Экономический «базис» сплоченности отсутствует; чтобы сохранить северную деревню, необходимо предложить населению конкретные формы коллективной хозяйственной деятельности.

Литература

1. Археография и источниковедение истории Европейского Севера РСФСР: тезисы выступлений на республиканской научной конференции, г. Вологда, 2–5 июня 1989 г. – Вологда: ВГПИ, 1989.
2. Ахиезер, А.С. Россия: критика исторического опыта: от прошлого к будущему. – Т. 1: Социокультурная динамика России / А.С. Ахиезер. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997. – 804 с.
3. Бабашкин, В.В. Россия XX века: о некоторых подходах современной западной историографии / В.В. Бабашкин // Куда идет Россия? – М., 1999. – Вып. 8. – С. 72-75.
4. Безнин, М.А. Процесс капитализации в российском сельском хозяйстве 1930–80-х годов / М.А. Безнин, Т.М. Димони // Российская история. – 2005. – №6. – С. 94-121.
5. Бондаренко, Л.Б. Сельская Россия в начале XXI века (социальный аспект) / Л.Б. Бондаренко // Социологические исследования. – 2005. – №11. – С. 69-77.
6. Валеев, Ю.С. Большие проблемы маленькой деревни / Ю.С. Валеев // Социологические исследования. – 2007. – №7. – С. 78-82.
7. Великий, П.П. Сельская действительность (социологический ракурс) / П.П. Великий // Социологические исследования. – 1996. – №10. – С. 35-42.
8. Виноградский, В.Г. «Орудия слабых»: технология и социальная логика повседневного крестьянского существования / В.Г. Виноградский. – Саратов: Саратовский ин-т РГТЭУ, 2009. – 292 с.
9. Головнев, А.В. Кочевники тундры. Ненцы и их фольклор / А.В. Головнев. – Екатеринбург: УрО РАН, 2004. – 344 с.
10. Гудков, Л. Сельская жизнь: региональность пассивной адаптации / Л. Гудков, Б. Дубин // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2002. – №6 (62). – С. 24-36.
11. Карнаухов, С.Г. Аграрная реформа в одном селе / С.Г. Карнаухов, Н.А. Черемных // Социологические исследования. – 2006. – №5. – С. 59-65.
12. Карпов, С.Г. Процессы модернизации в российской деревне в последней трети XX – начале XXI века: монография / С.Г. Карпов. – Вологда, 2009. – 184 с.
13. Козлова, Н.Н. Горизонты повседневности советской эпохи: голоса из хора / Н.Н. Козлова. – М.: Институт философии РАН, 1996. – 215 с.
14. Крестьянство. Новая философская энциклопедия [Интернет-версия] / под ред. В.С. Стёпина. – М.: Мысль, 2000–2001. – URL: <http://iph.ras.ru/elib/1542.html>
15. Lewin, M. Russian Peasants and Soviet Power. A Study of Collectivization. London, 1968 (в сокращенном переводе: Левин, М. Российские крестьяне и советская власть / М. Левин // Отечественная история. – 1994. – № 4-5).
16. Левин, М. Режимы и исторические процессы в России XX в. / М. Левин // Куда идет Россия? Социальная трансформация постсоветского пространства. – М., 1996. – С. 4-10.
17. Левин, М. Советский век [2005] / М. Левин. – М., 2008. – 680 с.
18. Милов, Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса / Л.В. Милов. – М.: РОСПЭН, 1998. – 576 с.

19. Плюснин, Ю.М. Факторы развития местного самоуправления. Оценка значения изоляции и изоляционизма / Ю.М. Плюснин // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2008. – №3. – С. 38-50.
20. Российская провинция и ее обитатели (опыт наблюдения и попытка описания) / С.Г. Кордонский, Ю.М. Плюснин, Ю.А. Крашенинникова, А.Р. Тукаева, О.М. Моргунова, Д.Э. Ахунов, Д.В. Бойков // Мир России. – 2011. – Т. 20. – №1. – С. 3-33.
21. Скотт, Дж. Оружие слабых: обыденные формы сопротивления крестьян (1985) / Дж. Скотт // Крестьяноведение: теория, история, современность: ежегодник. 1996. – М.: Аспект Пресс, 1996. – С. 26-59.
22. Староверов, В.И. Результаты либеральной модернизации российской деревни / В.И. Староверов // Социологические исследования. – 2004. – №12. – С. 64-74.
23. Трошина, Т.И. Разрушение традиционной крестьянской культуры (по материалам историко-бытовых экспедиций Архангельского областного краеведческого музея) / Т.И. Трошина // Народная культура и музей под открытым небом. Проблемы сохранения и возрождения традиционной культуры: материалы международной научно-практической конференции, г. Архангельск, июнь 1997 г. – Архангельск, 2000. – С. 111-113.
24. Трошина, Т.И. Крестьянские «самосуды» в революционную эпоху: актуализация коллективного опыта (на материалах северных губерний Европейской России) / Т.И. Трошина // Российская история. – 2012. – №2. – С. 193-201.
25. Флеровский, Н. (В.В. Берви). Положение работника на Севере / Н. Флеровский (В.В. Берви) // Дело. – 1868. – №4.
26. Эфендиев, А.Г. Современное российское село: на переломе эпох и реформ. Опыт институционального анализа / А.Г. Эфендиев, И.А. Болотина // Мир России. – 2002. – №4. – С. 83-125.
27. Шанин, Т. Об этнографической социологии Джеймса Скотта / Т. Шанин // Социология власти. – 2012. – №4-5. – URL: [http://socofpower.ane.ru/uploads/pdf/CV-maket\(2\).pdf](http://socofpower.ane.ru/uploads/pdf/CV-maket(2).pdf)
28. Шанин, Т. Обычное право в крестьянском сообществе / Т. Шанин // Куда идет Россия?.. Формальные институты и реальные практики / ред. Т.И. Заславская. – М.: МВШСЭН, 2002. – С. 267-274.
29. Эйзенштадт, Ш. Цивилизационные измерения социальных изменений: структура и история / Ш. Эйзенштадт // Цивилизации. – 1997. – Вып. 4. – С. 20-33.

Сведения об авторе

Татьяна Игоревна Трошина – доктор исторических наук, доцент, Северный Арктический федеральный университет имени М.В. Ломоносова (163002, Россия, г. Архангельск, набережная Северной Двины, д.17, public@narfu.ru)

© Troshina T.I.

Strategies and Practices of Collective Self-Preservation of Population in Northern Villages: Historical Experience and Modern Realities

Tat'yana Igorevna Troshina – Doctor of History, Associate Professor, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (17, Northern Dvina Embankment, Arkhangelsk, 163002, Russian Federation, public@narfu.ru)

Abstract. The paper is a result of the scientific theoretical and empirical research conducted by the author on the issue of collective self-preservation of local societies on the territory of the Arkhangelsk Oblast. The rise of general welfare is achieved at the expense of weakening family ties, deformation of the demographic structure of the population and, as a result, aggravating demographic risks, various social deviations, destruction of traditional bonds that helped people survive for centuries thanks to social solidarity and

mutual aid. Social risks entail, directly or indirectly, all other risks, making them particularly dangerous for the society. However, the society in historical perspective has formed the mechanisms of protection against the negative impact of social and other shocks. These mechanisms are especially pronounced in local resident populations and they currently remain in the form of social control, social solidarity, and other forms of collective protection. There also remain intra-social mechanisms, which in the conditions of remoteness from social services and law enforcement agencies make people stay active and offer mutual aid. This side of social life is not only of scientific interest (as the tradition that is being left behind), but also of practical importance – because the social and cultural potential that is preserved in this way can be developed and used for organizing the life of remote settlements. Based on the study of the history of the region, the author identifies socio-cultural risks that may arise among the population in remote and sparsely populated territories under the influence of various external and internal challenges. This concept served as the basis for the development and implementation of the program for field study of the policies and practices aimed to overcome these risks by local resident communities in 2015.

Key words: remote and sparsely populated areas, rural population, Arkhangelsk Oblast, socio-cultural risks, collective self-preservation, social history, field study.

References

1. *Arkheografiya i istochnikovedenie istorii Evropeiskogo Severa RSFSR: tezisy vystuplenii na respublikanskoi nauchnoi konferentsii, g. Vologda, 2–5 iyunya 1989 g.* [Archaeography and Source Studies of the History of the European North of the RSFSR: Abstracts of Reports at the Republican Scientific Conference, Vologda, June 2–5, 1989]. Vologda: VGPI, 1989.
2. Akhiezer A.S. *Rossiya: kritika istoricheskogo opyta: ot proshlogo k budushchemu. – T. 1: Sotsiokul'turnaya dinamika Rossii* [Russia: Critical Review of Historical Experience: from Past to Future. Vol. 1: Socio-Cultural Dynamics of Russia]. Novosibirsk: Sibirskii khronograf, 1997. 804 p.
3. Babashkin V.V. *Rossiya XX veka: o nekotorykh podkhodakh sovremennoi zapadnoi istoriografii* [The Twentieth Century Russia: about Some Approaches of Modern Western Historiography]. *Kuda idet Rossiya?* [Where Is Russia Going?], 1999, no. 8, pp. 72-75.
4. Beznin M.A., Dimoni T.M. *Protsess kapitalizatsii v rossiiskom sel'skom khozyaistve 1930–80-kh godov* [The Process of Capitalization in the Russian Agriculture in the 1930s–1980s]. *Rossiiskaya istoriya* [Russian History], 2005, no. 6, pp. 94-121.
5. Bondarenko L.B. *Sel'skaya Rossiya v nachale XXI veka (sotsial'nyi aspekt)* [Rural Russia in the Early 21st Century (Social Aspect)]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2005, no. 11, pp. 69-77.
6. Valeev Yu.S. *Bol'shie problemy malen'koi derevni* [Big Problems of a Small Village]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2007, no. 7, pp. 78-82.
7. Velikii P.P. *Sel'skaya deistvitel'nost' (sotsiologicheskii rakurs)* [Rural Reality (Sociological Aspect)]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 1996, no. 10, pp. 35-42.
8. Vinogradskii V.G. *“Orudiya slabykh”*: tekhnologiya i sotsial'naya logika povsednevnogo krest'yanskogo sushchestvovaniya [“Weapon of the Weak”: Technology and the Social Logic of Everyday Peasant Existence]. Saratov: Saratovskii in-t RGTEU, 2009. 292 p.
9. Golovnev A.V. *Kochevniki tundry. Nentsy i ikh fol'klor* [Nomads of the Tundra. The Nenets People and Their Folklore]. Yekaterinburg: UrO RAN, 2004. 344 p.
10. Gudkov L., Dubin B. *Sel'skaya zhizn': regional'nost' passivnoi adaptatsii* [Rural Life: the Regional Character of Passive Adaptation]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* [Public Opinion Monitoring: Economic and Social Change], 2002, no. 6 (62), pp. 24-36.
11. Karnaukhov S.G., Cheremnykh N.A. *Agrarnaya reforma v odnom sele* [Agrarian Reform in a Rural Settlement]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2006, no. 5, pp. 59-65.
12. Karpov S.G. *Protsessy modernizatsii v rossiiskoi derevne v poslednei treti XX – nachale XXI veka: monografiya* [Modernization Processes in the Russian Village in the Last Third of the 20th – Early 21st Century: Monograph]. Vologda, 2009. 184 p.

13. Kozlova N.N. *Gorizonty povsednevnosti sovetskoi epokhi: golosa iz khora* [Horizons of Everyday Life during the Soviet Era: Voices from the Choir]. Moscow: Institut filosofii RAN, 1996. 215 p.
14. *Krest'yanstvo. Novaya filosofskaya entsiklopediya (Internet-versiya)* [The Peasantry. A New Encyclopedia of Philosophy (Internet Version)]. Ed. by V.S. Stepin. Moscow: Mysl', 2000–2001. Available at: <http://iph.ras.ru/elib/1542.html>
15. Lewin M. *Russian Peasants and Soviet Power. A Study of Collectivization*. London, 1968 (in the shorter translation: Lewin M. Rossiiskie krest'yane i sovetskaya vlast' [Russian Peasants and Soviet Power]. *Otechestvennaya istoriya* [National History], 1994, no. 4-5).
16. Lewin M. Rezhimy i istoricheskie protsessy v Rossii XX v. [Regimes and Historical Processes in the Twentieth Century Russia]. *Kuda idet Rossiya? Sotsial'naya transformatsiya postsovetskogo prostranstva* [Where Is Russia Going? Social Transformation of the Post-Soviet Space]. Moscow, 1996. Pp. 4-10.
17. Lewin M. *Sovetskii vek (2005)* [The Soviet Century (2005)]. Moscow, 2008. 680 p.
18. Milov L.V. *Velikorusskii pakhar' i osobennosti rossiiskogo istoricheskogo protsessa* [The Great Russian Ploughman and the Specifics of Russian Historical Process]. Moscow: ROSSPEN, 1998. 576 p.
19. Plyusnin Yu.M. Faktory razvitiya mestnogo samoupravleniya. Otsenka znacheniya izolyatsii i izolyatsionizma [Local Self-Government Development Factors. Assessment of Importance Isolation and Isolationism]. *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya* [Public Administration Issues], 2008, no. 3, pp. 38-50.
20. Kordonskii S.G., Plyusnin Yu.M., Krashennikova Yu.A., Tukaeva A.R., Morgunova O.M., Akhunov D.E., Boikov D.V. Rossiiskaya provintsiya i ee obitateli (opyt nablyudeniya i popytka opisaniya) [Russian Province and Its Inhabitants (an Experience of Observation and Attempt to Describe)]. *Mir Rossii* [World of Russia], 2011, vol. 20, no. 1, pp. 3-33.
21. Scott J. Oruzhie slabykh: obydennye formy soprotivleniya krest'yan (1985) [Weapons of the Weak: Everyday Forms of Peasant Resistance (1985)]. *Krest'yanovedenie: teoriya, istoriya, sovremennost': ezhegodnik*. 1996 [Peasant Studies: Theory, History, Modernity: a Yearbook 1996]. Moscow: Aspekt Press, 1996. Pp. 26-59.
22. Staroverov V.I. Rezul'taty liberal'noi modernizatsii rossiiskoi derevni [The Results of Liberal Modernization of the Russian Village]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2004, no. 12, pp. 64-74.
23. Troshina T.I. Razrushenie traditsionnoi krest'yanskoj kul'tury (po materialam istoriko-bytovykh ekspeditsii Arkhangel'skogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya) [Destruction of Traditional Peasant Culture (on the Materials of Historical Expeditions of Arkhangelsk Regional Museum of Local Lore)]. *Narodnaya kul'tura i muzei pod otkrytym nebom. Problemy sokhraneniya i vozrozhdeniya traditsionnoi kul'tury: materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, g. Arkhangel'sk, iyun' 1997 g.* [Folk Culture and the Open-Air Museum. Problems of Preservation and Revival of Traditional Culture: Materials of the International Research-to-Practice Conference, Arkhangelsk, June 1997]. Arkhangelsk, 2000. Pp. 111-113.
24. Troshina T.I. Krest'yanskije "samosudy" v revolyucionnyy epokhu: aktualizatsiya kollektivnogo opyta (na materialakh severnykh gubernii Evropeiskoi Rossii) [Frontier Justice among Peasants in the Period of Revolution]. *Rossiiskaya istoriya* [Russian History], 2012, no. 2, pp. 193-201.
25. Flerovskii N. (V.V. Bervi). Polozhenie rabotnika na Severe [The Status of the Worker in the North]. *Delo* [Case], 1868, no. 4.
26. Efendiev A.G., Bolotina I.A. Sovremennoe rossiiskoe selo: na perelome epokh i reform. Opyt institutsional'nogo analiza [Modern Russian Village: at the Turn of Eras and Reforms. The Experience of Institutional Analysis]. *Mir Rossii* [World of Russia], 2002, no. 4, pp. 83-125.
27. Shanin T. Ob etnograficheskoi sotsiologii Dzheimsa Skotta [About the Ethnographic Sociology of James Scott]. *Sotsiologiya vlasti* [Sociology of Power], 2012, no. 4-5. Available at: [http://socoftpwr.ane.ru/uploads/pdf/CV-maket\(2\).pdf](http://socoftpwr.ane.ru/uploads/pdf/CV-maket(2).pdf)
28. Shanin T. Obychnoe pravo v krest'yanskom soobshchestve [Customary Law in the Peasant Community]. *Kuda idet Rossiya? Formal'nye instituty i real'nye praktiki* [Where Is Russia Going? Formal Institutions and Real Practices]. Ed. by T.I. Zaslavskaya. Moscow: MVShSEN, 2002. Pp. 267-274.
29. Eisenstadt Sh. Tsivilizatsionnye izmereniya sotsial'nykh izmenenii: struktura i istoriya [Civilizational Dimension of Social Change: Structure and History]. *Tsivilizatsii* [Civilizations], 1997, no. 4, pp. 20-33.

ЭКОНОМИКА И СОЦИОЛОГИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО ЗДОРОВЬЯ И ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

DOI: 10.15838/esc.2016.2.44.7

УДК 336.43, ББК 65.2/4

© Молчанова М.Ю.

Государственно-частное партнерство в системе финансирования здравоохранения регионов

**Маргарита Юрьевна
МОЛЧАНОВА**

кандидат экономических наук, доцент
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15
molchanova@econ.psu.ru

Аннотация. Реформа финансирования здравоохранения в Российской Федерации, помимо положительных последствий, обусловила появление ряда ключевых организационно-экономических проблем, препятствующих расширению источников финансирования данной сферы, в том числе на основе проектов государственно-частного партнерства (ГЧП). В статье выделены особенности таких проектов в здравоохранении по сравнению с аналогичными проектами других сфер национальной экономики, заключающиеся в их региональном характере. Раскрыты проблемы реализации проектов ГЧП в здравоохранении, к числу которых можно отнести отсутствие обоснования конкретных направлений применения государственно-частного партнерства в здравоохранении, а также отсутствие типовых моделей формирования отношений между участниками ГЧП. Автором предложены его приоритетные направления в здравоохранении, обоснование которых строится на положениях теории жизненного цикла услуги. Представлена авторская модель организации концессии в регионе как пока наиболее распространенной формы государственно-частного партнерства в здравоохранении. Кластер объединяет на добровольной основе юридически независимые организации, которые заинтересованы в повышении качества и увеличении доступности медицинских услуг для населения. Это могут быть медицинские учреждения различных форм собственности, расположенные в регионе, поликлиники, объекты инфраструктуры, учреждения, занимающиеся подготовкой кадров для здравоохранения, органы власти и др. Показано, что благоприятная среда для формирования и реализации проектов ГЧП может создаваться при кластерном подходе к организации здравоохранения. Главная задача формирования медицинского кластера – это организация взаимодействия, коммуникаций между всеми его субъектами в интересах как общего развития здравоохранения в регионе, так и реализации своих собственных интересов.

Ключевые слова: здравоохранение, источники финансирования, государственно-частное партнерство, концессия, кластерный подход.

1. Постановка проблемы

Государственно-частное партнерство (далее – ГЧП) становится все более распространенным в различных сферах национальной экономики. Это дорожная инфраструктура и сервис; аэродромы и их обслуживание; метрополитен и другие виды транспорта; благоустройство; здравоохранение; культура; образование; отдых и туризм; социальное обслуживание населения; производство, передача и распределение электрической и тепловой энергии; тепло-, газо- и энергоснабжение; переработка и утилизация бытовых отходов и др.

Развитие ГЧП в Российской Федерации сталкивается с различными ограничениями общего характера, к числу которых можно отнести, например, отсутствие методологической основы обоснования направлений, в которых возможно развитие ГЧП. Одновременно с этим возникают и специфичные проблемы, характерные для формирования и реализации проектов ГЧП в отдельных сферах.

Научная литература по теоретическим и методологическим основам ГЧП многочисленна и многообразна (см., например, работы [2, 5, 12] и многие другие). Вопросы ГЧП в здравоохранении затрагиваются также в статьях [9, 20]. Но материал данных публикаций отражает самые общие вопросы – значимость, направления и эффекты от проектов ГЧП в здравоохранении и не рассматривает их специфику, не раскрывает их методологическую основу и не позволяет формировать систему практических рекомендаций по организации проектов ГЧП в здравоохранении и их реализации.

В связи с этим цель данной статьи представляет выявление проблем и особенностей системы финансирования здравоохранения в регионах России, определение роли в ней проектов ГЧП. Для того чтобы

ГЧП стало одним из источников финансирования здравоохранения, основным является преодоление институциональных барьеров для его внедрения. К последним следует отнести отсутствие обоснования конкретных направлений применения ГЧП в здравоохранении, а также отсутствие типовых моделей формирования отношений всех участников ГЧП. Данная статья отвечает на эти вопросы.

Развитие и поддержание на определенном качественном уровне национальной системы здравоохранения возможно только при наличии эффективной модели управления данной системой при достаточности финансовых источников. В условиях дефицита бюджетных ресурсов одним из вариантов привлечения дополнительного финансирования может являться государственно-частное партнерство.

Каждая страна имеет специфическую систему финансирования здравоохранения. Это связано с национальным менталитетом, с конкретными условиями становления и эволюции данного общества. Исторически сложились три основные национальные системы финансирования здравоохранения [13; 21, с. 270]: бюджетная, страховая и частная платная.

Ни в одной стране не существует в чистом виде бюджетной, страховой или частной системы финансирования.

В Российской Федерации законодательно закреплены следующие *источники финансирования в системе здравоохранения при оказании медицинской помощи населению на бесплатной и платной основе* [23]:

- денежные средства бюджетов всех уровней;
- средства федерального и территориального фондов обязательного медицинского страхования;
- средства целевых фондов, предназначенных для охраны здоровья населения;

- средства государственных внебюджетных фондов (Фонд социального страхования РФ, Пенсионный фонд РФ);
- средства добровольного медицинского страхования;
- доходы от предпринимательской деятельности организаций здравоохранения, в частности от оказания платных медицинских услуг;
- добровольные взносы и пожертвования граждан и юридических лиц;
- иные источники, не противоречащие законодательству Российской Федерации.

В соответствии со статическими данными [10] среди вышеперечисленных источников преобладают первые два – денежные средства бюджетов всех уровней и средства федерального и территориального фондов обязательного медицинского страхования. Так, по данным 2014 года они вместе составили 2532 млрд. 700 млн. руб. или 16,7% от всех расходов консолидированного бюджета РФ (с учетом государственных внебюджетных фондов) на со-

циально-культурные мероприятия. Объем платных услуг населению в 2014 году составил 474 млрд. 432 млн. руб. или 6,4% от общего объема платных услуг, оказанных населению. То есть в Российской Федерации преобладают бюджетная и страховая системы финансирования здравоохранения. В то же время наблюдается почти экспоненциальный рост платных медицинских услуг населению (рис. 1). Ускоренный рост, по нашему мнению, свидетельствует не только о развитии системы платных медицинских услуг населению, росте его доходов, но и невысоких качестве и доступности медицинских услуг, оказываемых бюджетными организациями здравоохранения.

Кроме того, важным индикатором является структура инвестиций в основной капитал в здравоохранении (табл. 1). Большая часть инвестиций осуществляется за счет бюджетных средств (73,2%). Вместе с тем объем привлеченных внебюджетных средств составляет 14,9%.

Рисунок 1. Динамика платных медицинских услуг населению в Российской Федерации (построено по данным [10]), млрд. руб.

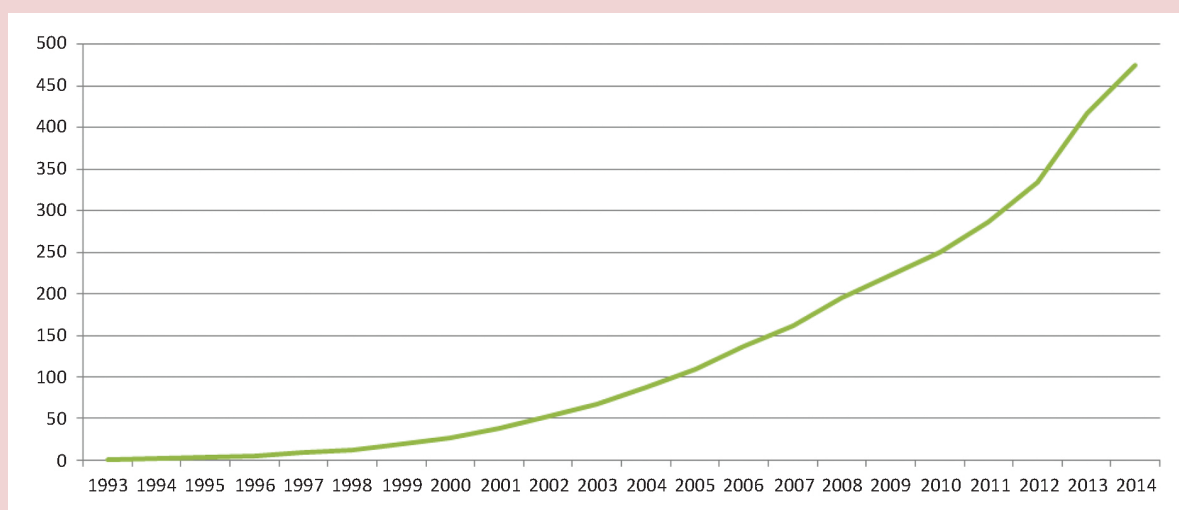

Таблица 1. Структура инвестиций в основной капитал по источникам финансирования здравоохранения (без субъектов малого предпринимательства и объема инвестиций, не наблюдаемых прямыми статистическими методами) [10], % к итогу

Показатель	2005 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.
Инвестиции в основной капитал, всего	100	100	100	100	100	100
В том числе:						
собственные средства	15,7	7,8	6,8	7,4	7,6	11,9
привлеченные средства	84,3	92,2	93,2	92,6	92,4	88,1
из них бюджетные средства	68,7	80,1	82,9	81,9	79,3	73,2
в том числе:						
за счет федерального бюджета	16,4	32,5	29,1	39,3	32,6	31,1
бюджетов субъектов Российской Федерации	45,4	40,0	44,5	38,3	40,4	38,1
местных бюджетов	6,9	7,6	9,3	4,2	6,3	4,0

Реформа финансирования здравоохранения, начатая с 2006 года, выявила ряд ключевых организационно-экономических проблем, присущих современному состоянию российского здравоохранения. Это несоответствие между государственными гарантиями бесплатного медицинского обслуживания населения и их финансовым обеспечением; неудовлетворительная координация действий субъектов, осуществляющих финансирование медицинских организаций; сохранение затратного типа хозяйствования всей отрасли и т. д. [22]

Реформирование системы финансирования здравоохранения, включающее разделение функций и ответственности покупателей и производителей медицинских услуг, внедрение контрактных отношений, развитие конкуренции в отрасли и т. д., ставило своей конечной целью повышение эффективности всего здравоохранения. Однако оно привело к фактическому раздроблению системы общественного финансирования здравоохранения на две подсистемы: бюджетную и страховую, имеющие общих получателей средств и при этом действующие

по разным и плохо скоординированным правилам. Модель ОМС была разработана с целью замены системы бюджетного финансирования, а практическое её внедрение происходило как дополнение и лишь частичное замещение существовавшей системы.

Если бы при принятии закона о медицинском страховании и разработке системы ОМС перспективы её внедрения оценивались реалистично, то такую систему изначально следовало бы конструировать как дополнительную к бюджетной системе финансирования и, исходя из этого понимания, разрабатывать необходимую нормативную базу.

И не случайно подведение Счетной палатой Российской Федерации в 2014 году первых итогов оптимизации системы здравоохранения выявило негативные тенденции (рис. 2–4) [4]:

- ликвидировано 33,8 тыс. коек;
- дефицит врачей составил 55,2 тыс.;
- внутрибольничная смертность увеличилась в 61 регионе;
- число умерших на дому возросло в 14 регионах;

- количество безрезультативных вызовов скорой помощи выросло с 2,1 млн. в 2013 г. до 2,25 млн. в 2014 г.;
- более 17,5 тыс. населенных пунктов остались без медицинской помощи;
- расходы на закупку медицинского оборудования сократились с 37,7 млрд. руб. в 2013 г. до 18,62 млрд. руб. в 2014 г.;
- в результате реструктуризации фонд заработной платы увеличился всего на 0,5%.

Рисунок 2. Динамика количества амбулаторно-поликлинических и больничных учреждений в Российской Федерации (построено по данным [10])

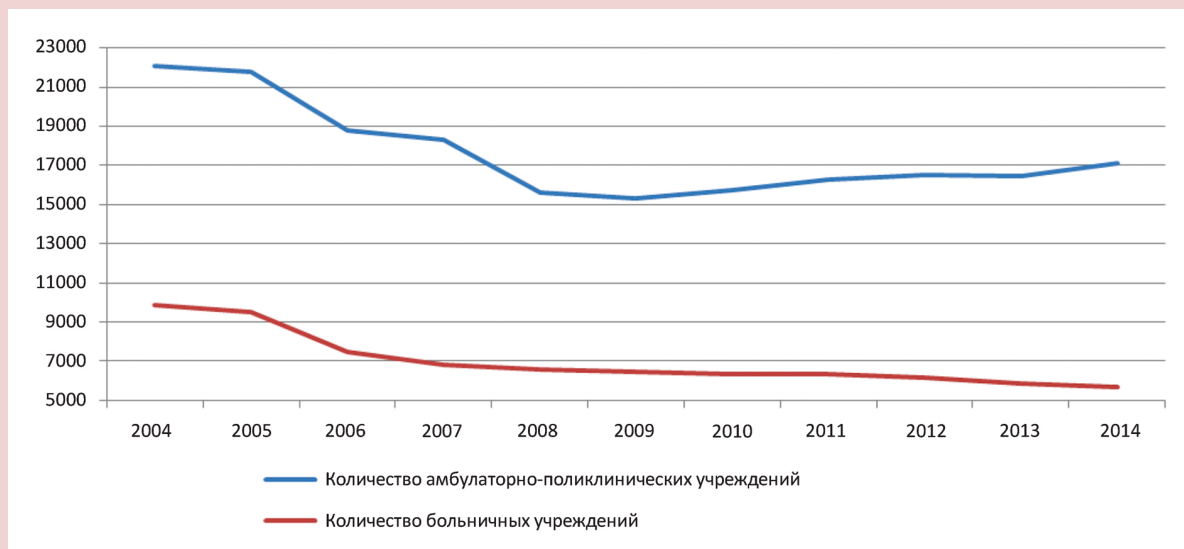

Рисунок 3. Динамика числа коек в больничных учреждениях Российской Федерации (построено по данным [10]), тыс.

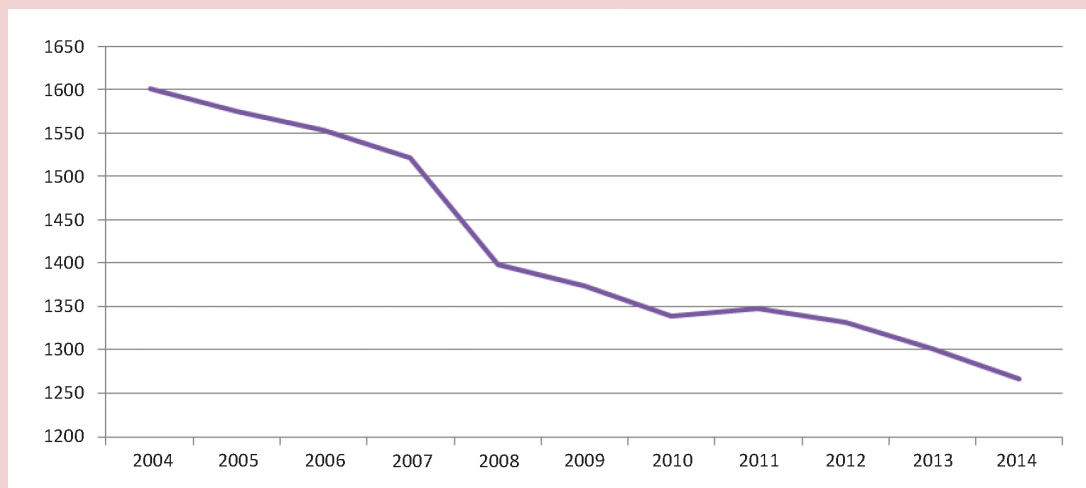
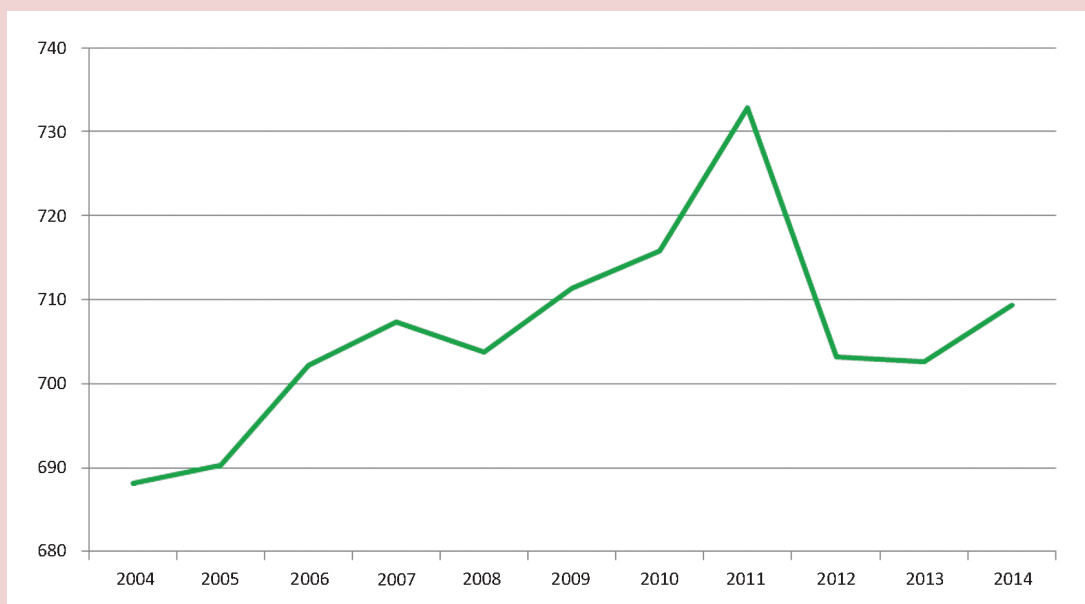

Рисунок 4. Динамика численности врачей в Российской Федерации (построено по данным [10]), тыс. чел.

Предполагалось, что в процессе перехода здравоохранения на рыночные рельсы конкуренция между медицинскими организациями, страховщиками и прочими субъектами рынка медицинских услуг будет способствовать повышению качества медицинской помощи и эффективности использования ресурсов. Однако ожидания не оправдались, так как сложившаяся в период ломки экономических, политических и этических устоев советского общества компромиссная бюджетно-страховая модель здравоохранения, позволив сохранить жизнеспособность системы, не могла стать базой, точкой роста для дальнейшего развития по объективным причинам [1]:

1. В отличие от ряда западноевропейских стран, где выбор системы страхования основывался на определенной теоретической модели, в нашей стране он стал результатом лоббирования страхового бизнеса без серьезных научных обоснований.

2. Страховые взносы (либо заложенные в структуру единого социального налога, либо отчисляемые отдельно в разный период межбюджетных отношений) являются по своему содержанию налогами, аккумулирующимися в государственном внебюджетном фонде, средства которого расходуются на финансирование деятельности медицинских организаций. Расходование данных средств на возмещение затрат по отдельным статьям, принципиально не отличаясь от бюджетного финансирования, не соответствует базисным принципам страхования.

3. Вследствие дефицитности территориальных программ государственных гарантий в большинстве субъектов РФ тарифы на медицинские услуги утверждаются ниже их себестоимости, что нарушает нормальную финансово-хозяйственную деятельность медицинских организаций.

В связи с вышеизложенным очевидно, что назрела необходимость расширения спектра механизмов финансирования системы здравоохранения. В «Концепции развития здравоохранения РФ до 2020 года» в разделе «Повышение эффективности организации и управления системой здравоохранения в РФ» определены следующие задачи в области **финансовой политики российского здравоохранения**:

- определить и законодательно закрепить стабильные источники финансирования государственной системы здравоохранения;

- сконцентрировать средства на оплате медицинской помощи по программе государственных гарантий преимущественно в одном канале (системе ОМС) и установить единую тарифную политику;

- повысить эффективность использования государственных средств путем внедрения рыночных механизмов управления и расширения частно-государственного партнерства на уровне капитальных инвестиций в систему здравоохранения и оказания медицинских услуг по программе государственных гарантий (т.е. на уровне поставщиков медицинских услуг);

- устранить нелегитимные платежи в лечебно-профилактических учреждениях.

Решение этих задач позволит повысить эффективность использования финансовых ресурсов в здравоохранении и интегральную медико-экономическую и медико-социальную эффективность отрасли.

2. Особенности проектов ГЧП в здравоохранении

В большинстве развитых стран взаимодействие государства и частного бизнеса осуществляется на основе государственно-частного партнерства [7]. Так, в странах «Большой семерки» из 615 проектов ГЧП в сфере здравоохранения действуют 184.

В Великобритании таких проектов 123 из 353-х. При этом в Докладе Всемирного банка по итогам реформ в сфере здравоохранения в Европе [19] сделаны следующие выводы:

- использование механизмов частно-государственного партнерства в здравоохранении повышает эффективность использования ресурсов и управления;

- частное софинансирование медицинских услуг, финансируемых государством, способствует созданию финансовых стимулов для повышения эффективности качества;

- привлечение частного сектора в социальную сферу требует налогового стимулирования и законодательно установленных гарантий для инвесторов.

В некоторых регионах России также уже есть успешные проекты ГЧП. Например, проект по обеспечению службы скорой помощи транспортными услугами в Пермском крае, Свердловской области, Башкирии, Кировской области. Частные компании оказывают транспортные услуги, в том числе предоставление автомобилей, их обслуживание. Например, в Пермском крае за первые 5 лет такого эксперимента сэкономлено около 120 млн. бюджетных средств.

Во многих субъектах РФ на принципах ГЧП работают диализные центры, где пациенты с хроническими болезнями почек могут пройти жизненно важную для них процедуру очищения крови. В Ростовской области частной медицинской организацией построены 5 диализных центров, их услуги оплачиваются за счет средств обязательного медицинского страхования, то есть любой человек с полисом может бесплатно получить лечение. Итогом такой работы стали закрытые листы ожидания этого вида помощи.

Формы ГЧП в здравоохранении могут быть самыми разными:

- государственные контракты;
- арендные отношения;
- финансовая аренда (лизинг);
- государственно-частные предприятия (совместные предприятия);
- соглашения о разделе продукции (СРП);
- концессионные соглашения;
- любые взаимовыгодные формы взаимодействия государства и бизнеса (например, использование временно свободных мощностей бюджетных учреждений, подготовка кадров для здравоохранения и др.).

В здравоохранении на практике наиболее распространена и наиболее законодательно проработана такая форма ГЧП, как концессия (табл. 2). Концессионное соглашение позволяет расширить срок реализации проекта до 49 лет, что устанавливает длительность и способствует стабильности отношений между инвесторами и органами власти. Кроме того, из данных таблицы следует, что проекты ГЧП в сфере здравоохранения носят в основном региональный и муниципальный характер. Это во многом, с одной стороны, облегчает возможность заключения соглашения о государственно-частном партнерстве между инвестором и органами власти по сравнению с федеральными проектами, где требуется согласование проекта с главами федеральных министерств и ведомств и обоснование национальной значимости проекта. С другой стороны, проекты ГЧП в здравоохранении зачастую не носят объемного финансового характера. Например, наиболее затратными проектами являются проекты ГЧП при создании центра гемодиализа в Псковской области (1,2 млрд. руб.) и Областного центра медицинской реабилитации в Ленинградской области (2,0 млрд. руб.).

В законе 115–ФЗ «О концессионных соглашениях» [17] есть статья, посвященная и объектам здравоохранения. При таком сотрудничестве выбранная по конкурсу компания вкладывает средства в реконструкцию и оснащение учреждения, получает его в управление на оговоренный в соглашении срок и оказывает медпомощь в системе ОМС, одновременно зарабатывая на коммерческих услугах. Но концессия несет определенный риск – в случае классической концессии государство может потерять контроль над медучреждением. Действительно, по данным Центра развития ГЧП, с момента принятия закона в 2005 году в стране было заключено лишь 18 концессионных соглашений [18]. В частности, был передан в концессию один из роддомов в Новосибирске, Центр планирования семьи в Казани, а также ГКБ №63 в Москве (в настоящий момент здесь идет ремонт и больных не принимают). Вместе с концессионными сейчас в регионах реализуется 23 медицинских проекта ГЧП.

Новый импульс процессу привлечения частных инвестиций в отрасль придало принятие Федерального закона от 13.07.2015 № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [16]. Публичным партнером может выступать высший исполнительный орган (РФ, субъекта РФ или муниципального образования) или уполномоченный им орган, который, как правило, инициирует предложения о ГЧП, а также обеспечивает разработку всех положений по проекту и заключает соглашение с частным партнером. Последний может привлекать для выполнения услуг третьих лиц (по согласованию с публичным партнером и в рамках соглашений), собственные или заемные средства для реализации

Таблица 2. Характеристика проектов ГЧП в здравоохранении регионов Российской Федерации*

№ п/п	Проект ГЧП	Регион	Уровень проекта	Форма ГЧП	Этап реализации	Срок реализации	Стоимость проекта, тыс. руб.
1.	Клиника репродуктивных технологий	Владимирская область	Региональный	Соглашение о государственно-частном партнерстве	Инициирование	5 лет	Не определена
2.	Строительство встроенного научного центра современных высоких медицинских технологий на 150 посещений в смену	Республика Дагестан	Региональный	Соглашение о государственно-частном партнерстве	Инициирование	3 года	Не определена
3.	Гемодиализ	Псковская область	Региональный	Договор аренды с инвестиционными обязательствами	Эксплуатационный	8 лет	1 200 000
4.	Модернизация и эксплуатация объекта здравоохранения (стерилизационного отделения)	Самарская область	Региональный	Концессионное соглашение	Прединвестиционный	9 лет	35000
5.	Онкордиологический центр	Московская область	Региональный	Концессионное соглашение	Инвестиционный	-	-
6.	Доктор рядом	Москва	Региональный	Договор аренды с инвестиционными обязательствами	Инвестиционный	8 лет	193 000
7.	Создание Областного центра медицинской реабилитации	Ленинградская область	Региональный	Концессионное соглашение	Прединвестиционный	25 лет	2 000 000
8.	Развитие производственной инфраструктуры в сфере травматологии, ортопедии, нейрохирургии и других сферах медицины	Новосибирская область	Федеральный	Концессионное соглашение	Прединвестиционный	15 лет	857 000
9.	Реконструкция здания для нужд перинатального центра	Республика Татарстан	Муниципальный	Концессионное соглашение	Эксплуатационная	-	Не определена
10.	Реконструкция и эксплуатация объекта здравоохранения	Самарская область	Региональный	Концессионное соглашение	Прединвестиционный	49 лет	352 245
11.	Реконструкция помещений в здании стоматологической поликлиники	Новосибирская область	Муниципальный	Концессионное соглашение	Эксплуатационный	20 лет	7 000
12.	Создание и модернизация объектов недвижимости, предназначенных для осуществления деятельности по организации лечебного питания и деятельности по оказанию услуг общественного питания сотрудников ГБУ «Самарская областная клиническая больница им. М.И. Калинина»	Самарская область	Региональный	Концессионное соглашение	Прединвестиционный	15 лет	50 000
13	Создание современного роддома	Новосибирская область	Муниципальный	Концессионное соглашение	Эксплуатационный	25 лет	90 000

* Составлено автором на основе данных Единой информационной системы государственно-частного партнерства в РФ [8].

прямых соглашений ГЧП с учетом итогов проведения конкурсных процедур, в которых могут участвовать два и более публичных партнера на основе заключения гражданско-правового договора (соглашения) сроком не менее трех лет.

Важным положительным моментом нового закона является то, что все процедуры выбора частного партнера должны проводиться с соблюдением конкурсных процедур, с учетом требования о прозрачности и публичности доконкурсных совместных переговоров (совещаний) и с подготовкой протоколов встреч, фиксирующих согласование существенных предложений сторон и оценку их эффективности.

В то же время ожидалось, что в рамках нового Федерального закона «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации» возникнет возможность для развития различных форм партнерства, а не только концессии [16]. Но, к сожалению, данный закон больше направлен на регулирование процедур заключения и реализации соглашения о партнерстве и напрямую не определяет виды и формы партнерства. Предполагается, что только в подзаконном акте будет содержаться классификатор форм ГЧП.

В целом мы считаем, что на федеральном уровне должны определяться основополагающие принципы государственно-частного и муниципально-частного партнерства в сфере здравоохранения, а также приоритетные направления и области для данных видов проектов. На региональном уровне возможно принятие региональных методических рекомендаций по ГЧП в здравоохранении, позволяющих лечебно-профилактическому учреждению осуществлять конкретные шаги и грамотные практические меры по реализации проектов ГЧП.

Таким образом, особенностью проектов ГЧП в здравоохранении, отличающей их от проектов по строительству дорог и другой инфраструктуры, является то, что их инициаторами наряду с частными инвесторами выступают в основном не федеральные, а региональные и муниципальные органы власти. Поэтому, в отличие от других сфер, при формировании общей политики в сфере ГЧП в здравоохранении федеральные органы государственной власти основываются прежде всего на позитивном опыте и предложениях, выработанных в уже названных регионах, а также в Брянской, Челябинской областях, Чувашии и других.

В рамках ГЧП государство должно определять объем и качество медицинских услуг, сохраняя за собой право собственности на объект. Частный партнер, со своей стороны, получит доход в виде платы за оказание услуг при определенных рисках управления проектом. Станет возможна реализация такой схемы, при которой инвестор сможет брать в аренду и управление уже готовые объекты с обязательством по их дооборудованию и использованию. Среди других перспективных направлений – создание мобильных медицинских центров для отдаленных населенных пунктов, диспансеризация по договорам с государственными клиниками, массовое тестирование на онкологию и др.

Кроме того, государство больше всего желает видеть бизнес в первичном звене оказания медпомощи и некоторых видах высокотехнологичной медицинской помощи (ВМП).

Первичное звено не требует больших затрат, и ожидается, что уже в ближайшее время до 15% учреждений, оказывающих медпомощь по программе ОМС, будут частными. В регионах очень не хватает отдельных видов ВМП, например центров гемодиализа, лучевой терапии, централи-

зованных лабораторий для дорогостоящих исследований, так что на развитие именно этих направлений может быть нацелено ГЧП.

Государство будет определять приоритеты для развития ГЧП, исходя из потребностей населения в медицинской помощи и способности государства ее оказывать. Т. е. государство делает заказ на количество, качество и периодичность оказания услуги, определяет тарифы и заключает долгосрочный контракт, а частный бизнес делает все, чтобы эти требования выполнить. В настоящее время, по оценкам Минздрава России, потребность в частных инвестициях может составить от 300 миллиардов до одного триллиона рублей. При этом пока отсутствует четкое представление о направлениях и количестве контрактов, которые государство может заключить с частными организациями.

Кроме того, в рамках проекта государственно-частного партнерства существенны следующие риски для потенциального инвестора:

- затяжной процесс реализации проекта, низкий уровень доверия к частному бизнесу в сфере здравоохранения;
- непредвиденное увеличение инвестиций, не соотносящееся со сроком соглашения;
- отсутствие или неполное обеспечение планируемого заказа на услуги.

3. Методологическая основа направлений ГЧП в здравоохранении

Вышеуказанные проблемы свидетельствуют о большой значимости методологического обоснования возможных направлений и механизмов ГЧП в сфере здравоохранения. При исследовании проблем финансирования медицинских услуг важно рассматривать последние не только с позиций результата, но и всего процесса их создания и реализации. В этом случае

наиболее применима **концепция жизненного цикла услуги**. В литературе жизненный цикл услуги рассматривается в основном с маркетинговых позиций. Так, по мнению Ф. Котлера, жизненный цикл услуги – это период с момента выхода услуги на рынок до момента ее ухода с рынка [24]. В то же время Национальный стандарт ГОСТ Р 52113-2003 «Услуги населению. Номенклатура показателей качества» предусматривает следующие этапы жизненного цикла **для сложных материальных услуг** – по ГОСТ Р ИСО 9001 [6]:

- маркетинг, поиск рынков, анализ состояния рынков;
- разработка технических требований, проектирование изделий;
- материально-техническое обеспечение производства;
- технологическая подготовка производства, разработка технологических процессов;
- процессы изготовления;
- проведение контрольных, приемодаточных и иных испытаний;
- упаковка, маркировка и хранение произведенных изделий;
- распределение, транспортирование и реализация изделий;
- монтаж и эксплуатация;
- техническая помощь в обслуживании;
- утилизация после окончания срока обслуживания и использования.

Для всех остальных видов услуг предлагается использовать следующие этапы жизненного цикла:

- представление информации по услугам, оказываемым потребителю;
- принятие заказа;
- контроль качества исполнения заказа;
- выдача заказа потребителю.

Применительно к медицинским услугам этапы жизненного цикла представлены в *табл. 3*.

Таблица 3. Детализация этапов жизненного цикла медицинских услуг в соответствии с ГОСТ Р ИСО 9001 и ГОСТ Р 52113-2003 [3, 6]

ГОСТ Р ИСО 9001	ГОСТ Р 52113-2003	Медицинские услуги
Маркетинг, поиск рынков, анализ состояния рынков	-	Анализ рынка услуг
Разработка технических требований, проектирование изделий	-	Разработка санитарно-гигиенических и технических требований
Материально-техническое обеспечение производства	-	Материально-техническое обеспечение услуги
Технологическая подготовка производства, разработка технологических процессов	-	Проектирование технологического процесса услуги (алгоритма лечения или лечебной процедуры)
-	Представление информации по услугам	Представление информации об услугах
-	Принятие заказа	Прием пациента
Процессы изготовления	-	Лечебный процесс, процесс проведения лечебной или лечебно-оздоровительной процедуры
Проведение контрольных, приемосдаточных и иных испытаний	Контроль качества исполнения заказа	Контрольные исследования
Упаковка, маркировка и хранение произведенных изделий	-	-
Распределение, транспортирование и реализация изделий	Выдача заказа потребителю	Выписка пациента
Монтаж и эксплуатация	-	-
Техническая помощь в обслуживании	-	-
Утилизация после окончания срока обслуживания и использования	-	-

Таблица 4. Варианты ГЧП в сфере здравоохранения (целесообразность применения выделена голубым цветом)*

Виды деятельности частного бизнеса	Сферы взаимодействия государства и частного бизнеса		
	строительство	оборудование / ИТ	управление инфраструктурой
Аутсорсинг отдельных функций			
Оснащение, управление недвижимостью			
Строительство, оснащение			
Проектирование, строительство, оснащение, управление деятельностью			
Проектирование, строительство, оснащение, управление деятельностью			

* Составлено автором.

На наш взгляд, для оценки возможности использования ГЧП в здравоохранении важно выделять этапы жизненного цикла создания и реализации высокотехнологичной медицинской услуги с позиций разных объектов финансирования. В этом случае можно выделить следующие этапы:

- финансирование в создание материально-технической инфраструктуры для оказания медицинской услуги (создание основных фондов в виде строительства, реконструкции действующих объектов);
- финансирование покупки и установки оборудования для оказания медицин-

ской услуги, информационное обеспечение его работы и процесса оказания медицинской услуги;

– финансирование работы инфраструктуры (гостиницы, питание и др.), необходимой для эффективного оказания медицинской услуги.

В этом случае варианты ГЧП в здравоохранении, по нашему мнению, даже на основе одной формы – концессионного соглашения – достаточно многочисленны (табл. 4).

4. Модель концессионного соглашения

Как было сказано выше, по нашему мнению, роль региональных органов власти заключается в разработке и принятии региональных методических рекомендаций по ГЧП в здравоохранении, позволяющих

лечебно-профилактическому учреждению осуществлять конкретные шаги и грамотные практические меры по реализации проектов ГЧП. Одним из элементов методических рекомендаций могут быть возможные модели проектов ГЧП. Исходя из собственного опыта, нами предложена возможная модель концессионного соглашения в здравоохранении (рис. 5). Предлагаемая модель во многом нивелирует риски действующих концессионных соглашений. В частности, право собственности на объект здравоохранения, где осуществляется проект ГЧП, остается за регионом. Концессионер имеет право оказывать населению платные медицинские услуги, помимо бесплатных услуг, на основе договора на оказание и оплату медицинской помощи

по ОМС, заключенного с Территориальным фондом обязательного медицинского страхования. Таким образом, при данной модели одновременно стимулируется бюджетное и частное инвестирование в объекты здравоохранения в регионе и сохраняется возможность оказания медицинских услуг всем слоям населения.

Поскольку в рамках данной модели участвует множество сторон с разными интересами, очень важно, чтобы договорные отношения между всеми участниками ГЧП базировались на единой идеологии и стратегии развития здравоохранения на территории. В ряде работ [14, 15] нами было показано, что в рыночных условиях согласованное развитие независимых организаций различных форм собственности возможно на основе кластерного развития. Поэтому эффективное использование ГЧП возможно при кластерном подходе к организации здравоохранения, где высока роль всех заинтересованных сторон (населения, частного бизнеса и государства) в организации эффективной работы здравоохранения на конкретной территории.

В настоящее время данный подход, активно внедряемый в практику организации систем здравоохранения развитых стран (США, Великобритании, Финляндии, Дании [25, 26]), повышает эффективность работы отрасли в целом. В российском здравоохранении кластерный подход практически не применяется вследствие его недостаточной изученности и осознанности представителями медицинских организаций и органами государственной власти.

Авторская модель управления здравоохранением на основе кластерного подхода предполагает:

1. Территориальную близость всех участников оказания медицинских услуг: пациентов, медицинских учреждений (от поликлиник до стационаров), инфраструк-

турных организаций, поставщиков, страховых и финансовых компаний, территориальных фондов обязательного медицинского страхования, органов региональной и муниципальной власти и др. Более тесная локализация всех участников позволяет точнее определять потребности населения конкретной территории в характере и объеме медицинской помощи и более экономно использовать ресурсы.

2. Поддержание самофинансирования кластера за счет управления финансовыми потоками различного происхождения, в том числе на основе сокращения общих издержек за счет формирования центров коллективного пользования.

3. Самоорганизацию на основе создания координационного совета кластера, ответственного за выработку единых целей, задач и распределение ответственности между всеми участниками кластера.

Кластер здравоохранения в регионе (или медицинский кластер) объединяет на добровольной основе юридически независимые организации, которые заинтересованы в повышении качества и увеличении доступности медицинских услуг для населения. Это могут быть медицинские учреждения различных форм собственности, расположенные в регионе, поликлиники, объекты инфраструктуры, учреждения, занимающиеся подготовкой кадров для здравоохранения, органы власти, территориальный фонд ОМС, страховые организации, общественные организации. Главная задача формирования медицинского кластера — это **организация взаимодействия, коммуникаций** между всеми его субъектами в интересах как общего развития здравоохранения в регионе, так и реализации своих собственных интересов. Результатом такого взаимодействия могут быть проекты ГЧП, создание общих центров компетенций, формирование единой базы данных и

другое. Организация взаимодействия всех участников в рамках кластера может осуществляться координационным советом, объединяющим руководителей организаций-участников кластера. Таким образом, кластер как организационная форма создает «оболочку», среду, возможность «контакта» для зарождения проектов ГЧП. При этом в рамках кластерных отношений может быть не один, а несколько проектов ГЧП.

5. Заключение

Проведенное исследование показало следующее.

1. Несовершенство системы финансирования здравоохранения в Российской Федерации обусловило множество негативных тенденций в отрасли: дефицит врачей, рост внутрибольничной смертности; резкое сокращение числа населенных пунктов, в которых оказывается медицинская помощь населению, снижение инвестиционной привлекательности отрасли.

2. Частно-государственное партнерство на уровне капитальных инвестиций в объекты здравоохранения и оказания медицинских услуг продекларировано в качестве одного из приоритетных направлений государственной финансовой политики здравоохранения Российской Федерации, нацеленной на повышение эффективности использования государственных средств

путем внедрения рыночных механизмов управления.

3. Особенностью проектов ГЧП в здравоохранении, отличающей их от проектов по строительству дорог и другой инфраструктуры, является то, что их инициаторами наряду с частными инвесторами являются в основном не федеральные, а региональные и муниципальные органы власти. Поэтому, в отличие от других сфер, при формировании общей политики в сфере ГЧП в здравоохранении федеральные органы государственной власти должны основываться прежде всего на позитивном опыте и предложениях, выработанных в регионах.

4. Методологической основой государственной политики в выборе приоритетных объектов ГЧП в сфере здравоохранения может служить концепция жизненного цикла услуги, поскольку именно на ее основе можно обосновать виды объектов финансирования, соответствующие этапам жизненного цикла создания и реализации высокотехнологичной медицинской услуги.

5. Одновременно с задачей эффективного внедрения ГЧП в сфере здравоохранения Российской Федерации необходимо развивать сравнительно новый для данной отрасли подход к управлению на основе кластеров.

Литература

1. Батиевская, В. Трансформация подходов к государственному регулированию российского здравоохранения / В. Батиевская, В. Шабашев // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». — 2013. — №2. — С. 66-72.
2. Варнавский, В.Г. Государственно-частное партнерство: некоторые вопросы теории и практики / В.Г. Варнавский // Мировая экономика и международные отношения. — 2011. — №9. — С.41-50.
3. Веденяпин, И.Э. Определение этапов жизненного цикла услуги как один из методологических аспектов создания системы менеджмента качества для сферы оказания социальных услуг / И.Э. Веденяпин // Вестник УГАТУ. — 2011. — Т. 15. — №5(45). — С. 216-221.
4. Волков, М. Реформа здравоохранения: кошелек или жизнь / М. Волков. — URL: <http://rusrand.ru/news/reforma-zdravoohraneniya-koshelek-ili-jizn> (дата обращения: 01.06.2015).
5. Горчакова, Е.В. Особенности теории государственно-частного партнерства / Е. В. Горчакова // Российское предпринимательство. — 2014. — №3. — С. 25-33.

6. ГОСТ 30335-95/ГОСТ Р 50646-94 «Услуги населению. Термины и определения» (<http://skladzakonov.parod.ru/gost/Gz50646-94.htm>).
7. Дубровская, Ю.В. Государственно-частное партнерство как фактор сбалансированного регионального развития / Ю. В. Дубровская, Р. В. Губайдуллина // Вестник Пермского университета. Сер. «Экономика». – 2015. – №1. – С. 35–45.
8. Единая информационная система государственно-частного партнерства в РФ / Минэкономразвития РФ. – URL: <http://ppri.ru> (дата обращения: 01.11.2015).
9. Жердев, Р.А. Государственно-частное партнерство как драйвер развития отечественного здравоохранения / Р.А. Жердев // Российское предпринимательство. – 2015. – Том 16. – №18. – С. 3125-3128.
10. Здравоохранение в России. 2015: Стат.сб./Росстат. – М., 2015. – 174 с.
11. Концепция развития здравоохранения РФ до 2020 года (первая версия) / Комиссия Министерства здравоохранения и социального развития РФ по разработке концепции развития здравоохранения до 2020 года. – М., 2008. – 168 с.
12. Кузнецов, С.В. Развитие института государственно-частного партнерства в процессе модернизации профессионального образования / С.В. Кузнецов // Экономика и управление. – 2014. – № 3. – С. 53-58.
13. Мазикова, Е.В. Финансовое обеспечение системы здравоохранения, применяемое в мировой практике / Е.В. Мазикова, П.О. Шарапова // Проблемы и перспективы управления экономикой и маркетингом в организации. – 2011. – №11. – URL: http://perspectives.utmn.rU/2011_11/2.5.htm (дата обращения: 01.06.2015).
14. Молчанова, М.Ю. Финансовые основы реформирования амбулаторно-поликлинических учреждений / М.Ю. Молчанова, А.Е. Мельников // Вестник Пермского университета. Сер. «Экономика». – 2011. – №2. – С. 70-78.
15. Молчанова, М.Ю. Модернизация отношений местных органов власти с муниципальными учреждениями здравоохранения / М.Ю. Молчанова, А.Е. Мельников // Вестник Пермского университета. Сер. «Политология». – 2008. – №2. – С. 163-169.
16. О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон: принят 13 июля 2015 г. // Российская газета. – 2015. – №6727. – 17 июля.
17. О концессионных соглашениях: Федеральный закон от 21.07.2005 № 115-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2005. – №30. – Ст. 3126.
18. Рейтинг регионов ГЧП-2014-2015. Развитие государственно-частного партнерства в субъектах Российской Федерации. – URL: http://www.pppcenter.ru/assets/files/raytingREG-Block_26-03-2015_web.pdf (дата обращения: 01.06.2015).
19. Реформы финансирования здравоохранения. Опыт стран с переходной экономикой / под ред.: И. Кутжин, Ч. Кашин, М. Якаб. – Копенгаген: Европейская обсерватория по системам и политике здравоохранения, 2011. – 442 с.
20. Тапласханова, Е.О. Государственно-частное партнерство в здравоохранении / Е.О. Тапласханова, З.А. Мустафаева // Российское предпринимательство. – 2012. – №13. – С. 112-118.
21. Финансы, денежное обращение и кредит / под ред. М.В. Романовского, О.В. Врублевской. – М.: Юрайт-Издат, 2009. – 543 с.
22. Экономические методы управления в здравоохранении / В.В. Уйба, В.М. Чернышев, О.В. Пушкарев, О.В. Стрельченко, А.И. Клевасов. – Новосибирск: Альфа-Ресурс, 2012. – 314 с.
23. Экономические основы здравоохранения в Российской Федерации. Источники финансирования здравоохранения. – URL: <http://medbe.ru/materials/obshchestvennoe-zdorove-i-zdravookhranenie/ekonomicheskie-osnovy-zdravookhraneniya-v-rossiyskoy-federatsii-istochniki-finansirovaniya-zdravookh/> (дата обращения 10.10.2015).
24. Kotler, P. Marketing Management: analysis, planning, interpretation, and control / P. Kotler. – 8th Edition, 1994.
25. Suire, R. Clusters for life or life cycles of clusters: in search of the critical factors of clusters' resilience / R. Suire, J. Vicente // Entrepreneurship and Regional Development. – 2014. – №26. – Pp. 142-164.
26. Tsai, B.-H. Cluster evolution of IC industry from Taiwan to China. / B.-H. Tsai, Y. Li // Technological Forecasting and Social Change. – 2009. – №76. – Pp. 1092-1104.

Сведения об авторе

Маргарита Юрьевна Молчанова – кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой финансов, кредита и биржевого дела (Пермский государственный национальный исследовательский университет, 614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15, molchanova@econ.psu.ru)

Molchanova M.Yu.

Public-Private Partnership in the System of Regional Healthcare Financing

Margarita Yur'evna Molchanova – Ph.D. in Economics, Associate Professor, Head of the Department of Finance, Credit and Stock-Exchange Business, Perm State University (15, Bukirev Street, Perm, 614990, Russian Federation, molchanova@econ.psu.ru)

Abstract. Healthcare financing reform in the Russian Federation, besides its positive consequences, has led to the emergence of several major organizational and economic problems that hinder the expansion of financing sources for this sphere, which also involves public-private partnership (PPP). The paper highlights the regional specifics of such healthcare projects compared to similar projects of other spheres of the national economy. The author describes the problems of PPP projects implementation in healthcare; they include the insufficiency of substantiation of public-private partnership application in healthcare, and the absence of typical models for establishment of relations between PPP participants. The paper presents the healthcare priorities put forward by the author; these priorities are based on the theory of the life cycle of a service. The author presents her own model for organizing a regional concession, which is the most common form of public-private partnership in healthcare so far. The cluster brings together on a voluntary basis the legally independent organizations that are interested in improving the quality and increasing the accessibility of health services. These can include medical institutions of various forms of ownership located in the region, clinics, facilities, institutions that train healthcare workers, authorities, etc. The author shows that a favorable environment for the formation and implementation of PPP projects can be created under the cluster approach to the organization of healthcare. When establishing the medical cluster, the main task is to organize interaction between all its subjects in the interest of the overall development of healthcare in the region and the implementation of one's own interests.

Key words: healthcare, funding sources, public-private partnership, concession, cluster approach.

References

1. Batievskaya V., Shabashev V. Transformatsiya podkhodov k gosudarstvennomu regulirovaniyu rossiiskogo zdravookhraneniya [Transformation of Approaches to Government Regulation of Russian Healthcare]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Ekonomika"* [Omsk University Bulletin. Series "Economics"], 2013, no. 2, pp. 66-72.
2. Varnavskii V.G. Gosudarstvenno-chastnoe partnerstvo: nekotorye voprosy teorii i praktiki [Public-Private Partnership: Some Issues of Theory and Practice]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations], 2011, no. 9, pp.41-50.
3. Vedenyapin I.E. Opredelenie etapov zhiznennogo tsikla uslugi kak odin iz metodologicheskikh aspektov sozdaniya sistemy menedzhmenta kachestva dlya sfery okazaniya sotsial'nykh uslug [Definition of Stages of Life Cycle of a Service as One of Methodological Aspects of Creation of System of Quality Management for Sphere of Rendering of Social Services]. *Vestnik UGATU* [Ufa State Aviation Technical University Bulletin], 2011, vol. 15, no. 5 (45), pp. 216-221.

4. Volkov M. *Reforma zdravookhraneniya: koshelek ili zhizn'* [Healthcare Reform: Trick or Treat]. Available at: <http://rusrand.ru/news/reforma-zdravookhraneniya-koshelek-ili-jizn> (accessed June 01, 2015).
5. Gorchakova E.V. Osobennosti teorii gosudarstvenno-chastnogo partnerstva [Specifics of the Theory of Public-Private Partnership]. *Rossiiskoe predprinimatel'stvo* [Russian Entrepreneurship], 2014, no. 3, pp. 25-33.
6. *GOST 30335-95/GOST R 50646-94 "Uslugi naseleniyu. Terminy i opredeleniya"* [GOST 30335-95/GOST R 50646-94 "Services for Population. Terms and Definitions"]. Available at: <http://skladzakonov.narod.ru/gost/Gz50646-94.htm>.
7. Dubrovskaya Yu.V., Gubaidullina R.V. Gosudarstvenno-chastnoe partnerstvo kak faktor sbalansirovannogo regional'nogo razvitiya [Public-Private Partnership as a Factor in Balanced Regional Development]. *Vestnik Permskogo universiteta. Ser. "Ekonomika"* [Perm University Bulletin. Series "Economics"], 2015, no. 1, pp. 35-45.
8. Edinaya informatsionnaya sistema gosudarstvenno-chastnogo partnerstva v RF [The Unified Information System of Public-Private Partnership in the Russian Federation]. *Minekonomrazvitiya RF* [The RF Ministry of Economic Development]. Available at: <http://pppi.ru> (accessed November 01, 2015).
9. Zherdev R.A. Gosudarstvenno-chastnoe partnerstvo kak draiver razvitiya otechestvennogo zdravookhraneniya [Public-Private Partnership as a Driver for the Development of National Healthcare]. *Rossiiskoe predprinimatel'stvo* [Russian Entrepreneurship], 2015, vol. 16, no.18, pp. 3125-3128.
10. *Zdravookhranenie v Rossii. 2015: Stat.sb.* [Healthcare in Russia. 2015: Statistics Collection]. *Rosstat* [Federal State Statistics Service]. Moscow, 2015. 174 p.
11. Kontseptsiya razvitiya zdravookhraneniya RF do 2020 goda (pervaya versiya) [The Concept for Development of Healthcare in the Russian Federation until 2020 (First Version)]. *Komissiya Ministerstva zdravookhraneniya i sotsial'nogo razvitiya RF po razrabotke kontseptsii razvitiya zdravookhraneniya do 2020 goda* [Commission of the Ministry of Healthcare and Social Development of the Russian Federation on the Development of the Concept for Healthcare Development until 2020]. Moscow, 2008. 168 p.
12. Kuznetsov S.V. Razvitie instituta gosudarstvenno-chastnogo partnerstva v protsesse modernizatsii professional'nogo obrazovaniya [Development of Public-Private Partnership Institution in the Modernization of Professional Education]. *Ekonomika i upravlenie* [Economy and Management], 2014, no. 3, pp. 53-58.
13. Mazikova E.V. Sharapova P.O. Finansovoe obespechenie sistemy zdravookhraneniya, primenyaemoe v mirovoi praktike [Financial Provision of the Healthcare System, Applied in the World Practice]. *Problemy i perspektivy upravleniya ekonomikoi i marketingom v organizatsii* [Problems and Prospects of Economic Management and Marketing in the Organization], 2011, no. 11. Available at: http://perspectives.utmn.rU/2011_11/2.5.htm (accessed June 01, 2015).
14. Molchanova M.Yu., Mel'nikov A.E. Finansovye osnovy reformirovaniya ambulatorno-poliklinicheskikh uchrezhdenii [Financial Basis for the Reform of Outpatient Facilities]. *Vestnik Permskogo universiteta. Ser. "Ekonomika"* [Perm University Bulletin. Series "Economics"], 2011, no. 2, pp. 70-78.
15. Molchanova M.Yu., Mel'nikov A.E. Modernizatsiya otnoshenii mestnykh organov vlasti s munitsipal'nymi uchrezhdeniyami zdravookhraneniya [Modernization of Relations between Local Authorities and Municipal Healthcare Institutions]. *Vestnik Permskogo universiteta. Ser. "Politologiya"* [Perm University Bulletin. Series "Politicalology"], 2008, no. 2, pp. 163-169.
16. O gosudarstvenno-chastnom partnerstve, munitsipal'no-chastnom partnerstve v Rossiiskoi Federatsii vnesenii izmenenii v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiiskoi Federatsii: Federal'nyi zakon: prinyat 13 iyulya 2015 g. [About Public-Private Partnership, Municipal-Private Partnership in the Russian Federation, Introduction of Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation: Federal Law: Adopted on July 13, 2015]. *Rossiiskaya gazeta* [Russian Newspaper], 2015, no. 6727, July 17.
17. O kontsessionnykh soglasheniyakh: Federal'nyi zakon ot 21.07.2005 № 115-FZ [On Concession Agreements: Federal Law of July 21, 2005 No. 115-FZ]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Collection of Russian Federation Legislation], 2005, no. 30, Article 3126.
18. *Reiting regionov GChP-2014-2015. Razvitie gosudarstvenno-chastnogo partnerstva v sub"ektakh Rossiiskoi Federatsii* [The Rating of Regions by Indicator of PPP-2014-2015. Development of Public-Private Partnership in the Subjects of the Russian Federation]. Available at: http://www.pppcenter.ru/assets/files/reytingREG-Block_26-03-2015_web.pdf (accessed June 01, 2015).
19. *Reformy finansirovaniya zdravookhraneniya. Opyt stran s perekhodnoi ekonomikoi* [Implementing Health Financing Reform: Lessons from Countries in Transition]. Ed. by J. Kutzin, Ch. Cashin, M. Jakob. Copenhagen: European Observatory on Health Systems and Policies, 2011. 442 p.

20. Taplaskhanova E.O., Mustafaeva Z.A. Gosudarstvenno-chastnoe partnerstvo v zdravookhraneni [Public-Private Partnership in Healthcare]. *Rossiiskoe predprinimatel'stvo* [Russian Entrepreneurship], 2012, no. 13, pp. 112-118.
21. *Finansy, denezhnoe obrashchenie i kredit* [Finance, Money Circulation and Credit]. Ed. by M.V. Romanovskii, O.V. Vrublevskaia. Moscow: Yurait-Izdat, 2009. 543 p.
22. Uiba V.V., Chernyshev V.M., Pushkarev O.V., Strel'chenko O.V., Klevasov A.I. *Ekonomicheskie metody upravleniya v zdravookhraneni* [Economic Methods of Healthcare Management]. Novosibirsk: Al'fa-Resurs, 2012. 314 p.
23. *Ekonomicheskie osnovy zdravookhraneniya v Rossiiskoi Federatsii. Istochniki finansirovaniya zdravookhraneniya* [Economic Basis of Healthcare in the Russian Federation. Healthcare Funding Sources]. Available at: <http://medbe.ru/materials/obshchestvennoe-zdorove-i-zdravookhranenie/ekonomicheskie-osnovy-zdravookhraneniya-v-rossiyskoy-federatsii-istochniki-finansirovaniya-zdravookh/> (data obrashcheniya 10.10.2015).
24. Kotler P. *Marketing Management: Analysis, Planning, Interpretation, and Control. 8th Edition*, 1994.
25. Suire R., Vicente J. Clusters for Life or Life Cycles of Clusters: in Search of the Critical Factors of Clusters' Resilience. *Entrepreneurship and Regional Development*, 2014, no. 26, pp. 142-164.
26. Tsai B.-H., Li Y. Cluster Evolution of IC Industry from Taiwan to China. *Technological Forecasting and Social Change*, 2009, no. 76, pp. 1092-1104.

Региональный бюджет—2016: приоритеты не меняются

Анна Ивановна

ПОВАРОВА

Институт социально-экономического развития территорий РАН
160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а
aip150663@yandex.ru

Аннотация. Бюджеты всех уровней РФ на 2016 год формировались в условиях системного социально-экономического кризиса в стране, осложнения внешнеполитической ситуации, связанного с нестабильностью сырьевых рынков и усилением антироссийских санкций. Эти факторы побудили Правительство РФ отказаться от практики трёхлетнего бюджетного планирования и вернуться к составлению бюджета на один год. Итоги бюджетного процесса показывают, что давление на субфедеральные бюджеты продолжает расти. По расчётам ИСЭРТ РАН, 76 из 85 регионов завершили 2015 год с дефицитом, в 60 регионах отмечено снижение поступлений реальных налоговых платежей и уровень долговой нагрузки, превышающий 50% объёма собственных доходов. К сожалению, Правительством РФ не предложено никаких мер по преодолению бюджетного кризиса регионов, наблюдаемого с 2012 г. Напротив, приматом межбюджетного взаимодействия стало перекладывание социальных государственных обязательств на субъекты РФ и замещение безвозмездного финансового обеспечения этих обязательств бюджетными кредитами. В статье представлены результаты анализа закона о региональном бюджете Вологодской области на 2016 год [5]. Основная цель анализа заключалась в выявлении того, как главный финансовый закон нацелен на решение задач социально-экономического развития региона. Главный вывод исследования состоит в том, что бюджет-2016 сохраняет конструкцию бюджетов последних лет и ориентирован не на создание условий для экономического роста, а на достижение заданной Министерством финансов РФ бездефицитности путём сокращения всех направлений расходов. Социальным результатом подобной политики станет прогнозируемое в 2016 г. резкое снижение потребительского спроса и уровня жизни населения. Несмотря на усилия, предпринятые Правительством Вологодской области по замещению коммерческих кредитов кредитами из федерального бюджета, в структуре задолженности по-прежнему преобладают заимствования коммерческих банков, что указывает на мнимую эффективность проводимой Минфином РФ политики долгового финансирования субъектов РФ вместо

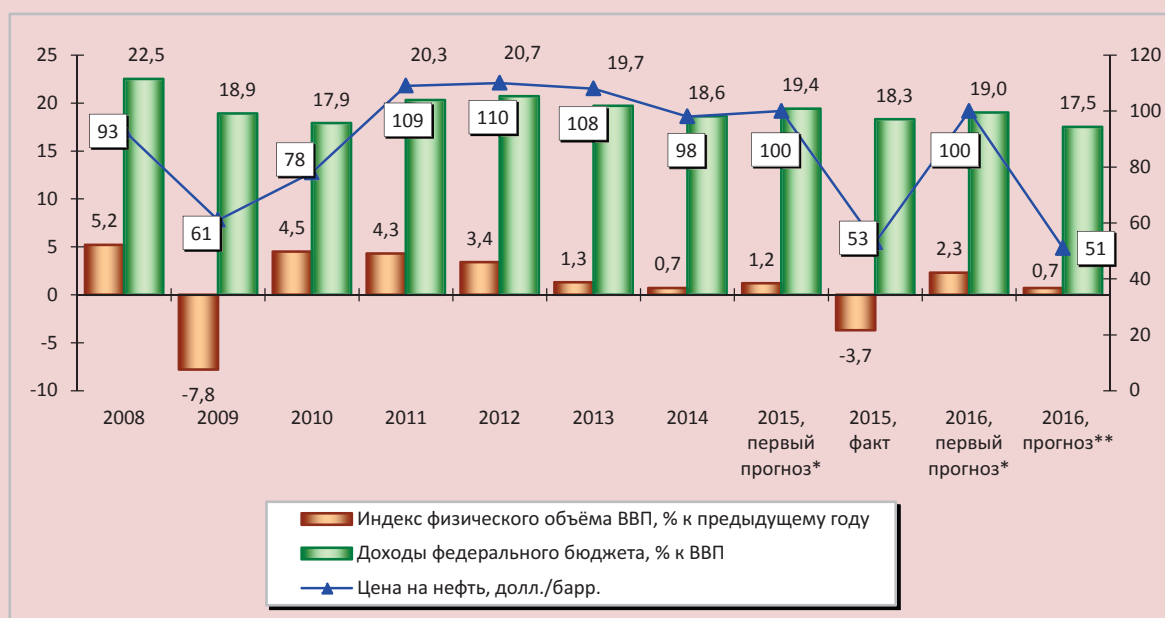
выделения достаточной безвозмездной финансовой помощи в виде трансфертов. По нашему мнению, изменить ситуацию с кризисом региональных финансов может только кардинальный пересмотр налогово-бюджетного законодательства. В статье предложены первоочередные меры в этом направлении.

Ключевые слова: бюджетное планирование, региональный бюджет, дефицит, кредиты, долговая нагрузка, корректировка налогово-бюджетного законодательства.

В 2015 г. на фоне почти двукратного снижения цен на нефть российская экономика вопреки прогнозирувавшемуся росту 1,2% демонстрировала падение на 3,7%. Ухудшение макроэкономической ситуации повлекло неоднократный пересмотр прогнозов социально-экономического развития и, соответственно, параметров федерального бюджета. В результате прогноз в отношении роста ВВП в 2016 г. был понижен с 2,3 до 0,7%, а доходы федерального бюджета уменьшены

с 19 до 17,5% в объёме ВВП (рис. 1). Судя по прогнозу Минэкономразвития РФ [9], в 2016 г. ожидается дальнейшее падение цен на нефть, являющихся ключевым источником наполняемости федерального бюджета, а значит, повышаются риски дестабилизации бюджетов других уровней, прежде всего региональных. В этих условиях Правительство РФ отказалось от планирования бюджета на три года и вернулось к его планированию на один год.

Рисунок 1. Индекс физического объёма ВВП, доходы федерального бюджета и цена на нефть в 2008–2016 гг.

* Федеральный закон «О федеральном бюджете на 2015 год и на плановый период 2016 и 2017 годов» от 01.12.2014 г. № 384-ФЗ.

** Федеральный закон «О федеральном бюджете на 2016 год» от 14.12.2015 г. № 359-ФЗ.

Социально-экономическое развитие Вологодской области в 2015 г. отражало общероссийские тенденции и характеризовалось темпами спада почти всех макроэкономических показателей (табл. 1).

Как видно из прогноза Правительства Вологодской области [14], темпы роста региональной экономики в 2016 г. будут отставать от среднероссийских, что, безусловно, отразится на основных бюджетных параметрах, хотя на первый взгляд они выглядят оптимистично: доходы прирастут на 3,7 млрд. руб., профицит составит 4 млрд. руб. (рис. 2).

Не менее оптимистичными представлялись параметры регионального бюджета, утверждённого год назад в формате «трёхлетки» (рис. 3). Согласно первоначальным планам региональных властей, бюджет 2015 года должен был быть сбалансированным, а по итогам последующего года ожидался существенный профицит – 7,9 млрд. руб. Однако исполнение бюджета в 2015 г. пошло по другому сценарию – вместо баланса получен дефицит, составивший 1,9 млрд. руб. В результате при формировании бюджета на 2016 г. доходы и расходы были скорректированы в сторону увеличения, а профицит уменьшен в два раза.

Таблица 1. Основные макроэкономические показатели РФ и Вологодской области в 2014–2016 гг., в сопоставимых ценах, % к предыдущему году

Показатели	2014, факт		2015, факт		2016, прогноз	
	РФ	Область	РФ	Область	РФ	Область
ВРП	100,6	103,0	96,2	98,5	100,7	100,3
Индекс промышленного производства	101,7	103,7	96,6	101,8	100,6	100,0
Инвестиции в основной капитал	97,3	99,0	90,1	90,4	98,4	106,4
Оборот розничной торговли	102,5	102,0	91,5	92,5	100,4	95,7
Реальные денежные доходы населения	99,2	102,4	96,0	98,4	99,3	100,2
Реальная заработная плата	101,3	98,3	90,5	89,1	99,8	90,7
Индекс потребительских цен	111,4	112,0	112,9	112,0	106,4	111,7

Рисунок 2. Основные параметры регионального бюджета Вологодской области в 2014–2016 гг., млн. руб.

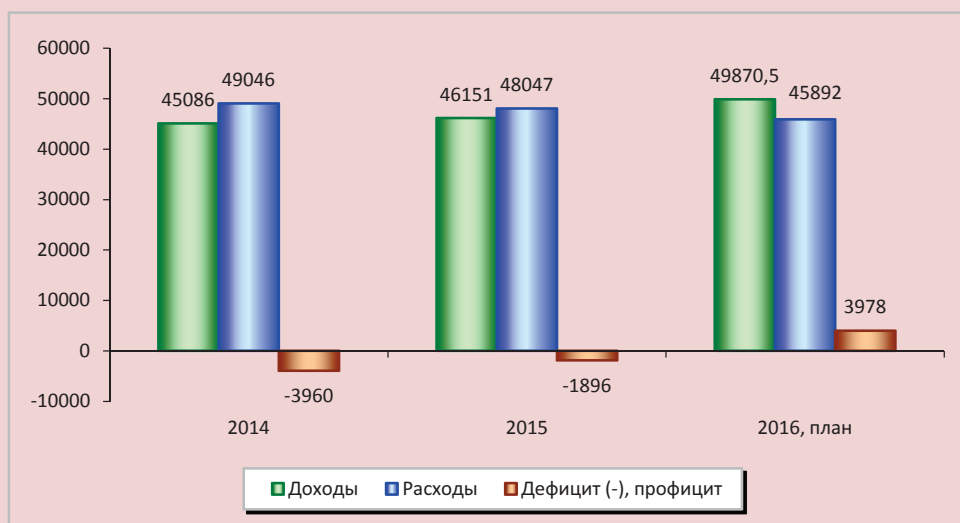
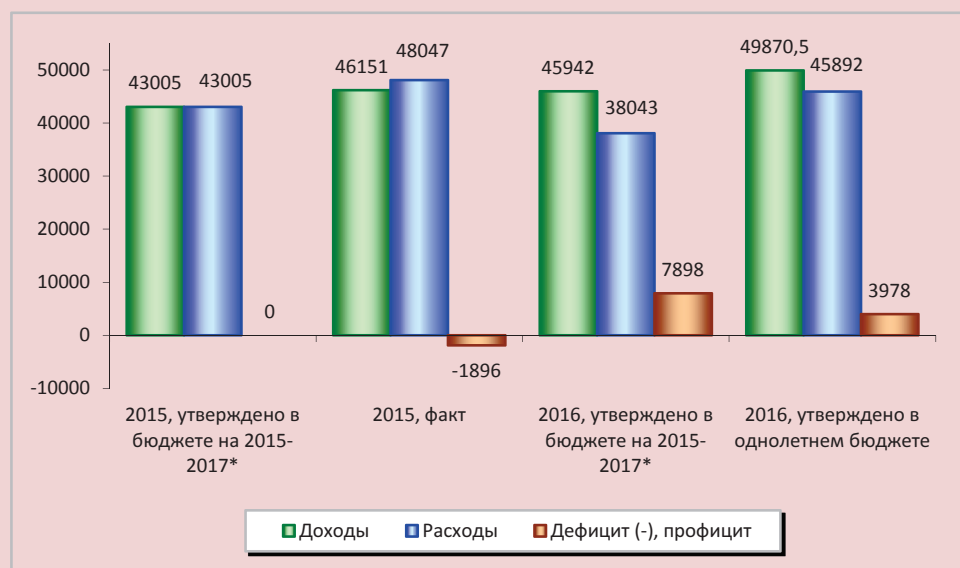

Рисунок 3. Основные параметры регионального бюджета Вологодской области в 2015–2016 гг., млн. руб.

* Первая редакция закона Вологодской области «Об областном бюджете на 2015 год и плановый период 2016 и 2017 годов» от 22.12.2014 г. № 3532-ОЗ.

Таблица 2. Изменение результатов исполнения* регионального бюджета Вологодской области в трёхлетних бюджетах

Трёхлетний бюджет	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Утверждено						
2011–2013	-3991	2339	3256			
2012–2014		-4430	4838	4930		
2013–2015			-1168	3215	5659	
2014–2016				-3212	-2015	-1486
2015–2017					0	7898
2016 г.						3978
Фактический результат	-7177	-2815	-3953	-3960	-1896	х

* Дефицит (-), профицит.

По аналогии с Федерацией однолетний бюджет принят в большинстве регионов¹, в том числе на Вологодчине, практиковавшей трёхлетнее планирование с 2011 г. Реальное же исполнение бюджета показало несостоятельность подобной практики. Об этом свидетельствуют результаты сравне-

¹ В Северо-Западном федеральном округе трёхлетний бюджет на 2016–2018 гг. принят в Республике Коми, Ленинградской области и г. Санкт-Петербурге.

ния плановых параметров на одни и те же годы в смежных трёхлетиях и фактических показателей (табл. 2).

Хотя при формировании первого трёхлетнего бюджета ожидался дефицит в 2011 г. в размере 4 млрд. руб., но фактически он оказался на 3,2 млрд. руб. больше. Бюджет за один и тот же 2012 год в смежных «трёхлетках» исполнен с профицитом и дефицитом. Значения планового профицита в

2013 и 2014 гг. в трёхлетних бюджетах различаются в полтора раза, при этом в последнем варианте бюджеты на эти годы были утверждены с дефицитом, величина которого существенно меньше фактически полученного объёма дефицита. Бюджет на 2015 г. планировался во всевозможных форматах: в расчётах на 2013–2015 гг. он был профицитным; в следующем смежном периоде 2014–2016 гг. — дефицитным, а в последней «трёхлетке» (2015–2017 гг.) — полностью сбалансированным.

Региональный бюджет на 2016 год, объявленный профицитным, повторяет деформации бюджетного планирования предыдущих лет. Опыт исполнения бюджета 2012–2015 гг. показал имитацию планового профицита. Иначе и быть не могло, поскольку бюджетные проекторки не привязывались к макроэкономическим прогнозам, а следовательно, изначально не планировалось экономическое обеспечение исполнения доходной части бюджета (табл. 3).

Как свидетельствуют данные таблицы, при формировании регионального бюджета на 2014 и 2015 гг. запланированные темпы роста собственной доходной базы превышали темпы роста прогнозных макроэкономических показателей. Фактические

же итоги социально-экономического развития региона отстояли далеко от прогнозирувавшихся. Опережающий по сравнению с плановым значением рост поступлений собственных доходов в 2014 г. был обусловлен не воспроизводственными факторами, а благоприятной ценовой конъюнктурой на рынках чёрных металлов и химических удобрений, изменением нормативов отчислений НДС в региональный бюджет, а также начавшейся поэтапной отменой льгот по налогу на имущество субъектов естественных монополий.

Из оценки плановых параметров доходной части регионального бюджета на 2016 год следует, что правительством области не были проанализированы ошибки социально-экономического прогнозирования и бюджетного планирования. Иначе чем можно объяснить предусмотренный в бюджете рост собственных доходных источников на 21% на фоне прогнозных минимальных темпов роста макроэкономических показателей.

По нашим расчётам, с поправкой на прогнозируемый уровень инфляции, ни совокупные, ни собственные доходы регионального бюджета далеко не выйдут на докризисную траекторию, составив 73% по отношению к уровню 2008 г. (рис. 4).

Таблица 3. Макроэкономические показатели Вологодской области в 2014–2016 гг., в сопоставимых ценах, % к предыдущему году

Показатели	2014			2015			2016, прогноз
	Прогноз	Факт	+, - п.п.	Прогноз	Факт	+, - п.п.	
ВРП	102,5	100,5	-2,0	102,7	98,5	-4,2	100,3
Инвестиции в основной капитал	104,6	99,0	-5,6	118,0	90,4	-36,2	106,4
Оборот розничной торговли	104,8	102,0	-2,8	100,4	92,5	-7,9	95,7
Реальные доходы населения	102,4	102,4	0	102,1	98,4	-0,6	100,2
Реальная заработная плата	103,0	98,3	-4,7	98,5	89,1	-9,4	90,7
Собственные доходы бюджета*	111,6	115,5	+3,9	103,5	101,3	-2,2	120,9

* В текущих ценах.

Источники: данные прогнозов социально-экономического развития Вологодской области на 2014–2016 гг., на 2015–2017 гг., на 2016–2018 гг.; данные законов Вологодской области об областном бюджете на 2013–2015 гг., на 2014–2016 гг., на 2015–2017 гг., на 2016 г.; расчёты автора.

Рисунок 4. Динамика реальных доходов регионального бюджета Вологодской области в 2009–2016 гг., млрд. руб. (цены 2008 г.)

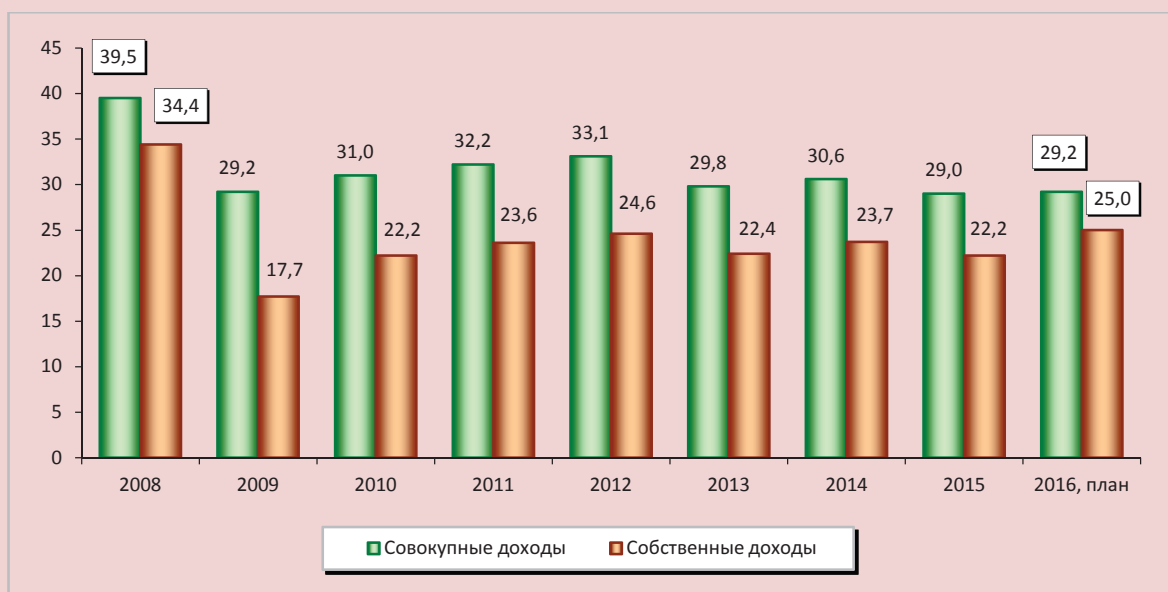
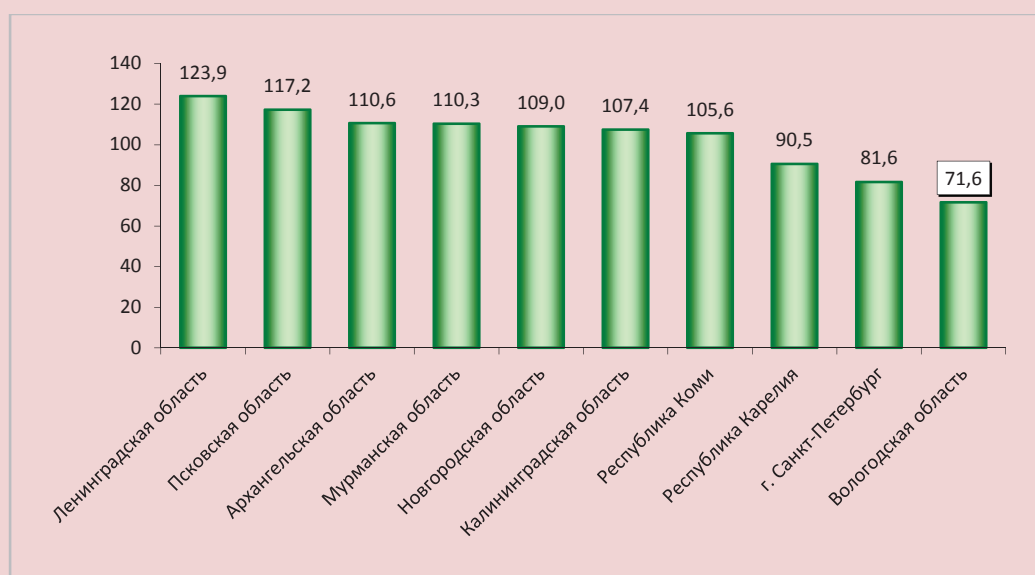

Рисунок 5. Прогноз темпов роста реальных собственных доходов региональных бюджетов СЗФО в 2016 г., % к 2008 г.

Источники: законы субъектов СЗФО о региональном бюджете на 2016 г., расчёты автора.

Судя по прогнозам, в регионах Северо-Западного федерального округа, кроме Вологодской области, поступления соб-

ственных доходов окажутся ниже, чем в 2008 г., только в Карелии и Санкт-Петербурге (рис. 5).

В текущих ценах, как уже было сказано, запланирован весьма существенный прирост собственных доходов регионального бюджета Вологодской области – 7,4 млрд. руб. При этом более 60% прироста предполагается обеспечить за счёт увеличения поступлений налога на прибыль (табл. 4).

В основе роста сборов налога на прибыль должны лежать высокие темпы роста ключевого источника налоговой базы – прибыли субъектов экономики. Вместе с тем, согласно прогнозу правительства области, прибыль организаций без учёта химического и металлургического производства в 2016 г. увеличится лишь на 3,3% и составит 12,4 млрд. руб. По самым грубым подсчётам с этой суммы должно поступить 2,2 млрд. руб. налога на прибыль.

На наш взгляд, бюджетные проектировки относительно поступлений налога на прибыль весьма противоречивы и вызывают определённые сомнения.

Во-первых, планируя значительный рост сборов налога, региональные власти делают ставку на увеличение поступлений платежей от крупнейших холдингов металлургического и химического производства – ПАО «Северсталь» и АО «ФосАгро-Череповец». Ожидается, что поступления налога на прибыль от этих налогоплатель-

щиков составят 5,6 млрд. руб., однако данный показатель не получил никакого обоснования в документах, представленных правительством области в Законодательное Собрание вместе с законопроектом о бюджете на 2016 г.

Во-вторых, динамика поступлений налога на прибыль от металлургической и химической промышленности в 2015 г. указывает на вероятность недостижения плановых значений. По данным УФНС по Вологодской области [10], фактические платежи от предприятий химического производства составили 1,1 млрд. руб., чёрной металлургии – 0,4 млрд. руб. (рис. 6).

В-третьих, рассчитывая на существенное повышение роли предприятий химической и металлургической промышленности в мобилизации сборов налога на прибыль, правительство области, начиная с формирования бюджета на 2014 г., не рассматривает эти отрасли в качестве фактора влияния на прибыль, поскольку прогноз прибыли не включает показатели ПАО «Северсталь» и АО «ФосАгро-Череповец».

Вместе с тем обвинять в некачественном планировании только региональные власти было бы несправедливо. В соответствии с действующим законодательством налоговые инспекции не обязаны представлять органам власти субъектов РФ

Таблица 4. Поступление собственных доходов в региональный бюджет Вологодской области в 2014–2016 гг.

Доходы	2014, факт		2015, факт		2016, план		
	Млрд. руб.	К 2013, %	Млрд. руб.	К 2014, %	Млрд. руб.	К 2015	
						млрд. руб.	%
Собственные доходы, всего	34,96	115,5	35,4	101,3	42,8	+7,4	120,8
Налоговые доходы	33,6	118,7	34,1	101,3	41,4	+7,3	121,5
- налог на доходы физических лиц	12,1	114,9	11,2	93,1	12,7	+1,5	113,2
- налог на прибыль	7,6	127,3	6,5	86,4	11,1	+4,6	169,5
- налоги на имущество	8,2	112,4	9,7	117,9	10,3	+0,6	106,7
- акцизы	4,1	107,1	4,8	117,1	5,6	+0,8	117,6
- налоги на совокупный доход	1,65	229,4	1,7	104,5	1,4	-0,3	79,3
Неналоговые доходы	1,3	68,4	1,33	100,4	1,4	+0,03	105,2

Рисунок 6. Динамика поступлений налога на прибыль в региональный бюджет Вологодской области от химического и металлургического производства в 2015 г., млн. руб.

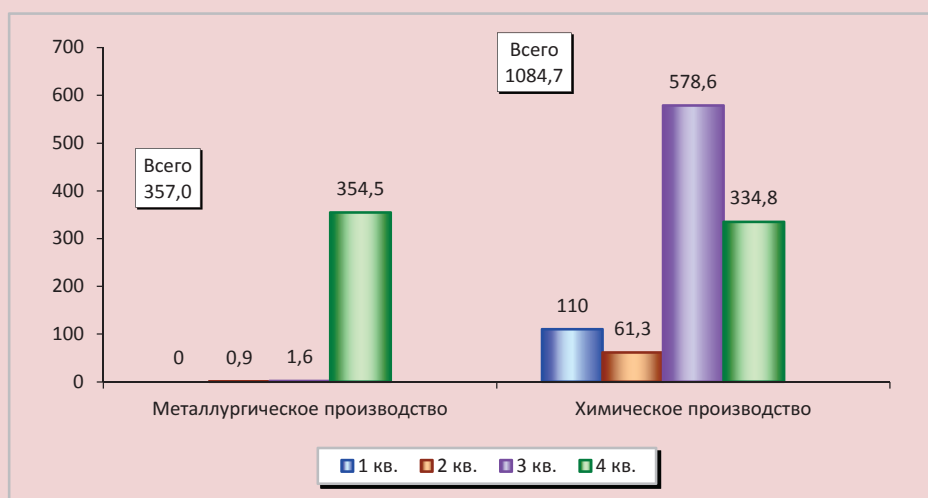
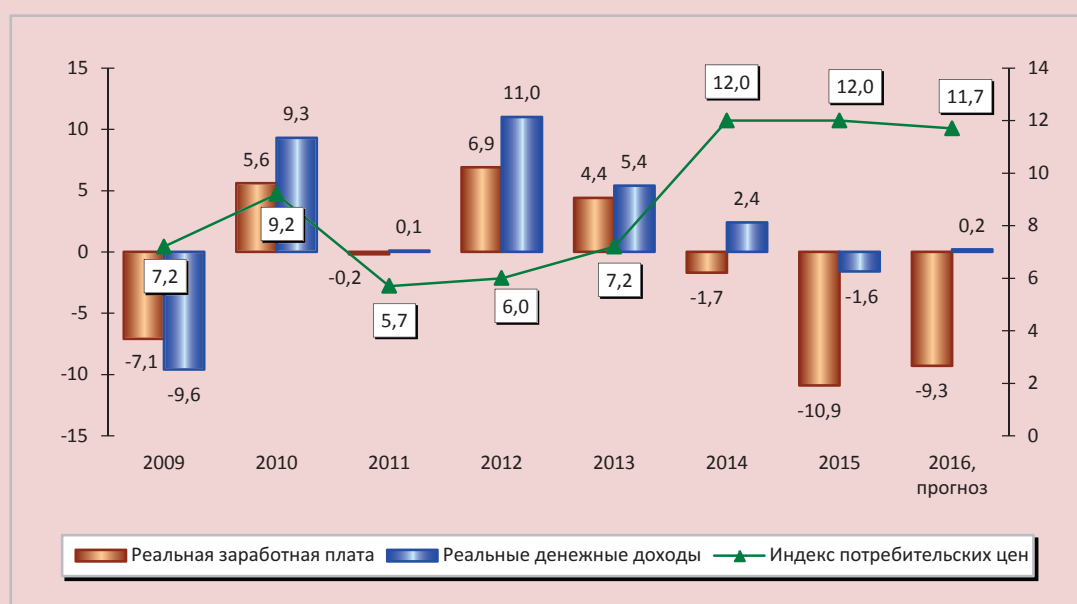

Рисунок 7. Динамика темпов прироста реальной заработной платы, реальных денежных доходов населения и индекса потребительских цен в Вологодской области в 2009–2016 гг., %

информацию о деятельности конкретных налогоплательщиков², тем более крупнейших, которые администрируются межрегиональными инспекциями, расположенными в Москве, что затрудняет полноценное

² Ст. 102 Налогового кодекса РФ.

планирование бюджетобразующих показателей, а следовательно, и доходной части регионального бюджета.

Добавим, что предусмотренный в областном бюджете рост сборов НДФЛ на 7,4% не согласуется с прогнозными показателями доходов населения (рис. 7).

Как видно, уже в 2014 г. повышение инфляции подтолкнуло падение темпов прироста реальной заработной платы на 1,7%, ускорившееся в последующем году до 11%. По прогнозам, в 2016 г. торможение инфляционных процессов будет малозаметным, реальные доходы практически не прирастут, а реальная заработная плата уменьшится на 9,3%. Такого глубокого снижения основного источника денежных доходов вологжан не наблюдалось с 1999 г.

Не лучшим образом выглядит и динамика показателя среднемесячной номинальной заработной платы. В 2016 г. она прирастёт лишь на 3,4%, что почти в четыре раза меньше планируемого прироста сборов НДФЛ (табл. 5). На фоне повышения дотационности областного бюджета происходит неуклонное увеличение разрыва между уровнем заработной платы в регионе и средним по стране, что лишний раз подчёркивает ослабление региональной экономики, сопровождающееся усилением зависимости от федерального центра.

Таким образом, планируемое увеличение поступлений от двух профилирующих

источников доходов регионального бюджета без надлежащего анализа факторов, обуславливающих это увеличение, представляется гипотетическим и несёт в себе риски недополучения доходов.

Бюджетная политика в сфере расходов ориентирована на ставшую уже нормой оптимизацию. В 2016 г. расходная часть бюджета будет меньше, чем в 2011 г. По отношению к уровню 2015 г. расходы сократятся на 2,2 млрд. руб., или на 4,5% (рис. 8).

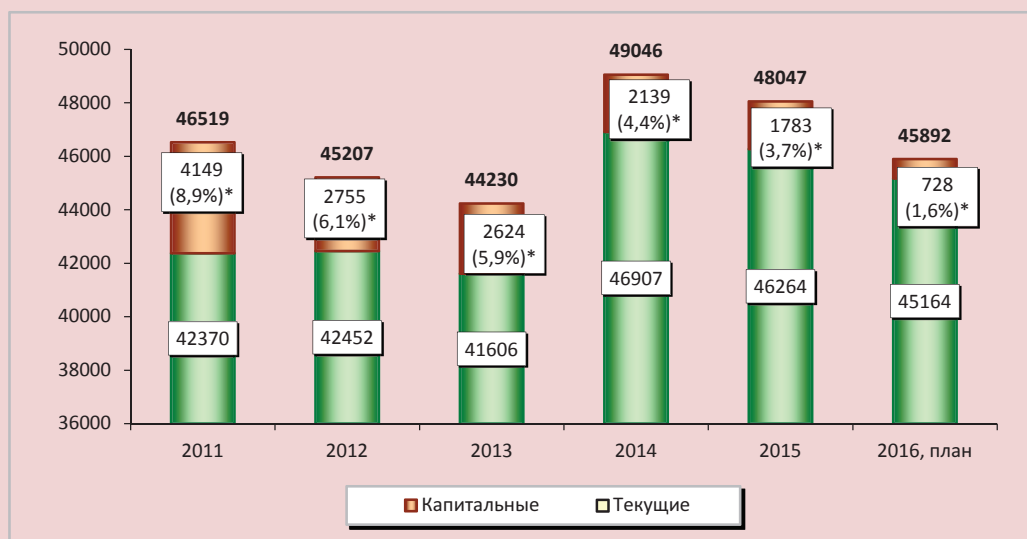
Необходимость выполнения задач, поставленных в так называемых майских указах³ Президента РФ, осложнённая высокой долговой нагрузкой региона, заставляет правительство области минимизировать бюджетные траты, и в первую очередь за счёт капитальных вложений. В 2016 г. бюджетные инвестиции в строительство объектов государственной и муниципальной собственности составят 0,7 млрд. руб. против 4,1 млрд. руб. в 2011 г., то есть почти в шесть раз меньше. Другими словами, на цели развития направлено менее 2% расходов и практически весь бюджет будет использован на текущие потребности и обслуживание кредитов.

Таблица 5. Динамика номинальной начисленной средней заработной платы, руб. на одного работника

Показатели	2011	2012	2013	2014	2015	2016, план
Российская Федерация	23369	26629	29792	32495	33981	36838
Вологодская область	20250	22649	25127	26749	27287	28224
Темп роста, %	109,2	111,8	110,9	106,5	102,0	103,4
<i>Разрыв в уровне средней заработной платы между Вологодской областью и РФ</i>						
Руб.	-3119	-3980	-4665	-5746	-6694	-8614
%	13,3	14,9	15,7	17,7	19,7	23,4
Дотации из федерального бюджета, млн. руб.	738	1333	821	1542	2144	2525
Источники: данные Росстата [12]; Федерального казначейства [11]; прогнозы социально-экономического развития РФ и Вологодской области на 2016–2018 гг.; расчёты автора.						

³ Указы Президента РФ от 7 мая 2012 года № 594–606.

Рисунок 8. Расходы регионального бюджета Вологодской области в 2011–2016 гг., млн. руб.

* В скобках указан удельный вес капитальных расходов в общем объёме расходной части бюджета.

Таблица 6. Динамика основных статей расходной части регионального бюджета Вологодской области в 2014–2016 гг., млн. руб.

Расходы	2014, фактически		2015, фактически		2016, план	
	Млн. руб.	К 2013, %	Млн. руб.	К 2014, %	Млн. руб.	К 2015, %
Всего	49046	110,9	48047	98,0	45892	95,5
Общегосударственные вопросы	2330	121,9	2193	94,1	2416	110,2
Национальная экономика	9020	98,3	8293	91,9	7432	89,6
ЖКХ	947	112,8	1647	173,9	1583	96,1
Социальная сфера	32789	113,8	32055	97,8	30547	95,3
- образование	13381	130,8	11095	82,9	10707	96,5
- культура	767	147,0	573	74,7	537	93,7
- здравоохранение	7717	102,7	8150	105,6	7947	97,5
- социальная политика	10661	107,0	11821	110,9	11217	94,9
- физкультура и спорт	263	60,3	416,0	157,7	139	33,3

Из данных, представленных в *таблице 6*, можно увидеть, что если в 2014 г. секвестр не затронул бюджетирование социальной сферы, за исключением спортивных мероприятий, то в 2015 г. было существенно урезано финансовое обеспечение образования и культуры, а в 2016 г. сокращение ожидает все социальные расходы.

Оптимизация планируется по всем основным функциональным статьям расходной части бюджета, за исключением общегосударственных вопросов, финансирование которых прирастет на 10,2% в связи с предстоящими выборами депутатов Законодательного Собрания области.

Снижение государственной поддержки отраслей национальной экономики будет самым ощутимым – 10,4% к уровню 2015 г. И это не случайно, поскольку в основных направлениях бюджетной политики [6] приоритетным является обеспечение сбалансированности регионального бюджета, а не финансовое обеспечение экономического развития. Из 10,8 млрд. руб., заложенных в бюджете на выполнение майских указов в 2016 г., на реализацию Указа № 596 «О долгосрочной государственной экономической политике» планируется направить всего 65,4 млн. руб., то есть 0,6%, а более 80% ассигнований будет использовано на повышение заработной платы бюджетников. Между тем, несмотря на выполнение обязательств по увеличению оплаты труда работников бюджетных учреждений, темпы роста реальных денежных доходов вологжан падают, что не позволяет снизить уровень бедности в регионе: доля населения с доходами ниже прожиточного минимума увеличилась до 15,2% в 2015 г. против 12,9% в 2014 г., а в 2016 г. она достигнет 15,6%.

Итак, при ухудшении текущей и прогнозной динамики всех экономических показателей региональный бюджет на 2016 г. утверждён профицитным. Задача достижения профицита будет решаться двумя путями. Первый, труднодоступный, путь – увеличение собственных доходов, что возможно только при условии заметного пополнения региональной казны платежами по налогу на прибыль от металлургических и химических корпораций в случае благоприятной рыночной конъюнктуры. Второй, легкодостижимый, – фронтальное сокращение расходов.

Подобный подход к формированию регионального бюджета вовсе не связан с волеизъявлением областных властей, а про-

диктован Минфином РФ. Дело в том, что в 2014 г. Правительством Вологодской области подписано соглашение с Министерством финансов РФ о предоставлении региональному бюджету финансовой поддержки в виде бюджетного кредита на замещение задолженности по кредитам кредитных организаций и ценным бумагам. Предложенный министерством механизм замещения крайне жёсткий: региональные власти должны обеспечить поэтапное снижение объёма госдолга по рыночным обязательствам к 1 января 2017 года до 50% суммы собственных доходов, что и предопределило формирование профицитного бюджета.

К сожалению, несмотря на оптимизацию расходов, заметно ослабить долговую нагрузку бюджета не удалось. По итогам 2015 г. государственный долг Вологодской области уменьшился на 533 млн. руб., или на 1,5%. Объём долговых обязательств лишь на 3% меньше объёма собственных доходов бюджета (*рис. 9*).

При формировании бюджета на 2015–2017 гг. прогнозировалось довольно существенное снижение налоговой нагрузки в 2016 г. – до 67%, однако ход бюджетного процесса в 2015 г. показал нереальность данного прогноза, поэтому новый бюджет закрепляет объём государственного долга в 2016 г. в сумме 31,3 млрд. руб., или на 4 млрд. руб. больше объёма, утверждённого годом ранее.

По уровню долговой нагрузки Вологодская область занимает второе место в СЗФО после Республики Карелия. Необходимо подчеркнуть, что на начало 2016 г. только в трёх субъектах округа объём задолженности составлял менее половины объёма собственных доходов бюджета, что свидетельствует о продолжении долгового кризиса российских регионов (*рис. 10*).

Рисунок 9. Государственный долг Вологодской области в 2009–2016 гг.

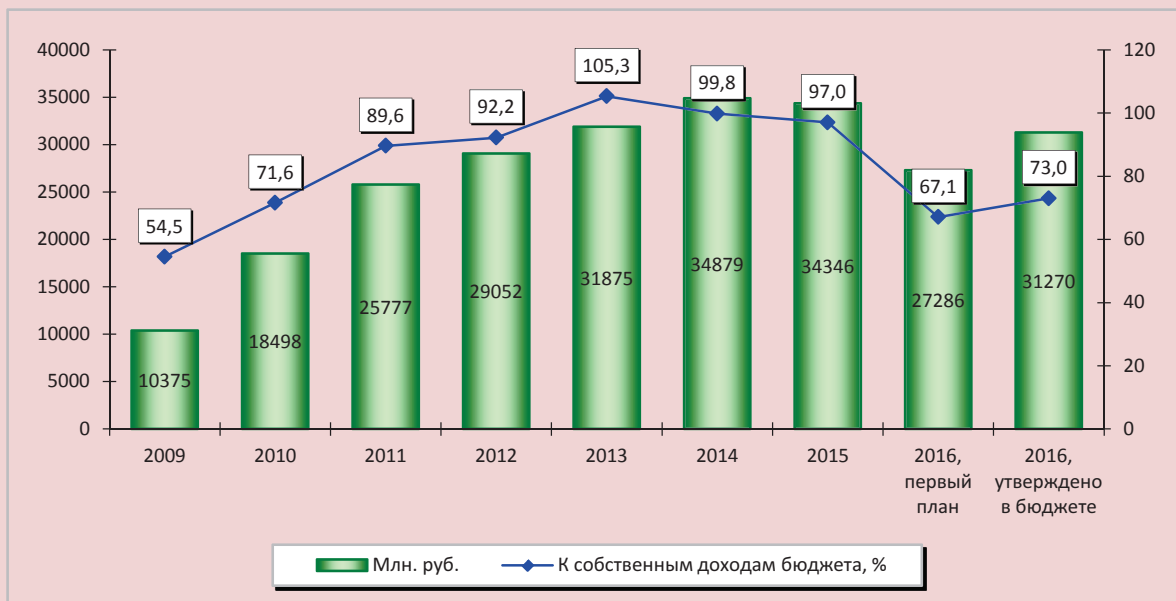
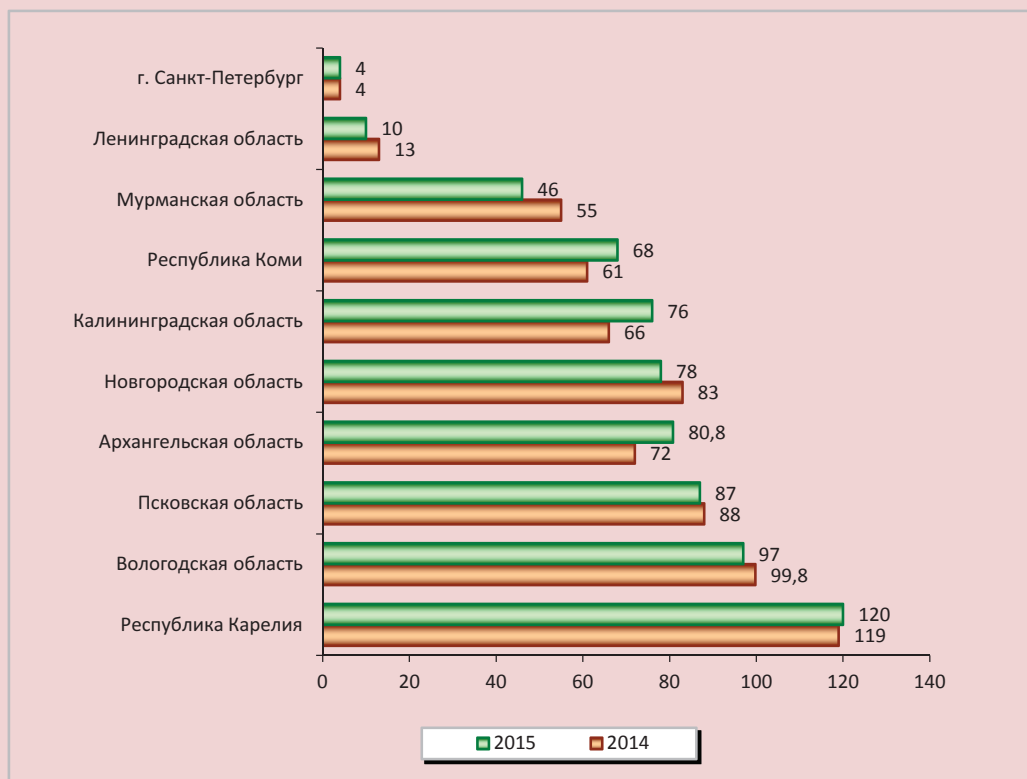

Рисунок 10. Государственный долг субъектов СЗФО в 2014 и 2015 гг., % к собственным доходам регионального бюджета

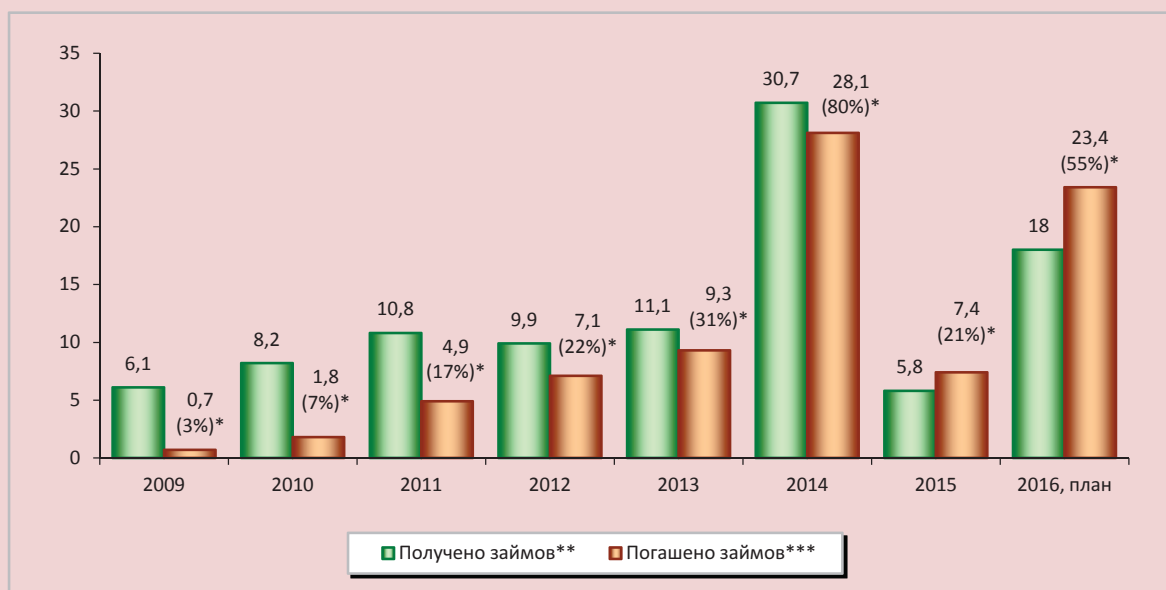

Источники: данные Минфина РФ [8]; Федерального казначейства; расчёты автора.

По нашему мнению, Вологодской области будет сложно достичь снижения государственного долга на 3 млрд. руб. в 2016 г. Если обратиться к программе государственных внутренних заимствований, утверждённой законом об областном бюджете, то можно увидеть, что в 2016 г. возобновится прерванная в 2015 г. тенденция роста заимствований, которые запланированы в объёме 18 млрд. руб., что в три раза больше, чем в предыдущем году. Соответственно увеличатся и расходы на погашение долговых обязательств. В 2016 г. на эти цели область направит 23,4 млрд. руб., или более половины объёма собственных доходов бюджета (рис. 11).

Безусловно, существенное отвлечение собственных доходных источников на возврат и обслуживание кредитов вызовет дефицит бюджетных средств и угрозы выполнения приоритетных расходных обязательств. В этой связи незамедлительного решения требует проблема методологии расходов на погашение заимствований. Согласно Бюджетному кодексу РФ, указанные расходы финансируются за счёт собственных доходов бюджетов субъектов РФ, но включаются не в расходную часть бюджета, а в состав источников погашения дефицита, что девальвирует его реальный размер⁴. По нашим расчётам, вместо утверждённого профицита, регио-

Рисунок 11. Динамика полученных и погашенных заимствований регионального бюджета Вологодской области в 2009–2016 гг.

* В скобках указана доля расходов на погашение заимствований в собственных доходах бюджета.

** Полученные коммерческие и бюджетные кредиты, размещённые государственные ценные бумаги области.

*** Расходы на погашение государственных ценных бумаг области, банковских и бюджетных кредитов, расходы на обслуживание государственного долга (процентные платежи).

⁴ Неоднократные обращения глав субъектов РФ (в том числе губернатора Вологодской области О.А. Кувшиникова) в Минфин РФ с просьбой о внесении изменений в порядок учёта расходов на возврат кредитов остались без внимания.

нальный бюджет в 2016 г. будет исполнен с дефицитом, размер которого превысит предельные ограничения⁵ и составит 17,8 млрд. руб., или 41,6% объёма собственных доходов (табл. 7).

Всё вышесказанное даёт основание говорить о неэффективности выбранной Минфином РФ политики долгового финансирования в отношении субъектов РФ.

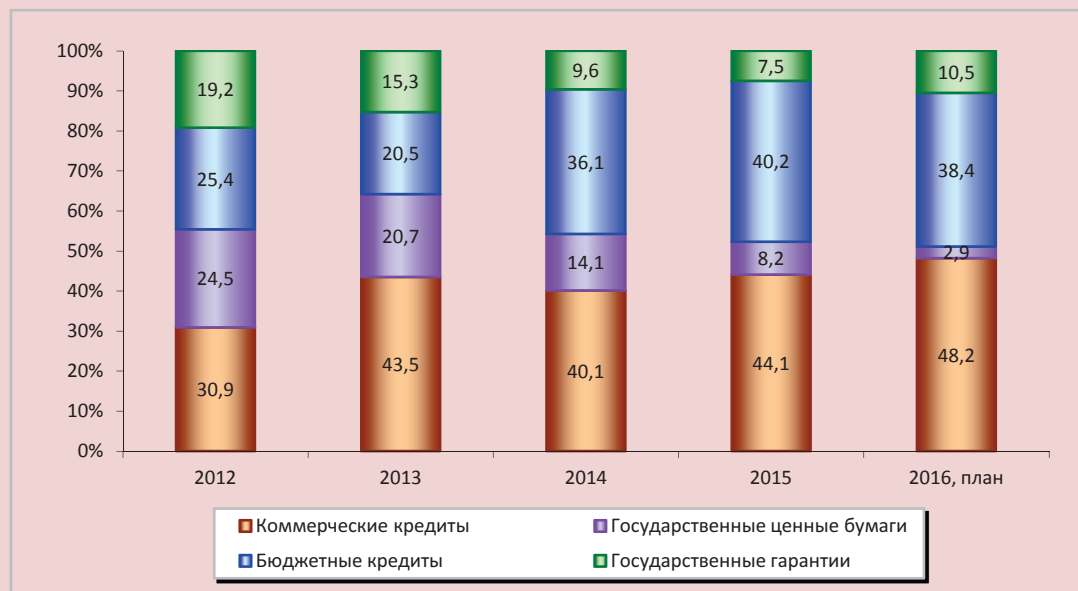
Предоставление регионам кредитов из федерального бюджета, конечно же, ослабляет долговую нагрузку с точки зрения уменьшения процентных расходов⁶, но кардинально не решает проблему закредитованности региональных бюджетов. Подтверждением этому выводу служит структура государственного долга Вологодской области (рис. 12).

Таблица 7. Реальные результаты исполнения регионального бюджета Вологодской области в 2014–2016 гг., млн. руб.

Показатели	2014	2015	2016, план
Дефицит (-), профицит без расходов на погашение займов	-3960,1	-1896,3	3978,3
К собственным доходам бюджета, %	-11,3	-5,4	9,3
Расходы на погашение займов*	26144,3	5581,0	21805,8
Реальный дефицит (-), профицит	-30104,4	-7477,3	-17827,5
К собственным доходам бюджета, %	-86,1	-21,1	-41,6

* Без процентных платежей, которые включаются в расходную часть бюджета.

Рисунок 12. Структура государственного долга Вологодской области в 2012–2016 гг., %

⁵ В соответствии с п. 2 ст. 92.1 Бюджетного кодекса РФ дефицит бюджета субъекта РФ не должен превышать 15% утверждённого годового объёма доходов бюджета без учета утвержденного объема безвозмездных поступлений.

⁶ По данным Департамента финансов Вологодской области [7], в 2015 г. средневзвешенная ставка кредитов коммерческих банков составила 9,7% годовых, бюджетных кредитов из федерального бюджета – 0,1%.

Как видно, после 2014 г. доля кредитов коммерческих банков в структуре долга не только не уменьшилась, а, наоборот, увеличилась. Вместе с ценными бумагами удельный вес рыночных заимствований к началу 2017 г. достигнет более 50% и создаст риски привлечения новых кредитов для погашения ранее полученных.

Ещё одним подтверждением неспособности бюджетных кредитов остановить рост коммерческой задолженности и обеспечить стабилизацию региональных финансов служит помесечная динамика привлечения кредитов и результатов исполнения регионального бюджета Вологодской области в 2015 г. (рис. 13).

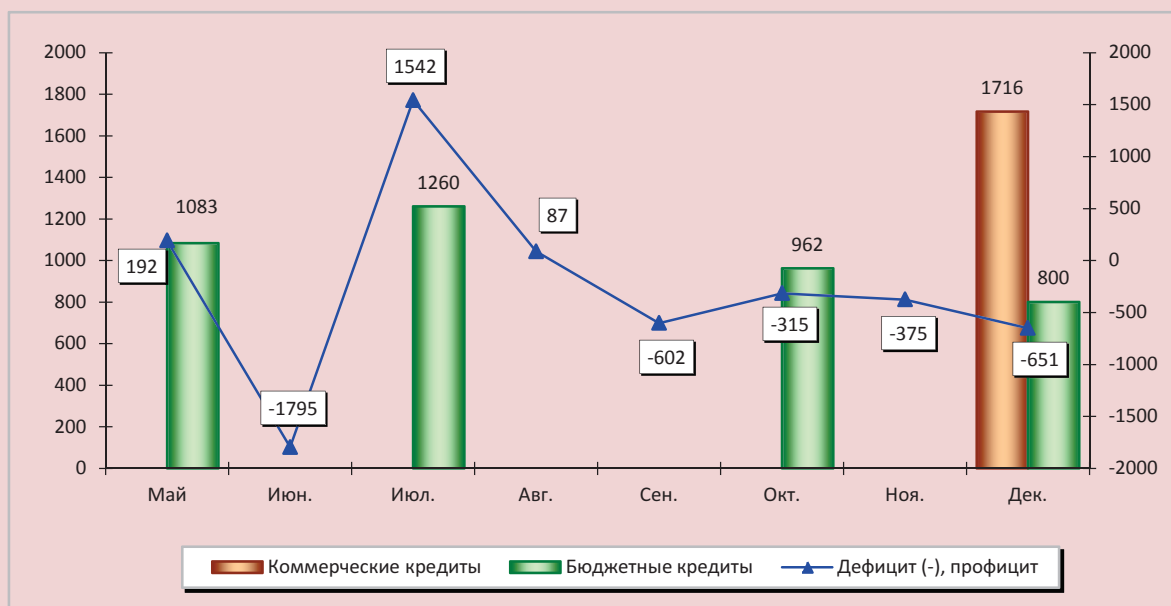
В мае 2015 г. область привлекла более миллиарда кредитов из федерального бюджета, но уже в июне был получен бюджетный дефицит в 1,8 млрд. руб. Привлечённые в июле дополнительные федеральные кредиты помогли его погасить. Казалось

бы, что в 2015 г. удастся избежать рыночных займов, однако в сентябре—декабре бюджет снова имел устойчивый отрицательный баланс. Взятый в октябре бюджетный кредит, составивший около миллиарда рублей, не смог обеспечить сбалансированность бюджета, поэтому региональные власти вынуждены были прибегнуть к заимствованиям в коммерческих банках, что привело к новому витку роста задолженности.

Таким образом, на примере Вологодской области совершенно очевидно, что федеральные кредиты можно рассматривать как инструмент обеспечения частичной бюджетной сбалансированности. Увеличение их объёма не решает долговые проблемы и не снижает риска дальнейшей эскалации рыночных заимствований.

Очевидно и то, что подавляющее большинство регионов не смогут самостоятельно обеспечить необходимый уровень ста-

Рисунок 13. Динамика привлечённых кредитов и результатов исполнения регионального бюджета Вологодской области в 2015 г., млрд. руб.

билизации своих бюджетов. Но и в федеральный бюджет на 2016 г. заложен небывалый дефицит, который составляет 2,4 трлн. руб., что в полтора раза превышает плановый объём безвозмездной финансовой помощи субъектам РФ. Реструктуризация задолженности по бюджетным кредитам, предоставленным регионам, законом о федеральном бюджете не предусмотрена. Похоже, что центральное правительство и в текущем бюджетном цикле не планирует предложить меры по преодолению кризиса региональных финансов. При этом ссылки на дефицитность федерального бюджета не могут оправдать откладывание решения этой проблемы, поскольку, как показали результаты исследований ИСЭРТ РАН [3, 4, 13], резервы пополнения территориальных бюджетов имеются, и в частности следующие:

1. Закрепление за бюджетами регионов всего объёма налога на прибыль, собранного на их территории, в качестве частичной компенсации потерь доходов от изъятия в федеральный бюджет НДС и платежей за пользование природными ресурсами. Дополнительные налоговые платежи оцениваются в 0,4 трлн. руб. в год⁷.

2. Отмена освобождений по уплате НДС высокодоходных субъектов финансовой деятельности, а также возмещений из бюджета НДС экспортёрам сырья могла бы позволить увеличить налоговые доходы федерального бюджета до 8 трлн. рублей⁸. Этих средств хватило бы не только на покрытие

долгов регионов, но и на выполнение указов президента, проведение модернизации национальной экономики.

3. Задействование остатков средств федерального бюджета в целях софинансирования расходов территориальных бюджетов. По данным Федерального казначейства, среднегодовые остатки в 2012–2014 гг. составляли более 0,7 трлн. руб.

4. Введение прогрессивного налогообложения доходов физических лиц⁹, что так и не решается предпринять либеральное Правительство РФ. По оценкам экспертов, эффект для бюджетов регионов оценивается более чем в 2 трлн. руб. [17], и это эквивалентно объёму накопившегося государственного долга.

5. Установление законодательной нормы по обязательной регистрации недвижимого имущества. По данным ФНС, в государственном кадастре не зарегистрировано около 40% владельцев объектов недвижимости, в результате чего региональные бюджеты недополучают ежегодно 45 млрд. руб.

6. Наведение порядка в организации платежей, перечисляемых из региональных бюджетов в систему обязательного меди-

⁷ Оценка выполнена исходя из динамики показателя за 2013–2015 гг.

⁸ По данным ФНС, с 2011 по 2015 год возмещения экспортного НДС увеличились с 1,1 до 1,8 трлн. руб., а освобождения от уплаты НДС банков, страховых организаций, финансовых посредников и т.п. — с 3,3 до 8,5 трлн. руб.

⁹ По заявлению главы Минэкономразвития РФ А. Улюкаева, введение прогрессивного налогообложения не стоит даже обсуждать [16]. Между тем прогрессивная шкала НДФЛ, не говоря уже о развитых странах, действует во всех государствах группы БРИКС, членом которой является Россия. Ставки НДФЛ в странах БРИКС варьируются: в Китае — 5–45%; в Индии — 10–30%; в Бразилии — 15–28%; в ЮАР — 24–43%. Принятие единой ставки НДФЛ в РФ в 2001 г. мотивировалось необходимостью легализации доходов граждан и увеличением объёма налоговых поступлений в бюджет страны. Однако за прошедшие 14 лет доля сборов налога в ВВП страны так и не поднялась выше 4% (по итогам 2015 г. — 3,5%). Это гораздо ниже международных показателей: в США доля подоходного налога в ВВП составляет около 10%, в развитых странах Западной Европы — 8–10%. Таким образом, успехи РФ в сфере легализации доходов оказались весьма ограниченными.

цинского страхования (ОМС) за неработающее население. По оценкам Счётной палаты, в результате отсутствия должной координации между территориальными фондами ОМС и органами исполнительной власти субъектов РФ в регистры неработающих попадают работающие граждане, что в 2016 г. повлечёт переплату бюджетных средств более 40 млрд. руб. [1].

7. Принятие мер к взысканию дебиторской задолженности бюджетов всех уровней. По данным Федерального казначейства, на начало 2015 г. дебиторская задолженность консолидированного бюджета РФ составляла 6,1 трлн. руб., в том числе по субфедеральным бюджетам – 0,6 трлн. руб. (в Вологодской области – 1,9 млрд. руб.). По словам главы Счётной палаты РФ Т.А. Голиковой, «дебиторская задолженность перед бюджетом прирастает ежегодно на 30% и превышает разумные пределы» [2].

8. Незамедлительная инвентаризация расходных полномочий субъектов РФ с целью определения источников финансирования указов Президента РФ и снижения долговой нагрузки региональных бюджетов. По оценкам Института экономики Уральского отделения РАН, с 2000 г. не было случая передачи Федерацией полномочий регионам и муниципалитетам со 100%-ной финансовой обеспеченностью ресурсами [15].

9. Внесение изменений в Бюджетный кодекс РФ в части признания расходов на возврат кредитов в составе расходной части территориальных бюджетов, что позволит выявить реальный дефицит и сформировать источники его погашения.

10. Законодательное закрепление распределения межбюджетных трансфертов субъектам РФ из федерального бюджета к началу составления региональных бюджетов на очередной финансовый цикл. Несоблюдение предлагаемого порядка ежегодно приводит к дезорганизации бюджетного процесса в регионах, в результате чего несвоевременно распределённые и полученные трансферты возвращаются в соответствии с бюджетным законодательством в федеральный бюджет. Так, например, по итогам 2015 г. регионы вернули 22 млрд. руб. неиспользованных субсидий и субвенций.

11. Оценка эффективности предоставленных налоговых льгот, прежде всего по территориальным налогам¹¹. Доходы бюджетов субъектов РФ, выпадающие от действия налоговых преференций, в 2014 г. составили 280 млрд. руб., в том числе в Вологодской области – 1,6 млрд. руб.

12. Активизация работы по взысканию задолженности по платежам в бюджет. По данным ФНС, на 01.01.2016 г. возможная к взысканию задолженность по налогам и сборам в консолидированный бюджет РФ составила 1,2 трлн. руб., в Вологодской области – 3,8 млрд. руб.

Как видится, для начальной стабилизации региональных финансов Правительство РФ должно незамедлительно провести реструктуризацию задолженности по кредитам, выданным из федерального бюджета, или ввести мораторий на выплаты по бюджетным кредитам до 2020 года, долговое финансирование субфедеральных бюджетов трансформировать в преимуще-

¹¹ Имущественные налоги на физических и юридических лиц: налог на имущество; земельный налог; транспортный налог.

ственно трансфертное, кардинально изменить администрирование прибыли крупных налогоплательщиков.

Не меняя сути проводимой бюджетной политики и опустошая бюджеты регионов, Правительство РФ демонстрирует свою

неспособность гарантировать российским гражданам достойный уровень жизни и провоцирует углубление социально-экономических проблем, что чревато политической дестабилизацией в предстоящем электоральном цикле.

Литература

1. Голикова, Т.А. Аудит государственных программ Российской Федерации: доклад на совместном заседании Президиума и Совета КСО при Счётной палате [Электронный ресурс] / Т.А. Голикова. – Режим доступа: http://audit.gov.ru/press_center/news/25117
2. Долги перед бюджетом превысили разумные пределы // Независимая газета. – 2015. – №136. – 7 июля.
3. Ильин, В.А. Бюджетный кризис регионов в 2013–2015 годах – угроза безопасности России / В.А. Ильин, А.И. Поварова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2012. – № 6. – С. 30-41.
4. Ильин, В.А. Проблемы регионального развития как отражение эффективности государственного управления / В.А. Ильин, А.И. Поварова // Экономика региона. – 2014. – №3. – С. 48-63.
5. Об областном бюджете на 2016 год: закон Вологодской области от 16.12.2015 г. №3842-ОЗ.
6. Об основных направлениях бюджетной, налоговой и долговой политики Вологодской области на 2016 год и плановый период 2017 и 2018 годов: постановление Правительства Вологодской области от 21.09.2015 г. №774.
7. Официальный сайт Департамента финансов Вологодской области. – Режим доступа: <http://df35.ru/>
8. Официальный сайт Министерства финансов РФ. – Режим доступа: http://www.minfin.ru/ru/performance/public_debt/subdbt/2015/
9. Официальный сайт Министерства экономического развития РФ. – Режим доступа: <http://economy.gov.ru/mines/activity/sections/macro/prognoz/>
10. Официальный сайт Управления федеральной налоговой службы по Вологодской области. – Режим доступа: <https://www.nalog.ru/rn35/>
11. Официальный сайт Федерального казначейства. – Режим доступа: <http://www.roskazna.ru/>
12. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. – Режим доступа: <http://www.gks.ru/>
13. Поварова, А.И. Пассивное поведение правительства. Бюджетные проблемы регионов нарастают / А.И. Поварова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2015. – №3. – С. 39-55.
14. Прогноз социально-экономического развития Вологодской области на среднесрочный период 2016–2018 годов: постановление Правительства Вологодской области от 26.10.2015 г. №891.
15. Татаркин, А.И. Диалектика государственного и рыночного регулирования социально-экономического развития регионов и муниципалитетов / А.И. Татаркин // Экономика региона. – 2014. – №1. – С. 9-30.
16. Улюкаев: нецелесообразно рассматривать введение прогрессивной шкалы НДФЛ и после 2018 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.finmarket.ru/news/4160276>
17. Яшина, Г. Прогрессивное налогообложение: за и против / Г. Яшина // Капитал страны: федеральное интернет-издание. – Режим доступа: <http://kapital-rus.ru/articles/article/177034/>

Сведения об авторе

Анна Ивановна Поварова – старший научный сотрудник, Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук (160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, aip150663@yandex.ru)

© Povarova A.I.

Regional Budget—2016: Priorities do not Change

Anna Ivanovna Povarova – Senior Research Associate, Federal State Budgetary Institution of Science Institute of SocioEconomic Development of Territories of Russian Academy of Science (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation, aip150663@yandex.ru)

Abstract. The budgets of all levels of the Russian Federation for 2016 were drawn up in conditions of the systemic social and economic crisis in the country, the worsened foreign situation, connected with the instability of commodity markets and the strengthening of anti-Russian sanctions. These factors prompted the Russian Government to abandon the practice of three-year budget planning and return to a one-year budget. The results of the budget process show that the pressure on sub-federal budgets continues to grow. According to the ISED T RAS calculations, 76 of the 85 regions had a deficit budget in 2015, in 60 regions the real income tax payments decreased and the debt burden exceeded 50% of their own revenues. Unfortunately, the Russian Government did not propose any measures to address the budget crisis of regions observed since 2012. On the contrary, the primacy of inter-budgetary cooperation was to shift social obligations from the state to the RF subjects and replace grant financial support of these commitments by budgetary loans. The article presents the results of analysis of the law on the Vologda Oblast regional budget for 2016 [5]. The main objective of the analysis was to identify how the main financial law is aimed at solving the tasks of socio-economic development of the region. The main conclusion of the study is that the budget for 2016 saves the construction of latter budgets and is focused not on creating the conditions for economic growth, but on achieving the balance set by the Ministry of Finance of the Russian Federation by reducing all expenditures. The social result of such policy in 2016 will be the following: a sharp decline in consumer demand and living standards of the population. Despite the Vologda Oblast Government's efforts to replace commercial loans by credits from the federal budget, the debt structure is still dominated by credits in commercial banks, indicating the ostensible effectiveness of the RF Ministry of Finance's policy of debt financing of RF subjects in stead of allocation of adequate financial aid in the form of transfers. In our opinion, to change the situation with the regional finance crisis is only possible by radical amendment of fiscal legislation. The article proposes the primary measures in this direction.

Key words: budget planning, regional budget, deficit, loans, debt load, amendment of tax and budget legislation.

References

1. Golikova T.A. *Audit gosudarstvennykh programm Rossiiskoi Federatsii: doklad na sovmestnom zasedanii Prezidiuma i Soveta KSO pri Schetnoi palate* [Auditing of State Programs of the Russian Federation: Report on the Joint Meeting of the Presidium and the Board of KSO at the Accounts Chamber]. Available at: http://audit.gov.ru/press_center/news/25117
2. Dolgi pered byudzhedom prevysili razumnye predely [Debts to the Budget Exceeded Reasonable Limits]. *Nezavisimaya gazeta* [Independent Newspaper], 2015, no. 136, July 7.
3. Ilyin V.A., Povarova A.I. Byudzhetniy krizis regionov v 2013–2015 godakh – ugroza bezopasnosti Rossii [Budget Crisis of the Regions in 2013–2015 – Threat to Russia's Security]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 2012, no. 6, pp. 30-41.
4. Ilyin V.A., Povarova A.I. Problemy regional'nogo razvitiya kak otrazhenie effektivnosti gosudarstvennogo upravleniya [Problems of Regional Development as a Reflection of Public Administration Performance]. *Ekonomika regiona* [Economy of the Region], 2014, no. 3, pp. 48-63.

5. *Ob oblastnom byudzhete na 2016 god: zakon Vologodskoi oblasti ot 16.12.2015 g. № 3842-OZ* [On the Regional Budget for 2016: Law of the Vologda Oblast of December 16, 2015, No. 3842-OZ].
6. *Ob osnovnykh napravleniyakh byudzhetnoi, nalogovoi i dolgovoi politiki Vologodskoi oblasti na 2016 god i planovyi period 2017 i 2018 godov: postanovlenie Pravitel'stva Vologodskoi oblasti ot 21.09.2015 g. № 774* [On the Guidelines of Budget, Tax and Debt Policy of the Vologda Oblast in 2016 and the Planning Period of 2017 and 2018: the Vologda Oblast Government Decree of September 21, 2015, No. 774.]
7. *Ofitsial'nyi sait Departamenta finansov Vologodskoi oblasti* [Official Website of the Vologda Oblast Department of Finance]. Available at: <http://df35.ru/>
8. *Ofitsial'nyi sait Ministerstva finansov RF* [Official Website of the Ministry of Finance of the Russian Federation]. Available at: http://www.minfin.ru/ru/performance/public_debt/subdbt/2015/
9. *Ofitsial'nyi sait Ministerstva ekonomicheskogo razvitiya RF* [Official Website of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation]. Available at: <http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/macro/prognoz/>
10. *Ofitsial'nyi sait Upravleniya federal'noi nalogovoi sluzhby po Vologodskoi oblasti* [Official Site of the Department of the Federal Tax Service in the Vologda Oblast] Available at: <https://www.nalog.ru/rn35/>
11. *Ofitsial'nyi sait Federal'nogo kaznacheistva* [Official Website of the Federal Treasury]. Available at: <http://www.roskazna.ru/>
12. *Ofitsial'nyi sait Federal'noi sluzhby gosudarstvennoi statistiki* [Official Website of the Federal State Statistics Service of the Russian Federation]. Available at: <http://www.gks.ru/>
13. Povarova A.I. Passivnoe povedenie pravitel'stva. Byudzhetye problemy regionov narastayut [Passive Behavior of the Government. Budget Problems of the Regions Are Growing]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 2015, no. 3, pp. 39-55.
14. *Prognoz sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Vologodskoi oblasti na srednesrochnyi period 2016–2018 godov: postanovlenie Pravitel'stva Vologodskoi oblasti ot 26.10.2015 g. № 891* [Forecast for Socio-Economic Development of the Vologda Oblast for a Midterm Period of 2016–2018: Regulation of the Government of the Vologda Oblast of October 26, 2015, No. 891].
15. Tatarin A.I. Dialektika gosudarstvennogo i rynochnogo regulirovaniya sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya regionov i munitsipalitetov [Dialectics of State and Market Regulation of Socio-Economic Development of Regions and Municipalities]. *Ekonomika regiona* [Economy of the Region], 2014, no. 1, pp. 9-30.
16. Ulyukaev: netselesoobrazno rassmatrivat' vvedenie progressivnoi shkaly NDFL i posle 2018 g. [Ulyukaev: It Is Inappropriate to Consider the Introduction of a Progressive Scale of Personal Income Tax after 2018]. Available at: <http://www.finmarket.ru/news/4160276>
17. Yashina G. Progressivnoe nalogooblozhenie: za i protiv [Progressive taxation: pros and cons]. *Kapital strany: federal'noe internet-izdanie* [Capital of the Country: Federal Internet Edition]. Available at: <http://kapital-rus.ru/articles/article/177034/>

ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ АСПЕКТЫ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

DOI: 10.15838/esc.2016.2.44.9

УДК 332.13, ББК 65.04

© Растворцева С.Н., Терновский Д.С.

Факторы концентрации экономической активности в регионах России*

**Светлана Николаевна
РАСТВОРЦЕВА**

доктор экономических наук, профессор
Белгородский государственный национальный исследовательский
университет
308015, Россия, г. Белгород, ул. Победы, д. 85
Rastvortseva@bsu.edu.ru

**Денис Сергеевич
ТЕРНОВСКИЙ**

доктор экономических наук, доцент
Белгородский университет кооперации, экономики и права
308023, Россия, г. Белгород, ул. Садовая, д. 116а
ternovskii@bukep.ru

Аннотация. Неравномерность распределения экономической активности на территории России способствует усилению дифференциации ее субъектов по уровню развития. Регионы являются самостоятельными участниками экономических отношений, зачастую выступая не партнерами друг друга, а конкурентами. В более успешных регионах возникают агломерационные эффекты, стимулирующие концентрацию ресурсов, предприятий обрабатывающего производства и сферы услуг, квалифицированных работников, научно-технических знаний. Целью исследования, результаты которого отражены в статье, является определение факторов и оценка степени их влияния на процессы концентрации (рассеивания) экономической активности на базе российских регионов. В статье раскрываются преимущества агломерационных процессов с позиции экономической географии, теории размещения и теории международной торговли. Концентрация экономической активности в российских регионах оценивается индексом Херфиндаля–Хиршмана по промышленному производству, объему инвестиций в основной капитал и численности занятых в экономике по регионам России за 1990–2013 годы. Определено, что инвестиции в основной

* Исследование поддержано грантом РФФИ, проект № 15-36-20012.

капитал имеют устойчивую склонность к концентрации, но сильно реагируют на экономические кризисы. Трудовые ресурсы, наоборот, распределены относительно равномерно, их концентрация в отдельных регионах стабильно возрастает. Среди ключевых факторов рассматриваются такие, как рост заработной платы, расстояние до крупных городов, прямые зарубежные инвестиции, плотность автодорог, степень развития сферы услуг в регионе. Факторная модель строится методом наименьших квадратов. Авторы приходят к выводу, что рост заработной платы в регионе (относительно среднероссийского уровня) отрицательно отражается на концентрации экономической активности. Имеет место положительная корреляция с показателями роста прямых зарубежных инвестиций и плотности автодорог с твердым покрытием. Наибольшее положительное влияние на агломерационные процессы в российских регионах оказывает развитие сферы услуг. Подтверждается тезис новой экономической географии о негативном влиянии удаленности региона от крупных рынков на развитие агломерационных процессов. Авторы соглашаются с зарубежными исследователями в том, что прямое влияние на возникновение и развитие агломерационного процесса оказывают возрастающая отдача от масштаба, транспортные издержки и миграция рабочей силы. Но именно косвенные факторы, включенные в модель, поддаются влиянию со стороны экономических субъектов при проведении региональной социально-экономической политики.

Ключевые слова: концентрация экономической активности в регионе, региональная специализация, новая экономическая география, размещение производительных сил.

Введение. В последние годы возрастает интерес к исследованиям в области размещения производительных сил и современному научному течению — новой экономической географии. В первую очередь, это связано с бурным развитием интеграционных процессов в странах и регионах мира. Происходящая либерализация торговли способствует сближению экономик, а значит, и пересмотру системы размещения производства в регионах. Важной задачей здесь становится формирование такой институциональной среды, которая позволила бы регионам получить максимальные преимущества от интеграции и сократить возможные риски.

Вторая причина роста числа упомянутых исследований заключается в том, что процессы концентрации экономической активности (агломерационные процессы¹)

¹ Агломерационные процессы или агломерирование — «процесс концентрирования (или стягивания), сопровождающийся территориальным расширением ядра концентрации (с возможным усложнением последнего), приводящий к появлению агломерации... обратимый процесс...» [1, с. 90].

традиционно сопровождаются усилением дифференциации регионов по уровню социально-экономического развития. Регионы выступают самостоятельными субъектами экономических отношений, в большинстве случаев являясь не партнерами друг друга, а конкурентами. Регионы конкурируют за ограниченные ресурсы, такие как рабочая сила, инвестиции, бюджетное финансирование, получение государственных заказов и привлечение технологий. В более успешных регионах наблюдаются процессы концентрации экономической активности, для фирм возникает возможность получения агломерационных эффектов от размещения производства. Одни регионы в конкурентной борьбе занимают лидирующие позиции, другие становятся аутсайдерами.

Неравенство регионов России по уровню социально-экономического развития в последние годы имеет тенденцию усиления. Так, индекс Джини по объему промышленного производства, составлявший в 1991 году (минимальное значение) 0,45,

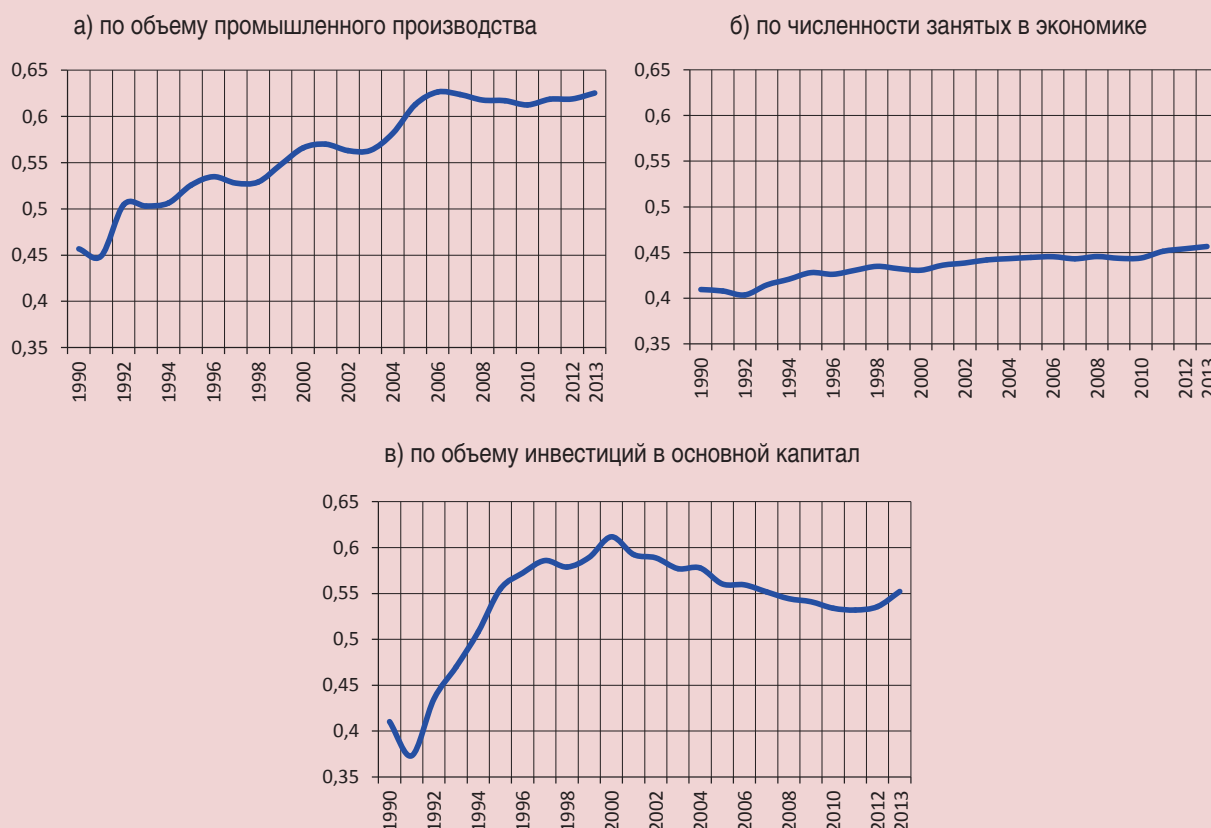
в 2000 году – 0,57, достиг максимального значения в 2006 году – 0,627, а в 2013 году был равен 0,625 (расчеты авторов). Если мы проанализируем данный индекс по показателю численности занятых в экономике, то увидим, что в 1990 году он составлял 0,41, в 2000 году – 0,431, в 2005 году – 0,445 и своего максимума достиг в 2013 году – 0,457 (расчеты авторов). Индекс Джини по объему инвестиций в основной капитал в 1990 году составлял 0,41, в 2000 году – 0,61 (максимальное значение за период), в 2013 году – 0,55 (рис. 1).

Рост дифференциации регионов России во многом объясняется жесткой конкуренцией за ограниченные ресурсы. В пяти регионах сосредоточено 24,52% трудовых ресурсов страны (в 2002 году по расчетам

авторов доля этих же регионов в общей численности занятых составляла 22,73%). В пяти регионах, лидерах по объемам инвестиций в основной капитал, в 2013 году было сосредоточено 64,53% таких инвестиций (для сравнения: в 2002 году по расчетам авторов в пяти лидирующих по показателю регионах было сосредоточено 66,1% инвестиций). Таким образом, мы можем предполагать наличие высокой концентрации ресурсов и экономической деятельности в отдельных регионах страны.

И третья причина, по которой происходящие агломерационные процессы требуют пристального изучения, – это возможное перенасыщение региона, что приводит к рассеиванию экономической активности.

Рисунок 1. Динамика индекса Джини в российских регионах за 1990–2013 годы

На эти процессы оказывают влияние различные факторы. Одни притягивают фирмы и трудовые ресурсы в регион — их принято называть центростремительными силами. Другие факторы, наоборот, стимулируют процессы рассеивания, ухода производства из региона — центробежные силы. Важно понимать, при каких условиях и в какой момент в экономике отдельного региона действие этих сил уравнивается и может начаться обратный текущему процесс.

Применение новых теоретических и методических подходов к исследованию факторов пространственной концентрации представляет научный и практический интерес. Положения новой экономической географии активно используются в зарубежной практике, но имеют слабое применение в отечественных теоретических и эмпирических исследованиях.

Целью исследования, результаты которого отражены в статье, является определение факторов и оценка степени их влияния на процессы концентрации (рассеивания) экономической активности на базе российских регионов.

Степень разработанности проблемы. Новая экономическая география считается достаточно молодым научным направлением, предпосылки для возникновения и развития которого возникли достаточно давно. Так, основные три вида преимуществ агломерационных процессов определил еще А. Леш:

1) возможность совместного пользования объектами инфраструктуры для предприятий: «единой железнодорожной станцией, улицами, канализацией, более дешевой водой и электричеством» [21, р. 75-76];

2) общий рынок труда большего размера, позволяющий предприятиям быстрее и эффективнее найти необходимых специалистов, а работникам — трудоустроиться;

3) аккумуляция неявных знаний: в условиях концентрации экономической активности наиболее способные представители профессий имеют возможность работать совместно, увеличивая при этом совместные достижения.

Помимо этого он подчеркивает преимущества концентрации для предприятий, деятельность которых носит сезонный характер; отмечает, что объединение продавцов товаров позволяет потребителям не только совершать покупки в одном месте, но и выбирать из более широкого ассортимента; определяет, что регион, в котором происходит агломерационный процесс, легче справляется со структурными сдвигами в экономике.

В качестве основных факторов агломерационных процессов А. Леш рассматривает ориентацию по отношению к столичному городу, по отношению к главным дорогам, относительное расстояние между городами равной величины [21, р. 77].

Пространственная организация экономической активности традиционно являлась предметом исследований двух научных направлений: теории размещения и теории международной торговли. Представители теории размещения определяют приграничные регионы как достаточно «хрупкие и находящиеся под угрозой» [13, р. 11]. Когда мы рассуждаем о размещении экономической активности в закрытых системах, то для приграничных регионов мы не видим наличия конкурентных преимуществ, так как они становятся периферийными. Можно отметить ряд недостатков наличия границы: 1) существование тарифов разделяет экономически взаимодополняемые рыночные территории; 2) эффект, подобный таможенным пошлинам, создают языковые сложности, различия в менталитете; 3) сделки по государственным контрактам не могут пересе-

кать границу; 4) наличие угрозы военного вторжения [21, р. 200]. Эффект границы, например, при торговле промышленными товарами достигает 44% общей надбавки к цене FOB [5, р. 692].

Обратная картина наблюдается, если происходит процесс интеграции (или либерализации внешнеэкономических отношений). Приграничные регионы могут иметь преимущества от экономической активности, сфокусированной на границе: хранение товаров, таможенный контроль и прочие соответствующие услуги. В этом случае приграничные регионы получают новые перспективы для экономического роста [4].

В свое время еще Б. Олин считал, что теория международной торговли является частью более общей теории размещения, однако она стала исследоваться как таковая сравнительно недавно — в рамках новой те-

ории торговли [20] и новой экономической географии [10; 30]. Модели этих двух направлений представляют растущую отдачу от масштаба, дифференцированные товары и торговые издержки как производные от размещения экономической активности. Рассмотрим некоторые подходы к выделению факторов концентрации экономической активности в регионе (табл. 1).

Имеются российские исследования факторов концентрации экономической активности, но акцентирующие внимание не на внешнеэкономических аспектах. В работе Е. Куценко определена зависимость от предшествующего развития: специализированных производительных сил; роста внешней экономии при увеличении концентрации производительных сил; квази-необратимости первичного территориального размещения; неравномерности роста внешней экономии [37].

Таблица 1. Некоторые подходы к выделению факторов концентрации экономической активности в регионе*

Факторы	Авторы
Либерализация торговли приводит к увеличению промышленной концентрации в регионе	П. Кругман, 1991 [18]
Снижение торговых издержек только на начальной стадии увеличивает концентрацию, а затем рассеивает производство**	Р. Форслид и Вутон, 2003 [9]
Преимущественное размещение промышленного производства вблизи рынков сбыта	С. Харрис, 1954, [15, р. 217–319]
Возможность свободной торговли позволяет производителям более полно использовать преимущества эффекта масштаба, что приводит к концентрации экономической активности лишь в некотором числе регионов, располагающихся близко к международным рынкам.	Л. Ресмини, 2003 [27]
Влияние прямых иностранных инвестиций обычно происходит через технические факторы (трансфер технологий, навыков, знаний и управленческих схем), создает прямые и обратные взаимосвязи между местными и зарубежными формами, стимулирует распространение положительного воздействия во внутренней экономике.	Л. Ресмини, 2003 [27]
Стимулирующая экспортная политика и улучшение транспортной инфраструктуры приводит к ослаблению агломерационных процессов	А. Гелан, 2008 [11]
На концентрации экономической активности в регионе положительно сказывается наличие экспортного узла. Данное наблюдение особенно актуально для предприятий сферы наукоемких технологий.	Торговая интеграция..., 2010 [28]
Факторы зависимости от предшествующего развития (взаимозависимость специализированных производительных сил; рост внешней экономии при увеличении концентрации производительных сил; квази-необратимость первичного территориального размещения; неравномерность роста внешней экономии)	Е. Куценко, 2012 [37]
Для российских регионов плотность населения, размер и доступность рынков, степень диверсификации экономики (только для западной части страны)	Е. Коломак, 2013 [2]
* Более подробно факторы, влияющие на возникновение и развитие агломерационных процессов в регионе, рассмотрены в [3].	
** Более подробно влияние изменения степени либерализации внешней торговли на экономические показатели развития региона представлено в [22].	

Е. Коломак доказала, что значимыми факторами концентрации экономической активности в регионе являются плотность населения, размер и доступность рынков, степень диверсификации экономики (только для западной части страны) [2].

Методология исследования. Концентрация экономической активности² оценивается рядом таких показателей, как динамика плотности населения региона, коэффициент Херфиндаля–Хиршмана, индекс Джини, индекс географической агломерации предприятий обрабатывающей промышленности с модификациями, индекс периферизации Кибла и другие³. При построении эконометрических моделей авторы используют и некоторые иные измерители концентрации экономической активности.

Для оценки степени концентрации экономической активности в экономической литературе помимо индекса Джини достаточно часто применяется индекс Херфиндаля–Хиршмана (*Herfindahl–Hirschman index – ННИ*). Чем выше этот индекс, тем более высокий уровень концентрации имеет место. Индекс концентрации экономической активности Херфиндаля–Хиршмана рассчитывается по формуле:

$$ННИ = \sum_{i=1}^n x_i^2, \quad (1)$$

где x_i – доля показателя региона i в федеральном округе (по конкретному показателю).

Для оценки индекса Херфиндаля–Хиршмана (1990–2013 гг.) используем три базовых показателя: объем промышленного производства (по данным Федеральной службы государственной статистики –

² Концентрация определяется в отношении вида экономической деятельности, сектора, подсектора, промышленной группы и т.п. и означает степень сосредоточения или разреженности промышленного производства в рамках конкретной территории.

³ Более подробно см. в [3].

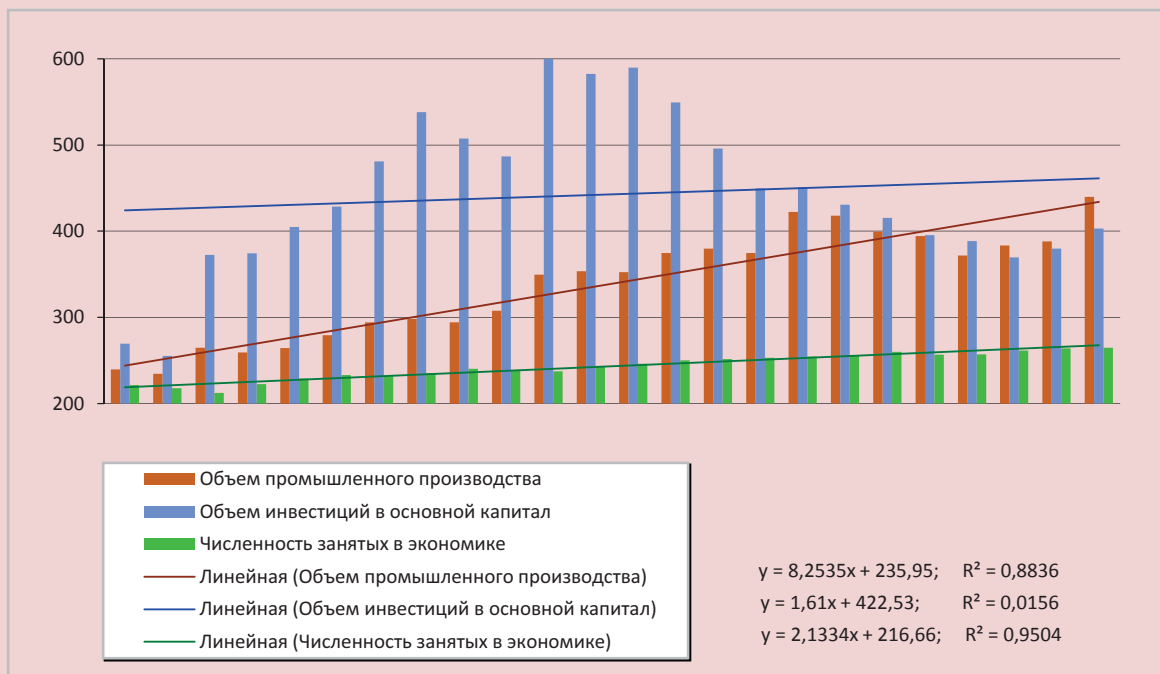
«Объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами по видам экономической деятельности – обрабатывающие производства», для 1990–2004 гг. – «Объем промышленной продукции»); объем инвестиций в основной капитал и среднегодовая численность занятых в экономике.

Географическая концентрация экономической активности в регионах России. Рассмотрим динамику индекса Херфиндаля–Хиршмана, рассчитанного по объему промышленного производства, объему инвестиций в основной капитал и среднегодовой численности занятых в экономике в регионах России в 1990–2013 гг. (рис. 2).

Как видно, наибольшую степень концентрации имеют инвестиции в основной капитал, поскольку индекс Херфиндаля–Хиршмана принимает высокие значения. При этом именно по показателю инвестиций динамика концентрации носит неустойчивый характер: в 2000 году данный индекс достиг максимального значения (604,08), снизившись к 2011 году до 369,68 и к 2013 году до 402,95. Это означает, что инвестиции в основной капитал в 2000 году были сосредоточены в небольшом числе регионов, а к 2011 году – равномерно среди большого числа регионов.

Существенный рост концентрации происходит по показателю объема промышленного производства. В 2013 году индекс Херфиндаля–Хиршмана по этому показателю достиг максимума – 439,91. Ранее нами был проведен более глубокий анализ по видам промышленного производства и определено, что низкая степень концентрации имеет место в производстве пищевых продуктов, в производстве прочих неметаллических минеральных продуктов. Высокая степень концентрации имеет место в производстве кожи, изделий из кожи и производстве обуви, в обработке древесины и

Рисунок 2. Динамика индекса Херфиндаля–Хиршмана, рассчитанного по объему промышленного производства, объему инвестиций в основной капитал и среднегодовой численности занятых в экономике в регионах России в 1990–2013 гг.*

* Рассчитано по данным Федеральной службы государственной статистики РФ.

производстве изделий из дерева. Снижение степени концентрации производства характерно для целлюлозно-бумажного производства, издательской и полиграфической деятельности, производства резиновых и пластмассовых изделий, металлургического производства и производства готовых металлических изделий [33].

Устойчивый, но незначительный рост концентрации экономической активности в регионах наблюдается по показателю среднегодовой численности занятых в экономике.

Построение модели. Определим, какие факторы влияют на развитие агломерационного процесса в российских регионах. К числу центростремительных сил агломерационного процесса прямого воздействия традиционно относят транспортные из-

держки, миграцию рабочей силы и возрастающую отдачу от масштаба. Остальные центростремительные силы являются косвенными и влияют на агломерационные процессы лишь через силы прямого воздействия. Однако, на наш взгляд, при проведении социально-экономической политики развития региона именно силы косвенного воздействия поддаются влиянию со стороны экономических субъектов.

К числу центробежных сил относят значительное повышение стоимости жизни в регионе, стоимости ведения бизнеса и негативные стороны «перенасыщенности» региона: повышенную нагрузку на окружающую среду, высокую плотность автомобильного движения, отставание предложения социальных услуг от быстрорастущего спроса на них и т.д.

В качестве основы для построения модели концентрации (рассеивания) экономической активности на базе российских регионов мы предлагаем применить подход Лауры Ресмини, используемый ею для стран Центральной и Восточной Европы – новых стран-членов Европейского союза [27]. Таким образом, в качестве основных факторов концентрации (рассеивания) экономической активности в российских регионах мы определим следующие: 1) рост относительной заработной платы (заработной платы региона относительно общенационального уровня); 2) расстояние до крупных городов (при условии ориентации основных производителей в сторону иностранных рынков, степень либерализации и развития торговли); 3) прямые зарубежные инвестиции через внешние эффекты и связи; 4) плотность автодорог; 5) степень развития сферы услуг в регионе. Все показатели возьмем по значению их натурального логарифма (по [12]):

$$\ln\left(\frac{E_{it}}{E_t}\right) = \alpha_i + \beta_{i1} \ln\left(\frac{W_{it-1}}{W_{t-1}}\right) + \beta_{i2} \ln\left(\frac{DIST_{ic}}{\sum_i \omega_i DIST_{ic}}\right) + \beta_{i3} \ln(FDI_{it-1}) + \beta_{i4} \ln(ROAD_{it}) + \beta_{i5} \ln(SER_{it}) + \varepsilon_{it} \quad (2)$$

Результирующий показатель, отражающий степень концентрации экономической активности, определен как доля региона в общей численности занятых в экономике страны:

$\frac{E_{it}}{E_t}$ – доля региона i в общей численности занятых в сфере производства в стране за период времени t ;

E_{it} – численность занятых в сфере производства в регионе i за период времени t ;

E_t – численность занятых в сфере производства в стране за период времени t .

Для расчета данного показателя используем данные Федеральной службы государственной статистики – «Распре-

деление среднегодовой численности занятых в экономике по видам экономической деятельности (тыс. чел) – обрабатывающие производства».

Данная спецификация позволяет учитывать эффекты масштаба страны и совокупного спроса. Рассмотрим составляющие модели более подробно:

$\frac{W_{it-1}}{W_{t-1}}$ – отношение средней заработной платы в регионе i к средней заработной плате по стране за предшествующий t период времени;

W_{it-1} – средняя заработная плата в регионе i за предшествующий t период времени;

\bar{W}_{t-1} – средняя заработная плата в стране за предшествующий t период времени.

Важными факторами агломерационного процесса являются уровень оплаты труда и квалификация трудовых ресурсов. В случае принятия предпринимательского решения о размещении производства в том или ином регионе доступность трудовых ресурсов требуемой квалификации и по низкой цене выходит на первый план. Однако в ходе развития агломерационного процесса уровень заработных плат работников повышается. Исследования Е. Глайсера и Д. Маррэ показали, что уровень экономической активности сильно влияет на заработную плату. В городах с численностью населения свыше 500 тыс. чел. уровень заработной платы на 33% выше, чем у работников, занятых за пределами города [34]. Отметим, что значительное повышение уровня заработной платы в регионе концентрации экономической активности становится центробежной силой и со временем может привести к процессу рассеивания.

Во избежание проявления синхронности в регрессии переменная заработной платы берется за прошлый период. В той или иной степени показатель отражает рыночные условия, и мы считаем, что доля

региона в общей занятости в промышленности страны изменяется синхронно с отношением заработной платы в регионе к общестрановому уровню. Для расчета этого показателя используем данные Федеральной службы государственной статистики – «Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций».

Второе слагаемое в формуле представляет собой показатель для определения географического расстояния от столицы (для России, с учетом ее территориальной обширности, мы применяли расстояние до ближайшего крупного города с численностью жителей свыше 1 млн. человек), которую мы рассматриваем как экономически изолированный промышленный центр. В новой экономической географии агломерации объясняются через теории размещения и торговли. В качестве центра (ядра) экономики модели рассматривают рынок сбыта. Эффект домашнего рынка возникает, когда предприятия отраслей несовершенной конкуренции организуют свое производство в месте наличия крупного рынка с последующей доставкой продукции на мелкие рынки (при наличии транспортных издержек) [38]. Эффект домашнего рынка создает центростремительную (гравитационную) силу для концентрации экономической активности на конкретных территориях. Емкий внутренний (домашний) рынок является таким же значимым фактором для экономического развития региона, как и экспортная ориентация.

Именно в этом контексте в модели новой экономической географии вводится переменная расстояния – чем ближе к региону емкий рынок сбыта, тем больше вероятность развития агломерационного процесса. Переменная расстояния должна вступать в корреляцию с показателем относительной занятости в том случае, если

либерализация и развитие торговли переориентируют основное производство в сторону иностранных рынков. В противном случае корреляция этой переменной с показателем относительной занятости будет отрицательной, так как расстояние увеличивает торговые издержки:

$$\frac{DIST_{ic}}{\sum_i \omega_i DIST_{ic}}$$

– отношение расстояния по дорогам от региона i до столицы страны к средневзвешенному расстоянию до крупного города;

$DIST_{ic}$ – расстояние по дорогам от региона i до крупного города;

ω_i – удельный вес расстояния по дорогам от региона i до столицы страны в общей сумме расстояний.

Третий член уравнения отражает роль прямых зарубежных инвестиций в регионе. Представляется, что на развитие агломерационных процессов оказывают влияние факторы, повышающие степень открытости национальной экономики, стимулирующие рост внешнеторговых потоков и прямых иностранных инвестиций⁴. Прямые иностранные инвестиции играют положительную роль в региональном развитии через внешние эффекты и связи. Относительная занятость в регионе увеличивается с притоком прямых иностранных инвестиций. Однако такое влияние может быть и негативным, поскольку иностранные фирмы активно вовлекаются в реструктуризацию экономической деятельности, особенно на начальной стадии развития (Resmini, 2003). Для расчета этого показателя используем данные

⁴ Прямые иностранные инвестиции рассматриваются как важный фактор агломерационных процессов в ряде эконометрических исследований: Hansson A.M., Olofsdotter K. (через налоговые ставки регионов в странах ЕС-15 в 1986–2004 гг.) [14]; Poelhekke S., F. van der Ploeg (через оценку институциональной среды в странах ОЭСР в 1960–2000) [24; 28].

Федеральной службы государственной статистики — «Иностранные инвестиции в экономику Российской Федерации — поступило инвестиций — прямые».

FDI_{it-1} — объем поступивших прямых иностранных инвестиций в регионе i за предшествующий t период времени.

Немаловажным фактором процесса концентрации экономической активности является степень доступности того или иного экономического субъекта (с позиции транспортных расходов). В качестве индикативного показателя можно использовать плотность автомобильных дорог с твердым покрытием. Предполагается, что относительная занятость будет выше в тех регионах, где более высокая плотность автомобильных дорог. Для расчета этого показателя используем данные Федеральной службы государственной статистики — «Плотность автомобильных дорог общего пользования с твердым покрытием».

$ROAD_{it}$ — плотность автомобильных дорог в регионе i в период времени t .

Важным фактором процесса концентрации экономической активности является степень развития сферы услуг в регионе, которая может быть измерена как доля региона в общей численности занятых в сфере услуг по стране. Для расчета этого показателя используем данные Федеральной службы государственной статистики — «Распределение среднегодовой численности занятых в экономике по видам экономической деятельности — гостиницы и рестораны, транспорт и связь, операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг, образование, здравоохранение и предоставление социальных услуг, предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг».

SER_{it} — доля региона i в общей численности занятых в сфере услуг по стране в период времени t .

Поскольку развитие сферы услуг вносит положительный вклад в процесс концентрации экономической активности в регионе, полагаем, что она вступает в положительную корреляцию с размещением производства.

$\alpha_{it}, \beta_{i1}, \beta_{i2}, \beta_{i3}, \beta_{i4}, \beta_{i5}, \beta_{i6}$ — коэффициенты уравнения, которые будут получены методом наименьших квадратов;

ε_{it} — ошибка измерения.

Предположение об эндогенности переменной SER было проверено с использованием теста Дарбина–Ву–Хаусмана, на основе которого установлено, что отвергнуть нулевую гипотезу о слабой экзогенности SER по отношению к E невозможно при приемлемом уровне значимости.

Для построения модели влияния факторов на процессы концентрации (рассеивания) экономической активности в России используем панельные данные 83 регионов за 2010–2014 годы. Расчет проведем объединенным (pooled) методом наименьших квадратов.

Результаты анализа.

$$\ln\left(\frac{E_{it}}{E_t}\right) = -1,7 - 0,529 \ln\left(\frac{W_{it-1}}{W_{t-1}}\right) - 0,081 \ln\left(\frac{DIST_{ic}}{\sum_i \omega_{it} DIST_{ic}}\right) + 0,054 \ln(FDI_{it-1}) + 0,094 \ln(ROAD_{it}) + 0,951 \ln(SER_{it}) + \varepsilon_{it} \quad (3)$$

$$R^2 = 0,82.$$

Таким образом, построенная для российских регионов модель влияния факторов на процессы концентрации (рассеивания) экономической активности позволяет нам сделать некоторые выводы. Так, рост

относительной заработной платы в регионе отрицательно сказывается на процессе концентрации экономической активности (-0,529 при стандартной ошибке 0,146)⁵. Как было отмечено ранее, рост оплаты труда является центробежным фактором развития агломерационного процесса, то есть он фактически препятствует концентрации экономической активности и получению эффектов от скученности производства. Полученный коэффициент модели показывает, что в российских регионах этот тезис подтверждается — чем больше будет межрегиональный разрыв в уровне заработной платы, тем выше вероятность возникновения процесса рассеивания экономической активности и ухода предприятий из более успешных регионов в соседние. Данное предположение подтверждается и результатами, представленными выше на рисунках 1б и 2. Невысокая мобильность трудовых ресурсов в России и достаточная территориальная разреженность будут способствовать перемещению фирм именно в регионы с низкой заработной платой. Это приведет к изменениям в сложившемся размещении производительных сил⁶.

Рост прямых зарубежных инвестиций и плотности автодорог стимулируют развитие агломерационных процессов в российских регионах (0,054 при стандартной ошибке 0,009 и 0,094 при стандартной ошибке 0,034 соответственно). Среди центростремительных сил наибольшее влия-

⁵ Для сравнения: в исследовании регионов в странах, новых членах Европейского союза, в 1993–1999 годах фактор относительной заработной платы оказался незначимым для агломерационных процессов (Resmini, 2003).

⁶ В территориально небольших странах влияние роста заработной платы на изменение размещения промышленного производства не так значительно. В работе В. Лутца показано, что рост оплаты труда в более успешных регионах Италии вызывает массовые сокращения на фоне внедрения новых технологий и миграцию уволенных работников в отсталые регионы [35] (по [36, с. 256]).

ние на процессы концентрации оказывает развитие сферы услуг в экономике региона (0,951 при стандартной ошибке 0,053).

Неопределенные результаты дает оценка влияния на агломерационные процессы географического расстояния от региона (за точку отсчета принимался областной центр) до ближайшего крупного города (с численностью населения свыше 1 млн. чел). Эта переменная должна вступать в корреляцию с показателем относительной занятости в том случае, если либерализация и развитие торговли переориентируют основные рынки в сторону иностранных рынков. В противном случае корреляция этой переменной с показателем относительной занятости будет отрицательной, так как расстояние увеличивает торговые издержки. При построении модели на базе российских регионов мы видим, что данный фактор влияет на агломерационные процессы незначительно⁷.

Свободный член уравнения равен -1,7 (при стандартной ошибке 0,396).

Влияние фактора границы на размещение производительных сил и агломерационные процессы. Для проведения более подробного анализа по модели влияния факторов на процессы концентрации экономической активности регионы Российской Федерации были разделены нами на 4 группы: регионы, имеющие границу с постсоветскими странами (24); регионы, граничащие со странами дальнего зарубежья (12); регионы с морской границей (8); внутренние регионы (35). В ходе исследования выявлено, что ряд регионов имеет смешанные границы (сухопутные и морские). В этом случае предпочтение было отдано критерию сухопутной границы, следовательно, такие

⁷ Для сравнения: в аналогичном исследовании по странам Европейского союза относительная занятость положительно коррелирует с иностранными инвестициями, плотностью дорог и сектором услуг [27].

регионы, как Астраханская, Тюменская и Архангельская области, были определены как граничащие с постсоветскими странами, а Чукотская автономная, Мурманская области, Хабаровский и Приморский край были обозначены как граничащие со странами дальнего зарубежья.

Калининградская и Ленинградская области, Республика Алтай имеют границы как с постсоветскими странами, так и со странами дальнего зарубежья. Было решено отнести их к группе регионов, граничащих со странами дальнего зарубежья, по критерию направления внешней торговли (доля дальнего зарубежья во внешнеторговом обороте регионов в 2010 году составила соответственно 97,2, 97,5 и 99,3%). Разработанная модель влияния факторов на процессы концентрации (рассеивания) экономической активности была построена нами для каждой группы российских регионов (табл. 2).

Анализ модели влияния факторов на процессы концентрации по группам российских регионов показал, что для территорий, имеющих общую границу со стра-

нами постсоветского пространства, факторами центростремительного характера выступают развитие сферы услуг (0,754 при стандартной ошибке 0,107), плотность автодорог с твердым покрытием (0,343 при стандартной ошибке 0,086) и прямые иностранные инвестиции (0,060 при стандартной ошибке 0,012). Изменение заработной платы в данной группе регионов не является статистически значимым для развития агломерационных процессов.

Для регионов, имеющих границу со странами дальнего зарубежья, центростремительный характер носят факторы: развитие сферы услуг (1,462 при стандартной ошибке 0,082), заработная плата (1,316 при стандартной ошибке 0,363), плотность автодорог с твердым покрытием (0,361 при стандартной ошибке 0,075).

Для регионов с морской внешней границей такой характер носит только развитие сферы услуг (1,374 при стандартной ошибке 0,192). Изменение заработной платы и прямые иностранные инвестиции в данном случае не являются значимыми для развития агломерационных процессов.

Таблица 2. Коэффициенты модели влияния факторов на процессы концентрации (рассеивания) экономической активности по группам регионов России в 2010–2014 годах

Фактор	BPSC	BEX	BM	INT
Относительная заработная плата β_{i1}	0,685 (0,353)	1,316 (0,363)*	0,306 (0,675)	-0,721 (0,166)*
Расстояние до ближайшего крупного города β_{i2}	-0,109 (0,029)*	-0,020(0,037)	-0,002 (0,081)	-0,181 (0,020)*
Прямые иностранные инвестиции β_{i3}	0,060 (0,012)*	-0,088 (0,043)*	0,027 (0,035)	0,004 (0,013)
Плотность автодорог с твердым покрытием β_{i4}	0,343 (0,086)*	0,361 (0,075)*	-0,122 (0,159)	-0,042 (0,032)
Доля региона в общей численности занятых в сфере услуг β_{i5}	0,754 (0,107)*	1,462 (0,082)*	1,374 (0,192)*	0,705 (0,056)*
Свободный член α_{it}	-3,837 (0,756)	1,512(0,788)	1,304(1,502)	-1,748 (0,391)
Число наблюдений	96	48	32	140
Коэффициент детерминации	0,84	0,94	0,86	0,84
Обозначения: BPSC – regions bordering with post-soviet countries (регионы, имеющие границу с постсоветскими странами); BEX – regions bordering with other countries (регионы, имеющие границу со странами дальнего зарубежья); BM – regions with maritime boundary (регионы, имеющие морские границы); INT – internal regions (внутренние регионы). * В скобках указаны значения стандартной ошибки.				

Во внутренних регионах страны факторами центростремительного характера являются развитие сферы услуг (в меньшей степени, чем в других регионах, но статистически значимо – 0,705 при стандартной ошибке 0,056), а центробежного – относительная заработная плата (-0,721 при стандартной ошибке 0,166).

Мы видим, что рост уровня оплаты труда уже способствует рассеиванию экономической активности во внутренних регионах России, но стимулирует концентрацию в регионах, имеющих внешнюю границу со странами дальнего зарубежья. Фактор расстояния до ближайшего крупного рынка (города с численностью населения свыше 1 млн. чел.) в соответствии с положениями новой экономической географии отрицательно отражается на развитии агломерационных процессов. Отметим только, что взаимосвязь статистически значима в регионах, имеющих границу с бывшими советскими республиками, и во внутренних регионах. В некоторой степени это позволяет сделать вывод о более высокой открытости для внешней торговли регионов, имеющих границу со странами дальнего зарубежья или морскую границу.

Прямые иностранные инвестиции оказывают значимое влияние на развитие агломерационных процессов в приграничных регионах. Причем в регионах-соседях бывших советских республик – положительное, а в регионах, соседствующих со странами дальнего зарубежья, – отрицательное. Для развития приграничных регионов значение имеет и плотность автодорог с твердым покрытием.

Сфера услуг положительно коррелирует с долей региона в общей численности занятых в промышленном производстве страны. Это не противоречит каким-либо положениям экономической науки: уско-

ренное развитие промышленности стимулирует расширение обслуживающего сектора, в то время как предприятия предпочитают размещать производственные мощности в тех регионах, где уже достаточно хорошо развита сфера услуг.

Заключение. Исследование размещения производительных сил и агломерационных процессов актуально в условиях экономической интеграции (изменение рынка сбыта, появление возможности получения дополнительных эффектов), усиления межрегиональной дифференциации (по причине стягивания ресурсов в отдельные регионы) и в силу возможного возникновения обратных процессов – рассеивания. Важно понимать действие и правильно оценивать силы, влияющие на агломерационные процессы в регионе. Среди ключевых факторов ученые выделяют ориентацию региона к столичному городу и национальной границе, степень открытости торговли, уровень заработной платы, прямые иностранные инвестиции, качество дорожной инфраструктуры, степень диверсификации экономики, уровень развития обслуживающих видов деятельности. Эти факторы были включены в авторскую эконометрическую модель.

Анализ географической концентрации экономической активности в регионах России (посредством расчета индекса Херфиндаля–Хиршмана) за 1990–2013 гг. показал, что более чувствительны к изменениям экономической среды инвестиции в основной капитал. Они же склонны сосредотачиваться в нескольких регионах. В последние годы высокая концентрация наблюдается в промышленном производстве. Трудовые ресурсы рассредоточены в регионах России, маломобильны, индекс Херфиндаля–Хиршмана имеет тенденцию роста.

Моделирование влияния факторов на развитие агломерационных процессов показало, что наиболее значимое влияние на концентрацию экономической активности оказывает сфера услуг, положительно отражаются прямые иностранные инвестиции и плотность автодорог с твердым покрытием. Подтвержден тезис новой экономической

географии о важности доступа к крупному рынку для экономического развития. Рост оплаты труда стимулирует рассеивание экономической активности, то есть является центробежным фактором. Разделение регионов России на четыре группы по отношению к национальной границе позволило дополнить сделанные выводы.

Литература

1. Алаев, Э.Б. Социально-экономическая география: понятийно-терминологический словарь / Э.Б. Алаев. – М.: Мысль, 1983. – 350 с.
2. Коломак, Е.А. Неравномерное пространственное развитие в России: объяснения новой экономической географии / Е.А. Коломак // Вопросы экономики. – 2013. – №2. – С. 132-150.
3. Растворцева, С.Н. Управление развитием процессов концентрации экономической активности в регионе: подходы новой экономической географии / С.Н. Растворцева. – М.: ЭконИнформ, 2013. – 131 с.
4. Рыжова, Н.П. Пространственные эффекты международной экономической интеграции (случай российских регионов) / Н.П. Рыжова // Пространственная экономика. – 2012. – №4. – С. 28-48.
5. Anderson, J.E. Trade Costs / J.E. Anderson, E. van Wincoop // Journal of Economic Literature. – 2004. – Vol. 42. – №3. (Sep.). – Pp. 691-751.
6. Avery, G. The Enlargement of the European Union / G. Avery, F. Cameron. – Sheffield: Sheffield Academic Press, 1998.
7. Baldwin, R. EU Enlargement – Small Costs for the West, Big Gains for the East / R. Baldwin, J. Francois, R. Portes // Econ. Policy. – 1997. – №24. – Pp. 125-176.
8. Combes, P.-P. Economic Geography / P.-P. Combes, T. Mayer, J.-F. Thisse. – 2008. – 346 p.
9. Forslid, R. Comparative Advantage and the Location of Production. 2003 / R. Forslid, I. Wooton // Review of International Economics. – Vol. 11. – Issue 4 (September). – Pp. 588-603.
10. Fujita, M. The Spatial Economy. Cities, Regions and International Trade / M. Fujita, P. Krugman, A.J. Venables. – Cambridge, MA: MIT Press, 2000.
11. Gelan, A. Trade Policy and City Primacy in Developing Countries / A. Gelan // Review of Urban & Regional Development Studies. – 2008. – Vol. 20. – Issue 3 (November). – Pp. 194-211.
12. Hallet, M. Regional Specialisation and Concentration in the EU. EC Economic Papers 141 / M. Hallet. – Brussels, 2000.
13. Hansen, N. Border Regions: a Critique of Spatial Theory and a European Case Study / N. Hansen // The Annals of Regional Science. – 1977. – Vol. 11. – Pp. 1-12.
14. Hansson, A.M. FDI, taxes and agglomeration economies in the EU15 / A.M. Hansson, K. Olofsdotter // Applied Economics. – 2013. – №45. – Pp. 2653-2664.
15. Harris, C.D. The Market as a Factor in the Localization of Industry in the United States / C.D. Harris // Annals of the Association of American Geographers. – 1954. – Pp. 315-348.
16. Hoekman, B. Intra-Industry Trade, Foreign Direct Investment, and the Reorientation of Eastern European Exports. World Bank Working Paper 1652 / B. Hoekman, S. Djankov. – Washington, DC, 1996.
17. Kaminski, B. How Accession to the European Union Has Affected External Trade and Foreign Direct Investment in Central European Economies. World Bank Working Paper 2578 / B. Kaminski. – Washington, DC, 2001.
18. Krugman, P. Increasing Returns and Economic Geography / P. Krugman // Journal of Political Economy. – 1991. – №99. – Pp. 483-99.
19. Krugman, P. Scale Economies, Product Differentiation, and the Pattern of Trade / P. Krugman // Am. Econ. Rev. – 1980. – №70. – Pp. 950-959.
20. Krugman, P. Integration and the Competitiveness of Peripheral Industry / P. Krugman, A. Venables // Unity with Diversity in the European Community. – Cambridge: Cambridge University Press, 1990. – Pp. 56-77.

21. Lösch, A. *The Economics of Location* / A. Lösch. – New Haven: Yale University Press, 1954. – Режим доступа: <http://archive.org/details/economicsoflocat00ls> (дата обращения 28.07.2013).
22. Melitz, M.J. Market Size, Trade, and Productivity. *Review of Economic Studies* / M.J. Melitz, G.I. P. Ottaviano. – 2008. – Vol. 75. – Issue 1. – Pp. 295-316.
23. Naudé, W. The Location of Manufacturing Exporters in Africa: Empirical Evidence / W. Naudé, M. Matthee // *African Development Review*. – 2010. – Vol. 22. – Issue 2 (June). – Pp. 276-291.
24. Poelhekke, S. Growth, Foreign Direct Investment and Urban Concentration: Unbundling Spatial Lag / S. Poelhekke, F. van der Ploeg // *Are Cities More Important Than Countries? Conference in Celebration of the 50th Anniversary of the Institute of Housing and Urban Development Studies, Erasmus University, Rotterdam, The Netherlands, 30-31 October 2008*.
25. Resmini, L. Economic Integration, Industry Location and Frontier Economies in Transition Countries / L. Resmini // *Economic Systems*. – 2003. – №27. – Pp. 205-221.
26. Resmini, L. The Determinants of Foreign Direct Investment in the CEECs: New Evidence from Sectoral Patterns / L. Resmini // *Economics of Transition*. – 2000. – Vol. 8. – Issue 3. – Pp. 665-689.
27. Resmini, L. The Implication of European Integration and Adjustment for Border Regions in EU Accession Countries / L. Resmini // *The Emerging Economic Geography in EU Accession Countries*. – Aldershot: Ashgate Publishing, 2003. – Pp. 334-360.
28. Trade Integration, Industry Concentration and FDI Inflows: The Experience in Central and South Eastern Europe. CEFTA Issues Paper 3. November 2010.
29. Traistaru, I. The Emerging Economic Geography in EU Accession Countries / I. Traistaru, P. Nijkamp, L. Resmini. – Aldershot: Ashgate Publishing, 2003.
30. Venables, A. The Assessment: Trade and Location / A. Venables // *Oxford Review of Economic Policy*. – 1998. – Vol. 14. – Issue 2. – Pp. 1-6.
31. Volpe, M.C. Do Mercosur and Fiscal Competition Help to Explain Recent Locational Patterns in Brazil? / M.C. Volpe // Paper Presented at the 7th Annual Meeting of LACEA, Madrid, 2002.
32. Wandel, C. Industry Agglomerations and Regional Development in Hungary: Economic Process during European Integration / C. Wandel. – Hamburg: Peter Lang, 2009.
33. Rastvortseva, S. (2014, September 1-9). Analyses of Regional Specialization and Geographical Concentration of Industry in Russia / S. Rastvortseva // *SGEM2014 Conference on Political Sciences, Law, Finance, Economics and Tourism*. – Vol. 3. – Pp. 25-32.
34. Glaeser, E.L. Cities and Skills / E.L. Glaeser, D.C. Mare // *Journal of Labor Economics*. – 2002. – Vol. 19. – Issue 2. – Pp. 316-342.
35. Lutz, V. *Italy – a Study in Economic Development* / V. Lutz. – London: Oxford University Press, 1962.
36. Региональная экономика и пространственное развитие: в 2 т. Т. 1: Региональная экономика. Теория, модели и методы: учебник для бакалавриата и магистратуры / под общ. ред. Л.Э. Лимонова. – М.: Юрайт, 2014. – 397 с.
37. Куценко, Е.С. Кластерный подход к развитию инновационной экономики в регионе: автореф. дис. ... канд. экон. наук / Е.С. Куценко. – М., 2012.
38. Helpman, E. Market Structure and Foreign Trade. Increasing Returns, Imperfect Competition, and the International Economy / E. Helpman, P.R. Krugman. – Cambridge, MA: MIT Press, 1985.

Сведения об авторах

Светлана Николаевна Растворцева – доктор экономических наук, профессор, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (308015, Россия, г. Белгород, ул. Победы, д. 85, Rastvortseva@bsu.edu.ru)

Денис Сергеевич Терновский – доктор экономических наук, доцент, Белгородский университет кооперации, экономики и права (308023, Россия, г. Белгород, ул. Садовая, д. 116а, ternovskii@buker.ru)

© Rastvortseva S.N., Ternovskii D.S.

Drivers of Concentration of Economic Activity in Russia's Regions

Svetlana Nikolaevna Rastvortseva – Doctor of Economics, Professor, Belgorod National Research University (85, Pobedy Street, Belgorod, 308015, Russian Federation, Rastvortseva@bsu.edu.ru)

Denis Sergeevich Ternovskii – Doctor of Economics, Associate Professor, Belgorod University of Cooperation, Economics and Law (116A, Sadovaya Street, Belgorod, 308023, Russian Federation, ternovskiiids@bukep.ru)

Abstract. The uneven distribution of economic activity in Russia promotes the differentiation of its constituent entities by level of development. Regions are independent participants of economic relations, and they often act as competitors rather than partners. Agglomeration effects arise in more successful regions and contribute to the concentration of resources, manufacturing enterprises, service providers, skilled workers, and scientific and technological knowledge. The aim of the study, the results of which are reflected in the paper, is to identify the factors and assess their impact on the concentration (dispersion) of economic activity on the basis of Russia's regions. The paper describes the benefits of agglomeration processes from the standpoint of economic geography, allocation theory and international trade theory. The concentration of economic activity in Russia's regions is estimated by the Herfindahl–Hirschman index of industrial production taking into consideration the volume of investments in fixed capital and the number of people employed in the economy in Russia's regions in 1990–2013. It is determined that fixed capital investments have the propensity to concentrate, but react strongly to economic crises. Labor resources, by contrast, are distributed relatively evenly, and their concentration in certain regions is increasing steadily. The article considers key factors such as wage growth, distance to large cities, direct foreign investment, road network density, the degree of development of the services sector in the region. The factor model is constructed using the least squares method. The authors conclude that the growth of wages in the region (relative to national average) has a negative effect on the concentration of economic activity. There is a positive correlation between the growth of direct foreign investment and the density of hard surface roads. The development of services has the greatest positive impact on agglomeration processes in Russia's regions. The paper confirms the point of the new economic geography concerning the negative impact that the region's remoteness from major markets exerts on the development of agglomeration process. The authors agree with foreign researchers on the fact that the emergence and development of agglomeration process is influenced by increasing returns to scale, transport costs and labor migration. But the very indirect factors included in the model are influenced by economic actors in the regional socio-economic policy.

Key words: concentration of economic activity in the region, regional specialization, new economic geography, distribution of productive forces.

References

1. Alaev E.B. *Sotsial'no-ekonomicheskaya geografiya: ponyatiino-terminologicheskii slovar'* [Social and Economic Geography: a Dictionary of Concepts and Terms]. Moscow: Mysl', 1983. 350 p.
2. Kolomak E.A. Neravnomernoe prostranstvennoe razvitie v Rossii: ob'yasneniya novoi ekono-micheskoi geografii [Uneven Spatial Development in Russia: Explanations of New Economic Geography]. *Voprosy ekonomiki* [Economic Issues], 2013, no. 2, pp. 132-150.
3. Rastvortseva S.N. *Upravlenie razvitiem protsessov kontsentratsii ekonomicheskoi aktivnosti v regione: podkhody novoi ekonomicheskoi geografii* [Managing the Development of the Processes of Concentration of Economic Activity in the Region: the Approaches of the New Economic Geography]. Moscow: EkonInform, 2013. 131 p.

4. Ryzhova N.P. Prostranstvennyye efekty mezhdunarodnoi ekonomicheskoi integratsii (sluchai rossiiskikh regionov) [Spatial Effects of International Economic Integration (in the Case of Russian Regions)]. *Prostranstvennaya ekonomika* [Spatial Economics], 2012, no. 4, pp. 28-48.
5. Anderson J.E., van Wincoop E. Trade Costs. *Journal of Economic Literature*, 2004, vol. 42, no. 3, September, pp. 691-751.
6. Avery G., Cameron F. *The Enlargement of the European Union*. Sheffield: Sheffield Academic Press, 1998.
7. Baldwin R., Francois J., Portes R. EU Enlargement – Small Costs for the West, Big Gains for the East. *Econ. Policy*, 1997, no. 24, pp. 125-176.
8. Combes P.-P., Mayer T., Thiss J.-F. *Economic Geography*. 2008. 346 p.
9. Forslid R., Wooton I. Comparative Advantage and the Location of Production. *Review of International Economics*, 2003, vol. 11, no. 4, September, pp. 588-603.
10. Fujita M. Krugman P., Venables A.J. *The Spatial Economy. Cities, Regions and International Trade*. Cambridge, MA: MIT Press, 2000.
11. Gelan A. Trade Policy and City Primacy in Developing Countries. *Review of Urban & Regional Development Studies*, 2008, vol. 20, no. 3, November, pp. 194-211.
12. Hallet M. *Regional Specialisation and Concentration in the EU. EC Economic Papers 141*. Brussels, 2000.
13. Hansen N. Border Regions: a Critique of Spatial Theory and a European Case Study. *The Annals of Regional Science*, 1977, vol. 11, pp. 1-12.
14. Hansson A.M., Olofsdotter K. FDI, Taxes and Agglomeration Economies in the EU15. *Applied Economics*, 2013, no. 45, pp. 2653-2664.
15. Harris C.D. The Market as a Factor in the Localization of Industry in the United States. *Annals of the Association of American Geographers*, 1954. Pp. 315-348.
16. Hoekman B., Djankov S. *Intra-Industry Trade, Foreign Direct Investment, and the Reorientation of Eastern European Exports. World Bank Working Paper 1652*. Washington, DC, 1996.
17. Kaminski B. *How Accession to the European Union Has Affected External Trade and Foreign Direct Investment in Central European Economies. World Bank Working Paper 2578*. Washington, DC, 2001.
18. Krugman P. Increasing Returns and Economic Geography. *Journal of Political Economy*, 1991, no. 99, pp. 483-99.
19. Krugman P. Scale Economies, Product Differentiation, and the Pattern of Trade. *Am. Econ. Rev.*, 1980, no. 70, pp. 950-959.
20. Krugman P. Venables A. Integration and the Competitiveness of Peripheral Industry. *Unity with Diversity in the European Community*. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. Pp. 56-77.
21. Lösch A. *The Economics of Location*. New Haven: Yale University Press, 1954. Available at: <http://archive.org/details/economicsoflocat00ls> (accessed July 28, 2013).
22. Melitz M.J. Ottaviano G.I. P. Market Size, Trade, and Productivity. *Review of Economic Studies*, 2008, vol. 75, no. 1, pp. 295-316.
23. Naudé W. Matthee M. The Location of Manufacturing Exporters in Africa: Empirical Evidence. *African Development Review*, 2010, vol. 22, no. 2, June, pp. 276-291.
24. Poelhekke S. van der Ploeg F. Growth, Foreign Direct Investment and Urban Concentration: Unbundling Spatial Lag. *Are Cities More Important Than Countries? Conference in Celebration of the 50th Anniversary of the Institute of Housing and Urban Development Studies, Erasmus University, Rotterdam, The Netherlands, 30-31 October 2008*.
25. Resmini L. Economic Integration, Industry Location and Frontier Economies in Transition Countries. *Economic Systems*, 2003, no. 27, pp. 205-221.
26. Resmini L. The Determinants of Foreign Direct Investment in the CEECs: New Evidence from Sectoral Patterns. *Economics of Transition*, 2000, vol. 8, no. 3, pp. 665-689.
27. Resmini L. The Implication of European Integration and Adjustment for Border Regions in EU Accession Countries. *The Emerging Economic Geography in EU Accession Countries*. Aldershot: Ashgate Publishing, 2003. Pp. 334-360.
28. *Trade Integration, Industry Concentration and FDI Inflows: The Experience in Central and South Eastern Europe. CEFTA Issues Paper 3. November 2010*.
29. Traistaru I., Nijkamp P., Resmini L. *The Emerging Economic Geography in EU Accession Countries*. Aldershot: Ashgate Publishing, 2003.

30. Venables A. The Assessment: Trade and Location. *Oxford Review of Economic Policy*, 1998, vol. 14, no. 2, pp. 1-6.
31. Volpe M.C. Do Mercosur and Fiscal Competition Help to Explain Recent Locational Patterns in Brazil? *Paper Presented at the 7th Annual Meeting of LACEA, Madrid, 2002*.
32. Wandel C. *Industry Agglomerations and Regional Development in Hungary: Economic Process during European Integration*. Hamburg: Peter Lang, 2009.
33. Rastvortseva S. Analyses of Regional Specialization and Geographical Con-centration of Industry in Russia. *SGEM2014 Conference on Political Sciences, Law, Finance, Economics and Tourism, 2014, September 1-9*, vol. 3. pp. 25-32.
34. Glaeser E.L., Mare D.C. Cities and Skills. *Journal of Labor Economics*, 2002, vol. 19, no. 2, pp. 316-342.
35. Lutz V. *Italy – a Study in Economic Development*. London: Oxford University Press, 1962.
36. *Regional'naya ekonomika i prostranstvennoe razvitie: v 2t. T. 1: Regional'naya ekonomika. Teoriya, modeli i metody: uchebnik dlya bakalavriata i magistratury* [Regional Economics and Spatial Development: in 2 Volumes. Volume 1: Regional Economics. Theory, Models and Methods: a Textbook for Bachelor and Master Courses]. Under the general editorship of L.E. Limonov. Moscow: Yurait, 2014. 397 p.
37. Kutsenko E.S. *Klasternyi podkhod k razvitiyu innovatsionnoi ekonomiki v regione: avtoreferat dis. ... kand. ekon. nauk* [The Cluster Approach to the Development of Innovation Economy in the Region: Ph.D. in Economics Thesis Abstract]. Moscow, 2012.
38. Helpman E., Krugman P. R. *Market Structure and Foreign Trade. Increasing Returns, Imperfect Competition, and the International Economy*. Cambridge, MA: MIT Press, 1985.

Коллективное право на леса и его влияние на инвестиционную деятельность фермерских хозяйств и динамику товарной лесопroduкции*

Кун Фаньбинь

Академия общественных наук провинции Цзянси
г. Нанчан, КНР

Фань Бинь

Академия общественных наук провинции Цзянси
г. Нанчан, КНР

Чэнь Шэньдун

Академия общественных наук провинции Цзянси
г. Нанчан, КНР

* Данное исследование проводится при поддержке Государственного фонда естественных наук Китая (National Natural Science Foundation of China) (№ 71173095; № 41261110; № 41161087) и Проекта кредитов Всемирного банка (World Bank Loan Project) (№ jxsczcsq2012-02).

Аннотация. Цель данного исследования – определить взаимосвязь между фрагментированными коллективными лесными угодьями, инвестициями фермеров и объемом товарной продукции лесного хозяйства, изучить рациональность реформы права коллективного лесопользования после разрозненной эксплуатации лесных массивов. Исследование использует данные опроса 2420 фермеров в девяти провинциях Китая: Фуцзянь, Цзянси, Хунань, Сычуань, Чжэцзян, Гуанси, Хэнань, Шаньдун и Ляонин. Результаты показывают, что если используется S-индекс, то фрагментированность лесных массивов достигает 0,41 и провинции располагаются следующим образом (от более высокой до более низкой степени фрагментированности): Чжэцзян, Цзянси, Хунань, Ляонин, Сычуань, Фуцзянь, Гуанси и Шаньдун. При определенных интервалах фрагментированности (ее коэффициент ниже 0,22 или выше 0,51) чем выше фрагментированность лесного массива, тем меньше инвестиции в развитие фермерских хозяйств. Модель соотношения между капиталовложениями и выпуском продукции указывает на то, что лесное хозяйство отражает негативные последствия для производства продукции лесного комплекса, в то время как другие переменные, такие как труд, материальные затраты и размер лесных массивов, оказывают положительное воздействие. При производстве бамбука уровень фрагментированности имеет негативные последствия для лесных массивов и значительное позитивное влияние на используемый труд. Исследование предполагает, что, после того как земля распределена между домохозяйствами, физические инвестиции становятся ключевым фактором, влияющим на выпуск товарной продукции, и должны приниматься во внимание при проведении политики, направленной на повышение стимулирования фермеров. На основе этого исследования предложены рекомендации в отношении политики в сфере эксплуатации в крупных масштабах лесных массивов.

Ключевые слова: реформа права коллективного лесопользования; фрагментированные лесные массивы; инвестиции фермеров; выпуск продукции лесного хозяйства.

1. Введение

Фрагментация лесных массивов – это процесс, включающий изменения в таких аспектах, как география, население, семейные традиции и управление. Китай обладает разнообразием ландшафтов, что обеспечивает выгодные условия для использования лесных массивов и в то же время вызывает их фрагментацию. С исторической точки зрения население Китая резко увеличилось, начиная с династии Сун, и имеющиеся земли не успевают удовлетворять потребности всё возрастающего населения. Это одна из причин увеличения фрагментированности лесных массивов. Она выросла за счет традиционной системы наследования, согласно которой земля делится между детьми. С точки зрения механизма изменения лесного права лесные

угодья становились все более раздробленными из-за политики 1980-х годов и коллективного лесного права, принятого в 2003 году. Для того чтобы преодолеть экономические проблемы, возникшие в результате деятельности малого бизнеса, в 2008 году правительство выдвинуло ряд мер. Некоторые ученые утверждают, что фрагментированность лесных массивов не будет способствовать повышению эффективности их эксплуатации, а другие говорят о том, что фрагментированность является лишь частью китайской традиции, потому что это справедливо, когда каждый фермер имеет собственный участок земли. С эмпирической точки зрения фрагментация лесных массивов существенно не изменилась, хотя нынешняя политика реформирования права коллективного лесопользования

предоставляет фермерам право торговли. На сегодняшний день имеется недостаточно исследований о крупномасштабной оценке фрагментированности лесов, вкладе фермеров в производство продукции лесного хозяйства при такой политике. В исследовании используются данные опроса 2420 домохозяйств в 18 уездах провинций Фуцзянь, Цзянси, Хунань, Сычуань, Чжэцзян, Гуанси, Хэнань, Шаньдун и Ляонин, проведенного с целью выявления взаимосвязи между фрагментированными коллективными лесными массивами, инвестициями в развитие фермерских хозяйств и выпуском продукции лесного хозяйства, а также для того, чтобы исследовать рациональность реформирования права коллективного лесопользования после разрозненной эксплуатации лесных массивов.

1.1. Три основные стадии процесса фрагментации лесов

В Китае процесс фрагментации лесов и реформа права коллективного лесопользования проходят вместе, а фрагментированность лесных массивов встречается в основном в южных лесных районах. Процесс фрагментации может быть разделен на три этапа. Первый этап происходил в 1980-х гг., когда был издан официальный документ, объявивший, что лесное право необходимо стабилизировать (закрепить право пользования лесом), поврежденные земли восстановить и определить ответственность за пользование лесными ресурсами, что также ускоряет скорость процесса фрагментации лесов. Статистические данные Департамента лесного комплекса показывают, что до 1984 года 90% владельцев лесных угодий среди перечисленных 9 провинций имели по 0,43 га в среднем и площадь на душу населения составляла 0,04 га. Количество фермеров, живущих в лесах, и количество коллективных лесных

хозяйств увеличились более чем на 400 единиц (Lu, 2002). Исследование, проведенное Di в 1994 году, описывает процесс передачи коллективного права на леса фермерским хозяйствам. Второй этап проходил с конца 1980-х до 1990-х годов, когда происходила продажа лесных угодий. Lu (2004) считает, что такая продажа поможет решить существующие проблемы, такие как низкая эффективность распределения и малые масштабы, связанные с существующей системой управления землями. Путем продажи коллективные леса переходят в собственность фермеров, что увеличивает масштабы лесопользования. Однако это не решает проблему фрагментированности лесных массивов. Третий и последний этап — это верификация права собственности на лесные угодья. В 2003 году провинция Фуцзянь провела реформу права коллективного лесопользования (далее — Лесная реформа), включая разъяснение принципов владения, повышение эффективности использования, наделение правом распоряжения и защиту прав выгодоприобретателя после того, как Государственный совет объявил о «решении ускорить развитие лесного хозяйства». Позже провинции Цзянси, Ляонин и Чжэцзян также провели такую реформу. В июне 2008 года появился еще один официальный документ, который четко определил основной объект работы лесного хозяйства. До конца 2009 года была подтверждена собственность на более чем 100 млн. га леса, что составляет 59,4% общей площади коллективных лесов. Площадь сертифицированных лесов составляет более 80 млн. га, или около 75% общего количества проверенных лесов (Jia, 2009). Лесная реформа способствует диверсификации собственности и пользования лесами и ускоряет процесс их фрагментации (Kong, 2008).

1.2. Проблемы, стоящие перед лесопользователями после фрагментации лесных массивов

Исследуя негативные последствия фрагментации лесов, многие ученые критикуют эту ситуацию и эксплуатацию небольших участков лесов с точки зрения масштабов использования. Например, некоторые ученые (Song и др., 1997) предполагают, что система домохозяйств в коллективном использовании лесов в Китае может оказаться полезной при распределении лесных массивов. Li (2001) предполагает, что улучшить бедственное положение в лесном хозяйстве можно с помощью коллективного лесного права. Wan (2009) отмечает, что неотложной задачей становится ускорение сотрудничества для решения проблемы фрагментации лесов. По мнению китайских фермеров, владение лесом является одной из форм их личного имущества (в отличие от того, как если бы они пользовались государственным лесом в рабочем процессе), а такого рода использование в микробизнесе приводит к ослаблению конкуренции в связи с эффектами масштабирования (Li and Wang, 2003; Liu, 2000). Zeng (2009) указывает, что система эксплуатации леса домохозяйствами увеличивает риски ожидаемой доходности, краткосрочные спекуляции и монополию на земельные ресурсы, а Luo и Li (1999) представляют доказательства таких рисков в провинциях Сычуань и Гуандун. Однако существуют противоположные мнения. Gao (2007) считает, что текущее социальное положение в Китае не благоприятствует этому, т.к. живущие в лесах фермеры гораздо охотнее вкладывают труд и капитал в повышение продуктивности лесов, поскольку обладают всеми преимуществами. Заинтересованность приносит более высокую прибыль. Она предполагает, что результат не действителен, если

он не может пройти анализ затрат и выгод, и, вследствие того что лесное хозяйство не требует высоких технологий, люди вполне могут управлять своими собственными участками леса.

2. Эмпирическое исследование связи между фрагментированными коллективными лесными угодьями, инвестициями фермеров и производством продукции лесного хозяйства

2.1. Сущность процесса фрагментации лесных массивов и количественный метод выделения

2.1.1. Определение фрагментированности лесного массива

Понятие фрагментированности земель широко используется в Китае. Фрагментированность лесов основана на фрагментированности земель, но не имеет точного определения. Таким образом, данное исследование требует более четкого определения фрагментированности пахотных земель для определения фрагментированности лесов. Фрагментированность лесов имеет два необходимых условия: наличие более двух участков леса и их небольшую площадь. Исходя из этих условий фрагментированность лесов означает, что фермер должен обрабатывать два и более небольших участка леса, которые не являются смежными. В данном исследовании мы ориентируемся на экономический анализ прилегающих лесов, хотя существует возможность поменять далекие друг от друга участки леса на смежные друг с другом и на большие по площади. Мы также подчеркиваем возможность экономической выгоды от использования небольших участков и экономию за счёт роста масштаба производства, который заключается в повышении отдачи от ресурсов, увеличении доходов и уменьшении расходов (Zhang и Huang, 1997; Cheng, 2001).

Основываясь на этом определении, можно сказать, что фрагментированность лесов больше учитывает экономическую сторону и, следовательно, должна обладать следующими двумя характеристиками: (1) участок слишком мал, чтобы получить экономию за счёт роста масштаба производства и (2) участки могут быть объединены путем продажи.

2.1.2. Измерение фрагментированности лесных массивов

Существует два основных метода для измерения фрагментированности лесных массивов. Первый – использование единого индекса для измерения уровня фрагментированности исходя из количества и площади участков (Binns, 1950), второй – построение более сложного индекса. King и Burton (1982) разработали S -индекс, J -индекс и I -индекс на основе шести факторов, включающих размер фермы, количество участков, размер участка, форму участка, пространственное размещение участка, вид культуры.

Эти показатели выражаются следующим образом:

$$S = 1 - \frac{\sum_{i=1}^n \alpha_i^2}{(\sum_{i=1}^n \alpha_i)^2}, \quad (1)$$

$$J = \frac{\sqrt{\sum_{i=1}^n \alpha_i}}{\sum_{i=1}^n \sqrt{\alpha_i}}, \quad (2)$$

$$I = \frac{(\sum_{i=1}^n \alpha_i) / n}{100} \times \sum W, \quad (3)$$

где n – количество участков, принадлежащих фермеру, α – размер участка, а W – расстояние между участками.

Значения S и J находятся в диапазоне между 0 и 1. Когда S ближе к 1, то уровень фрагментированности лесов выше, а J -индекс имеет противоположное значение. Все три индекса используют количество участков и их размеры в качестве важных факторов, но мы не можем определить, который из них имеет более важное значение. Кроме того, J -индекс не может показывать, что уровень фрагментированности лесных массивов должен уменьшаться, если площадь более крупных участков увеличивается, а площадь небольших участков уменьшается.

Каждый метод имеет свои преимущества и недостатки. В данном исследовании мы ориентируемся на количество и размеры участков и на расстояние между участком и домом фермера. Однако для того, чтобы обеспечить лучшее измерение уровня фрагментированности лесных массивов, мы также используем S -индекс как дополнительный.

2.2. Количественный анализ уровня фрагментированности лесов

2.2.1. Статистическая характеристика ситуации до и после Лесной реформы

Таблица 1 показывает количество участков и изменения в ситуации с лесными участками, предоставленными фермерам, до и после проведения Лесной реформы. Размер среднестатистического участка во владении фермера увеличился на 0,92, что на 16,12% больше, чем до реформы. В исследуемых районах количество участков, принадлежащих фермерам, увеличилось больше всего в провинциях Гуанси и Ляонин и меньше всего – в провинции Хунань.

Таблица 1. Изменение числа фермерских участков леса до и после Лесной реформы

Количество участков	Фуцзянь	Гуанси	Хэнань	Ляонин	Шаньдун	Сычуань	Чжецзян	Цзянси	Хунань	Среднее значение
Количество участков до реформы	1,83	2,13	1,38	2,25	1,13	6,31	4,06	3,87	3,02	3,35
Количество участков после реформы	2,07	2,61	1,56	2,89	1,22	7,33	4,42	4,55	3,12	3,89
Динамика количества участков	0,24	0,48	0,18	0,64	0,09	1,02	0,36	0,68	0,10	0,54
Коэффициент изменения, %	13,11	22,54	13,04	28,44	7,97	16,09	8,87	17,57	3,31	16,12

Из приведенных данных мы видим, что проблема фрагментированности лесов действительно существует и лесная реформа может сделать ее еще серьезнее.

2.2.2. Анализ уровня фрагментированности лесов на основе опроса 2420 фермерских хозяйств

Как показали данные опроса, 36,47% фермеров эксплуатируют по 1–2 лесных участка; 27,98% фермеров – 3–4; 16,87% – 5–6; 13,01% – 7–10 и 5,66% – более 10 лесных участков (табл. 2). В среднем каждый фермер имеет 4,52 лесных участка. На основании статистических результатов выявлено, что самое большое количество лесных участков, которыми владеют фермеры, находится в провинциях Цзянси, Чжецзян и Сычуань, а наименьшее количество – в провинции Шаньдун. Разница определяется в основном особенностями ландшафта и временем проведения Лесной реформы.

Таблица 3 показывает число участков леса, эксплуатируемых фермерами. В провинции Шаньдун на одно домохозяйство

приходится в среднем 9,062 га и средняя площадь лесных участков в провинции составляет 7,487 га. В других провинциях фермеры работают на участках площадью в среднем 2,5 га, а площадь одного участка превышает 0,66 га. С точки зрения масштабов эксплуатации 75% фермеров работают на участках площадью 1,33–3,33 га, а 7,85% фермеров – на участках площадью менее 0,1 га. Данные результаты показывают, что после Лесной реформы более очевидным становится изменение масштабов эксплуатации и размер участка является стабильным. По сравнению с пахотными землями фрагментированность лесных массивов незначительна.

Таблицы 4 и 5 показывают распределение фермерских лесных участков в различных масштабах и распределение соотношения расстояния между лесным участком и дорогой. В целом расстояние между лесным участком и дорогой должно влиять на эффективность производства, поскольку чем больше расстояние, тем больше

Таблица 2. Количество лесных участков, управляемых фермерами

Количество домохозяйств, участвующих в исследовании	Среднее количество участков леса на домохозяйство	Эксплуатация 1~2 участков леса, %	Эксплуатация 3~4 участков леса, %	Эксплуатация 5~6 участков леса, %	Эксплуатация 7~10 участков леса, %	Эксплуатация 10 и более участков леса, %	Эксплуатация 20 и более участков леса, %
2420	4,52	36,47	27,98	16,87	13,01	4,48	1,18%
263	3	50,83	31,40	9,92	7,85	-	-

Таблица 3. Список лесных участков в целом по стране и в исследуемых провинциях

Провинция	Среднее количество лесных участков на домохозяйство, участков	Средняя площадь на домохозяйство, га	Средняя площадь лесного участка, га	Максимальная площадь лесного участка, га	Минимальная площадь лесного участка, га
Шаньдун	1,220	9,062	7,487	46,667	0,013
Ляонин	2,890	5,307	1,837	20,000	0,133
Хэнань	1,560	0,788	0,507	5,533	0,004
Сычуань	7,330	2,549	0,676	8,333	0,003
Чжэцзян	4,420	4,397	0,996	7,400	0,033
Фуцзянь	2,070	5,193	2,507	21,667	0,107
Хунань	3,120	2,665	0,854	12,000	0,033
Цзяньси	4,550	11,425	2,512	107,813	0,013
Гуанси	2,610	2,519	0,967	10,667	0,007

Таблица 4. Распределение фермерских лесных участков в различных масштабах

Диапазон, га	<1	20–40	40–50	50–60	60–100	>100
Доля средней площади на лесной участок, %	13,73	61,54	13,46	4,4	3,3	3,57
Доля средней площади на домохозяйство, %	7,85	40,9	13,64	7,85	11,16	18,6

Таблица 5. Распределение соотношения расстояния между лесным участком и дорогой

Диапазон, м	<100	100-500	500-1000	1000-2000	2000-3000	3000-4000	4000-5000	>5000
Доля, %	9,22	24,25	22,24	20,64	11,82	3,81	2,41	5,61

Таблица 6. Степень фрагментированности лесных земель в целом по стране и в разных провинциях

Регион	Китай	Шаньдун	Ляонин	Хэнань	Сычуань	Чжецзян	Фуцзянь	Хунань	Цзяньси	Гуанси
S-индекс	0.41	0.11	0.46	0.16	0.42	0.62	0.42	0.48	0.58	0.40

времени требуется для транспортировки товаров. Самое большое расстояние, указанное в опросе, составляет 16 км, длина 5,61% участков превышает 5 км, а длина 9,22% участков менее 0,1 км. Расстояние между лесным участком и дорогой менее 0,5 км.

Комплексный S-индекс характеризует уровень фрагментированности лесов. В данном исследовании количество и площадь лесных участков и расстояние от участка до дороги увеличивает измерение S-индекса.

Судя по данным *таблицы 6*, уровень фрагментированности лесов Китая составляет 0,41. S-индекс является самым высо-

ким в провинции Чжэцзян, за ней следуют провинции Цзяньси, Хунань, Ляонин и Сычуань. S-индекс в провинции Шаньдун – самый низкий. Исследуемые провинции (Цзяньси, Фуцзянь, Чжэцзян и Ляонин) имеют высокий уровень фрагментированности лесов. Это показывает, что Лесная реформа влияет на их фрагментированность. Кроме того, уровень фрагментированности лесных массивов напрямую связан с естественной географией, т.к. результаты свидетельствуют о значительно более высоком уровне фрагментированности лесных массивов в горной местности, чем на равнине. Провинция Сычуань является примером этого.

2.3. Описание инвестиций фермеров при фрагментированности лесных массивов

Приведенные в *таблице 7* результаты показывают, что средний объем инвестиций фермеров в лесное хозяйство составляет менее 2200 юаней, но растет год от года. Провинции Хэнань, Шаньдун и Чжецзян имеют относительно большие инвестиции за счет потребности в сырье (фрукты являются основным продуктом в этих провинциях). В провинциях Гуанси, Хунань, Сычуань и Цзянси объем инвестиций меньше, потому что главным продуктом является древесина.

Как видно из *таблицы 8*, средний размер инвестиций фермеров ниже, чем общий доход их домохозяйств. Обычно это соотношение составляет менее 0,06. Иными словами, фермеры получают небольшой доход от эксплуатации лесного хозяйства вследствие низкого уровня инвестиций. Таким образом, лесное хозяйство играет не очень важную роль в доходах домохозяйств. В целом соотношение между инвестициями и доходом в провинциях Гуанси, Хунань и Цзянси составляет менее 0,03.

2.4. Взаимосвязь между инвестициями фермеров и фрагментированностью лесных массивов

2.4.1. Взаимосвязь между объемом инвестиций фермеров и уровнем фрагментированности лесов

В целях изучения взаимосвязи между инвестициями фермеров и уровнем фрагментированности лесов мы используем уровень фрагментированности лесов в качестве независимой переменной (X), а инвестиции домохозяйств – в качестве зависимой переменной (IN) для построения одномерной регрессионной модели. Выборки показывают нелинейную зависимость (S -образная форма), и, таким образом, модель строится по следующей формуле:

$$IN = -10831,68 + 181454,30X - 586913,73X^2 + 530794,33X^3 \quad (4)$$

где t равно -3,742 для пересечения, 5,485 для X , -5,991 для X^2 и 6,249 X^3 , R^2 равно 0,705 и значение F равно 28,668.

Из уравнения (4) мы видим, что R^2 равно 0,705 и, следовательно, модель обладает высокой наглядностью. Значение P посто-

Таблица 7. Инвестиции фермерских домохозяйств в лесное хозяйство в 9 провинциях (регионах)

Год	Фуцзянь, юаней	Гуанси, юаней	Хэнань, юаней	Ляонин, юаней	Шаньдун, юаней	Сычуань, юаней	Чжецзян, юаней	Цзянси, юаней	Хунань, юаней	В среднем, юаней
2003	611,8	107,74	4995,2	384,7	1452,51	565,5	1430,34	391,94	73,72	1112,61
2007	983,8	122,23	6152,1	1702,83	1866,48	735,49	2089,43	616,51	214,52	1609,27
2008	945,2	152,53	6972,5	1670,93	2145,77	737,56	2228,55	902,89	431,23	1789,57
2009	1353	184,96	8188,5	1814,06	2297,92	925,17	2969,84	1027,39	639,96	2155,64

Таблица 8. Соотношение инвестиций в лесное хозяйство и общего дохода фермерской семьи

Год	Фуцзянь, %	Гуанси, %	Хэнань, %	Ляонин, %	Шаньдун, %	Сычуань, %	Чжецзян, %	Цзянси, %	Хунань, %	В среднем, %
2003	3,2	1,1	15,1	2,6	12,3	4,8	4,9	2,0	0,6	6,6
2007	3,5	0,8	13,6	5,9	10,8	3,6	4,5	2,0	1,0	6,1
2008	2,8	0,9	14,4	4,9	11,4	3,5	4,1	3,0	1,8	6,2
2009	3,5	0,9	14,9	4,7	9,2	3,6	5,0	2,9	2,5	6,1

янной и независимой переменной равно 0, а это означает, что когда другие переменные остаются постоянными, независимая переменная X не оказывает сильного воздействия на уровень фрагментированности лесов и объем фермерских инвестиций. Получение предельного значения из этого уравнения, когда уровень фрагментированности лесов находится между 0,22 и 0,51, способствует тому, что этот показатель возрастает, и, когда X находится вне этого диапазона, уровень фрагментированности лесов меньше и подходит для инвестиций домашних хозяйств.

2.4.2. Взаимосвязь между уровнем фрагментированности лесов и соотношением между инвестициями и доходами

Для того чтобы проанализировать взаимосвязь между уровнем фрагментированности лесов и соотношением между инвестициями и доходами, воспользуемся той же независимой переменной и отношением инвестиций и доходов (YI) в качестве зависимой переменной для построения одномерной регрессионной модели. Модель может быть выражена следующим образом:

$$YI = 164,082X - 620,435X^2 + 592,516X^3, (5)$$

где T равно 2,814 для X , -3,593 – для X^2 и 3,958 – для X^3 . R^2 равно 0,821 и значение F равно 55,154.

Из уравнения (5) мы видим, что R^2 равно 0,821 и, таким образом, модель обладает высокой наглядностью. Значение P постоянной и независимой переменной составляет менее 0,01, а это значит, что при других равных условиях независимая переменная X оказывает значительное влияние на уровень фрагментированности лесов и соотношение между инвестициями и доходами фермеров. Если получается предельное

значение из этого уравнения, когда уровень фрагментированности лесов составляет от 0,17 до 0,52, это указывает на то, что этот показатель выше, а когда X находится вне этого диапазона, уровень фрагментированности лесов меньше, что подходит для инвестиций домашних хозяйств.

2.5. Влияние фрагментированности лесных массивов и фермерских инвестиций на лесохозяйственное производство

2.5.1. Выбор переменных для модели

Это исследование использует функцию Кобба–Дугласа для изучения взаимосвязи между фрагментированностью лесов и лесохозяйственным производством. Поскольку исследование направлено на изучение влияния фрагментированности лесных массивов и фермерских инвестиций на лесохозяйственное производство, количество участков леса является независимой переменной, а лесохозяйственное производство на одном участке – зависимой переменной. Производственная функция означает, что при определенном технологическом уровне фиксированный объем инвестиций опирается на возможности производства. Инвестиции включают труд, капитал и землю. В данном исследовании независимые переменные определены и объяснены следующим образом:

- (1) инвестиции в трудовые ресурсы (LDTR): стандартное рабочее время (день);
- (2) прочие инвестиции (WZTR): в том числе семена, химические вещества, питательные вещества и прочие затраты;
- (3) площадь лесного участка (LDMJ): площадь эксплуатируемых лесных массивов;
- (4) уровень фрагментированности лесов (LDXSCD): количество участков леса на домохозяйство.

2.5.2. Построение модели

Производственная функция Кобба–Дугласа может быть выражена как

$$Y = \alpha_0 x_1^\beta x_2^\beta, \quad (6)$$

где Y – производство, X_i – i -ый ввод.

Количество лесных участков, находящихся в эксплуатации, показывает изменение фрагментированности лесных массивов и, следовательно, не может быть использовано в качестве одной входной переменной. На основании теории развития экономики и прошлого опыта масштабы эксплуатации определяются прежде всего фрагментированностью лесных массивов. Поскольку β_i ($i = 1, 2 \dots k$) – это эластичность, мы строим модель, которая связывает ее с фрагментированностью леса:

$$\beta_i = \alpha_i + \gamma_i^{LnP}, \quad i = 1, 2 \dots k. \quad (7)$$

P в уравнении (7) обозначает количество участков леса. Подставив P в производственную функцию Кобба–Дугласа, мы можем получить:

$$Y = \alpha_0 x_1^{(\alpha_1 + \gamma_1 \times LnP)} \times x_2^{(\alpha_2 + \gamma_2 \times LnP)} \times x_k^{(\alpha_k + \gamma_k \times LnP)}. \quad (8)$$

Подставив натуральный логарифм в обе стороны, мы получаем модель II, которая выражается следующим образом:

$$\begin{aligned} LnY &= Ln\alpha_0 + (\alpha_1 + \gamma_1 LnP) LnX_1 + \\ &+ (\alpha_2 + \gamma_2 LnP) LnX_2 + \dots + (\alpha_k + \gamma_k LnP) LnX_k \\ &= Ln\alpha_0 + \sum \alpha_i LnX_i + \sum \gamma_i LnPLnX_i \end{aligned} \quad (9)$$

Из уравнения (8) следует, что шкала эластичности V может быть выражена следующим образом:

$$\begin{aligned} V &= \sum \beta_i = \sum (\alpha_i + \gamma_i LnP) = \sum \alpha_i + LnP \sum \gamma_i = \\ &= \gamma_0 LnP + \sum \alpha_i, \quad \text{where } \gamma_0 = \sum \gamma_i. \end{aligned}$$

Модель II является расширением производственной функции Кобба–Дугласа и может быть использована для изучения воздействия фрагментированности лесов на экономию за счёт роста масштаба производства. Переменная P должна быть целым положительным числом. Если фрагментированности лесов нет ($P=1$), то она возвращается к стандартной функции Кобба–Дугласа.

Существуют две потенциальные проблемы в модели II. Первая проблема заключается в том, что новая переменная $LnPLnX_i$ или $PLnX_i$ может быть мультилинейной, а вторая проблема в том, что это свойство в стандартной производственной функции Кобба–Дугласа не может быть сохранено. Один из способов решения этой проблемы – добавить одно ограничение в то, что все γ_i равны. То есть:

$$\gamma_1 = \gamma_2 = \dots = \gamma_k = \gamma. \quad (10)$$

Таким образом, мы можем получить модель III:

$$LnY = Ln\alpha_0 + \sum \alpha_i LnX_i + k\gamma(LnP \sum LnX_i). \quad (11)$$

Коэффициент, соответствующий экономике за счёт роста масштаба производства, определяется по формуле: $\sum \alpha_i + k\gamma LnP$ (при функции линейного масштаба он определяется по формуле: $\sum \alpha_i + k\gamma P$). Поэтому, если мы находим, что $\sum \gamma_i$ или γ меньше 0, то фрагментированность лесов оказывает негативное воздействие на экономию за счёт роста масштаба производства и на лесохозяйственное производство. Выбор функции масштаба (линейная или полулогарифмическая) зависит от значения R^2 и вероятности.

2.4.3. Результаты оценки моделей

(1) Описание переменных

Данные, использованные в настоящем эмпирическом исследовании, были получены в 2009 году в ходе опроса крестьян из девяти провинций. Товары лесного хозяй-

ства включают следующие: древесина, бамбук, побеги бамбука, экономический лесной продукт 1, экономический лесной продукт 2, экономический лесной продукт 3, древесное топливо и недревесные продукты леса. Выход рассчитывается на основе домохозяйств, площадь участков определяется в гектарах, физические инвестиции – в долларах, труд – в рабочих днях. Исходя из полученных данных основными продуктами являются дерево и бамбук, а другие находятся в относительно небольшом количестве.

(2) Соответствие и выбор модели

Прежде чем провести оценку модели, мы проанализируем функцию правдоподобия и R^2 (соответствие образцов и линии регрессии) с целью выбора модели. Результаты отбора показывают, что побеги бамбука, экономический лесной продукт 1, экономический лесной продукт 2 и экономический лесной продукт 3 должны быть линейными в модели. При использовании R^2 значение вероятности выше для экономической лесной продукции, а для других видов – низкое (табл. 9).

(3) Выбор модели

Из таблицы 10 мы видим, что, когда выходной продукцией является древесина, только LDXSCD имеет негативное влияние среди четырех независимых переменных, что соответствует нашим ожиданиям. Другие переменные, такие как труд, земля и капитал, имеют положительное влияние на выход лесной продукции. Значение T соответствующей γ физических инвестиций больше, чем 2, что указывает на значительное положительное влияние физических инвестиций. Однако γ фрагментированности лесных массивов показывает значительное негативное влияние фрагментированности лесов. Предполагаемый результат в отношении бамбука отличается от наших ожиданий, где LDXSCD не оказывает негативного воздействия на лесохозяйственное производство, LDMJ оказывает негативное, а труд – позитивное влияние. По коэффициенту площади лесов мы видим, что негативное влияние территорий, на которых произрастает бамбук, является значительным.

Таблица 9. Результаты выбора модели

Сельскохозяйственные культуры	Функция масштаба	Применимость R^2	Окончательно выбранная модель
Древесина	Линейная модель	0.135342	
	Логарифмическая модель	0.267122	Логарифмическая модель
Бамбук	Линейная модель	0.025012	
	Логарифмическая модель	0.036994	Логарифмическая модель
Побеги бамбука	Линейная модель	0.676175	
	Логарифмическая модель	0.269619	Линейная модель
Экономический лесной продукт 1	Линейная модель	0.066245	
	Логарифмическая модель	0.095661	Логарифмическая модель
Экономический лесной продукт 2	Линейная модель	0.875314	
	Логарифмическая модель	Не применима	Линейная модель
Экономический лесной продукт 3	Линейная модель	0.735718	
	Логарифмическая модель	0.667665	Линейная модель
Древесное топливо	Линейная модель		
	Логарифмическая модель	0.057076	Логарифмическая модель
Недревесные продукты леса	Линейная модель	Не применима	Не применима
	Логарифмическая модель	Не применима	

Таблица 10. Основные показатели по древесине, бамбуку, модель оценки

Независимая переменная	Культура					
	Древесина			Бамбук		
	Коэффициент γ	Значение t	Значение p	Коэффициент γ	Значение t	Значение p
LDTR	0,209085	1,624927	0,1069	0,247387	1,830346	0,0686
WZTR	0,316939	4,187608	0,0001	0,002072	0,022804	0,9818
LDMJ	0,219486	1,952609	0,0533	-0,19599	-2,17862	0,0305
LDXSCD	-0,33482	-2,9077	0,0489	0,032924	0,876812	0,3816

3. Заключение и обсуждение

Реформа системы коллективного права на лес является основой фрагментации лесов Китая. Благодаря природно-географическим особенностям и ресурсным различиям последствия процесса фрагментации лесных массивов становятся все более заметными. Последняя Лесная реформа также повышает уровень фрагментированности. Данные опроса показывают, что общее количество лесных участков увеличилось на 16,12%, причем наибольший рост произошел в провинциях Гуанси и Ляонин, а наименьший – в провинции Хунань.

Результаты исследования показывают также, что были установлены равные права на пользование лесом; количество лесных участков на домохозяйство не увеличивается. Это свидетельствует об ограниченном влиянии последней Лесной реформы на процесс фрагментации лесов. Сравнив данные, мы видим, что горная местность имеет более значительное влияние на этот процесс, чем равнинная местность, но это влияние сдерживается пространственными ограничениями и отставанием во времени. Статистика количества и площади лесных участков и средняя площадь лесов говорят о том, что фрагментированность лесов в Китае не очень высока. Поэтому уровень жизни домохозяйств и фрагментированность лесных массивов не растут такими

же темпами. Распределение лесных массивов между домохозяйствами скорее увеличивает площадь леса, принадлежащего фермерам, что увеличивает масштабы его эксплуатации. В целом эффект масштаба означает снижение себестоимости и увеличение производства при расширении эксплуатации. По этой причине мы не должны поощрять монополию на землю.

Количественный анализ показывает, что, при определенных интервалах S-индекса, чем выше уровень фрагментированности лесных массивов, тем сложнее для фермеров инвестировать средства в лесное хозяйство. Но когда уровень фрагментированности лесов ниже 0,22 или выше 0,51, это создаст благоприятную ситуацию для инвестиций. Та же логика применима к соотношению между инвестициями и доходами. Это означает, что уровень фрагментированности лесов и уровень инвестиций не имеют отрицательной линейной корреляции, а расширение масштабов эксплуатации и уровень инвестиции не имеют положительной линейной корреляции, что подтверждается полевыми исследованиями. Основными причинами недостаточного объема инвестиций являются недостаток капитала и рабочей силы и низкая прибыль от лесного хозяйства. Нехватка рабочей силы обусловлена крупными масштабами экс-

плуатации и высокой заработной платой. Поэтому при текущих условиях эксплуатации должна быть соответствующая обеспеченность рабочей силой и поддержкой внешнего капитала — эти аспекты должны быть включены в программные предложения по сохранению масштабов эксплуатации лесных массивов.

Фрагментация лесных массивов имеет негативные последствия для производства древесины, но не оказывает существенного влияния на производство бамбука. Уровень инвестиций является наиболее важным фактором для производства бамбука, и, когда капитала недостаточно, чем боль-

ше площадь бамбукового леса, тем ниже выход продукции с лесного участка за счет снижения в среднем объеме инвестиций. Таким образом, труд и инвестиции оказывают положительное воздействие на производство изделий из древесины и бамбука, и здесь физические инвестиции имеют наибольший эффект. Это означает также, что, после того как земля будет поделена между домохозяйствами, физические инвестиции становятся ключевым фактором, влияющим на выпуск товарной продукции, и должны быть рассмотрены в соответствующих планах для создания более эффективных стимулов для фермеров.

Литература

1. Binns B. O. The Consolidation of Fragmented Agricultural Holdings. FAO Agriculture Studies, 11. Washington DC, 1950.
2. Buek J. L. Land utilization in China. London: Oxford University Press, 1964.
3. Di S. Opinion on Forest Corporation. Forest Economics, 1994, no. 1, pp. 2-68.
4. Gao L. Discussion on Collective Forest Business Analysis. Forest Economic Problems, 2007, no. 8, pp. 376-379.
5. Jia Z. Effect of Forest Reform. Special Issue of National Forest Bureau. 2009. Available at: <http://www.forestry.gov.cn/ZhuantiAction.do?Dispatch=content&id=303242&name=lqgg>
6. King R.L., Burton. S.R. Land Fragmentation, a Fundamental Rural Partial Problem. Progress in Human Geography, 1982, no. 6, pp. 475-494.
7. Kong F. Collective Forest Rights System: Transition, Effects and Discovery. China Environmental Science Press, 2008, no. 11, p. 104.
8. Li J., Wang F. Practice of Sweden Private Forest Operation. Forest Economics, 2003, no. 5, pp. 52-53.
9. Li Z, Yan Z. Overview of World Private Forest. China Forest Press, 2001.
10. Liu B. Discussion on Corporation and Forest Business Reform. Forestry and Society, 2000, no. 6, pp. 47-49.
11. Lu W. Research on Chinese Private Forest Business. China Environmental Science Press, 2002, no. 6, pp. 56-57.
12. Luo L., Li H. Debates on Forest Scaling Operation. Hunan Forestry, 1999, no. 5, p. 12.
13. Wadud A., White B. Farm Household Efficiency in Bangladesh: A Comparison of Stochastic Frontier and DEA Methods. Applied Economics, 2000, no. 32, pp. 1665-1673.
14. Wang J. Practice of Private Forest Cooperation in Japan. World Forestry Research, 2009, vol. 22, no. 1, pp. 1-5.
15. Song Y. Burch Jr. W. Geballe G. Liping G. New Organizational Strategy for Managing the Forests of Southeast China. The share Holding Integrated Forestry Tenure (SHIFT) System. Forest Ecology and Management, 1997, vol. 91, no. 2-3, pp. 183-194.
16. Zeng H., Nie Y., Wang J. Trend of Small Scale Forest Operation and Foreign Experience. World Forestry Research, 2009, vol. 22, no. 6, pp. 19-22.
17. Zhang L., Huang J., Rozelle S. Land Policy and Land Use in China. Agricultural Policies in China, 1997.

Сведения об авторах

Кун Фаньбинь – вице-президент, Академия общественных наук провинции Цзянси (г. Нанчан, КНР)

Фань Бинь – начальник Отдела научных исследований, Академия общественных наук провинции Цзянси (г. Нанчан, КНР)

Чэнь Шэньдун – научный сотрудник Отдела научных исследований, Академия общественных наук провинции Цзянси (г. Нанчан, КНР)

© Kong Fanbin, Fan Bin, Chen Shendong

Relationship between Fragmentized Collective Forestland, Farmers Investment and Forest Commodity Output: An Analysis on Nine Provinces Farmers Survey Data in China

Kong Fanbin – Vice President of Jiangxi Academy of Social Sciences

Fan Bin – Director of Scientific Research Department, Jiangxi Academy of Social Sciences

Chen Shendong – Researcher, Scientific Research Department, Jiangxi Academy of Social Sciences

Abstract. The purpose of this study is to quantify the relationship between fragmentized collective forestland, farmers investment and forest commodity output to examine the rationality of collective forest right reform after dispersed forestland operation. The data is based on the 2420 farmers' survey data in nine provinces of China including Fujian, Jiangxi, Hunan, Sichuan, Zhejiang, Guangxi, Henan, Shandong and Liaoning. The results show that if S index is used, fragmentized forestland reaches 0.41 and can be ordered (from high to low) as Zhejiang, Jiangxi, Hunan, Liaoning, Sichuan, Fujian, Guangxi and Shandong. Under certain fragmentized intervals (forestland fragmentized ratio lower than 0.22 or higher than 0.51), the higher the forestland fragmentized, the lower the farmers investment. The investment-output model indicates that forest block reflects the negative impacts to forest output while other variables such as labor, tangible inputs and forestland have positive impacts. When bamboo is produced, level of fragmentation has negative impacts on forestland acreage and significant positive impacts on labor used. The study implies that after the land is divided to households, physical investment is the key factor to affect the commodity output and should be considered by the related policies to increase the incentives of farmers. Based on this study, we provide some information and guidance on policy of farmers' forestland operation in large scale.

Key words: collective forest rights reform, fragmentized forestland, farmers' investment, forest commodity output.

References

1. Binns B. O. *The Consolidation of Fragmented Agricultural Holdings*. FAO Agriculture Studies, 11. Washington DC, 1950.
2. Buek J. L. *Land utilization in China*. London: Oxford University Press, 1964.
3. Di S. Opinion on Forest Corporation. *Forest Economics*, 1994, no. 1, pp. 2-68.
4. Gao L. Discussion on Collective Forest Business Analysis. *Forest Economic Problems*, 2007, no. 8, pp. 376-379.
5. Jia Z. *Effect of Forest Reform. Special Issue of National Forest Bureau. 2009*. Available at: <http://www.forestry.gov.cn/ZhuantiAction.do?Dispatch=content&id=303242&name=lqgg>

6. King R.L., Burton. S.R. Land Fragmentation, a Fundamental Rural Partial Problem. *Progress in Human Geography*, 1982, no. 6, pp. 475-494.
7. Kong F. Collective Forest Rights System: Transition, Effects and Discovery. *China Environmental Science Press*, 2008, no. 11, p. 104.
8. Li J., Wang F. Practice of Sweden Private Forest Operation. *Forest Economics*, 2003, no. 5, pp. 52-53.
9. Li Z, Yan Z. Overview of World Private Forest. *China Forest Press*, 2001.
10. Liu B. Discussion on Corporation and Forest Business Reform. *Forestry and Society*, 2000, no. 6, pp. 47-49.
11. Lu W. Research on Chinese Private Forest Business. *China Environmental Science Press*, 2002, no. 6, pp. 56-57.
12. Luo L., Li H. Debates on Forest Scaling Operation. *Hunan Forestry*, 1999, no. 5, p. 12.
13. Wadud A., White B. Farm Household Efficiency in Bangladesh: A Comparison of Stochastic Frontier and DEA Methods. *Applied Economics*, 2000, no. 32, pp. 1665-1673.
14. Wang J. Practice of Private Forest Cooperation in Japan. *World Forestry Research*, 2009, vol. 22, no. 1, pp. 1-5.
15. Song Y. Burch Jr. W. Geballe G. Liping G. New Organizational Strategy for Managing the Forests of Southeast China. The share Holding Integrated Forestry Tenure (SHIFT) System. *Forest Ecology and Management*, 1997, vol. 91, no. 2-3, pp. 183-194.
16. Zeng H., Nie Y., Wang J. Trend of Small Scale Forest Operation and Foreign Experience. *World Forestry Research*, 2009, vol. 22, no. 6, pp. 19-22.
17. Zhang L., Huang J., Rozelle S. Land Policy and Land Use in China. *Agricultural Policies in China*, 1997.

Анализ транзакционных издержек в логистике и методики их информационного отражения для автомобилестроительных предприятий

**Ольга Евгеньевна
КОВРИЖНЫХ**

кандидат экономических наук, доцент
Набережночелнинский институт Казанского (Приволжского) федерального
университета
423812, Россия, Республика Татарстан, г. Набережные Челны, пр. Мира, 1/18
olgakovr@inbox.ru

**Полина Александровна
НЕЧАЕВА**

кандидат экономических наук, доцент
Набережночелнинский институт Казанского (Приволжского) федерального
университета
423812, Россия, Республика Татарстан, г. Набережные Челны, пр. Мира, 1/18
polina23j@yandex.ru

Аннотация. Транзакционные издержки возникают в различных видах логистической деятельности, оказывая влияние на материальный поток и сопутствующие ему финансовые и информационные потоки, в связи с чем их информационное отражение и оценка – важные задачи для предприятия. В статье представлен анализ транзакционных издержек в логистике для автомобилестроительных предприятий, согласно которому их уровень только в функциональной области «Логистика снабжения» колеблется от 1,5 до 20%. Это лишь официальные цифры транзакционных издержек предприятий без учета издержек, имеющих имплицитный характер. Несмотря на рост интереса к транзакционным издержкам в логистике в последние полтора десятка лет, эта тема недостаточно освещена в отечественной литературе, нет четкости в определении понятия «транзакционные издержки», отсутствуют методики их информационного отражения и оценки. Разработанные нами методики информационного отражения транзакционных издержек могут быть использованы на предприятиях автомобилестроительной отрасли. У каждого предприятия будет возможность выбрать из представленных способов информационного отражения транзакционных издержек

наиболее подходящий для их деятельности либо сравнить уровень транзакционных издержек при использовании различных методик. Применение методик информационного отражения транзакционных издержек позволит предприятиям: увеличить прибыль за счет оптимизации и сокращения расходов, более эффективного использования активов; установить возможные пути улучшения стоимостных параметров своей деятельности, добиться улучшения показателей трудоемкости и производительности; сократить лишние либо дублирующие виды деятельности, а также оптимизировать численность персонала, участвующего в определенном виде деятельности.

Ключевые слова: транзакционные издержки, логистика снабжения, информационное отражение затрат, логистические затраты.

В условиях современной экономики особенно важными инструментами управления предприятием выступают анализ, информационное отражение и оценка затрат.

По данным Европейской логистической ассоциации (ELA), в структуре мирового валового продукта на логистические услуги приходится по разным оценкам от 10 до 20%, а в структуре себестоимости производственных предприятий затраты на логистику составляют в зависимости от отрасли 10–40%. Причем эта доля продолжает увеличиваться вместе с ростом стоимости сырья, комплектующих, усилением конкуренции на рынках поставщиков. Анализ структуры логистических издержек в различных отраслях промышленности экономически развитых стран показывает, что наибольшую долю в ней занимают затраты на управление запасами (20–40%), транспортные расходы (15–35%), расходы на административно-управленческие функции (9–14%), одной из составных частей которых являются транзакционные издержки (ТИ).

С быстрым ростом логистических затрат тенденции к увеличению ТИ проявляются всё более активно, в связи с чем представляется актуальным проанализировать уровень ТИ российских предприятий, определить их место и роль в логистике, а также разработать методики их информационного отражения.

Становление теории ТИ как целостной научной концепции связано в первую очередь с работами таких исследователей, как Р. Коуз, Дж. Уоллис, Д. Норт, А. Алчян, Г. Демсец, О. Уильямсон, С. Чанг, Й. Барцель, М. Дженсен и др.

Р. Коуз, отталкиваясь от понятия транзакции, ввел понятие «транзакционные издержки» (1937) для оценки стоимости затрат на транзакционные операции [14].

Как он отмечал, «без понятия транзакционных издержек, которое по большей части отсутствует в современной экономической теории, невозможно понять, как работает экономическая система, продуктивно проанализировать целый ряд возникающих в ней проблем, а также получить основу для выработки политических рекомендаций» [8].

Анализ работ Дж. Уоллиса и Д. Норты [22] показывает наличие различных источников увеличения транзакционного сектора, что характерно и для логистики.

П. Милгром, Дж. Робертс [20], Е.А. Бренделева [2], Й. Барцель [13], определяя транзакционные издержки, не отделяют их от процесса производства. Изучение же с позиций логистики вскрывает новые виды транзакционных издержек, которые не всегда будут зависеть от производственного процесса.

О. Уильямсон [23], К. Далман [15], М. Дженсен и У. Меклинг [18] дают опре-

деление ТИ, используя такую инструментальную категорию, как контракт, не учитывая принципы логистики.

Большинством исследователей транзакционные издержки понимаются как издержки функционирования системы. Однако общепринятой классификации этих издержек не сложилось, каждый исследователь обращает внимание на наиболее интересные для него элементы. Дж. Стиглер выделил «информационные издержки» [21], О. Уильямсон – «издержки оппортунистического поведения» [23], М. Дженсен и У. Меклинг – «издержки мониторинга за поведением агента и издержки его самоограничения» [18], Й. Барцель – «издержки измерения» [13], П. Милгром и Дж. Робертс – «издержки влияния» [19], Г. Хансманн – «издержки коллективного принятия решений» [7]; К. Далман включил в их состав «издержки сбора и переработки информации, издержки проведения переговоров и принятия решений, издержки контроля и юридической защиты выполнения контракта» [7].

Оценка величины ТИ в совокупных затратах фирмы по оценкам различных исследователей представлена в *таблице 1*.

Роль ТИ в современном обществе весьма значительна. Как следует из таблицы, транзакционный сектор экономики составляет от 50 до 70%, причем происходит его постепенный рост. В то же время удельный вес транзакционных издержек в сово-

купных затратах фирмы составляет от 1,5 до 15%, но в переходной экономике они могут быть существенно выше.

Изучением ТИ в логистике занимались исследователи: В.В. Борисова, Е.А. Бондаренко, Е.В. Логинова, С.В. Носков, Н.К. Моисеева, М.Ю. Виноградова, А.В. Парфенов, Б.К. Плоткин, С.А. Черкасов, Н.И. Храмышкин.

Все эти ученые внесли определенный вклад в развитие данного направления, но, хотя популярность исследований в области транзакций и ТИ возросла, в основном они носят фрагментарный характер, не систематизированы. На сегодняшний день специалисты в области логистики сталкиваются с проблемой неизученности ТИ именно в логистике, что не дает объективного отражения ситуации, сложившейся на уровне субъектов логистической системы. Объективная оценка ТИ в логистике должна стать главной заботой менеджеров, т.к. получение такой информации, необходимой для принятия управленческих решений и контроля их выполнения, – одна из главных задач компаний.

Транзакционные издержки имеют значение для объяснения очень многих явлений в логистике. В неопределенной экономической обстановке менеджеры высшего звена заинтересованы в правильном управлении как внутренними издержками компании, так и транзакционными в цепи поставок.

Таблица 1. Оценка величины транзакционных издержек, %

Источник информации	Величина транзакционного сектора экономики	Доля транзакционных издержек в совокупных затратах фирмы
Д. Уоллес, Д. Норт [22]	54,7	
Е. Фурботн, Р. Рихтер [16]	50–60	
Дж. Лафта [9]	до 70	
М. Виноградова [3]		от 1,5 до 15
Л. Гусарова, И. Миргалеева [4]		6,7
С. Осмоловец [10]		11, 57

В современных условиях развития логистики наблюдается изменение уровня ТИ. Это выражается в увеличении их доли в структуре затрат фирмы. К примеру, расходы на маркетинговую деятельность, на содержание управленческого аппарата, на услуги логистов, маркетологов, юристов в условиях современного рынка могут превышать стоимость создания самого товара. Это стимулирует появление фирм, а в масштабе экономических систем — отраслей, специализирующихся на производстве средств транзакций — менеджмента, логистики, маркетинга, аудита. В этом плане растущие ТИ в логистике можно рассматривать как показатель экономического прогресса общества и перехода его на более высокий уровень развития.

Более конкретно представить ситуацию в отношении логистических затрат и входящих в них ТИ на предприятиях РФ помогает анализ ТИ в структуре логистических затрат.

Все организации в разной степени зависят от сырья, материалов и услуг, которыми их обеспечивают другие организации. Осуществление снабжения — одна из основных функций в каждой организации, а затраты на снабжение, как правило, принимают самые высокие значения, в связи с чем для анализа ТИ выбрана функциональная область — логистика снабжения.

Объектом исследования являются транзакционные издержки в логистике снабжения, изучаемые на примере предприятий автомобилестроительной отрасли Республики Татарстан (РТ).

Объект анализа был выбран исходя из следующих положений. Республика Татарстан входит в Приволжский федеральный округ РФ. Согласно данным Федеральной службы по статистике РФ, по основным

показателям социально-экономического развития Приволжский федеральный округ находится на достаточно высоком уровне по сравнению с остальными федеральными округами. Проанализировав основные социально-экономические показатели республик, входящих в Приволжский федеральный округ, можно сделать вывод, что наиболее интересной для анализа ТИ в логистике снабжения на промышленных предприятиях является Республика Татарстан.

По объему промышленного производства республика входит в пятерку лучших среди регионов округа и в пятерку ведущих субъектов Российской Федерации в целом.

Для анализа логистических издержек и входящих в них ТИ была выбрана отрасль промышленности — машиностроение, а именно ее подотрасль автомобилестроение.

Одним из «локомотивов» экономического роста промышленности РТ является автомобилестроительный кластер, созданный на базе предприятий-лидеров — «КамАЗ» и «Соллерс». Группа компаний «КамАЗ» — крупнейшая автомобильная корпорация Российской Федерации.

На долю КамАЗа, ключевого градообразующего предприятия города Набережные Челны, приходится почти три четверти объема промышленной продукции, произведенной в этом городе. Исходя из этих показателей, можно заключить, что Набережные Челны являются моногородом. Объем промышленной продукции его предприятий составляет около 20% общего объема продукции, выпускаемой Татарстаном.

Предприятиями, входящими в группу компаний «Соллерс», осуществляется выпуск автомобилей марки «Ford», грузовых автомобилей «Isuzu», внедорожников «SsangYong».

В целях повышения достоверности исследования была сформирована представительная выборка из крупнейших в республике предприятий автомобилестроительной отрасли (50 предприятий, в т.ч.

«КамАЗ» и «Соллерс»), на которых проведен анализ ТИ в логистике снабжения за 2008–2014 гг. (рис. 1–2). На приведенных рисунках уровень ТИ рассчитан в процентах от совокупности опрошенных.

Рисунок 1. Распределение предприятий по удельному весу ТИ в общих логистических затратах за 2008–2014 гг.

Рисунок 2. Распределение предприятий по удельному весу ТИ в общих затратах предприятия за 2008–2014 гг.

Как видно, в состав ТИ в логистике снабжения входят:

1. Издержки на поиск информации (услуги связи, включая телефонные переговоры, Интернет, телексы, факсы и прочие средства связи, заработная плата сотрудников, занятых поиском контрагентов).

2. Издержки на ведение переговоров и заключение контрактов (связь: телефонные переговоры, услуги Интернет, телексы, факсы и пр.; командировочные и представительские расходы; издержки на запросы и участие предприятия в аукционах; прямые затраты на юридическое оформление контрактов; заработная плата сотрудников, занятых ведением переговоров и заключением контрактов).

3. Издержки на проведение измерений (в виде стоимости ресурсов, необходимых для приобретения измерительного оборудования в снабжении и проведения измерений при оценке качества предметов снабжения; заработная плата контролера, осуществляющего оценку качества).

Рисунки 1, 2 иллюстрируют достаточно высокий уровень ТИ в логистике снабжения, достигающий на восьми предприятиях автомобилестроительной отрасли республики более 20%, что подтверждает актуальность выбранной темы исследования.

Не менее высокий уровень ТИ в логистике снабжения и у ведущих предприятий автомобилестроительной отрасли за рубежом (табл. 2).

Транзакционные издержки автомобилестроительных компаний в данной таблице рассчитаны как стоимость товаров,

закупаемых одним сотрудником службы снабжения, выполняющим при этом транзакционные функции.

За последнее десятилетие заметен рост логистических издержек у многих западных компаний на такие логистические функции, как транспортировка, обработка заказов, информационно-компьютерная поддержка, логистическое администрирование.

Интегрированный подход в логистике выявил нехватку информации об издержках. Традиционно используемые системы планирования и бухгалтерского учета затрат не позволяют полностью выделить транзакционные издержки из общей массы затрат. Анализ ТИ в логистике снабжения с учетом их существенного значения для логистических систем предопределяет вывод о насущной необходимости разработки методик информационного отражения ТИ в логистике снабжения.

В основу разработанных методик информационного отражения ТИ в логистике снабжения легли принципы ABC-метода [5, 6].

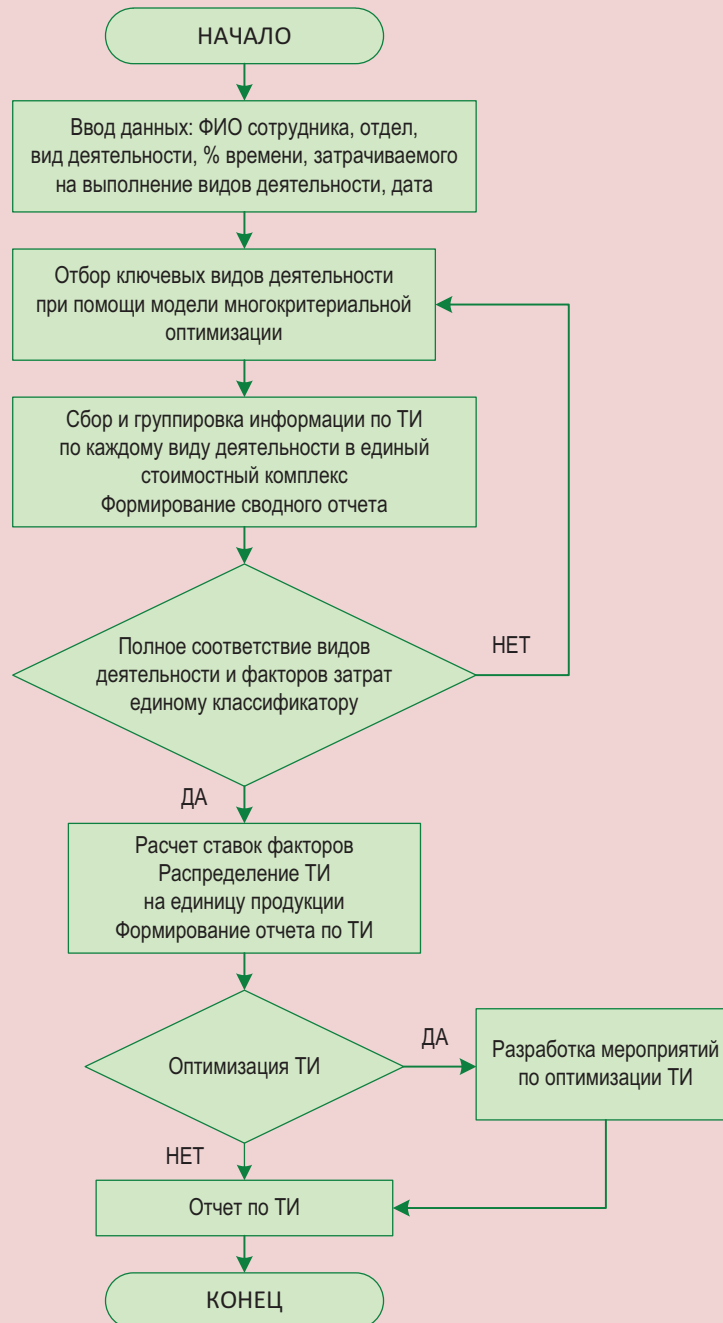
На рисунке 3 представлен алгоритм методики информационного отражения ТИ в логистике снабжения. Он включает следующие этапы:

1. Формируется единый классификатор действий при помощи метода интервьюирования. Опрашиваются руководители подразделений, являющихся местами возникновения ТИ, выясняется, какие функции (действия) они выполняют и сколько времени занимает выполнение этих функций.

Таблица 2. Транзакционные издержки в логистике снабжения ведущих предприятий автомобилестроительной отрасли за рубежом [17]

Наименование	Chrysler	Ford	GM	Nissan	Toyota
ТИ автомобилестроительных компаний, млн. долл.	5,7	5,3	1,6	9,6	12,6

Рисунок 3. Алгоритм методики информационного отражения ТИ в логистике снабжения

2. Выделяются виды деятельности, т. к. они будут потреблять ресурсы и нести затраты. Важно выделить только те действия, которые завершаются получением какого-либо результата, т.к. только после этого их можно отнести к определенному виду деятельности.

Для отражения затрат на определенный вид деятельности необходимо заполнение первичных документов в соответствии со следующими требованиями (табл. 3).

3. На основе сформированного классификатора действий сотрудники, выполняющие функции, связанные с логистикой снабжения, заполняют форму первичной документации, в которой, согласно должностной инструкции, указывают виды выполняемых работ, процент времени, затрачиваемого на их выполнение.

4. Выбираются и утверждаются факторы затрат для каждого вида деятельности. На их основе распределяются все ТИ данного вида деятельности. Фактор затрат выступает как носитель затрат, связанных с определенным видом деятельности, который используется в качестве базы распределения затрат для данной группы.

Проблема выбора видов деятельности, возникающая на этом этапе, решается с помощью модели выбора и ранжирования приоритетных видов деятельности, разработанной автором [11].

5. Информация по ТИ по каждому виду деятельности группируется в единый стоимостный комплекс. Осуществляется расчет ставок факторов (носителей затрат).

При определении затрат в разрезе действия необходимо с помощью факторов распределить между ними ресурсы накладных издержек и ТИ. Затраты, связанные с действиями, выполняемыми людьми, будут распределены пропорционально заработной плате сотрудника, выполняющего функции, связанные с логистикой снабжения. Доля ТИ определяется как произведение стоимости фактора затрат R_i данного вида деятельности и его количественной величины K_i , соотносимой с конкретным объектом калькулирования:

$$ТИ = R_i \cdot K_i. \tag{1}$$

Далее происходит отнесение затрат по видам деятельности по продукту (объекту). На данном этапе распределяются ТИ по объектам калькулирования в рамках функционала логистики снабжения. Данный этап позволяет выявить, при выполнении каких функций и в рамках какого функционала транзакционные издержки достигают самых высоких значений, какие конкретные виды деятельности имеют самый высокий уровень ТИ.

Таблица 3. Требования к оформлению первичной документации по ТИ в логистике снабжения на основе ABC-метода

№ п/п	Хозяйственные операции	Первичный документ	Основание для установления кода	Ответственная служба
1.	Начисление заработной платы	Ведомости распределения рабочего времени, наряды на сдельную работу	Виды выполняемых работ	Службы, группы, отделы
2.	Отчисления от заработной платы	Ведомость начисления заработной платы	Вид начисления заработной платы	Бухгалтерия предприятия, финансовый отдел
3.	Накладные расходы, связанные транзакционной деятельностью в логистике снабжения	Ведомости накладных расходов	Виды накладных расходов	Бухгалтерия предприятия, финансовый отдел

Методика информационного отражения ТИ в логистике снабжения включает большой объем счетных работ, в связи с чем предлагается программное обеспечение для последующего внедрения на предприятиях автомобилестроительной отрасли. Разработка информационной системы возможна на базе SAP. Для облегчения работы сотрудников предприятия на данном этапе предлагается система кодирования транзакционных издержек для работы в SAP. Более подробно предлагаемая методика информационного отражения представлена в [12].

По мнению многих исследователей, занимающихся изучением специфической природы ТИ, они складываются из затрат времени и ресурсов на осуществление транзакций. Несмотря на широкое распространение данного теоретического направления, на сегодняшний день отсутствуют модели оценки ТИ в логистике снабжения. Данную проблему предлагается решить с помощью использования альтернативной методики информационного отражения ТИ в логистике снабжения, которая позволит получить одну из составных частей ТИ, и применения моделей оценки ТИ в логистике снабжения, разработанных нами.

В качестве примера моделей оценки ТИ в логистике снабжения в статье представлены модели оценки издержек поиска информации, издержек ведения переговоров и заключения контрактов, издержек изменения и контроля.

1. Издержки поиска информации в логистике снабжения:

1.1. Издержки поиска информации о поставщиках предметов снабжения и ценах на предметы снабжения ($I_{ПИ}$):

$$I_{ПИ1} = 3П + n \cdot I_{связи}, \quad (2)$$

где $3П$ – заработная плата сотрудников, занятых поиском информации о поставщиках

предметов снабжения и ценах на предметы снабжения (рассчитана согласно методике учета ТИ в логистике снабжения), руб.;

$I_{связи}$ – издержки связи, включая телефонные переговоры, услуги Интернета, телексы, факсы и прочие средства связи, руб.;

n – норма издержек связи.

1.2. Издержки поиска информации об альтернативных поставщиках (вследствие неполноты и несовершенства информации):

$$I_{ПИ2} = I_{ПИ1} - (n \cdot I_{связи} + 3П), \quad (3)$$

где $3П$ – заработная плата сотрудников, занятых поиском информации об альтернативных поставщиках предметов снабжения (рассчитана согласно методике учета ТИ в логистике снабжения), руб.;

$I_{связи}$ – издержки связи, включая телефонные переговоры, услуги Интернета, телексы, факсы и прочие средства связи, руб.

n – норма издержек связи.

2. Издержки ведения переговоров и заключения контрактов в логистике снабжения ($I_{ВПиЗК}$):

2.1. Издержки ведения переговоров с контрагентами по вопросам логистики снабжения:

$$I_{ВПиЗК} = 3П + ПР + n \cdot I_{связи} + I_{команд}, \quad (4)$$

где $I_{связи}$ – издержки связи, включая телефонные переговоры, услуги Интернета, телексы, факсы и прочие средства связи (рассчитаны с использованием разработанных норм), руб.;

n – норма издержек связи;

$ПР$ – представительские расходы, руб.;

$I_{команд}$ – командировочные расходы, связанные с согласованием вопросов логистики снабжения (рассчитаны с использованием разработанных норм), руб.

2.2. Издержки заключения контрактов:

$$I_{ВПиЗК} = n \cdot I_{связи} + I_{запросов, аукционов} + I_{ЮО} + I_{команд.} + ЗП, \quad (5)$$

где $I_{связи}$ – издержки связи, включая телефонные переговоры, услуги Интернета, телексы, факсы и прочие средства связи (рассчитаны с использованием разработанных норм), руб.;

n – норма издержек связи;

$I_{запросов, аукционов}$ – издержки на запросы и участие предприятия в аукционах, руб.;

$I_{ЮО}$ – прямые затраты на юридическое оформление контрактов, руб.;

$I_{команд.}$ – командировочные расходы, связанные с согласованием вопросов логистики снабжения (рассчитаны с использованием разработанных норм), руб.;

$ЗП$ – заработная плата юриста, занятого заключением контрактов с контрагентами по вопросам логистики снабжения (рассчитана согласно методике учета ТИ в логистике снабжения), руб.

Нормы издержек связи при поиске информации изменяются в зависимости от количества контрагентов (поставщиков, логистических посредников), которые были найдены при поиске информации. Проведенные на различных предприятиях наблюдения показали, что в среднем на телефонную связь (включая телексы и факсы) отводится 600 минут в месяц, на услуги Интернета – 20 рабочих дней по 8 часов (всего 160 часов в месяц). На поиск информации об одном контрагенте в среднем тратится 20 минут телефонной связи, 30 минут занимает поиск в Интернете. Исходя из полученной информации рассчитаны нормы, необходимые для расчета издержек связи в логистике снабжения.

3. Издержки измерения и контроля в снабжении (I_u):

3.1. I_u при оценке потенциальных источников поставки:

$$I_u = ЗП \cdot (1 - K_o), \quad (6)$$

где $ЗП$ – заработная плата контролера, осуществляющего измерения (рассчитана согласно методике учета ТИ в логистике снабжения), руб.;

K_o – процент ошибок в измерениях ($K_o = 0,001 \div 0,002$).

3.2. I_u при оценке качества предметов снабжения:

$$I_u = C_{ресурсов} + ЗП \cdot (1 - K_o), \quad (7)$$

где $C_{ресурсов}$ – стоимость ресурсов, необходимых на измерительное оборудование в снабжении и проведение измерений при оценке качества предметов снабжения, руб.;

$ЗП$ – заработная плата контролера, осуществляющего оценку качества (рассчитана согласно методике учета ТИ в логистике снабжения), руб.;

K_o – процент ошибок в измерениях ($K_o = 0,001 \div 0,002$).

Модели оценки ТИ позволяют определить их уровень в логистике снабжения. В зависимости от специфики деятельности предприятия состав ТИ может изменяться.

Значения ТИ, полученные по альтернативной методике, сравниваются со значениями ТИ, рассчитанными согласно методике информационного отражения ТИ на основе АВС-метода, для их более глубокого анализа.

Далее предлагается систематизировать полученные значения ТИ с целью определения их сводной характеристики, выявления их закономерностей, т.к. виды ТИ ка-

чественно и глубоко различны, обладают различными свойствами, степенью сложности, характером развития.

Отличием от предыдущей методики является получение информации о составной части ТИ – количестве времени, затраченного на выполнение транзакционной деятельности, выраженного в виде заработной платы, в рамках функционала логистики снабжения.

Альтернативная методика информационного отражения ТИ в логистике снабжения предполагает аналогичные этапы, за исключением следующих расхождений:

1. В рамках альтернативной методики информационного отражения ТИ в логистике снабжения фактором затрат для всех видов деятельности предлагается выбрать количество времени, затраченного на данный вид деятельности (количество часов).

2. Требования к первичной документации формируются следующим образом (табл. 4).

В связи с тем что информационное отражение ТИ в логистике снабжения ведется как на стратегическом уровне управления, так и на оперативном, необходимо использовать информацию о заработной плате сотрудников предприятия, занимающихся вопросами стратегического и оперативного управления.

3. При расчете стоимости факторов затрат одной из составных частей ТИ (зара-

ботной платы сотрудников, занимающихся транзакционной деятельностью) необходимо будет рассчитать стоимость одного часа каждого вида деятельности, которая будет меняться в зависимости от уровня управления.

Источниками информации для реализации предлагаемой схемы оценки и информационного отражения ТИ в логистике снабжения будут данные бухгалтерского и управленческого учета и отчетности. Для расчета ТИ в логистике снабжения необходима информация о средней заработной плате сотрудников, величине годового фонда рабочего времени. Потребуется проведение дополнительной аналитической работы по информационному отражению ТИ, оценке и разработке оптимизационных мероприятий. Расчет ТИ будет автоматизирован, что облегчит применение данной методики на предприятии.

С целью отражения фактических параметров процессов и реальных резервов улучшения управленческой деятельности применение предлагаемых методик представлено на примере предприятия ОАО «Соллерс – Набережные Челны». На данном предприятии был проведен анализ логистических затрат и входящих в них ТИ. Данные для расчета ТИ предприятия получены из отчетов предприятий по счетам бухгалтерского учета: 25-1, 25-2, 26, 44 и годового финансового плана за 2009 год.

Таблица 4. Требования к оформлению первичной документации по ТИ в логистике снабжения

№ п/п	Хозяйственные операции	Первичный документ	Основание для установления кода	Ответственная служба
1.	Начисление заработной платы	Ведомости распределения рабочего времени, наряды на сдельную работу	Виды выполняемых работ	Службы, группы, отделы
2.	Отчисления от заработной платы	Ведомость начисления заработной платы	Вид начисления заработной платы	Бухгалтерия предприятия, финансовый отдел

Рассчитав ТИ в логистике снабжения различными способами, сравним полученные результаты (табл. 5).

Таким образом, наиболее высокий уровень ТИ в логистике снабжения определен при использовании методики информационного отражения ТИ с применением модели выбора ключевых видов деятельности в логистике снабжения.

После расчета величины ТИ в функциональной области «Логистика снабжения» на предприятии были проведены мероприятия по оптимизации ТИ [1] с целью

снижения общих логистических затрат. В таблице 6 представлены результаты анализа экономических показателей предприятия ОАО «Соллерс – Набережные Челны» за 2009 год до и после внедрения оптимизационных мероприятий.

После внедрения мероприятий оптимизации ТИ получено положительное изменение общих логистических затрат на 19 315 тыс. руб., снижение накладных производственных расходов, себестоимости в целом на 38 828 тыс. руб., а также положительное изменение показате-

Таблица 5. Результаты расчетов транзакционных издержек

Функционал снабжения	Сумма ТИ по методике информационного отражения ТИ с применением модели выбора ключевых видов деятельности в логистике снабжения, руб.	Сумма ТИ по альтернативной методике информационного отражения ТИ, руб.
Управление закупками	2485624	2573863
Управление поставщиками	1568650	1639725
Размещение заказов	114659,5	186556
Транспортировка	3506689	4005080
Внешняя грузопереработка	1732706	432362
Складирование	1783924,7	1966706
Управление запасами	6030783	59139
Возврат тары (бракованной продукции)	419610,1	6319366
ИТОГО ТИ	17642646	17182797

Таблица 6. Результаты анализа экономических показателей предприятия ОАО «Соллерс – Набережные Челны» до и после оптимизации ТИ

Показатели	2009 г. до	2009 г. после	Отклонение, +/-
Выручка от продажи продукции, тыс. руб.	3 377 991	3 377 991	-
Себестоимость проданной продукции, тыс. руб.	3 269 074	3 230 246	-38 828
Прямые затраты, тыс. руб.	2 822 058	2 802 885	-19 173
Маржинальный доход, тыс. руб.	555 933	575 106	19 173
Накладные производственные расходы, тыс. руб.	447 016	427 361	-19 655
Валовая прибыль, тыс. руб.	108 917	147 745	38 828
Прибыль от продаж, тыс. руб.	-322 953	-274 502	48 451
Прибыль до налогообложения, тыс. руб.	-1 518 420	-1 407 274	111 146
Чистая прибыль к распределению, тыс. руб.	-1 309 434	-1 206 043	103 392
Показатели рентабельности:	-13,51	-12,47	1,04
R активов, %	-372,20	-264,95	107,25
R собственного капитала, %	-38,76	-35,70	3,06
R продаж, %	-9,88	-8,50	1,38
R производственной деятельности (экономическая), %	-3,22	-2,71	0,51
R производственного капитала, %	-13,51	-12,47	1,04
Общие логистические затраты, тыс. руб.	3 875 142	3 855 828	-19 315

лей прибыли и рентабельности. При проведении оптимизации по всем видам ТИ прогнозируется дальнейшее увеличение показателей прибыли, рентабельности, производительности труда и снижение себестоимости.

В современных условиях жесткой конкуренции на товарных рынках увеличение прибыли предприятия за счет наращивания объемов производства, расширения рынков сбыта, политики повышения цен представляется весьма сложной задачей. Поэтому руководство современных компаний считает первостепенной задачей рациональное сокращение собственных издержек в областях управления, производства и структурах логистики.

Функционирование логистических систем требует немалых затрат ресурсов: трудовых, материальных, энергетических, информационных. В связи с этим в общих издержках производства и обращения значительную долю составляют логистические издержки. Важной составляющей логистической деятельности являются также транзакции и связанные с ними ТИ.

Доля логистической составляющей в себестоимости продукции отечественного производства может достигать 60%. В Европе затраты на все, что связано с доставкой, хранением и складированием, составляют в среднем 15%. Причинами такого контраста являются завышенные из-за транспортных и складских расходов цены и срывы сроков поставок, ставшие типичным явлением в отношениях между российским поставщиком и потребителем.

Удельный вес ТИ в совокупности затрат фирмы составляет при её функционировании на традиционных рынках от 1,5 до 20%, а при выходе на новые рынки сбыта может увеличиваться до 20–25%. Большое влияние на состав и структуру ТИ оказывают особенности рынков сбыта конкретной продукции.

Таким образом, проблема информационного отражения и эффективной оценки транзакционных издержек в логистике выходит на уровень первоочередных проблем, связанных с эффективным управлением деятельностью организации в целом.

Разработанные методики информационного отражения транзакционных издержек в логистике снабжения позволяют выделить их из общего количества затрат предприятия, избежать искажений расчетов при их определении благодаря минимизации усреднения их величины, что так характерно для традиционных систем бухгалтерского учета, дают возможность определить их реальную величину, позволяют получить большой объем информации для принятия управленческих решений в других проблемных областях, связанных с логистикой снабжения, и определить возможные пути оптимизации ТИ.

Альтернативная методика информационного отражения ТИ в логистике снабжения – инструментальное средство достаточно точной оценки стоимости результатов действий в разрезе видов продукции. Методика предоставляет информацию в форме понятной для персонала предприятия, непосредственно участвующего в бизнес-процессе.

Для более подробного расчета ТИ в логистике снабжения, с детальным уточнением состава ТИ, рекомендуется применять альтернативную методику информационного отражения ТИ, которая позволит предприятиям определить возможные пути улучшения стоимостных параметров деятельности, достичь улучшений в работе по показателям трудоемкости и производительности, выявить виды деятельности, в которых задействовано количество персонала, превышающее норму.

Выбор конкретной методики информационного отражения ТИ в логистике снабжения будет зависеть от цели предприятия.

Литература

1. Андрианова, Н.В. Роль логистики и маркетинга при управлении транзакционными издержками в закупках / Н.В. Андрианова, П.А. Нечаева // Научное обозрение. – 2015. – №22. – С. 342-346.
2. Бренделева, Е.А. Неоинституциональная экономическая теория: учеб. пособие / Е.А. Бренделева; под общ. ред. А.В. Сидоровича. – М.: Дело и Сервис, 2006. – 352 с.
3. Виноградова, М.Ю. Формирование транзакционных издержек в логистике хозяйственных связей: автореф. дис. ... к.э.н. / М.Ю. Виноградова; Гос. университет экономики и финансов. – СПб.: ГУЭиФ, 2002.
4. Гусарова, Л.В. Неэффективные транзакционные издержки в экономике России / Л.В. Гусарова // V Всероссийский симпозиум по прикладной и промышленной математике (весенняя сессия). – Кисловодск, 2004.
5. Ермакова, Н.А. Контрольно-информационные системы управленческого учета / Н.А. Ермакова. – М.: Экономистъ, 2005. – 296 с.
6. Ивашкевич, В.Б. Бухгалтерский управленческий учет: учеб. для вузов / В.Б. Ивашкевич. – М.: Экономистъ, 2004. – 618 с.
7. Капелюшников, Р.И. Экономическая теория прав собственности (методология, основные понятия, круг проблем) / Р.И. Капелюшников; Институт мировой экономики и международных отношений. – М., 1990.
8. Коуз, Р. Фирма, рынок и право / Р. Коуз. – М.: Дело, 1993.
9. Лафта, Дж. К. Эффективность менеджмента организации / Дж. К. Лафта. – М., 1999.
10. Осмоловец, С. Транзакционные издержки белорусской экономики: какие и сколько / С. Осмоловец [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://neg.by/novosti/otkrytj/transakcionnye-izderzhki-v-beloruskoj-ekonomike-kakie-i-skolko-4483>.
11. Шутова, П.А. Модель двухкритериальной оптимизации выбора ключевых видов деятельности в логистике [Электронный ресурс] / П.А. Шутова. – Режим доступа: http://nauctat24.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=668:2011-06-20-18-18-16&catid=205&Itemid=100220.
12. Шутова, П.А. Методика учета транзакционных издержек в логистике снабжения на основе ABC-метода [Электронный ресурс] / П.А. Шутова. – Режим доступа: http://nauctat24.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=667%3A2011-06-20-18-01-24&catid=243%3A2011-06-20-17-56-45&Itemid=100227.
13. Barzel, Y. Measurement costs and the organization of markets / Y. Barzel // Journal of Law and Economics. – 1982. – Vol.25. – № 1.
14. Coase, Ronald H. The Nature of the Firm / Ronald H. Coase // *Economica*. – 1937. – 2(1): 386-405.
15. Dahlman, Carl J. The Problem of Externality / Carl J. Dahlman // Journal of Law and Economics. – 1979. – 22(1): 141-162.
16. Furuboth, E.G. Institutions and Economic Theory. Contribution of the New Institutional Economics / E.G. Furuboth; Ann Arbor. – University of Michigan Press, 2000.
17. Jeffrey, H. Dyer. Effective interfirm collaboration: how firms minimize transaction costs and maximize transaction value / H. Dyer Jeffrey // *Strategic Management Journal*. – 1997. – Vol. 535-556.
18. Jensen, M.C. Theory of the firm: managerial behavior, agency costs, and ownership structure / M.C. Jensen, W.H. Meckling // *Journal of Financial Economics*. – 1973. – No. 5. – Vol. 3.
19. Milgrom, P. The Role of Institutions in the Revival of Trade: The Law Merchant, Private Judges, and the Champagne Fairs / P. Milgrom, D. North, B. Weingast // *Economics and Politics*. – 1990. – Vol. 2. – March.
20. Milgrom, P. Economics, Organization and Management / P. Milgrom, J. Roberts. – USA Prentice – Hall, Inc., 1992.
21. Stigler, George. The Economic of Information / George Stigler // *Journal of Political Economy*. – 1961. – 69 (3): 213-225.
22. Wallis, J.J. Measuring the transactional sector in American economy, 1870–1970 / J.J. Wallis, D.C. North // Long-term factors in American economic growth. – Ed. By S. Engerman. Chicago, 1986.
23. Williamson, O.E. Reflections on the new institutional economics / O.E. Williamson // *Journal of Institutional and Theoretical Economics*. – 1985. – Vol. 141. – No. 1.

Сведения об авторах

Ольга Евгеньевна Коврижных – кандидат экономических наук, доцент кафедры «Финансы и бухгалтерский учет», Набережночелнинский институт Казанского (Приволжского) федерального университета (423812, Россия, Республика Татарстан, г. Набережные Челны, пр. Мира, 1/18, olgakovr@inbox.ru)

Полина Александровна Нечаева – кандидат экономических наук, доцент кафедры «Логистика и торговое дело», Набережночелнинский институт Казанского (Приволжского) федерального университета (423812, Россия, Республика Татарстан, г. Набережные Челны, пр. Мира, 1/18, polina23j@yandex.ru)

© Kovrizhnykh O.E., Nechaeva P. A.

Analysis of Transaction Costs in Logistics and the Methodologies for Their Information Reflection for Automotive Companies

Ol'ga Evgen'evna Kovrizhnykh – Ph.D. in Economics, Associate Professor, Naberezhnye Chelny Institute of Kazan (Volga Region) Federal University (1/18, Mira Avenue, Naberezhnye Chelny, Tatarstan Republic, 423812, Russian Federation, olgakovr@inbox.ru)

Polina Aleksandrovna Nechaeva – Ph.D. in Economics, Naberezhnye Chelny Institute of Kazan (Volga Region) Federal University (1/18, Mira Avenue, Naberezhnye Chelny, Tatarstan Republic, 423812, Russian Federation, polina23j@yandex.ru)

Abstract. Transaction costs emerge in different types of logistics activities and influence the material flow and the accompanying financial and information flows; due to this fact, the information support and assessment are important tasks for the enterprise. The paper analyzes transaction costs in logistics for automotive manufacturers; according to the analysis, the level of these costs in any functional area of “logistics supply” ranges from 1.5 to 20%. These are only the official figures of transaction costs of enterprises that do not take into consideration implicit costs. Despite the growing interest in transaction costs in logistics in the latest fifteen years, this topic is covered rather poorly in Russian literature; the definition of “transaction costs” is unclear, there is no technique of their information reflection and assessment. We have developed the methods for information reflection of transaction costs that can be used by automotive enterprises. Each enterprise will have an opportunity to choose the most suitable technique for information reflection of transaction costs or to compare the level of transaction costs when using different techniques. Application of techniques for information reflection of transaction costs allows the enterprises to increase profits by optimizing and reducing costs and using their assets more effectively, to identify possible ways to improve cost parameters of their performance, to improve their efficiency and productivity; to cut out unnecessary or duplicate activities, to optimize the number of staff involved in a particular activity.

Key words: transaction costs, supply logistics, information reflection of costs, logistics costs.

References

1. Andrianova N.V., Nechaeva P.A. Rol' logistiki i marketinga pri upravlenii transaktsionnymi izderzhkami v zakupkakh [The Role of Logistics and Marketing in Managing Transaction Costs in the Procurement]. *Nauchnoe obozrenie* [Science Review], 2015, no. 22, pp. 342-346.
2. Brendeleva E.A. *Neoinstitutsional'naya ekonomicheskaya teoriya: ucheb. posobie* [New Institutional Economic Theory: A Textbook]. Under the general editorship of A.V. Sidorovich. Moscow: Delo i Servis, 2006. 352 p.

3. Vinogradova M.Yu. *Formirovanie transaktsionnykh izderzhok v logistike khozyaistvennykh svyazei: avtoref. dis. ... k.e.n.* [Formation of Transaction Costs in the Logistics of Economic Relations: Ph.D. in Economics Thesis Abstract]. Saint Petersburg: GUEiF, 2002.
4. Gusarova L.V. Neproizvoditel'nye transaktsionnye izderzhki v ekonomike Rossii [Unproductive Transaction Costs in Russia's Economy]. *V Vserossiiskii simpozium po prikladnoi i promyshlennoi matematike (vesennaya sessiya)* [The Fifth All-Russian Symposium on Applied and Industrial Mathematics (Spring Session)]. Kislovodsk, 2004.
5. Ermakova N.A. *Kontrol'no-informatsionnye sistemy upravlencheskogo ucheta* [Monitoring-and-Information Systems of Management Accounting]. Moscow: Ekonomist", 2005. 296 p.
6. Ivashkevich V.B. *Bukhgalterskii upravlencheskii uchët: uchëb. dlya vuzov* [Administrative Accounting: A Textbook for Higher Educational Institutions]. Moscow: Ekonomist", 2004. 618 p.
7. Kapelyushnikov R.I. *Ekonomicheskaya teoriya prav sobstvennosti (metodologiya, osnovnye ponyatiya, krug problem)* [Economic Theory of Property Rights (Methodology, Basic Concepts, the Range of Issues)]. Moscow, 1990.
8. Coase R. *Firma, rynek i pravo* [The Firm, the Market, and the Law]. Moscow: Delo, 1993.
9. Lafta J. K. *Effektivnost' menedzhmenta organizatsii* [Efficiency of Organization Management]. Moscow, 1999.
10. Osmolovets S. *Transaktsionnye izderzhki belorusskoi ekonomiki: kakie i skol'ko* [Transaction Costs of the Belarusian Economy: Their Essence and Amount]. Available at: <https://neg.by/novosti/otkrytj/transaktsionnye-izderzhki-v-belorusskoj-ekonomike-kakie-i-skolko-4483>.
11. Shutova P.A. *Model' dvukhkriterial'noi optimizatsii vybora klyuchevykh vidov deyatel'nosti v logistike* [Model of the Two-Criterion Optimization of Selection of Key Activities in Logistics]. Available at: http://nauctat24.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=668:2011-06-20-18-18-16&catid=205&Itemid=100220.
12. Shutova P.A. *Metodika ucheta transaktsionnykh izderzhok v logistike snabzheniya na osnove AVS-metoda* [Methodology for Estimating Transaction Costs in Supply Logistics on the Basis of the ABC-method]. Available at: http://nauctat24.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=667%3A2011-06-20-18-01-24&catid=243%3A2011-06-20-17-56-45&Itemid=100227.
13. Barzel Y. Measurement Costs and the Organization of Markets. *Journal of Law and Economics*, 1982, vol. 25, no. 1.
14. Coase R. H. The Nature of the Firm. *Economica*, 1937, vol. 2, no. 1, pp. 386-405.
15. Dahlman C. J. The Problem of Externality. *Journal of Law and Economics*, 1979, vol. 22, no. 1, pp. 141-162.
16. Furuboth E.G. *Institutions and Economic Theory. Contribution of the New Institutional Economics*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2000.
17. Dyer J. H. Effective Interfirm Collaboration: How Firms Minimize Transaction Costs and Maximize Transaction Value. *Strategic Management Journal* [], 1997. — Vol. 535-556.
18. Jensen M.C., Meckling W.H. Theory of the Firm: Managerial Behavior, Agency Costs, and Ownership Structure. *Journal of Financial Economics*, 1973, vol. 3, no. 5.
19. Milgrom P., North D. Weingast B. The Role of Institutions in the Revival of Trade: The Law Merchant, Private Judges, and the Champagne Fairs. *Economics and Politics*, 1990, vol. 2, March.
20. Milgrom P., Roberts J. *Economics, Organization and Management*. Prentice Hall, Inc., 1992.
21. Stigler G. The Economics of Information. *Journal of Political Economy*, 1961, vol. 69, no. 3, pp. 213-225.
22. Wallis J.J., North D.C. Measuring the Transactional Sector in American Economy, 1870–1970. *Long-Term Factors in American Economic Growth*. Ed. by S. Engerman. Chicago, 1986.
23. Williamson O.E. Reflections on the New Institutional Economics. *Journal of Institutional and Theoretical Economics*, 1985, vol. 141, no. 1.

ЭКОНОМИКА

АГРОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА

DOI: 10.15838/esc.2016.2.44.12

УДК 636.4, ББК 65.325.250

© Ли Чжимэн, У Жонин

Китайский опыт интенсификации свиноводства с учетом требований сохранения окружающей среды и экономии ресурсов*

Ли Чжимэн

Академия социальных наук провинции Цзянси
Китай

У Жонин

аспирант
Университет финансов провинции Аньхой
Китай

Аннотация. Качественные продукты питания, в том числе из свинины, важны для современного человека. Китай является крупнейшей страной в мире по производству и потреблению свинины. Свиноводство играет важную роль в животноводстве Китая, представляя одну из самых динамичных отраслей сельского хозяйства. С ростом требований к сохранению окружающей среды и ресурсов данная отрасль нацелена на стандартизированное крупномасштабное развитие с учетом экологических факторов, что обеспечит безопасность продуктов животноводства, сохранение окружающей среды, экономию ресурсов и повысит комплексную эффективность животноводства.

Ключевые слова: производство и потребление свинины, состояние свиноводства, импорт и экспорт свинины, стандартизированное масштабное развитие.

* Работа выполнена по тематике Министерства сельского хозяйства «Исследования модели контроля загрязнения окружающей среды и поддержки развития животноводства в регионе озера Поянху» и Центра совместных инноваций «Оценка эффективности и совершенствование политики свиноводства в провинции Цзянси». Представляются результаты первого этапа исследований.

1. Состояние свиноводства

1.1. Условия для производства и потребления свинины в Китае

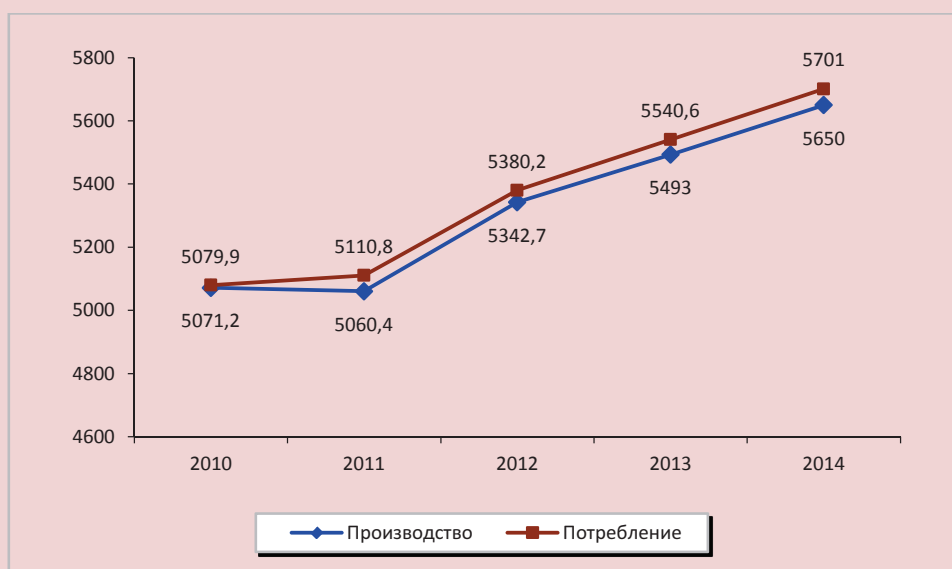
В соответствии с данными Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (ФАО) в 2014 году убой свиней в Китае составлял 73510000 животных, маточное поголовье свиней – 465830000 животных в конце того же года, а объем реализованной свинины – 56710000 тонн, или 65,14% от общего производства мяса в стране (87067000 тонн). Данный показатель вырос на 0,78% по сравнению с уровнем 2013 года и составил 51,3% от общего объема производства свинины в мире (110540000 тонн).

Согласно данным Национального бюро статистики Китая в 2010 и 2014 годах снизилось поголовье скота, однако производство свинины и ее потребление устойчиво росли (табл. 1 и рис. 1). В 2014 году потребление свинины на душу населения для городских жителей равнялось 23,6 кг, для сельских жителей – 16 кг, а средний прирост за последние десять лет составил 8,3%. С улучшением уровня жизни городские и сельские потребители становятся заинтересованными не просто в присутствии мяса в рационе, а в его полезности и безопасности, что способствует повышению спроса на свиноводческом рынке. К тому же в свиноводстве можно получить более высоко-

Таблица 1. Производство и потребление свинины в Китае в 2010–2014 гг.

Год	Маточное поголовье свиней, тыс. гол.	Убой свиней, тыс. гол.	Производство свинины, тыс. т	Потребление на душу населения в городе, кг	Потребление на душу населения на селе, кг
2010	46460,0	66686,4	5071,2	20,7	14,4
2011	46862,7	66362,1	5060,4	20,6	14,4
2012	47592,2	69789,5	5342,7	21,2	14,4
2013	47411,3	71557,3	5493	23	15
2014	46583	73510	5671	23,6	16

Рисунок 1. Производство и потребление свинины в Китае в 2010–2014 гг.

кий доход, чем в растениеводстве, так как во многом этому способствует крупномасштабное освоение достижений селекция и методов автоматизированного кормления.

1.2. Объем импорта и экспорта свинины

Согласно таможенной статистике в 2014 году суммарный объем импорта и экспорта свинины в Китае был равен 656000 тонн, что на 0,2% ниже, чем в 2013 году; в денежном эквиваленте это составляло 9,04 млрд. юаней, что на 1,9% выше уровня 2013 г. При этом объем импорта свинины, равный 564000 тонн, показал снижение на 3,3%. В денежном эквиваленте он составлял 6,44 млрд. юаней, что меньше, чем в 2013 г., на 6%; средняя цена импорта составила 11,4 юаней/кг, снизившись на 2,8%. В тот же период объем экспорта свинины составлял 92000 тонн (увеличение на 24,7%); в денежном эквиваленте – 2,6 млрд. юаней (рост на 28,7%); средняя экспортная цена – 28,4 юаней/кг

– выросла на 3,2%. В международной конкуренции свинина, произведенная в Китае, пользуется преимуществом низкой стоимости рабочей силы. Согласно прогнозу Продовольственной и сельскохозяйственной организации Объединенных Наций (ФАО), потребление свинины в Китае будет расти на 1,6 процентных пункта в год, и, соответственно, возрастет импорт данной продукции (рис. 2).

В 2014 году объем импорта свинины из Евросоюза равнялся 369000 тонн. Это практически столько же, что и в 2013 году, или 65,3% от общего объема импорта свинины в Китай в тот же период (табл. 2). Между тем, объем импорта свинины из США, который был равен 117000 тонн, сократился на 1,7% против 0,3% в предыдущие 11 месяцев. В декабре объем импорта из США составлял 10000 тонн, что меньше, чем в 2013 году, на 15%. Объем импорта из Канады был равен 52000 тонн, а снижение составило 29,9%.

Рисунок 2. Объем импорта и экспорта и средняя цена на свинину ежемесячно с января 2012 по декабрь 2014 года

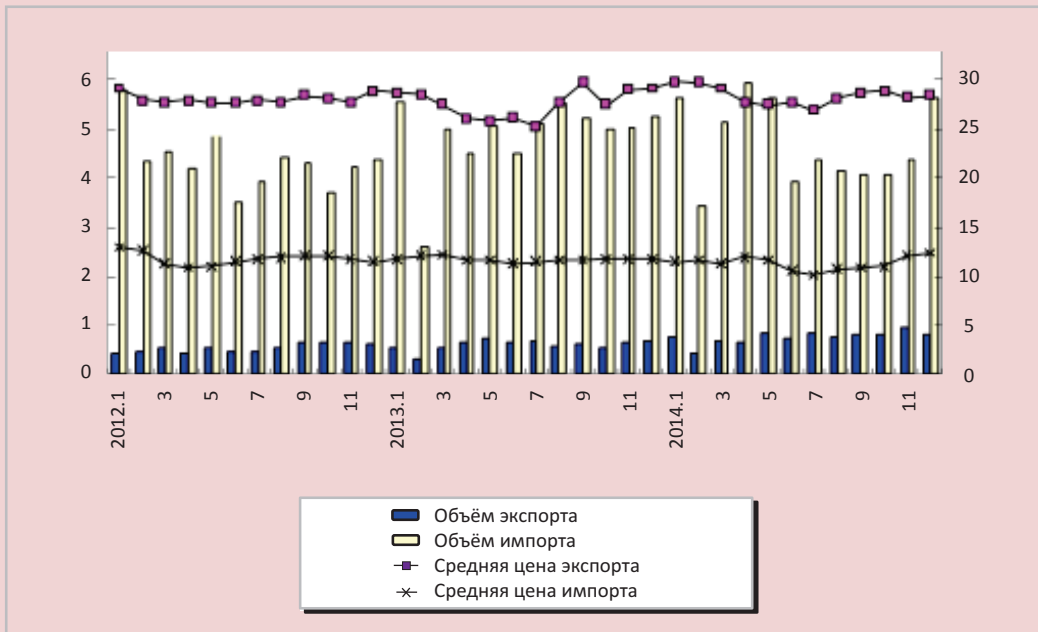

Таблица 2. Основные страны (регионы), импортировавшие свинину в Китай в 2014 году

Основной рынок	Объем импорта, тонн	К уровню 2013 г., % (+,-)	Импортная стоимость (10000 юаней)	К уровню 2013 г., % (+,-)
ЕС	368576	0,0	418032	-2,8
США	117146	-1,7	144355	-1,6
Канада	52133	-29,9	556	35,4
Чили	25500	27,8	24997	22,5
Бразилия	880	-43,3	1271	-44,2
Общий объем		-3,3	644255	-6,0

Источник: Условия для импорта и экспорта в Китае. – Режим доступа: www.xumurc.com 2015-03-11 2014

Таблица 3. Основные страны (регионы) экспорта свинины из Китая в 2014 году

Основной рынок	Объем экспорта, тонн	Прирост к 2013 г., %	Экспортная стоимость (10000 юаней)	Прирост к 2013 г., %
Гонконг, Китай	65260	8,1	186266	12,9
Кыргызстан	11068	205,2	31945	206,4
Макао, Китай	4316	5,7	12190	3,3
Россия	3599		8966	
Северная Корея	2488	283,7	5643	306,7
Итого	91516	24,7	259622	28,7

Источник: Условия для импорта и экспорта в Китае. – Режим доступа: www.xumurc.com 2015-03-11 2014

Таблица 4. Доли основных стран-экспортеров свинины на мировом рынке, %

Страна	2010	2011	2012	2013
27 стран ЕС	28	31	3%	31
Канада	20	17	17	18
США	31	34	33	32
Китай	2	5	2	1

В 2014 году объем экспорта китайской свинины в Гонконг достигал 65000 тонн, показав рост на 8,1%, занимая 71,3% общего объема экспорта свинины (табл. 3). Объем экспорта свинины в Кыргызстан равнялся 11000 тонн (резкое увеличение – в 2,1 раза). Объем поставок свинины в Макао вырос на 5,7% – до 4000 тонн. С октября 2014 года Китай начал экспортировать свинину в Россию в общем объеме 4000 тонн; «экспортное окно» между Россией и Китаем вновь открылось спустя 10 лет.

1.3. Сравнение долей импорта и экспорта на рынке свинины

Согласно таможенным статистическим ежегодникам предыдущих лет в основном

импортируются замороженная свежая свинина и субпродукты. В 2010–2013 гг. объем импортированных субпродуктов в Китае занимал 80% от общего объема импорта свинины. На экспорт идет преимущественно замороженная свежая свинина. С развитием технологий переработки свинины в 2010–2013 гг. вырос удельный вес субпродуктов. Экспорт свинины из Китая характеризуется низкой конкурентоспособностью на международном рынке, т.к. ограничен внутренним спросом, производственными затратами, ценами на корм. Коэффициент конверсии корма в США достигает 1,91, в то время как в Китае – от 2,5 до трех¹ (табл. 4).

¹ Wang Jingjing, Chen Yongfu. Pig Industry Development in the USA: Contract Manufacturing and Longitudinal Integration // World Agriculture. – 2014. – №1. – Pp. 119-123.

В 2013 году экспорт свинины из Китая, составлявший 73000 тонн, занимал только 1% от общего объема экспорта свинины в мире (7060000 тонн). В том же году объем экспорта свинины из США, ЕС и Канады составлял соответственно 32, 31 и 18% общего объема экспорта свинины в мире. Международная конкурентоспособность не совпадает со статусом страны с большим производством и потреблением свинины.

2. Стандартизированное масштабное развитие отрасли свиноводства с учетом экологического фактора

2.1. Стандартизированное крупномасштабное свиноводство

В настоящее время отрасль животноводства в Китае находится в стадии преобразования, меняется направленность с роста количества на рост количества и качества и улучшение качества. Вместо тысяч разрозненных домашних хозяйств, занимающихся разведением свиней, создаются хозяйства определенного масштаба. Субъект свиноводства тоже меняется: от простого фермера до промышленника и предпринимателя; сюда включаются также возвращенные мигранты. Финансирование осуществляется не только за счет капитала фермера, а становится многоканальным, как, например, в промышленности, торговле и бизнесе. Растет опора не только на опыт владельцев, но и на их способности к техническому руководству крупными сельхозпредприятиями. Цзянси является одной из провинций с развитой отраслью свиноводства. Сейчас доля крупномасштабного выращивания свиней в этой провинции превысила 80% (верхняя позиция в рейтинге территорий страны)².

² Tang Anlai. Reform and Practice of New Type of Agricultural Management System in Jiangxi Province // Agricultural Science and Technology Press of China, 2014. — № 4. — Pp. 8-10.

Предприятия, такие как Zhengbang, Twins, Guohong, и др., придерживаются модели «компания + крестьянское хозяйство» в целях содействия быстрому развитию крупномасштабного разведения свиней, строительству свиноферм и управлению ими, а также учета тенденций модернизации и достижений науки, защиты окружающей среды и экономии энергии. Стандартизированное разведение скота стало главной силой непрерывного и стабильного роста свиноводства, обеспечения предложения на рынке свинины и укрепления продовольственной безопасности.

2.2. Свиноводство с учетом экологического фактора

Свиноводство с учетом экологического фактора — это модель устойчивого развития животноводства с такими базовыми характеристиками, как низкое потребление сырья и материалов, низкий уровень выбросов и высокая эффективность. В 2014 году постановление «О масштабном разведении, охране окружающей среды и уходе за скотом и птицей» было формально выполнено и на 1 января 2015 года закон «Об охране окружающей среды» был официально реализован. Степень наказания для предприятий, загрязняющих окружающую среду, усилена. Свиноводство с учетом экологического фактора и продуктивное использование продуктов жизнедеятельности являются ключевыми мерами для поддержания безопасности, качества и высокой эффективности в данной отрасли, ее устойчивого развития. Компания Guohong в основном принимает следующие меры:

1. Разумное расположение, рассредоточенная схема размещения. Необходимо так организовать свиноферму, чтобы расположить ее в горной местности, на средней высоте, вдалеке от населения с целью получить двойной результат, прилагая

меньшие усилия для профилактики болезней животных и контроля над фермой. При строительстве свинокомплекса следует выбирать место расположения строго в соответствии с этим принципом. После выбора участка нужно построить репродуктор, питомник для поросят и откормочную ферму в разных местах, на расстоянии 10–20 км, что позволит предотвратить распространение вирусных заболеваний.

2. Растениеводство и животноводство, борьба с загрязнением окружающей среды. В целях снижения загрязнения окружающей среды или создания экологического парка при строительстве свинокомплекса необходимо осуществлять посадку растений и разведение животных в режиме «свинья – болотный газ³ – овощ, свинья – болотный газ – плодородное дерево, свинья – болотный газ – лесное хозяйство, свинья – болотный газ – рыба» и использовать продукты жизнедеятельности. Например, компания Guohong в городе Наньчан провинции Цзянси построила свинокомплекс на 10000 свиней и экологический парк площадью 1500 му. Продукты жизнедеятельности скапливаются в биогазовом реакторе, а затем используются для орошения посадок дыни и фруктовых деревьев в парке. Свиноферма на 180000 животных была открыта в уезде Сюшуй провинции Цзянси. Она сотрудничает с местными крестьянскими хозяйствами, бесплатно обеспечивает фермеров навозом для выращивания овощей, а затем выкупает и продает их, что позволяет уменьшить загрязнение окружающей среды и приносит пользу как компании, так и фермерам.

3. Разведение животных не на ограниченной территории свинофермы, а на природе. При внедрении новых масштаб-

³ Под болотным газом здесь понимается газ от утилизации навоза и других побочных продуктов производства.

ных проектов по разведению свиней необходимо рассмотреть вопросы экологии, охраны окружающей среды и санитарно-бытовых условий. Уезд Сюшуй провинции Цзянси, располагающий горной местностью площадью более чем 1000 му, разводит свиней, коз, крупный рогатый скот. Животные находятся за забором на свежем воздухе в относительной свободе, что воплощает идею гармонии и единства человека и природы.

4. Безопасный корм без запрещенных препаратов. Безопасный корм является важным фактором, обеспечивающим здоровье свиньи и отсутствие опасных веществ в ее мясе. Необходимо строго контролировать безопасность кормов для обеспечения качества и безопасности свинины. Нужно построить бойню для убоя свиней, выращенных в компании или в сотрудничестве с фермерами. Специалисты должны отслеживать, чтобы мясо от больных животных или тех, которых кормили запрещенным кормом, не попадало на рынок. Важно улучшить благосостояние предприятия с помощью глубокой переработки продукции и выйти на путь здорового, экологически безопасного и высокоэффективного современного сельскохозяйственного развития.

3. Основные проблемы и предложения по развитию отрасли свиноводства

3.1. Основные проблемы

Производство свинины в Китае переориентируется с традиционного подхода на модернизированный, промышленный подход. Основные трудности и проблемы в процессе трансформации включают в себя следующее:

- Высокая стоимость разведения. В связи с новым законом «Об охране окружающей среды» существенно выросла доля расходов на природоохранные меры. В настоящее время затраты на охрану окру-

жающей среды в недавно построенном свинокомплексе составляют более 40% всех расходов. Маленькие хозяйства, занимающиеся разведением свиней, не в состоянии достичь принятых стандартов и покидают рынок.

- **Неразвитая инфраструктура.** Разбросанные откормочные фермы с годовым объемом забоя ниже 50 свиней составляют около 30% общего количества свиноферм. Производственные мощности и способ производства в таких домохозяйствах относительно отсталые.

- **Экстенсивная модель роста.** В настоящее время в свиноводстве применяется экстенсивная модель роста, основанная на количестве. С ростом природоохранных, земельных и трудовых затрат производство свинины в Китае по сравнению с развитыми странами характеризуется низкой эффективностью, но высокой стоимостью.

- **Низкая рыночная конкурентоспособность.** Международная конкурентоспособность свинины из Китая низкая. Для повышения конкурентоспособности необходимо изменить структуру мясной продукции⁴. Экспорт продукции свиноводства является уникальным и относительно концентрированным на рынке⁵. Данная отрасль часто испытывает колебания рыночных цен, избыток или дефицит, что напрямую затрагивает доходы фермеров. Профилактика болезней свиней и изменения цен на свинину могут повлиять на стабильное развитие свиноводства, конкуренцию его продукции на внутреннем и внешнем рынке, а также на ее экспорт.

⁴ Liao Yi, Zhou Faming. An Empirical Study on the International Competitiveness of Pork Products in China // Exploration of International Trade.— 2011. — №12 — Pp. 25-33.

⁵ Chen Changhong. Research on Pork Export Structure and International Competitiveness of China // Journal of South China Agricultural University (Social Science). —2010. — №9(2). — Pp. 37-42.

3.2. Рекомендации и предложения

(1) Оптимизация отраслевого распределения и повышение инновационности модели управления

Необходимо научно рассчитать возможности регионального свиноводства, разумно разделить зоны на не подходящие и подходящие для разведения скота и птицы и оптимизировать структуру отрасли. Ведущим предприятиям, в соответствии с концепцией охраны окружающей среды, для обеспечения экономии энергии, низкого потребления сырья и материалов и высокой эффективности нужно построить новые свинокомплексы и стимулировать развитие свиноводства на прилегающих территориях. На основе высокотехнологических цепочек важно содействовать индустриализации отрасли и развивать кластеры свиноводства. Опираясь на информационные и технические инновации, необходимо удовлетворить потребности рынка, тесно связать кормовую базу, разведение, переработку и потребление, ориентироваться на качество и безопасность продукции, увеличивать добавленную стоимость и повышать конкурентоспособность.

(2) Улучшение рыночной дисциплины, регулирование и контроль механизма формирования цен на свинину

Следует улучшить разъяснение закона колебания производственного цикла свиноводства, содействовать сбору и передаче информации о ценах, определить более разумную цену на свинину; обеспечить страхование цен на свинину и повысить способности сопротивления рыночным рискам. Разумно проводя курс на масштабное разведение скота, в то же время поддерживать преимущества малых домохозяйств, а также поощрять сотрудничество свиноводческих предприятий и фермерских хозяйств. По многим аспектам следует улуч-

шить корректировку цен на свинину, повысить стабильность внутреннего рынка потребления и расширять внешний рынок продукции свиноводства.

(3) Стимулирование развития отрасли с учетом экологического фактора и повышение контроля над качеством и безопасностью продукции

Необходимо способствовать защите окружающей среды, улучшению содержания животных и их среды обитания, формированию «зеленого и здорового» свиноводства⁶, применению экологических технологий и моделей свиноводства, решению проблемы безопасности свинины и снижения рисков заболевания животных; внедрить современные системы мониторинга качества свинины, регулировать весь процесс (до, во время и после производства) и вести соответствующую документацию; определить систему поставок продукции на рынок (могут поставляться только сертифицированные безвредные, зеленые, органические продукты, соответствующие национальным стандартам). Важно защищать права и физическое здоровье потребителей, повышать качество продукта, стимулировать энтузиазм работников, участвующих в его сертификации, и создать рыночный механизм реализации качественной и безопасной продукции из свинины.

(4) Поощрение научно-технического прогресса и создание системы технологической поддержки

Необходимо адаптироваться к внутренним тенденциям развития отрасли свиноводства, продвигать передовые селекционные технологии, использовать полномочия правительства, повысить жизнеспособность предприятий за счет

поддержки в плане политики, финансов и технологий, поддерживать планы предприятий по оптимизации и расширению продукции, сосредоточиться на качестве свинины и повысить преимущества местных рынков свинины. Важно улучшить показатели по привесам свиней, качество мяса, усилить профилактику заболеваний животных и обеспечить соответствие качества свинины, идущей на экспорт, международным стандартам. Учитывая опыт развитых стран, нужно создать систему, объединяющую научные исследования, образование и продвижение товара. Необходимо ускорить исследования по ключевым технологиям, таким как высокоэффективное производство кормов, профилактика и контроль заболеваний, использование продуктов жизнедеятельности в сельском хозяйстве и усиление популяризации и применения научных достижений.

(5) Усиление охраны окружающей среды и формирование политики поддержки свиноводства

Необходимо усилить поддержку строительства крупных свиноводческих комплексов и сооружений по переработке продуктов жизнедеятельности, улучшить кормление животных и контроль за состоянием их здоровья, создать высокоэффективное масштабное производство, организовать субсидирование и финансовую поддержку фермеров и обеспечить высокое качество продукции из свинины. А также способствовать формированию профессиональной организации свиноводства, повысить степень развития ведущих предприятий, эффективно управлять колебаниями цен и избегать рыночных рисков; создать систему страхования для занимающихся свиноводством, улучшить страховое покрытие и содержание. Важно поощрять

⁶ Tang Xu, Wang Kai. Research Progress and Case Study on the Competitiveness of Pork Industry Chain System // Tianjin Agricultural Sciences. – 2014 – №20(1). – Pp. 48-51.

свинофермы определённого масштаба и охрану окружающей среды; предотвращать образование монополии в отрасли⁷. Следует постепенно создавать систему социаль-

ного обслуживания работников свиноводческой отрасли; рассмотреть связь между развитием данной отрасли и другими направлениями социальной политики.

Сведения об авторах

Ли Чжимэн – Академия социальных наук провинции Цзянси (Китай)

У Жонин – аспирант, Университет финансов провинции Аньхой (Китай)

© Li Zhimeng, Wu Ruonin

Research on Transformation Development of Pig Industry with Environment and Resource Restriction

Li Zhimeng – Laboratory Head, Research Associate, Jiangxi Province Academy of Social Sciences, Nanchang, China

Wu Ruoning – Postgraduate, Anhui University of Finance, China

Abstract. Adequate food and pork products are important to the safety of the world. China is the world's largest country in pig production and pork consumption. Pig industry plays a significant role in the animal husbandry production of China and has become one of most dynamic pillar industries in agriculture and rural economy at present. With the increasing environment and resource restriction, pig breeding is heading to standardized, large-scale and ecological development, which will promote the ecological transformation of pig industry, ensure animal products safety, ecological environment safety and resource safety and improve the comprehensive benefit of animal husbandry.

Key words: production and consumption of pork, situation in pig industry, imports and exports of pork, standardized large-scale development.

⁷ Wang Jingjing, Chen Yongfu. Pig Industry Development in the USA: Contract Manufacturing and Longitudinal Integration // World Agriculture. – 2014. – №1. – Pp. 119-123.

ДИСКУССИОННАЯ ПЛОЩАДКА

DOI: 10.15838/esc.2016.2.44.13

УДК 001.92, ББК 72

© Третьякова О.В.

Экономический журнал в России: проблемы оценки качества

Ольга Валентиновна

ТРЕТЬЯКОВА

кандидат филологических наук

Институт социально-экономического развития территорий РАН

160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а

olga.tretyakova@yandex.ru

Аннотация. В статье предпринята попытка оценки журналов экономической направленности, вошедших в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук, введенный решением Минобрнауки России и вступивший в силу с 1 декабря 2015 года. Общая характеристика массива журналов, включающего более 380 наименований, дана путем анализа их библиометрических показателей в системе Российского индекса научного цитирования, в частности посредством оценки значений их импакт-факторов. Анализ, проведенный Институтом социально-экономического развития территорий РАН, показал, что относительно небольшое количество экономических журналов публикует значительную долю статей, получающих большую долю цитирований. Выявлено, что новый Перечень ВАК включает более 50% журналов по специальности «Экономические науки», которые имеют низкий уровень цитируемости либо практически не цитируются. Это косвенно свидетельствует о выпадении таких журналов из основного научного потока, их локальности, малой доступности и привлекательности для читательской аудитории, об отсутствии должного научного авторитета. Представленный в работе анализ доказывает, что при формировании списка рецензируемых научных изданий, рекомендуемых для публикации результатов диссертационных исследований, наряду с другими критериями отбора целесообразно использовать инструментарий, позволяющий оценить уровень журнала. При этом очень важно, чтобы оценка имела количественное выражение и служила определенным мериллом для ранжирования изданий. Одним из таких инструментов может стать критериальное значение двухлетнего импакт-фактора, которое позволит выявить журналы с достаточным уровнем цитирования. В работе представлены результаты анализа списка RSCI, который был предложен

Советом по науке при Министерстве образования и науки РФ в качестве альтернативы новому Перечню ВАК. Делается вывод о необходимости осмысления первых результатов проекта и дальнейшей работы с ними, поскольку выявленные проблемы пока еще не позволяют использовать список RSCI как полноценную замену Перечня ВАК. Предложены варианты для расширения списка RSCI. Обоснована необходимость расширения географии журналов, включенных в RSCI.

Ключевые слова: экономический журнал; библиометрический показатель; экономические институты РАН; импакт-фактор журнала; Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), Russian Science Citation Index, Перечень ВАК, список RSCI.

В связи с постоянным ростом количества научных журналов особую актуальность приобрел вопрос об оценке их качества, которая позволила бы понять, какие издания гарантируют высокий уровень публикуемых в них материалов. Ранее эту функцию в определенной мере выполнял Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций, так называемый Перечень ВАК.

В соответствии с приказом Минобрнауки России от 25 июля 2014 г. № 793, с изменениями, внесенными приказом Минобрнауки России от 03 июня 2015 г. № 560, сформирован новый Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук (далее – Перечень)¹. Количество журналов в нем значительно увеличилось по сравнению со списком, действовавшим ранее. При этом, как отмечено в заявлении Совета по науке при Министерстве образования и науки РФ от 31.03.2016, в новый список, который сформирован по заяви-

тельному принципу, вошло «большое число изданий низкого научного уровня, не обеспечивающих проведения серьезной профессиональной экспертизы публикуемых материалов», включающих статьи, в которых выявлены «масштабные некорректные заимствования»². Подчеркивается, что в таких областях науки, как экономика, педагогика и право, подобные журналы составляют более 15% всех изданий по соответствующей специальности, включенных в Перечень. Совет выступил с предложением провести постепенную замену Перечня списком журналов Russian Science Citation Index (далее – список RSCI) на платформе Web of Science, качество которых подтверждено экспертизой, проведенной в России и за рубежом.

В данной работе мы предприняли попытку проанализировать журналы экономической направленности, вошедшие в Перечень и список RSCI, и оценить целесообразность возможной замены Перечня списком журналов Russian Science Citation Index.

По состоянию на 19.04.2016 в Перечне зарегистрировано 388 журналов по специальности «08.00.00 – экономические науки». Здесь следует отметить, что среди них не только собственно экономические, но и мультидисциплинарные издания. Общая

¹ Перечень рецензируемых научных изданий, которые не входят в международные реферативные базы данных и системы цитирования и в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (по состоянию на 19.04.2016) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vak.ed.gov.ru/87>

² Заявление Совета по науке при Министерстве образования и науки РФ «О Перечне ВАК». 31.03.2016 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://sovet-pouku.ru/info/31032016-declaration_VAK

характеристика такого массива журналов может быть дана путем оценки значений их импакт-факторов.

Введенный американским ученым Ю. Гарфилдом и впервые употребленный им в качестве термина в статье, которая была опубликована в журнале *Science* в 1955 году [14], импакт-фактор относится к базовым наукометрическим показателям цитируемости. Среди зарубежных и российских экспертов устоялось мнение, что импакт-фактор может служить оценкой репутации журнала (Campbell Ph. [13]; Garfield E. [15]; Gordon M.D. [16]; Saha S. [18]; Либкинд А.Н. [4]; Маркусова В.А. [5]; Маршакова-Шайкевич И.В. [6]; Писляков В.В. [9]; Розенберг Г.С. [10]). Являясь по своей сути индикатором влияния статей, данный показатель оценивает число ссылок, полученных в среднем одной статьей, входящей в некоторое заданное множество публикаций за определенный фиксированный промежуток времени [15]. На наш взгляд, нет оснований не согласиться с мнением К. Хоффела, который указывает, что, хотя импакт-фактор и не стал идеальным индикатором для измерения качества статей, в настоящее время нет более объективного инструмента для научной оценки. Его широкое распространение как показателя полезности и влияния обусловлено, по мнению Хоффела, тем, что он хорошо коррелирует с мнением, которое сложилось у ученых о лучших журналах в их дисциплинах [17, с. 1225]. Как мы уже отмечали ранее, при использовании импакт-фактора для оценки научных журналов следует учитывать тот факт, что его значение может быть достаточным для характеристики журналов, входящих в авторитетные базы данных (например, *Web of Science* и *Scopus*), наполнение которых осуществляется по жестким критериям, позво-

ляющим отсеять низкокачественные издания [12, с. 163]. Когда же мы имеем дело с показателями импакт-фактора, рассчитываемыми в Российском индексе научного цитирования, для получения более точных результатов целесообразно применять дополнительные количественные характеристики журналов, в частности индикаторы, учитывающие самоцитирование, чтобы исключить вопрос об искусственном завышении показателей. В связи с этим для характеристики журналов нами использовалось значение двухлетнего импакт-фактора РИНЦ без самоцитирования. Мы проанализировали все 388 журналов, включенных в Перечень по специальности «08.00.00 – экономические науки», применив указанный выше критерий, и определили доли журналов, имеющих разные значения импакт-фактора, в общем количестве изданий. Результаты представлены на *рис. 1*.

Проведенный нами анализ показал, что только 19 журналов имеют импакт-фактор больше единицы. Их доля составляет около 5%. Эти издания можно отнести к высокоцитируемым. Приведенные цифры свидетельствуют о том, что относительно небольшое количество экономических журналов публикует значительную долю статей, получающих большую долю цитирований. Эксперты в области наукометрических исследований отмечают данную тенденцию как общую для всех научных журналов, в том числе входящих в глобальные системы цитирования. Так, согласно анализу, проведенному по журналам, индексируемым в базе данных *Web of Science*, на 4% журналов приходится 51% всех ссылок [7, с. 113]. На языке наукометрических показателей это выражается в высоких значениях импакт-факторов, существенно превышающих соответствующие индикаторы других журналов.

Рисунок 1. Распределение журналов, включенных в Перечень по специальности «08.00.00 – экономические науки», по значению двухлетнего импакт-фактора РИНЦ без самоцитирования за 2014 г. (данные НЭБ на 20.02.2016), %

Основная масса экономических журналов, включенных в Перечень, имеют импакт-фактор меньше единицы. При этом доля низкоцитируемых журналов, у которых импакт-фактор менее 0,3, составляет 45%. Доля журналов, у которых импакт-фактор вообще не рассчитывается в РИНЦ, составляет 9,5%. Таким образом, получается, что в Перечень включено более 50% журналов по специальности «Экономические науки», которые имеют низкий уровень цитируемости либо практически не цитируются. И если, по мнению экспертов, высокое значение импакт-фактора еще не служит гарантией качества журнала, так как этот показатель может искусственно завышаться вследствие уязвимости Российского индекса научного цитирования перед потенциальным манипулированием [8, с. 133], то его низкое значение более показательно: оно косвенно свидетельствует о «выпадении» журнала из «основного научного потока» [2, с. 75], его локальности,

малой доступности и привлекательности для читательской аудитории, об отсутствии должного научного авторитета.

Представленный выше анализ доказывает, что при формировании списка рецензируемых научных изданий, рекомендуемых для публикации результатов диссертационных исследований, наряду с другими критериями отбора целесообразно использовать инструментарий, позволяющий оценить уровень журнала. При этом очень важно, чтобы оценка имела количественное выражение и служила определенным мериллом для ранжирования изданий. Одним из таких инструментов может стать критериальное значение двухлетнего импакт-фактора, которое позволит выявить журналы с достаточным уровнем цитирования. На наш взгляд, в качестве критериального индикатора может использоваться медиана импакт-факторов. В нашем случае для журналов экономической направленности медиана равна 0,3, т.е. половина жур-

налов имеет импакт-фактор выше 0,3, в то время как у другой половины импакт-фактор ниже 0,3. Применение такого подхода позволило бы очистить рассматриваемый Перечень от значительной доли низкоцитируемых и невостребованных журналов, сократив текущий список включенных изданий по специальности «08.00.00 – экономические науки» приблизительно до 170 журналов.

Имея в виду несовершенство нового Перечня ВАК, Совет по науке при Министерстве образования и науки РФ предложил Минобрнауки провести его постепенную замену списком журналов Russian Science Citation Index (далее – список RSCI) на платформе Web of Science, а также, как и ранее, учитывать те издания, которые входят в международные базы данных и системы цитирования Web of Science, Scopus, MathSciNet и другие, перечисленные в действующем Положении о присуждении учёных степеней³. Список RSCI был создан путем оценки и отбора научных журналов, индексируемых в Российском индексе научного цитирования, с целью улучшения видимости и повышения авторитета российских научных журналов в международном информационном пространстве. На сегодняшний день он насчитывает чуть более 650 журналов. Отбор изданий проведен на основе их библиометрической и экспертной оценки: список журналов, соответствующих определенным формальным критериям, откорректирован экспертами по различным научным направлениям. Согласно отчету Рабочей группы по оценке и отбору журналов для

данного проекта, окончательное решение о включении журнала в состав RSCI было принято на основании соответствия изданий формальным критериям отбора, ряду библиометрических показателей РИНЦ и с учетом результатов экспертной оценки журналов по основным тематическим направлениям и общественной экспертизы ведущими российскими учеными⁴.

Полный перечень журналов, индексируемых в РИНЦ по тематике «Экономические науки» и включенных в список RSCI, представлен в *таблице 1*. Список включает 29 наименований изданий, которые ранжированы по значению интегрального показателя, используемого при построении рейтинга российских научных журналов в системе Science Index. В таблицу дополнительно включены сведения об издателе/учредителе, месте издания, а также о включении журнала в Перечень ВАК и наличии индексирования в глобальных индексах цитирования Web of Science и Scopus.

Анализ значений двухлетнего импакт-фактора без самоцитирования этих журналов (*рис. 2*) показал, что доля высокоцитируемых (импакт-фактор более 1) составляет среди них 24%, что практически в пять раз превышает соответствующий показатель экономических журналов, включенных в новый Перечень ВАК. Более 70% журналов имеют значение двухлетнего импакт-фактора в пределах 0,3–0,9. Таким образом, можно говорить о том, что в список RSCI большей частью отобраны журналы с достаточным уровнем цитируемости, т.е. имеющие определенное влияние и значимость в своей отрасли знаний.

³ Заявление Совета по науке при Министерстве образования и науки РФ «О Перечне ВАК». 31.03.2016 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://sovnet-pou-nauke.ru/info/31032016-declaration_VAK

⁴ Пресс-релиз рабочей группы по оценке и отбору журналов для проекта RUSSIAN SCIENCE CITATION INDEX [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://elibrary.ru/rsci_press.asp.

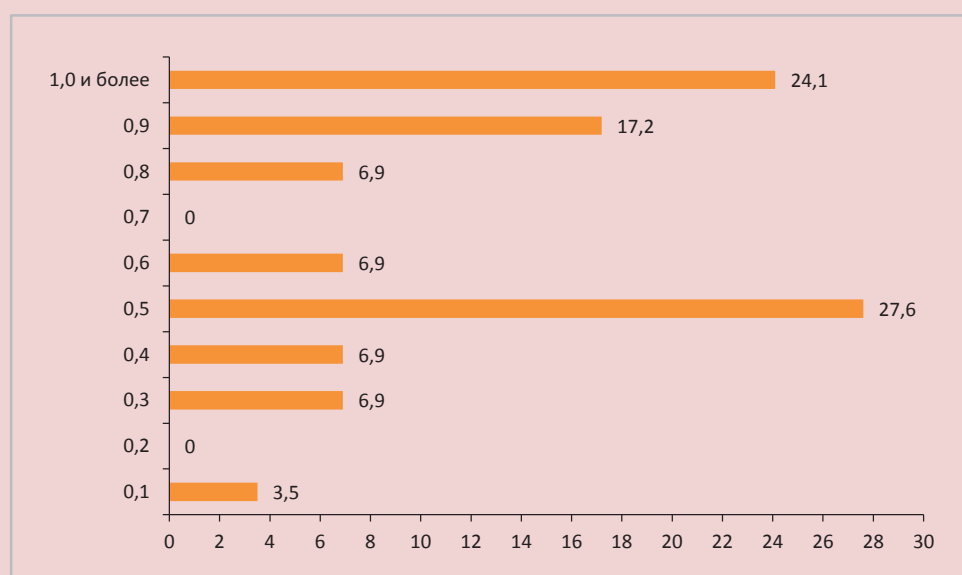
Таблица 1. Библиометрические показатели журналов, индексируемых в РИНЦ по тематике «Экономические науки» и включенных в базу RSCI, за 2014 год (данные НЭБ на 20.02.2016)

№ п/п	Журнал	Учредитель/издатель	Город	Отметка о включении в Перечень, ГИЦ	ИФ ₂ без самоцитирования	Интегральный показатель Science Index
1.	Вопросы экономики	Некоммерческое партнерство «Редакция журнала «Вопросы экономики»	Москва	ВАК	4,676	20,458
2.	Российский журнал менеджмента	Санкт-Петербургский государственный университет. Высшая школа менеджмента	Санкт-Петербург	ВАК	1,000	5,502
3.	Journal of Institutional Studies («Журнал институциональных исследований»)	ООО «Гуманитарные перспективы»	Ростов-на-Дону	ВАК	1,359	4,231
4.	Форсайт	НИУ «Высшая школа экономики» (Москва)	Москва	ВАК, Scopus	2,077	3,785
5.	Проблемы прогнозирования / Studies on Russian Economic Development	Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН	Москва	ВАК, Scopus	1,419	3,756
6.	Мировая экономика и международные отношения	Российская академия наук (РАН), Институт мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) РАН	Москва	ВАК	1,234	3,720
7.	Экономический журнал Высшей школы экономики	НИУ «Высшая школа экономики»	Москва	ВАК	0,936	3,198
8.	Инновации	ОАО «Трансфер»	Санкт-Петербург	ВАК	0,558	2,606
9.	Журнал новой экономической ассоциации	АНО «Журнал Новой экономической ассоциации»	Москва	ВАК	0,860	2,068
10.	Экономическая наука современной России	Центральный экономико-математический институт РАН	Москва	ВАК	0,988	2,036
11.	Регион: экономика и социология	Сибирское отделение РАН; Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН	Новосибирск	ВАК	1,043	1,811
12.	Деньги и кредит	Центральный банк Российской Федерации	Москва	ВАК	0,970	1,468
13.	Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 8: Менеджмент	Санкт-Петербургский государственный университет. Высшая школа менеджмента	Санкт-Петербург	ВАК	0,568	1,355
14.	Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 5: Экономика	Санкт-Петербургский государственный университет	Санкт-Петербург	ВАК	0,880	1,306
15.	Университетское управление: практика и анализ	Некоммерческое партнерство «Журнал «Университетское управление: практика и анализ»	Екатеринбург	ВАК	- (0,963 – 2013)	1,209
16.	Экономика и математические методы	Российская академия наук; Центральный экономико-математический институт РАН; Институтом проблем рынка РАН	Москва	ВАК	0,552	1,176
17.	Прикладная эконометрика	Московский финансово-промышленный университет «Синергия»	Москва	ВАК	0,482	1,078
18.	Проблемы управления	Сенсидат-Плюс	Москва	ВАК	0,538	1,051

Окончание таблицы 1

19.	Прикладная информатика	Московский финансово-промышленный университет «Синергия»	Москва	ВАК	0,600	0,943
20.	Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика	НИУ «Высшая школа экономики»	Москва	ВАК	0,537	0,887
21.	Экономическая политика	Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; Институт экономической политики им. Е.Т. Гайдара	Москва	ВАК	0,915	0,826
22.	Корпоративные финансы	НИУ «Высшая школа экономики»	Москва	ВАК	0,368	0,826
23.	ЭКО	Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН (Новосибирск)	Новосибирск	ВАК	0,633	0,678
24.	Вестник Финансового университета	Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации	Москва	ВАК	0,424	0,649
25.	Terra Economicus	Южный федеральный университет	Ростов-на-Дону	ВАК WoS (ESCI)	0,584	0,573
26.	Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика	Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова	Москва	ВАК	0,391	0,496
27.	Бизнес-информатика	НИУ «Высшая школа экономики»	Москва	ВАК	0,579	0,458
28.	Управленческие науки	Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации	Москва	ВАК	0,506	0,314
29.	Экономика. Бизнес. Банки	Русско-итальянский международный университет (Институт)	Москва	ВАК	0,195	0,061

Рисунок 2. Распределение экономических журналов, включенных в базу RSCI, по значению двухлетнего импакт-фактора РИНЦ без самоцитирования за 2014 г. (данные НЭБ на 20.02.2016), %

Тем не менее, на наш взгляд, предложение о замене Перечня ВАК на список RSCI, инициированное Советом по науке при Министерстве образования и науки РФ, не может быть безоговорочно принято. С одной стороны, нельзя не согласиться с мнением многих экспертов, что в новый Перечень вошло большое количество низкокачественных и низкоцитируемых журналов, не имеющих авторитета в научной среде. Очевидно, что на сегодня этот список не может рассматриваться как авторитетный источник для подтверждения должного статуса научного журнала. Но с другой стороны, список RSCI в том виде, в котором он существует, оставляет много вопросов.

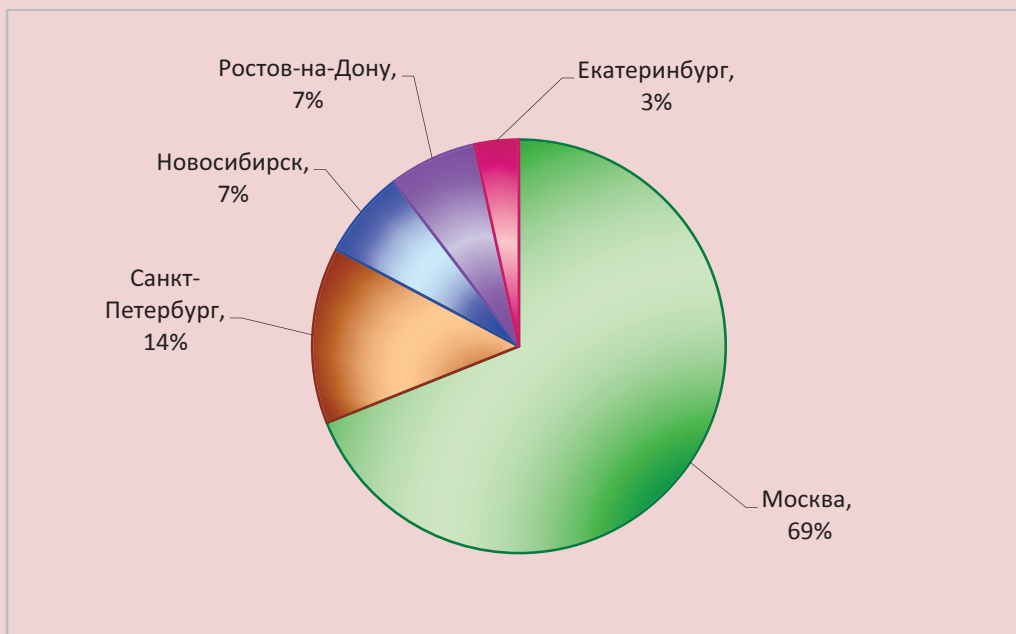
Во-первых, согласно заявлению Рабочей группы по оценке журналов для данного проекта, отбор изданий был проведен на основании их библиометрической оценки, после чего список журналов, соответствующих определенным формальным критериям, прошел корректировку у экспертов по различным научным направлениям⁵. Ясно, что такой подход дает возможность уже на первом этапе исключить все журналы, имеющие низкие библиометрические показатели. Однако анализ только группы экономических журналов показывает, что в итоговый список вошел журнал, имеющий невысокие показатели цитирования (двухлетний импакт-фактор без самоцитирования – 0,195) и низкое значение интегрального показателя в системе Science Index, учитывающего важные показатели, которые характеризуют в том числе и качественный уровень научного издания. В рейтинге Science Index за 2014 год по тематике «Экономика. Экономические науки» этот журнал занимает 238 место (из 300 журналов; данные НЭБ на 25.04.2016).

⁵ Пресс-релиз рабочей группы по оценке и отбору журналов для проекта RUSSIAN SCIENCE CITATION INDEX [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://elibrary.ru/rsци_press.asp.

Во-вторых, большой проблемой перечня экономических журналов, включенных в RSCI, является, на наш взгляд, их крайне узкая география (рис. 3). В него включены журналы, издающиеся в подавляющем большинстве в Москве (20) и Санкт-Петербурге (4); их доля в общем числе изданий экономической направленности в этом списке составляет около 83%. Из журналов, выпускающихся в регионах, в него вошли только пять. Здесь следует подчеркнуть то, что целый ряд федеральных округов оказались вообще не представлены в списке RSCI: например, Приволжский, Северо-Кавказский, Дальневосточный ФО. Однако крупнейшие из них – Центральный и Северо-Западный – представлены научными журналами, издающимися исключительно в их центрах. В то время как в субъектах этих округов расположено значительное количество научных институтов и исследовательских центров, которые ведут серьезные исследования, в том числе и в области общественных наук, и издают качественные журналы, имеющие высокие библиометрические показатели и пользующиеся авторитетом в научной среде. Очевидно, что при формировании списка журналов, которые рекомендуются для публикации результатов диссертационных исследований, необходимо учитывать и региональный аспект: если на главных ролях будут только центральные журналы, то экономическая наука в регионах понесет невосполнимые потери.

Отдельно следует отметить и то, что в списке RSCI, в частности среди журналов экономической направленности, очень скромно представлены журналы Российской академии наук. Их доля составляет всего 20%. Хотя многие эксперты сходятся во мнении, что сегодня успех научного журнала во многом зависит от его связей с РАН и от следования академическим традициям

Рисунок 3. География экономических журналов, включенных в список RSCI

и стандартам, которые имеют важное значение в формировании ведущих научных изданий страны [1, с. 111-112]. По мнению ученых, академические журналы «выполняют некую эталонобразующую функцию», являясь своеобразным образцом для авторов и издателей в плане «структуры, ясности изложения и четкости мысли» [3, с.173]; принадлежность журнала к РАН служит своеобразным показателем качества издания. И это не просто слова. Академические научные журналы одними из первых перешли на международные издательские стандарты, реализовали лучшие практики рецензирования рукописей, обеспечив эти меры качеством публикаций, соответствующее мировому уровню. Результатом стало недавнее вхождение ряда журналов, выпускаемых институтами РАН (причем региональными), в глобальные индексы цитирования. Так, журнал «Экономика региона» (Институт экономики Уральского

отделения РАН, Екатеринбург) вошел в базу данных Scopus; журнал «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» (англоязычная версия; ISSN: 2307-0331), издаваемый Институтом социально-экономического развития территорий РАН (Вологда), вошел в индекс цитирования Emerging Sources Citation Index, который является новой базой данных в составе Web of Science Core Collection. Но, несмотря на то что оба журнала имеют высокие публикационные показатели в системе РИНЦ (табл. 2), пользуются авторитетом в научной среде и достигли значительных успехов в плане интеграции в мировое научное пространство, они не включены в список RSCI. В таблице приводятся также основные библиометрические показатели научных журналов по экономике и смежным дисциплинам некоторых экономических институтов РАН. Представлены только журналы, имеющие значительные

Таблица 2. Библиометрические показатели научных журналов по экономике и смежным дисциплинам экономических институтов РАН за 2014 год (данные НЭБ на 20.02.2016)

Журнал	Институт	Город	Двухлетний импакт-фактор РИНЦ без самоцитирования	Ранг по двухлетнему импакт-фактору РИНЦ без самоцитирования по тематике «Экономика. Экономические науки»	Двухлетний коэффициент самоцитирования, %	Пятилетний индекс Херфиндала по цитирующим журналам	Место в рейтинге SCIENCE INDEX за 2014 год по тематике «Экономика. Экономические науки»
Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз	Институт социально-экономического развития территорий РАН	Вологда	1,117	18	15,7	429	48
Пространственная экономика	Институт экономических исследований ДВО РАН	Хабаровск	1,057	20	8,6	411	45
Экономика региона	Институт экономики УрО РАН	Екатеринбург	0,960	28	12,2	1090	19
Журнал экономической теории	Институт экономики УрО РАН	Екатеринбург	0,670	47	27,6	574	84
Проблемы развития территории	Институт социально-экономического развития территорий РАН	Вологда	0,661	49	21,6	732	103
Вестник Института экономики РАН	Институт экономики РАН	Москва	0,500	80	16,4	458	120

показатели средней цитируемости (двухлетний импакт-фактор РИНЦ без самоцитирования равен 0,5 и выше). По основным библиометрическим показателям, характеризующим цитируемость, все эти журналы превосходят многие издания, включенные в список RSCI. Их научный авторитет не вызывает сомнений в профессиональных кругах, поскольку они издаются влиятельными экономическими институтами РАН, имеют строгую систему рецензирования, публикуют на своих страницах результаты фундаментальных исследований, выполненных ведущими экономистами. Часть из таких журналов, уже перешедших на совре-

менные издательские стандарты, имеющих высококачественные двуязычные сайты, при всём этом остались вне списка RSCI.

Мы не ставили перед собой задачу провести подобный анализ для остальных научных журналов по экономике, издаваемых вузами и другими организациями. Вероятно, среди них также есть издания, которые могли бы дополнить список RSCI.

Не подвергая сомнению значимость проекта Russian Science Citation Index для продвижения российских журналов и их интеграции в международное информационное пространство, хотим отметить, что полученные первые результаты требуют

глубокого осмысления и дальнейшей работы с ними. В экспертной среде этот проект пока еще получил осторожные оценки. Так, по словам О.В. Кирилловой, директора Учебно-консультационного центра НП НЭИКОН, авторизованного консультанта-эксперта Scopus, в целом положительно оценившей RSCI, при отборе журналов ни в одном из вариантов экспертизы не были учтены международные стандарты, и в итоге в список RSCI попали даже те издания, в которых нет необходимых данных, переведенных на английский язык, публикации которых не соответствуют высоким международным стандартам⁶. Очевидно, что все это не позволит таким изданиям интегрироваться в зарубежное информационное пространство, не сделает их более заметными для мирового научного сообщества.

На наш взгляд, RSCI, в частности список экономических журналов, может и должен быть дополнен за счет качественных изданий, которые имеют, прежде всего, полнотекстовые англоязычные версии, обладают современными издательскими платформами, двуязычными сайтами и отвечают мировым требованиям. В этот перечень должно войти большее количество академических журналов, традиционно имеющих строгую систему рецензирования и публикующих результаты фундаментальных исследований. И, конечно, география журналов должна быть расширена. Узкая география, ограниченная в случае с экономическими журналами, в основном московскими изданиями, может создать значительные препятствия для развития экономической науки в регионах.

⁶ Видны на видимость. Станет ли наша наука заметнее? // Поиск. – 2016. – №15 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.poisknews.ru/theme/kpd/18461/>

Понятно, что сама процедура оценки и отбора журналов должна быть более прозрачной и открытой для всего научного сообщества. Особенно это касается экспертной оценки, которая по сути своей может допускать некоторую долю субъективизма. По крайней мере, при общей положительной оценке представленных авторами проекта результатов, остаются вопросы по поводу включения/невключения в список некоторых изданий.

Резюмируя всё вышесказанное, следует отметить, что сегодня, действительно, сложилась непростая ситуация в сфере научных журналов. По нашему мнению, Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук, остро нуждается в корректировке, поскольку в настоящем виде он не является авторитетным источником для подтверждения должного статуса научного журнала. Список RSCI, предложенный в качестве альтернативы Советом по науке при Министерстве образования и науки РФ и получивший осторожные оценки в экспертном сообществе, требует осмысления и дальнейшего развития. На наш взгляд, этот список, даже дополненный журналами, входящими в международные индексы цитирования, пока еще не готов в полной мере заменить Перечень. Однако при условии расширения географии журналов из списка RSCI, учета в нем большего количества академических и других научных периодических изданий, соответствующих международным стандартам и имеющих достаточные библиометрические показатели, этот проект имеет хорошие перспективы получить широкую поддержку в научном сообществе как гарант качества представленных в нем научных журналов.

Литература

1. Балацкий, Е.В. Опыт составления рейтинга российских экономических журналов / Е.В. Балацкий, Н.А. Екимова // Вопросы экономики. – 2015. – №8. – С. 99-115.
2. Зорин, Н.А. Оценка качества научных публикаций / Н.А. Зорин // Медицинские технологии: оценка и выбор. – 2011. – №3. – С. 71-76.
3. Клейнер, Г.Б. Миссия академического журнала: между фундаментальностью и актуальностью / Г.Б. Клейнер // Журнал новой экономической ассоциации. – 2011. – №12. – С. 171-173.
4. Либкинд, А.Н. Библиометрические характеристики российских научных журналов по естественным и техническим наукам по БД JCR-Science Edition, 1995-2010 гг. / А.Н. Либкинд, В.А. Маркусова, Л.Э. Миндели // Acta Naturae. – 2013. – Т.5. – №3(18). – С. 6-13.
5. Маркусова, В.А. Качество научных журналов и основные критерии для включения в информационную систему Web of Science компании Thomson Reuters / В. А. Маркусова // Acta Naturae. – 2012. – Т. 4. – № 2(13). – С. 6-14.
6. Маршакова-Шайкевич, И.В. Библиометрический анализ научных журналов / И.В. Маршакова-Шайкевич // Социология науки и технологий. – 2014. – Т.5. – №3. – С. 38-47.
7. Москалева, О.В. Научные публикации как средство коммуникации, анализа и оценки научной деятельности / О.В. Москалева // Руководство по наукометрии: индикаторы развития науки и технологии: [монография] / М.А. Акоев, В.А. Макрусова, О.В. Москалева, В.В. Писляков. – Екатеринбург, 2014. – С. 110-163.
8. Муравьев, А.А. О научной значимости российских журналов по экономике и смежным дисциплинам / А.А. Муравьев // Вопросы экономики. – 2013. – №4. – С. 130-151.
9. Писляков, В.В. Библиометрические индикаторы в ресурсах Tomson Reuters / В.В. Писляков // Руководство по наукометрии: индикаторы развития науки и технологии: [монография] / М.А. Акоев, В.А. Макрусова, О.В. Москалева, В.В. Писляков. – Екатеринбург, 2014. – С. 75-109.
10. Розенберг, Г.С. Об импакт-факторах отечественных журналов эколого-биологического профиля / Г.С. Розенберг // Самарская Лука: проблемы региональной и глобальной экологии. – 2014. – Т. 23. – №3. – С. 5-23.
11. Третьякова, О.В. К вопросу об импакт-факторе научного журнала и методиках его формирования [Электронный ресурс] / О.В. Третьякова // Вопросы территориального развития. – 2014. – №5. – Режим доступа: <http://vtr.vscs.ac.ru/article/1412>.
12. Третьякова, О.В. Рейтинг научных журналов экономических институтов РАН / О.В. Третьякова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2015. – №5. – С. 159-172. – DOI: 10.15838/esc/2015.5.41.11.
13. Campbell, Ph. Escape from the impact factor / Ph. Campbell // Ethic in Science and Environmental Politics. – 2008. – №8. – P. 5-7.
14. Garfield, E. Citation Indexes to Science: a New Dimension in Documentation Through Association of Ideas / E. Garfield // Science. – 1955. – Vol. 122. – No. 3159. – P. 108-111.
15. Garfield E., Sher I. H. New Factors in the Evaluation of Scientific Literature Through Citation Indexing. American Documentation, 1963, vol. 14, no. 3, pp. 195-201.
16. Gordon, M.D. Citation ranking versus subjective evaluation in the determination of the journal hierarchies in the social sciences / M.D. Gordon // Journal of the American Society for Information Science. – 1982. – № 33(1). – P. 55–57. – DOI: 10.1002/asi.4630330109.
17. Hoeffel, C. Journal Impact Factors (letter) / C. Hoeffel // Allergy. – Vol. 53. – Iss. 12. – P. 1225.
18. Saha, S. Impact factor: a valid measure of journal quality? / S. Saha, S. Saint, D.A. Christakis // Journal of the Medical Library Association. – 2003. – №91(1). – P. 42-46.

Сведения об авторе

Ольга Валентиновна Третьякова – кандидат филологических наук, заведующий отделом, заместитель главного редактора журнала «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз», Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук (160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, olga.tretyackova@yandex.ru)

© Tret'yakova O.V.

Economic Journal in Russia: Quality Assessment Issues

Ol'ga Valentinovna Tret'yakova - Ph.D. in Philology, Deputy Chief Editor of the Journal "Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast", Department Head, Institute of Socio-Economic Development of Territories of Russian Academy of Science (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation, olga.tretyackova@yandex.ru)

Abstract. The paper attempts to assess economic journals included in the List of peer-reviewed scientific journals and editions that are authorized to publish the principal research findings of doctoral (candidate's) dissertations (the VAK List, it was established by the Decision of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation and entered into force on December 01, 2016). The general assessment of the journals that include more than 380 titles is carried out by analyzing their bibliometric indicators in the system of the Russian Science Citation Index, in particular, by examining the values of their impact factors. The analysis conducted at the Institute of Socio-economic Development of Territories of RAS shows that a relatively small number of economic journals publish a significant proportion of articles that obtain a large share of citations. The author reveals that the new VAK List includes over 50% of journals specializing in economic sciences, which have a lower level of citation or which are virtually not cited at all. This indirectly indicates that such journals are "left behind" the "main stream of science", that their significance is local, availability low, attractiveness for the audience and scientific authority insufficient. The analysis proves that when forming the list of peer-reviewed scientific publications recommended for publication of dissertation research findings, along with other criteria, it is advisable to use tools that help assess the level of the journal. It is very important that the evaluation had quantitative expression and served as a specific measure for ranking the journals. One of these tools may be a criterion value for the two-year impact factor, which helps identify journals with a sufficient citation level. The paper presents the results of analysis of the RSCI list, which was proposed by the Council for Science under the Ministry of Education and Science of the Russian Federation as an alternative to the new VAK List. The author draws a conclusion about the need to review the first results of the project and to continue working with them, because the issues identified still do not allow the RSCI list to be used as a full replacement for the VAK List. The paper propose options to expand the RSCI list. The author substantiates the necessity to expand the geography of journals included in the RSCI.

Key words: economic journal, bibliometric indicator, economic institutions of RAS, impact factor of the journal, Russian Scientific Citation Index (RISC), Russian Science Citation Index, VAK List, RSCI list.

References

1. Balatsky E.V., Ekimova N.A. Opyt sostavleniya reitinga rossiiskikh ekonomicheskikh zhurnalov [The Experience of Ranking Russian Economic Journals]. *Voprosy ekonomiki* [Economic Issues], 2015, no. 8, pp. 99-115.

2. Zorin N.A. Otsenka kachestva nauchnykh publikatsii [Quality Assessment of Scientific Publications]. *Meditsinskie tekhnologii: otsenka i vybor* [Medical Technologies: Assessment and Selection], 2011, no. 3, pp. 71-76.
3. Kleiner G.B. Missiya akademicheskogo zhurnala: mezhdru fundamental'nost'yu i aktual'nost'yu [The Mission of an Academic Journal: Between Fundamental Approach and Topicality]. *Zhurnal novoi ekonomicheskoi assotsiatsii* [Journal of the New Economic Association], 2011, no. 12, pp. 171-173.
4. Libkind A.N., Markusova V.A., Mindeli L.E. Bibliometricheskie kharakteristiki rossiiskikh nauchnykh zhurnalov po estestvennym i tekhnicheskim naukam po BD JCR-Science Edition, 1995-2010 gg. [Bibliometric Characteristics of Russian Scientific Journals on the Natural and Technical Sciences according to BD JCR-Science Edition, 1995–2010]. *Acta Naturae*, 2013, vol. 5, no. 3 (18), pp. 6-13.
5. Markusova V.A. Kachestvo nauchnykh zhurnalov i osnovnye kriterii dlya vklyucheniya v informatsionnyu sistemuu Web of Science kompanii Thomson Reuters [Quality of Scientific Journals and the Main Criteria for Inclusion in the Thomson Reuters Information System Web of Science]. *Acta Naturae*, 2012, vol. 4, no. 2 (13), pp. 6-14.
6. Marshakova-Shaikov I.V. Bibliometricheskii analiz nauchnykh zhurnalov [Bibliometric Analysis of Scientific Journals]. *Sotsiologiya nauki i tekhnologii* [Sociology of Science and Technology], 2014, vol. 5, no. 3, pp. 38-47.
7. Akoev M.A., Makrusova V.A., Moskaleva O.V., Pisyakov V.V. Nauchnye publikatsii kak sredstvo kommunikatsii, analiza i otsenki nauchnoi deyatel'nosti [Scientific Publications as a Means of Communication, Analysis and Evaluation of Scientific Activity]. *Rukovodstvo po naukometrii: indikatory razvitiya nauki i tekhnologii: monografiya* [Manual on Scientometrics: Indicators of Development of Science and Technology: a Monograph]. Yekaterinburg, 2014. Pp. 110-163.
8. Murav'ev A.A. O nauchnoi znachimosti rossiiskikh zhurnalov po ekonomike i smezhnym distsiplinam [On Scientific Value of Russian Journals in Economics and Related Fields]. *Voprosy ekonomiki* [Economic Issues], 2013, no. 4, pp. 130-151.
9. Pisyakov V.V., Akoev M.A., Makrusova V.A., Moskaleva O.V. Bibliometricheskie indikatory v resursakh Tomson Reuters [Bibliometric Indicators in the Resources of Tomson Reuters]. *Rukovodstvo po naukometrii: indikatory razvitiya nauki i tekhnologii: monografiya* [Manual on Scientometrics: Indicators of Development of Science and Technology: a Monograph]. Yekaterinburg, 2014. Pp. 75-109.
10. Rozenberg G.S. Ob impakt-faktorakh otechestvennykh zhurnalov ekologo-biologicheskogo profilya [About Impact Factors of National Journals on Ecology and Biology]. *Samarskaya Luka: problemy regional'noi i global'noi ekologii* [Samarskaya Luka: Problems of Regional and Global Ecology], 2014, vol. 23, no. 3, pp. 5-23.
11. Tret'yakova O.V. K voprosu ob impakt-faktore nauchnogo zhurnala i metodikakh ego formirovaniya [On the Issue of the Impact Factor of a Scientific Journal and Methods of Its Formation]. *Voprosy territorial'nogo razvitiya* [Territorial Development Issues], 2014, no. 5. Available at: <http://vtr.vscs.ac.ru/article/1412>
12. Tret'yakova O.V. Reiting nauchnykh zhurnalov ekonomicheskikh institutov RAN [Ranking of Scholarly Journals of Economic Institutes of the Russian Academy of Sciences]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 2015, no. 5, pp. 159-172. DOI: 10.15838/esc/2015.5.41.11.
13. Campbell Ph. Escape from the Impact Factor. *Ethic in Science and Environmental Politics*, 2008, no. 8, pp. 5-7.
14. Garfield E. Citation Indexes to Science: a New Dimension in Documentation through Association of Ideas. *Science*, 1955, vol. 122, no. 3159, pp. 108-111.
15. Garfield E., Sher I. H. New Factors in the Evaluation of Scientific Literature Through Citation Indexing. *American Documentation*, 1963, vol. 14, no. 3, pp. 195–201.
16. Gordon M. D. Citation Ranking versus Subjective Evaluation in the Determination of the Journal Hierarchies in the Social Sciences. *Journal of the American Society for Information Science*, 1982, vol. 33, no. 1, pp. 55–57. DOI: 10.1002/asi.4630330109
17. Hoeffel C. Journal Impact Factors (Letter). *Allergy*, vol. 53, no. 12, p. 1225.
18. Saha S., Saint S., Christakis D.A. Impact Factor: a Valid Measure of Journal Quality? *Journal of the Medical Library Association*, 2003, vol. 91, no. 1, pp. 42-46.

Обзор российского и зарубежного опыта агент-ориентированного моделирования сложных социально-экономических систем мезоуровня*

**Елена Андреевна
ЧЕКМАРЕВА**

кандидат экономических наук

Институт социально-экономического развития территорий РАН

160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а

miteneva@inbox.ru

Аннотация. В статье представлен обзор разработанных российскими и зарубежными учёными агент-ориентированных моделей сложных социально-экономических систем мезоуровня. Рассмотрены агент-ориентированные модели муниципальных образований: городов, городских агломераций, пригородных районов и др. При выборе моделей для обзора предпочтение отдавалось моделям муниципального уровня, имеющим подробное описание агентов, их поведения и правил взаимодействия, сопровождаемое наглядной схемой концептуальной модели. Вместе с тем важным критерием являлось и наличие информации об апробации построенной модели на реальных данных по конкретному муниципальному образованию. Зарубежный опыт применения агент-ориентированного подхода к изучению социально-экономических систем мезоуровня раскрыт на примере наиболее интересных и перспективных с нашей точки зрения моделей муниципальных образований: моделей виртуальной экономики города, модели взаимосвязанных рынков жилья и земли, моделей расширения городской территории, модели сокращения города, модели внутригородской миграции, модели взаимосвязанного развития творческой индустрии и пространственной структуры города. Рассмотрен также опыт российских учёных в этой области, представленный в научных публикациях о разработанных к настоящему времени моделях социально-экономического развития городов и муниципальных районов. При этом описаны основные действующие в каждой модели агенты, среда их функционирования, правила взаимодействия между собой и с внешней средой. Наглядно представлены концептуальные модели взаимодействия агентов. Показаны возможности и примеры практического применения описанных агент-ориентированных моделей.

Ключевые слова: агент, агент-ориентированная модель, обзор, мезоуровень, муниципальные образования.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 16-36-60011 мол_а_дк

В современный век активного развития информационных технологий эффективность государственного управления любого уровня всё более зависит не только от объема и достоверности имеющейся у органов власти информации о социальных и экономических переменных, происходящих на подведомственной территории, но и от используемых способов обработки таких данных. Объем информации, с которой приходится иметь дело лицам, принимающим решения, с каждым днём нарастает. При этом, как справедливо отмечают *А. Мусавев* и *А. Шевчик*, человеческий мозг может воспринимать не более трёх-четырёх взаимосвязанных параметров динамического процесса, поэтому для выработки наиболее эффективных управленческих решений целесообразно привлекать «когнитивных советников», без труда обрабатывающих сотни и тысячи взаимосвязанных параметров [13, с. 50]. Такими когнитивными советниками, на наш взгляд, способны стать компьютерные агент-ориентированные модели, учитывающие характеристики и особенности поведения хозяйствующих субъектов микроуровня и позволяющие прогнозировать процессы макро- и мезоуровня, а также производить апробацию различных вариантов управляющих воздействий.

Агент-ориентированные модели — специальный класс моделей, основанных на индивидуальном поведении агентов и создаваемых для компьютерных симуляций [2, с. 24]. Они представляют собой искусственное общество, состоящее из взаимодействующих самостоятельных агентов, каждый из которых обладает заданным набором личностных характеристик («ресурсов»), целевой функцией («интересами») и подчиняется правилам поведения, предопределяющим его реакцию в различных ситуациях, затрагивающих сферу его интересов [14, с. 5].

Как наглядно показано в исследовании *B. Heath, R. Hill* и *F. Ciarallo* [25], агент-ориентированное моделирование приобретает всё большую и большую популярность, число статей по данной тематике из года в год неуклонно растёт, причём около половины всех агент-ориентированных моделей строятся в области социальных наук и экономики, моделируют различные социальные и экономические явления и процессы.

Среди агент-ориентированных моделей социально-экономической тематики львиную долю занимают макроэкономические. В результате широкого применения агент-ориентированного моделирования в исследовании макроэкономических процессов и систем для обозначения этого класса моделей в зарубежных публикациях даже появилось понятие «MacroABM» [27]. Ярким примером моделей макроуровня является EURACE [23] — агент-ориентированная вычислимая модель европейской экономики.

Агент-ориентированные модели микроуровня не менее широко распространены благодаря их активному применению для оптимизации бизнес-процессов в целях повышения прибыли предприятий и организаций. Наименьший сегмент занимают агент-ориентированные модели мезоуровня (от греч. *mesos* — средний, промежуточный), то есть модели муниципальных образований — городов и районов, реже встречающиеся в зарубежных и отечественных публикациях.

Однако стоит признать, что некоторые модели макроуровня могут быть адаптированы к мезоуровню. В то же время это возможно далеко не всегда, поскольку агент-ориентированные модели социально-экономических систем мезоуровня будут иметь свои особенности, заключающиеся в специфических типах агентов и среды. Согласно авторитетному мнению академика *В.Л. Макарова* и доктора экономи-

ческих наук *А.Р. Бахтизина*, агентами в агент-ориентированных моделях могут быть любые наблюдаемые в реальной жизни объекты, однако основной задачей их учёта в рамках модели является их корректная спецификация. В частности, в моделях социально-экономических систем обычно присутствуют агрегированные агенты, представляющие собой либо отрасль, либо регион, либо совокупное домохозяйство [9, с. 21].

В статье ставилась цель провести обзор разработанных российскими и зарубежными учёными агент-ориентированных моделей сложных социально-экономических систем мезоуровня. Для достижения поставленной цели были рассмотрены наиболее интересные, на наш взгляд, агент-ориентированные модели муниципальных образований: городов, городских агломераций, пригородных районов и др. При этом были описаны основные действующие в каждой модели агенты, среда их функционирования, правила взаимодействия между собой и с внешней средой, наглядно представлены концептуальные модели взаимодействия агентов, раскрыты возможности и примеры практического применения описанных агент-ориентированных моделей.

Информационную базу исследования составили отечественные и зарубежные публикации по агент-ориентированному моделированию, в частности статьи и монографии учёных ЦЭМИ РАН, активно развивающих данное направление в России, а также международные издания, доступные в сети Интернет.

I. Обзор зарубежного опыта

В настоящее время описанная в зарубежных публикациях практика агент-ориентированного моделирования социально-экономических систем мезоуровня в основном заключается в имитации развития городов, городских агломераций и

пригородных территорий. Как известно, моделирование городского развития, имеющее многолетнюю историю, представлено широким набором методов, включая социальную физику, клеточные автоматы и другое [20]. История развития данного направления хорошо отражена в работах ведущего мирового специалиста по городскому моделированию *M. Batty* [19], который рассматривает города как сложные социально-экономические системы в мезомасштабе [18].

Исследование городского развития методом агент-ориентированного моделирования является относительно новым и перспективным направлением. Тем не менее научным сообществом уже накоплен немалый опыт построения агент-ориентированных моделей развития городского социально-экономического пространства. С некоторыми из них можно ознакомиться в обзорной статье известного английского специалиста по агент-ориентированному моделированию *A. Heppenstall* и её соавторов [26]. Однако цель данного обзора несколько отличается от поставленных нами целей, т.к. он характеризуется обширным охватом публикаций, но крайне поверхностным изложением сути самих моделей. Авторы делают акцент на предназначении описываемых моделей, а конструкция моделей, представляющая, на наш взгляд, наибольший интерес, практически не рассматривается. Кроме того, в этом обзоре преимущество отдано моделям, входящим в сферу интересов авторов, и не затрагиваются многие другие модели, заслуживающие внимания.

При выборе агент-ориентированных моделей для нашего обзора предпочтение отдавалось моделям муниципального уровня, имеющим подробное описание агентов, их поведения и правил взаимодействия, сопровождаемое наглядной схемой

концептуальной модели. Вместе с тем важным критерием являлось и наличие информации об апробации построенной модели на реальных данных по конкретному муниципальному образованию. То есть абстрактные теоретические агент-ориентированные модели, не предполагающие практического использования, сознательно не включались в обзор.

Модели виртуальной экономики. В работе *P. Čech, P. Tučník, V. Bureš* и *M. Husráková* [31] предлагается агент-ориентированная модель виртуальной экономики, предназначенная для исследования экономических процессов и прогресса в чешском городе Градец-Кралове (Hradec Králové). Модель воссоздает процессы производства и потребления в реальной экономике и содержит четыре типа автономных агентов:

- 1) потребители или С-агенты (от англ. «Consumer»);
- 2) производители или F-агенты (от англ. «Factory»);
- 3) добывающие предприятия или M-агенты (от англ. «Mining»);
- 4) транспорт или T-агенты (от англ. «Transport»).

По словам авторов, предлагаемая ими модель аналогична модели виртуальной экономики японских коллег [22], которая была упрощена, поскольку обладала более специфическими производствами и имела более сложную сеть отношений между агентами, чем это требовалось в исследовании. В частности, чешская модель, в отличие от японской, не учитывает банковские операции и деятельность правительства, поэтому такие агенты, как «Банк», «Центральный банк» и «Правительство», были исключены. Кроме того, вместо четырёх специализированных агентов, представляющих сельское хозяйство, хлебопекарную промышленность, металлургию и машиностроение, вводится один —

«Производители» и добавляется новый тип агентов — «Транспорт».

Поведение агентов в модели:

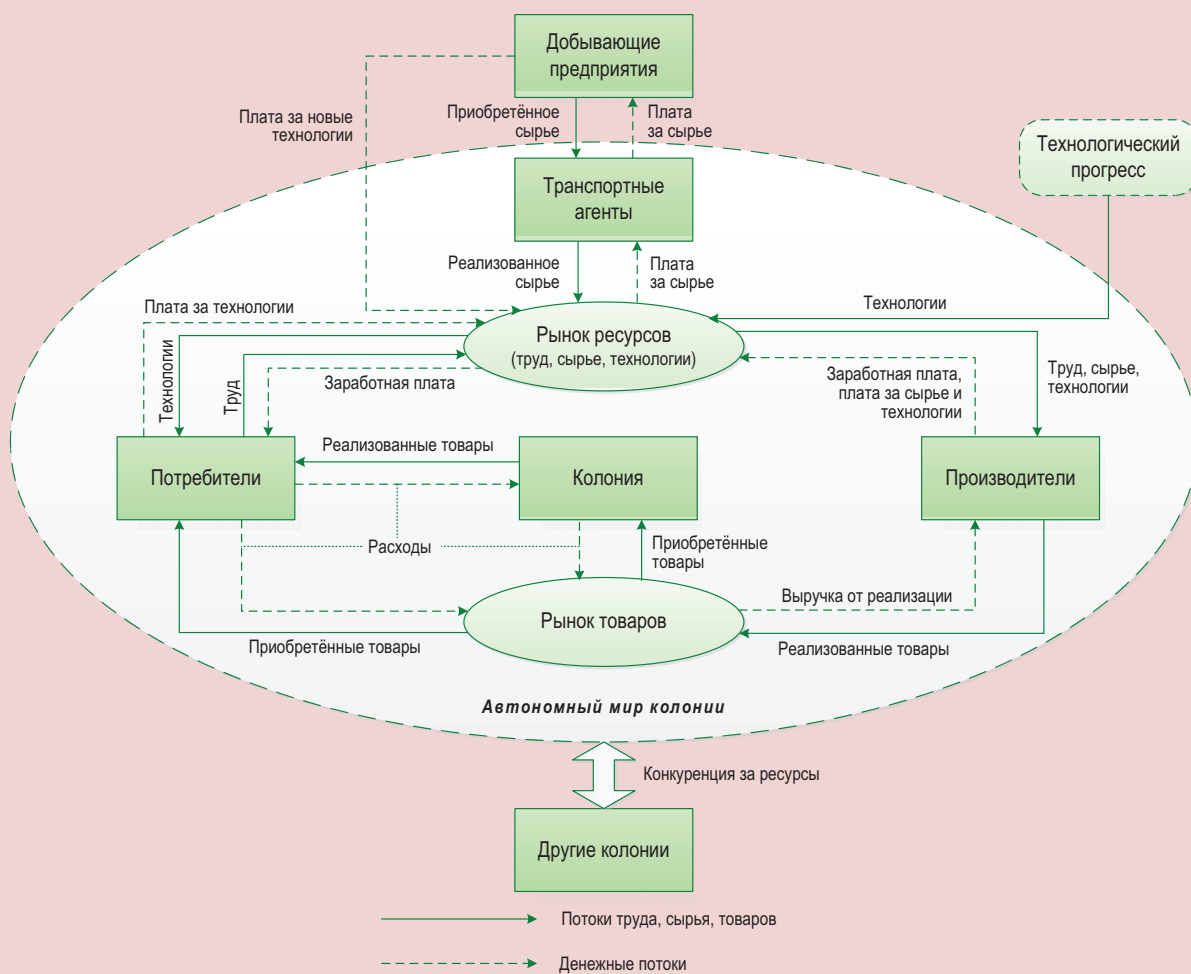
1. Агенты-потребители могут покупать товары трёх типов: первой необходимости, нормальные товары и предметы роскоши. Структура и скорость потребления определяется индивидуальной функцией потребления, зависящей от благосостояния агентов, которое в свою очередь определяется работой и квалификацией. При этом агенты могут распоряжаться своим благосостоянием, делая выбор между инвестициями в повышение квалификации и потреблением.

2. Агенты-производители потребляют сырьё и другие продукты и выпускают конечный продукт, покупаемый агентами-потребителями, или промежуточный продукт, покупаемый другими производителями. Закупаемое сырьё и продукты и их пропорции определяет функция потребления, а ассортимент выпускаемой продукции задаётся производственной функцией. Выпуск зависит от используемой технологии и квалификации занятых в производстве агентов-потребителей.

3. Добывающие предприятия отвечают за преобразование природных ресурсов в сырьё, используемое агентами-производителями. При этом каждый агент данного типа поставляет только один вид сырья. Стоимость добычи определяется функцией потребления, отражающей необходимые энергию и технологии.

4. Транспортные агенты являются посредниками между добывающими предприятиями и агентами-производителями. Задача транспортного агента — найти оптимальный маршрут. Производительность транспортного агента определяется скоростью передвижения, вместимостью и технологией. Стоимость перевозки зависит от расстояния.

Рисунок 1. Концептуальная модель виртуальной экономики (Градец-Кралове)

Источник: Modelling Complexity of Economic System with Multi-Agent Systems / P. Čech, P. Tučník, V. Bureš, M. Hus-ráková // 5th International Conference on Knowledge Management and Information Sharing (KMIS 13), Vilamoura, Algarve, Portugal, 19-22 Sept. 2013. – Pp. 464-469 (перевод автора).

Кроме всего перечисленного, потребители, производители и транспортные агенты могут объединяться в небольшие сообщества, названные в модели колониями (Colony). Колонии конкурируют за ресурсы и имеют две базовые характеристики: положение в пространстве и размер (численность населения). При этом успешность колонии определяется её благосостоянием, которое вычисляется как сумма благосостояний всех входящих в неё агентов (рис. 1).

В общем виде агент описывается как вектор восьми переменных:

$$AGENT = (pos, w, s, con, e, pro, mob, a),$$

где pos – от англ. position – положение в двумерном декартовом пространстве,
 w – от англ. wealth – благосостояние ($w \geq 0$, то есть долгов не допускается),
 s – от англ. storage capacity – ёмкость, пропускная способность склада,
 con – от англ. consumption – объём потребления,

e – от англ. efficiency – эффективность,
 pro – от англ. production function – производственная функция,
 mob – от англ. mobility – мобильность,
 a – от англ. affiliation – принадлежность к колонии.

Колония в свою очередь задаётся пятью переменными:

$$COL_{metaagent} = (pos, s, w, cw, CP),$$

где cw – от англ. creditworthiness – кредитоспособность колонии,

CP – от англ. colony population – размер колонии (количество агентов) [21].

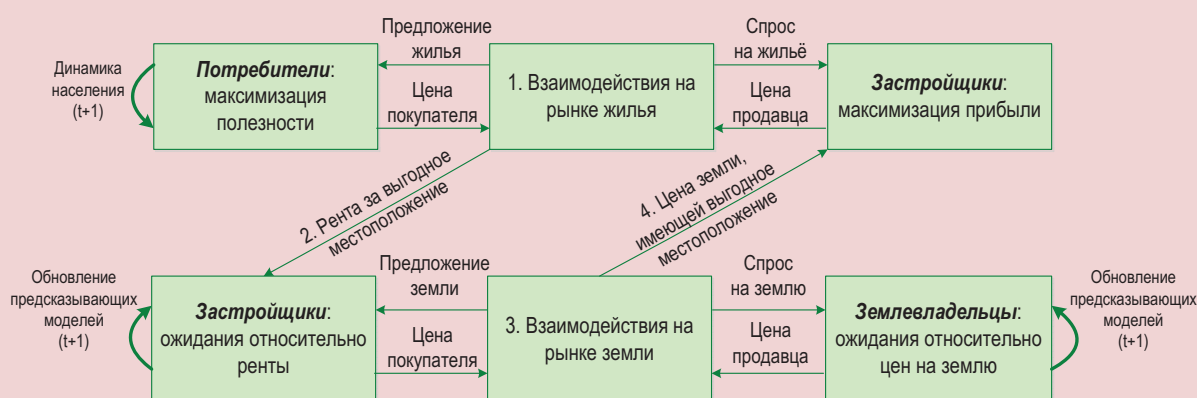
Первичная упрощенная компьютерная модель описанной виртуальной экономики реализована авторами на платформе NetLogo и имитирует такие процессы, как: добыча сырья, передача сырья транспортным агентам, транспортировка сырья в колонию, обнаружение препятствий во время транспортировки (болота, леса, водохранилища, песок), производство продукции, покупка, продажа и конечное потребление продукции агентами-потребителями.

Окончательная модель, по замыслу авторов, должна быть согласована с поведением хозяйствующих субъектов города Градец-Кралове и основываться на реальных статистических данных.

Модель взаимосвязанных рынков жилья и земли. Одной из наиболее известных экономических агент-ориентированных моделей мезоуровня можно назвать CHALMS (Coupled Housing and Land Markets model) [30] – модель взаимосвязанных рынков жилья и земли, разработанную N. Magliocca и описывающую динамику гипотетической пригородной местности (рис. 2).

Основными агентами в модели являются землевладельцы, потребители и застройщики. Модель имитирует постепенное превращение пригородных сельскохозяйственных угодий в жилые районы города, происходящее в результате действий агентов на рынках земли и жилья. По мнению авторов, разработанная модель хорошо улавливает основные тенденции развития большинства пригородных районов США.

Рисунок 2. Концептуальная модель взаимосвязанных рынков жилья и земли

Примечание: цифрами указана последовательность событий в рамках одного шага модельного времени.

Источник: An economic agent-based model of coupled housing and land markets (CHALMS) / N. Magliocca, E. Safirova, V. McConnell, M. Walls // Computers, Environment and Urban Systems. – 2011. – No. 35. – Pp. 183-191 (перевод автора).

Модели расширения городской территории. Агент-ориентированная модель расширения китайского города Чанша, разработанная *H. Zhang, Y. Zeng, L. Bian* и *X. Yu* [32], также содержит три типа агентов: это жители города, крестьяне и органы власти. Агенты-жители, выбирающие новое место жительства, считаются в модели одной из главных движущих сил расширения города. При этом рассматриваются два вида агентов-жителей: новые жители города, приезжающие извне, и уже существующие жители, переезжающие на новое место жительства. Предполагается, что при поиске нового места жительства агент стремится максимизировать функцию полезности:

$$U_{x,y} = \alpha \cdot C_{x,y} + \beta \cdot L_{x,y} + \gamma \cdot E_{x,y} + \mu_{x,y},$$

где C , L и E – стандартизованные транспортная доступность, стоимость земли и природная ценность места (x, y) соответственно,

α , β и γ – веса каждого фактора для конкретного агента ($\alpha + \beta + \gamma = 1$),

$\mu_{x,y}$ – случайный остаток. Введение весовых коэффициентов позволяет учесть, что значимость рассматриваемых факторов при выборе места жительства для агентов с разным уровнем дохода и составом семьи не одинакова.

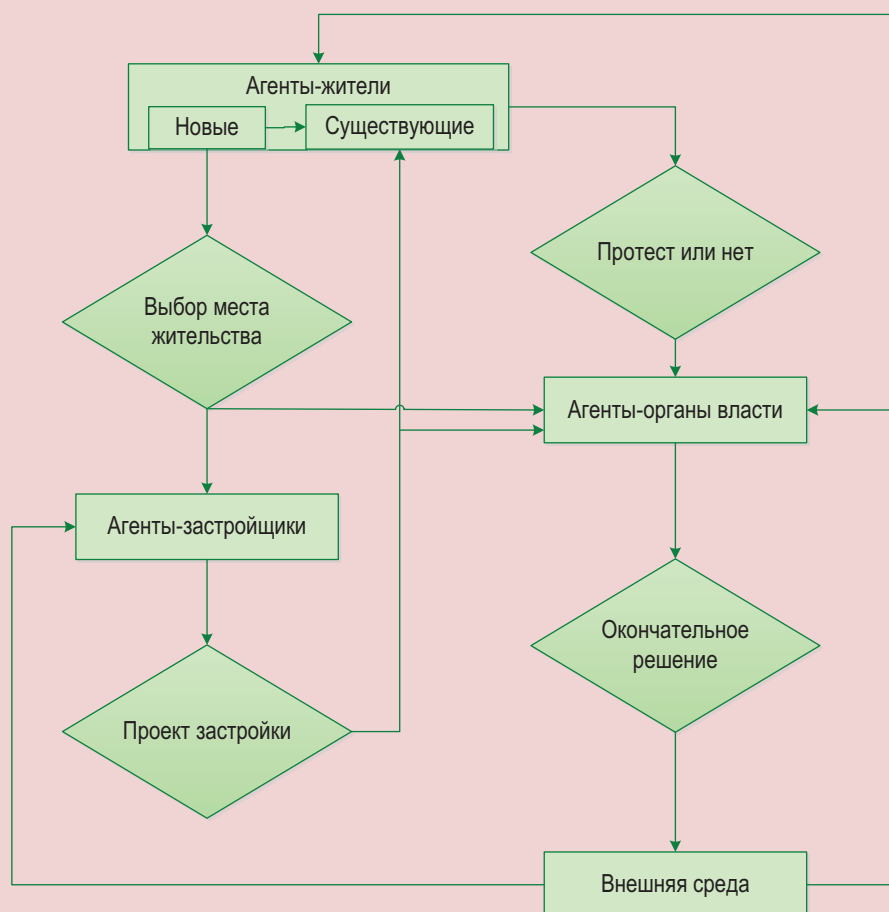
Агенты-крестьяне в поисках более комфортной жизни стремятся, с одной стороны, жить поближе к городу и «цивилизации», с другой – не потерять земли, которые их «кормят», ведь именно земли вблизи городской черты и крупных дорог с наибольшей вероятностью будут переданы городу. Принятие решений агентами-крестьянами зависит в модели от целого набора факторов: удельного веса охраняемых земель сельскохозяйственного назначения, удельного веса земель под застрой-

ку и зон возможной застройки, расстояния до железных дорог и шоссе, расстояния до главных городских дорог и центра города, плотности населения и др.

Органы власти являются в модели агентом особого типа, который не обладает пространственными характеристиками, в отличие от агентов двух других типов, однако может принимать решения, способствующие наиболее рациональному использованию земель, обеспечивает устойчивое развитие города при одновременной защите и сохранении плодородных сельскохозяйственных земель. Модель построена на реальных статистических данных о социально-экономическом развитии города Чанша, начиная с 90-х годов прошлого века, использует ГИС-карту города и реализована в виде клеточного автомата.

Ещё одним примером агент-ориентированных моделей роста городов служит модель расширения Большого Торонто [33], упоминаемая также в статье [7, с. 34]. Модель содержит три типа агентов: жители города, застройщики и органы власти (*рис. 3*). Как и в описанной выше «китайской» модели, здесь рассматриваются два вида жителей: новые и уже существующие. Новые жители в поисках места жительства побуждают застройщиков (которые, естественно, ориентированы на прибыль) разрабатывать проекты застройки и отправлять их на рассмотрение в органы власти и жителям домов, прилежащих к району потенциальной застройки. В зависимости от наличия протеста существующих жителей органы власти выносят окончательное решение об утверждении либо отклонении проекта и в случае положительного решения происходит застраивание новых территорий и расширение города.

Рисунок 3. Концептуальная модель расширения города (Большой Торонто)

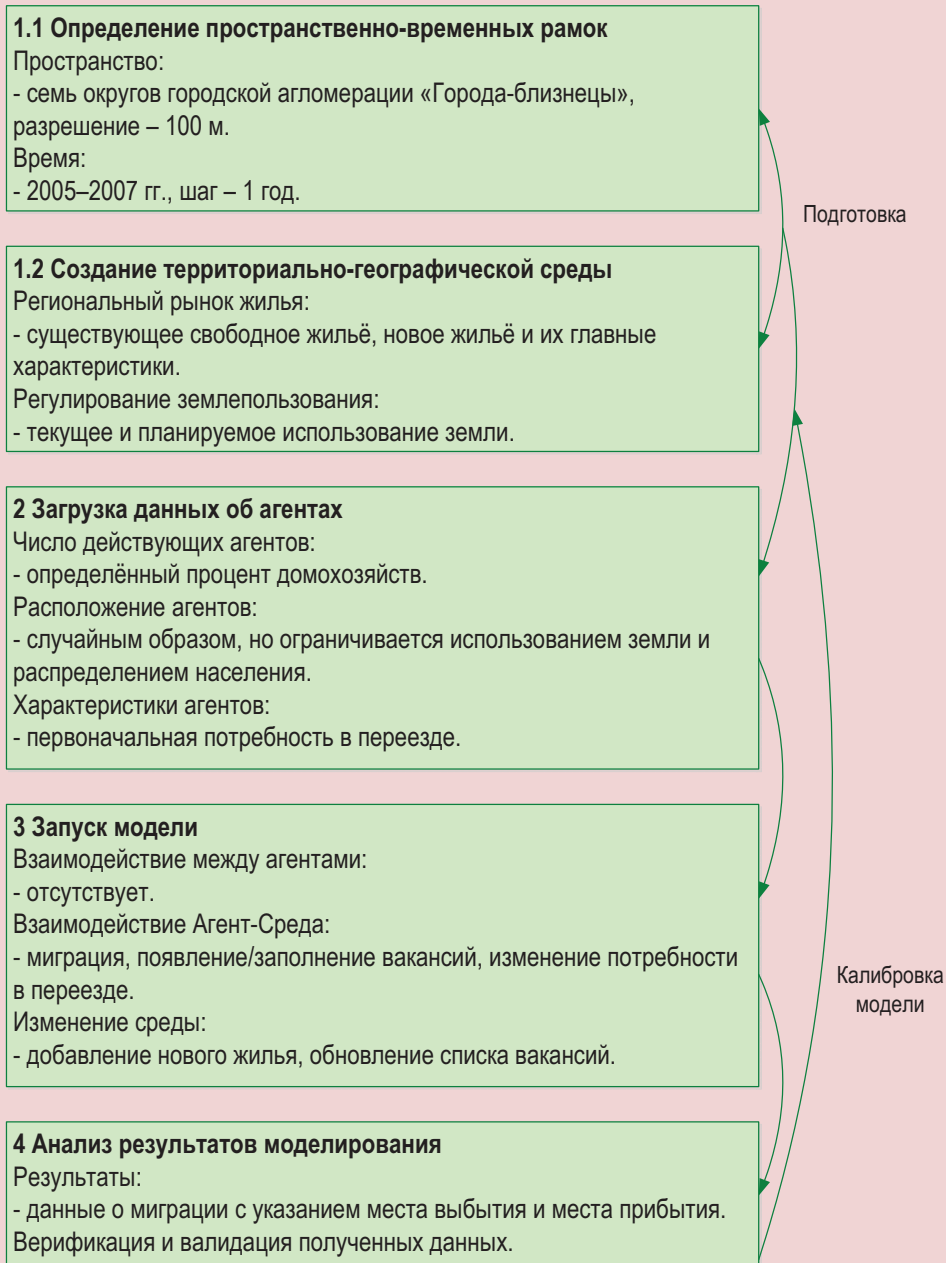

Источник: Rui Y., Ban Y. Multi-agent Simulation for Modeling Urban Sprawl In the Greater Toronto Area // Proc. of the 13th AGILE International Conference on Geographic Information Science. – Guimarães (Portugal), 2010. – URL: https://agile-online.org/Conference_Paper/CDs/agile_2010/ShortPapers_PDF/124_DOC.pdf (перевод автора).

Модель внутригородской миграции. Агент-ориентированному моделированию основной причины расширения городов – внутригородской миграции – посвящена работа американских учёных *S. Sun* и *S. M. Manson* [34]. Главными агентами в модели являются домашние хозяйства, создающие спрос на рынке недвижимости, застройщики, формирующие предложение нового жилья, и органы власти, регулирующие использование земель. Процесс моделирова-

ния внутригородской миграции проводится авторами в четыре этапа: 1) определение характеристик среды и пространственно-временных рамок, 2) загрузка данных об агентах, 3) запуск модели, 4) анализ результатов моделирования (рис. 4). Модель откалибрована и верифицирована на реальных данных по столичной агломерации штата Миннесота, которую образуют так называемые Города-близнецы: Миннеаполис и примыкающий к нему Сент-Пол.

Рисунок 4. Основные этапы моделирования внутригородской миграции (Города-близнецы)

Источник Sun S., Manson M. Simple Agents, Emergent City: Agent-Based Modeling of Intraurban Migration // Computational Approaches for Urban Environments. – Berlin: Springer, 2015. – Pp. 123-147 (перевод автора).

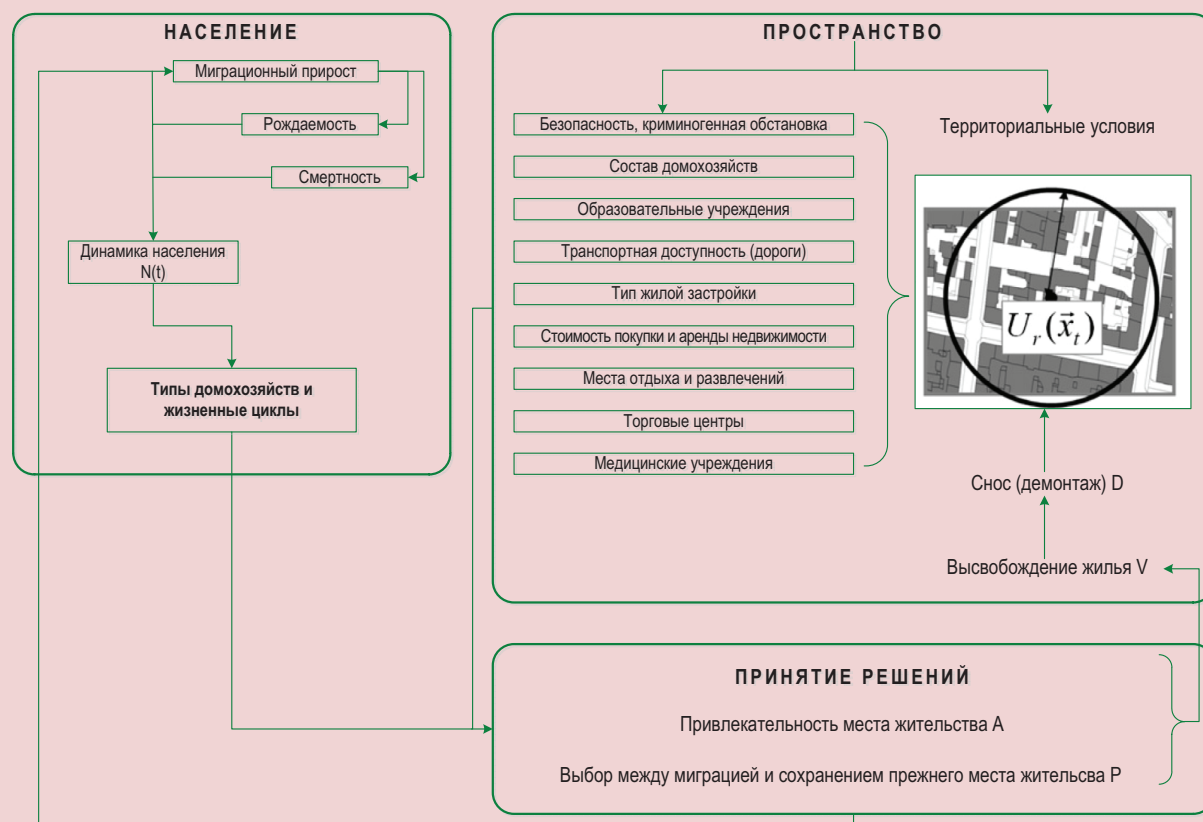
Модель сокращения города. Обратный процесс – сокращение города – рассматривается в работе немецких исследователей *D. Haase, S. Lautenbach* и *R. Seppelt* [24], которые использовали агент-ориентированное моделирование для изучения миграции и землепользования в городе Лейпциг. Компьютерная агент-ориентированная модель сокращения города, названная авторами RESMOVcity, основана на концептуальной модели (рис. 5), состоящей из трёх блоков:

1. Блок «Население»: динамика населения определяется миграционным приростом, рождаемостью и смертностью и, в свою очередь, влияет на типы домохозяйств и жизненные циклы.

2. Блок «Пространство»: каждая точка городского пространства, кроме её территориальной принадлежности, описывается целым набором характеристик, отражающих условия проживания в данном месте: это безопасность, криминогенная обстановка, состав домохозяйств, имеющиеся образовательные и медицинские учреждения, торговые центры, места отдыха и развлечений, транспортная доступность (дороги), тип жилой застройки, стоимость покупки и аренды недвижимости.

3. Блок «Принятие решений»: каждое домохозяйство осуществляет оценку привлекательности места жительства, а также выбор между переселением и сохранением прежнего места жительства.

Рисунок 5. Концептуальная модель сокращения города (Лейпциг)

Источник: Haase D., Lautenbach S., Seppelt R. Modeling and simulating residential mobility in a shrinking city using an agent-based approach // Environ. Model. Softw. – 2010. – No. 25. – Pp. 1225-1240 (перевод автора).

В результате переселения домохозяйств в городе происходит высвобождение жилья, имеющего наименьшую привлекательность, и в случае его длительной невостребованности (более 5 лет) – снос.

Модель взаимосвязанного развития творческой индустрии и пространственной структуры города. Учёные Кембриджского университета *H. Liu* и *E. A. Silva* [28, 29] разработали агент-ориентированную модель взаимосвязи развития творческой индустрии и пространственной структуры города. Агент-ориентированная модель реализована авторами в NetLogo в виде компьютерной модели под названием CID-USST и апробирована на данных китайского города Нанкин. Модель содержит три типа агентов: творческие фирмы, творческие работники и городские власти (рис. 6).

Фирмы могут появляться и исчезать, нанимать работников и увеличивать штат или увольнять работников и сокращать штат, переезжать из одного офиса в другой. Творческие работники могут также появляться и исчезать, менять место жительства. Городские власти отвечают за планирование использования городских земель и могут осуществлять политику поддержки как отдельных фирм, так и некоторых городских районов, принимая или отменяя политические решения относительно использования земли в городе. Каждый земельный участок в модели характеризуется набором свойств, включающим: местоположение, тип землепользования, рельеф местности, пригодность для использования, район города, качество застройки и др. Некоторые из этих свойств могут изменяться в зависи-

мости от действий агентов, и, наоборот, динамика свойств земельных участков оказывает влияние на действия агентов в модели.

В завершение обзора зарубежного опыта отметим, что описанные модели не исчерпывают всего многообразия агент-ориентированных моделей мезоуровня, разработанных за рубежом¹, однако именно они, на наш взгляд, являются наиболее интересными и хорошо проработанными, о чём свидетельствует их подробное описание в проанализированных нами статьях. Кроме того, нацеленность большинства разработчиков на практическое применение построенных моделей и использование реальных статистических данных по муниципалитетам задаёт хорошие перспективы дальнейшего развития моделей при условии качественной калибровки и валидации.

Так, отвечая на вопрос, обозначенный в названии своей статьи «Насколько хороши агент-ориентированные модели для имитации индивидов и пространства в городах?», *A. Heppenstall, N. Malleson и A. Crooks* [26] приходят к выводу, что, хотя агент-ориентированное моделирование городов благодаря «спуску» до микроуровня и большей детализации и привело к более глубокому пониманию и осмыслению внутригородских процессов и городской динамики, тем не менее остаётся ряд нерешённых проблем, связанных с калибровкой и валидацией агент-ориентированных моделей, моделированием индивидуального поведения, качеством исходных данных и т.п. Резюмируя свои рассуждения, авторы указывают на большой потенциал агент-ориентированного моделирования как метода имитации городского развития, отмечая, что решение выделенных проблем

¹ Подробное описание некоторых других моделей можно найти в сборнике: *Agent-Based Models of Geographical Systems / A.J. Heppenstall et al. (eds.). – Springer Science+Business Media B.V., 2012. – 759 p.*

принципиально важно, если в перспективе агент-ориентированное моделирование будет применяться на практике для помощи управленцам в создании устойчивых и «умных» городов.

II. Обзор российского опыта

В России агент-ориентированное моделирование начало развиваться несколько позже, чем за рубежом, и пока не получило такого широкого распространения. По этой причине число разработанных в нашей стране агент-ориентированных моделей в разы меньше, а агент-ориентированных моделей сложных социально-экономических систем мезоуровня совсем мало. Однако приятно отметить, что, несмотря на это и сравнительно небольшой опыт агент-ориентированного моделирования, качество разработанных моделей очень высокое. В первую очередь это является заслугой сотрудников Центрального экономико-математического института РАН, которые активно развивают данное направление в России. К настоящему времени специалистами ЦЭМИ РАН разработаны:

- комплексная агент-ориентированная модель социально-экономического развития мегаполисов [15];
- мультиагентная модель муниципальных образований в составе региона [7];
- демографическая модель условного региона [6];
- агент-ориентированная региональная модель «Губернатор» [14];
- агент-ориентированная демографическая модель «Россия» [8] и другие модели.

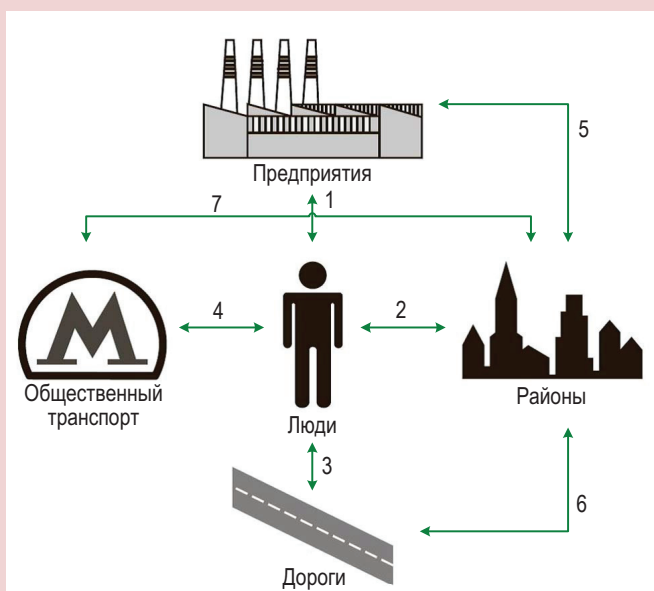
Накопленный опыт агент-ориентированного моделирования обобщён исследователями в двух монографиях: «Агент-ориентированные модели экономики» [2] и «Социальное моделирование — новый компьютерный прорыв (агент-ориентированные модели)» [10]. Рассмотрим подробнее модели мезоуровня.

Модели социально-экономического развития городов. Комплексная агент-ориентированная модель социально-экономического развития мегаполисов [15], разработанная М.Р. Фаттаховым, получила название CABMUD (Complex Agent-Based Model of Urban Development). Она состоит из 5 блоков: два типа агентов и три типа среды (рис. 7). Основными агентами в модели являются люди – жители мегаполиса, а также городские предприятия и организации. В качестве среды модели выступают районы города и находящиеся в них дороги общего пользования и линии общественного транспорта. В процессе работы модели агенты-люди взаимодействуют с другим видом агентов – предприятиями (тип связи агент-агент), т.е. они либо уже работают и получают ежемесячный доход, либо находятся на бирже труда и ищут работу. Проживая в районах города, они взаи-

модействуют со средой модели (тип связи агент-среда). Здесь они оплачивают стоимость проживания (платежи ЖКХ, арендная плата).

Агенты могут изменять район проживания исходя из своих предпочтений или текущего финансового положения. Перемещаясь между домом и работой, агенты-люди взаимодействуют с еще двумя видами среды – дорогами общего пользования и общественным транспортом. От выбора типа транспорта зависят величина ежемесячных расходов и время, проведенное агентами в пути. Характеристиками данного типа агентов являются: возраст, память, денежный баланс, размер ежемесячного дохода, район проживания, район работы, время начала рабочего дня, размер ежемесячных транспортных расходов, наличие или отсутствие личного транспортного средства. При этом агенты-люди

Рисунок 7. Концептуальная схема агент-ориентированной модели развития мегаполиса (Москва)

Условные обозначения: 1 – взаимодействие между агентами: люди работают на предприятиях и получают заработную плату или осуществляют поиск работы; 2 – взаимодействие со средой: агенты-люди проживают в районах города; 3 – взаимодействие со средой: агенты-люди передвигаются по дорогам общего пользования; 4 – взаимодействие со средой: агенты-люди пользуются общественным транспортом; 5 – взаимодействие со средой: агенты-предприятия, находящиеся в районах города, вносят ежемесячную арендную плату; 6 – реализация принципа иерархического построения среды: дороги общего пользования располагаются в районах города; 7 – реализация принципа иерархического построения среды: линии общественного транспорта проходят по районам города.

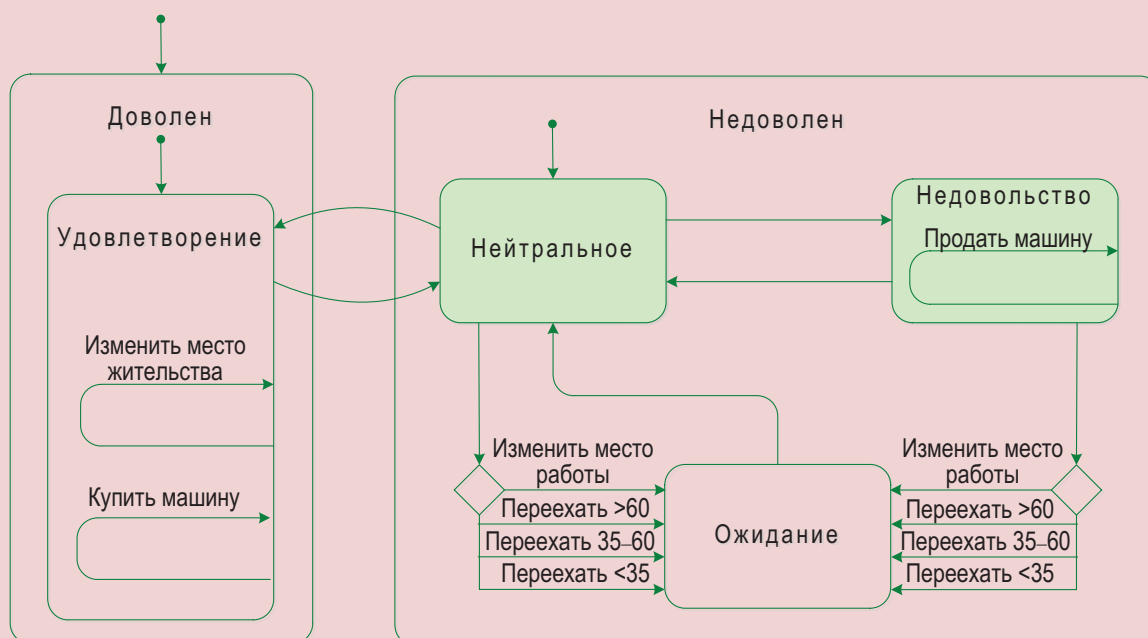
Источник: Фаттахов М.Р. Агентно-ориентированная модель социально-экономического развития Москвы // Экономика и математические методы. – 2013. – №2. – С. 30-42.

могут находиться в одном из четырёх состояний: удовлетворения, нейтральном, недовольства и в состоянии ожидания (рис. 8). Построенная исследователем модель SABMUD позволяет разрабатывать долгосрочный прогноз и сценарии социально-экономического развития города с учетом уровня комфортности проживания людей, а также получать количественную оценку результатов управленческих решений. Модель апробирована на примере г. Москвы [16] и показала хорошие результаты.

В настоящее время специалистами ЦЭМИ РАН совместно с коллегами из Северо-Западного института управления РАНХиГС разрабатывается крупномасштабная агент-ориентированная модель социальной системы «северной столицы» – Санкт-Петербурга [9, с. 23].

Модели муниципальных образований. Отдельного внимания заслуживает агент-ориентированная модель муниципального образования, разработанная Е.Д. Сушко [7]. В ней функционируют два типа агентов: агенты-физические лица (жители муниципального образования) и агенты-юридические лица (предприятия и организации, действующие на территории муниципального образования). Агенты-организации разделяются ещё на две категории: предприятия реального сектора и организации социальной сферы. Автором реализован принцип иерархического построения модели: агенты-физические лица считаются агентами первого уровня иерархии, а предприятия и организации, на которых работают жители муниципального образования, – агентами второго уровня. Сами муниципальные образования при моделировании

Рисунок 8. Состояния агентов-людей в модели SABMUD

Источник: Фаттахов М.Р. Агент-ориентированная модель социально-экономического развития Москвы // Экономика и математические методы. – 2013. – №2. – С. 30-42.

региона станут агентами третьего уровня иерархии. Причём агенты одного уровня в модели напрямую не взаимодействуют друг с другом.

Каждый агент в модели обладает определённым набором индивидуальных характеристик. Для агентов первого уровня такими характеристиками будут уровень образования и здоровья, трудовой стаж и т.п. Основными характеристиками агентов второго уровня являются основные фонды, располагаемые финансовые средства, трудовой потенциал работников и т.д. На состояние агентов в модели влияют многочисленные условия внешней среды.

Поведение агентов обоих типов обуславливается их «системой ценностей»

(предпочтений) и имитируется на основе целевых функций. Агенты-люди, работающие на предприятиях и организациях муниципального образования, анализируют доступную им информацию о внешней среде и собственном положении в ней и в соответствии со своей системой ценностей переходят, как и в описанной выше модели *М.Р. Фаттахова*, в одно из трёх состояний, которые названы автором «нормальное», «недовольство» и «критическое». Нормальное является стартовым состоянием агентов в модели, а критическое сигнализирует о необходимости безотлагательных действий для изменения ситуации. Общая схема поведения агента в модели представлена на *рисунке 9*.

Рисунок 9. Схема поведения агента в модели муниципального образования

Источник: Сушко Е.Д. Мультиагентная модель региона: концепция, конструкция и реализация: препринт # WP/2012/292. – М.: ЦЭМИ РАН, 2012. – 54 с.

Агент-ориентированная модель апробирована на примере муниципальных районов Вологодской области с привязкой к её карте и реализована исследователем в виде пользовательского программного продукта, разработанного в системе имитационного моделирования AnyLogic², выпускаемой российской компанией «The AnyLogic Company», ранее известной как «XJ Technologies». Важно подчеркнуть, что компьютерная модель ориентирована на практическое применение в управленческой деятельности и даёт возможность апробации различных стратегий управления доходами и расходами бюджетов муниципальных образований. Апробация осуществляется путём изменения управляемых параметров модели, в частности бюджетных расходов на отрасли социальной сферы и налогового бремени.

Приятно отметить, что, наряду со статистическими данными Федеральной службы государственной статистики, информационной базой для построения компьютерной агент-ориентированной модели муниципальных образований Вологодской области послужили социологические данные ИСЭРТ РАН, представленные в монографии «Местное самоуправление в региональном развитии» [1], и что при конструировании модели использовался методологический подход к оценке трудового потенциала, описанный в монографии «Трудовой потенциал региона» [5].

Родственной данной модели по концепции и предназначению можно назвать мультиагентную имитационную модель муниципального образования, разработан-

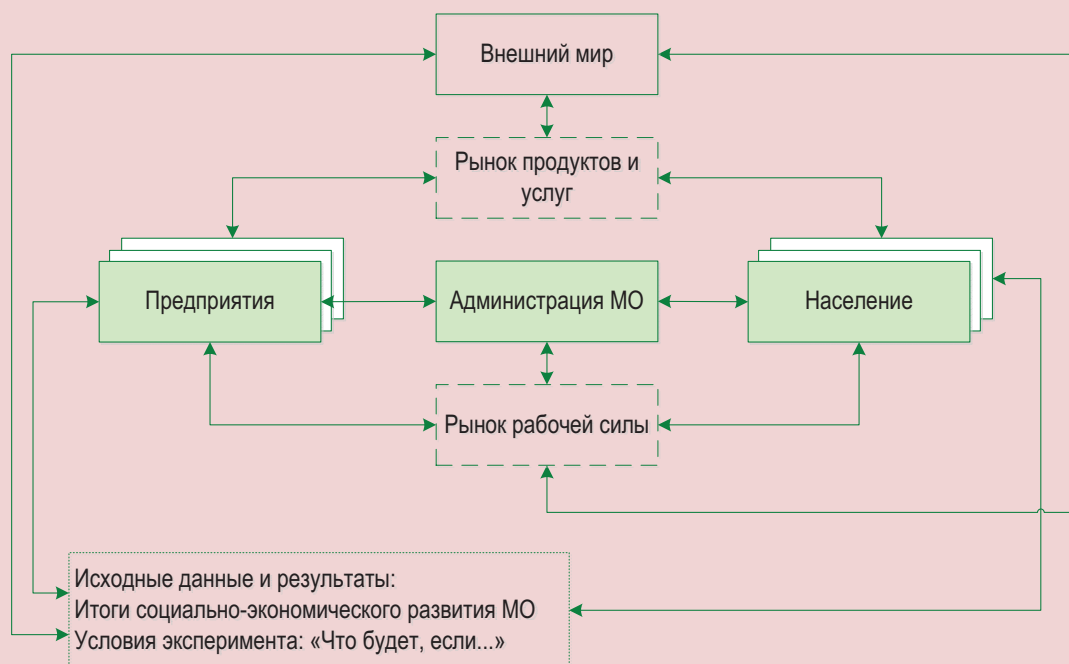
ную коллективом екатеринбургских учёных во главе с *Н.А. Бегуновым* [3]. Авторы считают актуальным использование управленцами автоматизированных систем поддержки принятия решений, разработанных на основе мультиагентных имитационных моделей муниципальных образований, и придерживаются мнения, что такая система способна стать инструментом комплексного анализа и прогноза социально-экономического развития муниципального образования, позволяя апробировать реализацию тех или иных проектов, оценивать их потенциальное влияние на качество жизни населения [12]. Концептуальная модель муниципального образования упрощённо представлена на *рисунке 10*.

По словам разработчиков, в модели рассматриваются следующие типы агентов муниципального образования и его окружения: предприятия двух видов (промышленные и сферы услуг), население муниципального образования, рынок рабочей силы, рынок товаров и услуг, жилой фонд и бюджет муниципального образования, а также федеральный и региональный бюджеты [4]. Причём модель поведения каждого экономического агента включает в себя две модели — жизненного цикла и поведения на конкретных этапах развития.

Развитие и усовершенствование построенной агент-ориентированной модели позволило авторам разработать и предложить управленцам онлайн-сервис прогнозирования развития экономико-социальных процессов территориальных образований [11]. По мнению авторов, разработанный сервис, центральным звеном которого стала агент-ориентированная модель, может использоваться в проведении оптимизаци-

² Официальный сайт продукта: <http://www.anylogic.ru/>

Рисунок 10. Концептуальная модель муниципального образования

Источник: Мультиагентная имитационная модель муниципального образования / Б.И. Клебанов, И.М. Москалёв, Н.А. Бегунов, А.В. Крицкий // Имитационное моделирование. Теория и практика (ИММОД-2007): сборник докладов III Всерос. науч.-практ. конф., г. Санкт-Петербург, 17–19 октября 2007 г. – СПб.: ЦНИИТС, 2007 – Т.2. – С. 86–90.

онных экспериментов, оценке стратегических проектов, ситуационном моделировании и в коллективной работе по поиску и принятию оптимальных управленческих решений.

Таким образом, накопленный к настоящему времени отечественный и зарубежный опыт агент-ориентированного моделирования сложных социально-экономических систем мезоуровня заключается преимущественно в моделировании социально-экономического и пространственно-территориального развития городов, городских агломераций, пригородных районов и других муниципальных образований. Основными агентами, действующими в моделях, чаще всего являются жители муниципального образования или домашние

хозяйства, предприятия и организации, работающие на территории муниципального образования, в том числе отдельные их виды, например строительные фирмы, а также органы власти.

Наличие в моделях такого специфического агента, как администрация муниципального образования, даёт возможность использования их для апробации различных вариантов управленческих воздействий на территории муниципального образования за счёт изменения управляемых параметров модели, например регулирования распределения бюджетных расходов, налогов, введения отдельных запретов или выдачи разрешений (например, на строительство), грантовой и иной поддержки хозяйствующих субъектов.

В то же время обзор зарубежных и отечественных публикаций, посвящённых агент-ориентированному моделированию социального-экономических процессов мезоуровня, позволяет сделать вывод о наличии существенных проблем, затрудняющих внедрение агент-ориентированных моделей на современном этапе их развития в практику государственного муниципального управления.

Первая проблема заключается в недостаточной теоретико-методологической разработанности самого метода агент-ориентированного моделирования, в частности, существуют значительные трудности, связанные с калибровкой, верификацией и валидацией построенных моделей. Об этом говорят и российские, и зарубежные специалисты. Решение данной проблемы возможно, на наш взгляд, путём разработки алгоритмов калибровки агент-ориентированных моделей, инструкций или рекомендаций по их верификации и валидации. Однако всё это требует консолидации усилий научного сообщества, значительных трудовых и временных затрат.

Вторая проблема состоит в потребности наполнения агент-ориентированных моделей реальными данными. Вследствие этого возникает необходимость сбора репрезентативных данных об агентах микроуровня.

Частично эту проблему можно решить за счёт использования социологических опросов. Однако методика социологических измерений должна обеспечивать сопоставимость данных на различных уровнях моделирования и возможность воплощения иерархического принципа построения моделей.

Третье препятствие на пути внедрения агент-ориентированных моделей в практику муниципального управления представляет человеческий фактор. Необходимо обеспечить доведение до органов власти информации о возможностях и перспективах агент-ориентированного моделирования социально-экономических систем и целесообразности его использования при принятии управленческих решений и выборе оптимальных стратегий государственного управления.

Тем не менее, как нам видится, все перечисленные проблемы решаемы и при наличии политической воли компьютерные агент-ориентированные модели в ближайшем будущем вполне могут войти в практику государственного управления и стать своеобразными когнитивными советниками, способными значительно увеличить эффективность управления на любом уровне, начиная с муниципального.

Литература

1. Амелин, Д.Е. Местное самоуправление в региональном развитии [Текст] / Д.Е. Амелин. — Вологда: ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 2006. — 182 с.
2. Бахтизин, А.Р. Агент-ориентированные модели экономики [Текст] / А.Р. Бахтизин. — М.: Экономика, 2008. — 279 с.
3. Бегунов, Н.А. Моделирование развития муниципальных образований на основе агентного подхода [Текст] / Н.А. Бегунов // Современные исследования социальных проблем: электронный научный журнал. — 2011. — №4. — С. 1-18. — URL: <http://sisp.nkras.ru/issues/2011/4/begunov.pdf>
4. Бегунов, Н.А. Имитационное моделирование социально-экономического развития города [Текст] / Н.А. Бегунов, Б.И. Клебанов, Е.В. Попов // Журнал экономической теории. — 2010. — №4. — С. 180-183.
5. Гулин, К.А. Трудовой потенциал региона [Текст] / К.А. Гулин, А.А. Шабунова, Е.А. Чекмарева. — Вологда: ИСЭРТ РАН, 2009. — 84 с.

6. Макаров, В.Л. Имитация особенностей репродуктивного поведения населения в агент-ориентированной модели региона [Текст] / В.Л. Макаров, А.Р. Бахтизин, Е.Д. Сушко // Экономика региона. – 2015. – №3. – С. 313-322.
7. Макаров, В.Л. Компьютерное моделирование взаимодействия между муниципалитетами, регионами, органами государственного управления [Текст] / В.Л. Макаров, А.Р. Бахтизин, Е.Д. Сушко // Проблемы управления. – 2013. – №6. – С. 31-40.
8. Макаров, В.Л. Общее описание демографической модели «Россия» [Электронный ресурс] / В.Л. Макаров, Е.Д. Сушко, А.Р. Бахтизин. – Режим доступа: <http://abm.center/publications/?ID=278>.
9. Макаров, В.Л. Современные методы прогнозирования последствий управленческих решений [Текст] / В.Л. Макаров, А.Р. Бахтизин // Управленческое консультирование. – 2015. – №7. – С. 12-24.
10. Макаров, В.Л. Социальное моделирование – новый компьютерный прорыв (агент-ориентированные модели) [Текст] / В.Л. Макаров, А.Р. Бахтизин. – М.: Экономика, 2013. – 295 с.
11. Москалёв, И.М. Сервис прогнозирования развития экономико-социальных процессов территориальных образований [Текст] / И.М. Москалёв, Н.А. Бегунов // Научное обозрение: экономика и управление. – 2012. – №4. – С. 69-76.
12. Мультиагентная имитационная модель муниципального образования [Текст] / Б.И. Клебанов, И.М. Москалёв, Н.А. Бегунов, А.В. Крицкий // Имитационное моделирование. Теория и практика (ИММОД-2007): сборник докладов III Всероссийской научно-практической конференции, г. Санкт-Петербург, 17–19 октября 2007 г. – СПб.: ЦНИИТС, 2007. – Т. 2. – С. 86-90.
13. Мусаев, А. Тихая когнитивная революция [Текст] / А. Мусаев, А. Шевчик // Эксперт. – 2016. – №4. – С. 45-51.
14. Сушко, Е.Д. Мультиагентная модель региона: концепция, конструкция и реализация [Текст] / Е.Д. Сушко: препринт # WP/2012/292. – М.: ЦЭМИ РАН, 2012. – 54 с.
15. Фаттахов, М.Р. Агент-ориентированная модель социально-экономического развития мегаполисов [Текст] / М. Р. Фаттахов: автореф. дис. на соиск. уч. ст. к.э.н. : 08.00.13. – М., 2011. – 30 с.
16. Фаттахов, М.Р. Агент-ориентированная модель социально-экономического развития Москвы [Текст] / М. Р. Фаттахов // Экономика и математические методы. – 2013. – №2. – С. 30-42.
17. Agent-Based Models of Geographical Systems / A.J. Heppenstall et al. (eds.). – Springer Science+Business Media B.V., 2012. – 759 p.
18. Batty, M. Agents, cells, and cities: new representational models for simulating multiscale urban dynamics / M. Batty // Environment and Planning. – 2005. – Vol. 37. – Pp. 1373-1394.
19. Batty, M. Fifty Years of Urban Modelling: Macro Statics to Micro Dynamics / M. Batty // The Dynamics of Complex Urban Systems: An Interdisciplinary Approach/ – Heidelberg: Physica-Verlag, 2008. – Pp. 1-20.
20. Batty, M. Urban Modeling / M. Batty // International Encyclopedia of Human Geography. – Oxford: Elsevier, 2009. – Pp. 51-58.
21. Bures, V. Complex agent-based models: Application of a constructivism in the economic research / V. Bures, P. Tucnik // Economics & Management. – 2014. – XVII(1). – Pp. 152-168.
22. Deguchi, H. Virtual Economy Simulation and Gaming – An Agent Based Approach / H. Deguchi, T. Terano, K. Kurumatani, T. Yuzawa, S. Hashimoto, H. Matsui, A. Sashima, T. Kaneda // JSAI 2001 Workshops, LNAI 2253 – Pp. 218-226.
23. Deissenberg, C. EURACE: A massively parallel agent-based model of the European economy / C. Deissenberg, S. Hoog, H. Dawid // Applied Mathematics and Computation. – 2008. – 204. – Pp. 541-552.
24. Haase, D. Modeling and simulating residential mobility in a shrinking city using an agent-based approach / D. Haase, S. Lautenbach, R. Seppelt // Environ. Model. Softw. – 2010. – No. 25. – Pp. 1225-1240.
25. Heath, B. A Survey of Agent-Based Modeling Practices (January 1998 to July 2008) / B. Heath, R. Hill, F. Ciarallo // Journal of Artificial Societies and Social Simulation. – 2009. – No. 12 (4) 9. – Pp. 1-35.
26. Heppenstall, A. “Space, the Final Frontier”: How Good are Agent-based Models at Simulating Individuals and Space in Cities? / A. Heppenstall, N. Malleon, A.T. Crooks // Systems. – 2016. – No. 4 (1) 9. – URL: <http://www.mdpi.com/2079-8954/4/1/9/pdf/>
27. Legendi, R. Replication of the MacroABM Model: Replication Issues in the Context of Economic Agents / R. O. Legendi, L. Gulyás // 17th Annual Workshop on Economic Heterogeneous Interacting Agents, WEHIA 2012, June 21-23 in Paris, France. – 15 p.

28. Liu, H. Creative industries urban model: structure and functioning / H. Liu, E. A. Silva // *Urban Design and Planning*. – 2015. – Vol. 168 (2). – Pp. 88-100.
29. Liu, H. Simulating the Dynamics Between the Development of Creative Industries and Urban Spatial Structure: An Agent-Based Model / H. Liu, E. A. Silva // *Planning Support Systems for Sustainable Urban Development*. Springer, Berlin, Germany, 2013. – Pp. 51-72.
30. Magliocca, N. An economic agent-based model of coupled housing and land markets (CHALMS) / N. Magliocca, E. Safirova, V. McConnell, M. Walls // *Computers, Environment and Urban Systems*. – 2011. – No. 35. – Pp. 183-191.
31. Modelling Complexity of Economic System with Multi-Agent Systems / P. Čech, P. Tučník, V. Bureš, M. Husráková // *5th International Conference on Knowledge Management and Information Sharing (KMIS 13)*, Vilamoura, Algarve, Portugal, 19-22 Sept. 2013. – Pp. 464-469.
32. Modelling urban expansion using a multi agent-based model in the city of Changsha / H. Zhang, Y. Zeng, L. Bian, X. Yu // *Journal of Geographical Sciences*. – 2010. – No. 20(4). – Pp. 540-556.
33. Rui, Y. Multi-agent Simulation for Modeling Urban Sprawl In the Greater Toronto Area / Y. Rui, Y. Ban // *Proc. of the 13th AGILE International Conference on Geographic Information Science*. – Guimarães (Portugal), 2010. – URL: https://agile-online.org/Conference_Paper/CDs/agile_2010/ShortPapers_PDF/124_DOC.pdf
34. Sun, S. Simple Agents, Emergent City: Agent-Based Modeling of Intraurban Migration / S. Sun, S. M. Manson // *Computational Approaches for Urban Environments*. – Berlin: Springer, 2015. – Pp. 123-147.

Сведения об авторе

Елена Андреевна Чекмарева – кандидат экономических наук, научный сотрудник, Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук (160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, miteneva@inbox.ru)

© Chekmareva E.A.

Overview of the Russian and Foreign Experience of Agent-Based Modeling of Complex Socio-Economic Systems of the Meso-Level

Elena Andreevna Chekmareva - Ph.D. in Economics, Research Associate, Institute of Socio-Economic Development of Territories of Russian Academy of Science (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation, miteneva@inbox.ru)

Abstract. The paper presents an overview of the agent-oriented models of complex socio-economic systems of the meso-level developed by Russian and foreign scientists. It considers agent-oriented models of municipalities: cities, urban agglomerations, suburban areas, etc. When choosing models for the review, preference was given to municipal level models that have a detailed description of agents, their behavior and rules of interaction accompanied by a visual diagram of the conceptual model. However, the important criterion was the availability of information about the testing of the constructed model on the actual data for a specific municipality. Foreign experience of application of the agent-oriented approach to the study of socio-economic systems of the meso-level is disclosed on the example of the models of municipalities that are the most interesting and promising from our point of view: these models are models of the virtual economy of the city, the model of interrelated markets for housing and land, the models of expansion of the city area, the models of reducing the city, the model of intra-city migration, the models of interconnected development of creative industries and spatial structure of the city. The author also considers the experience of Russian scientists in this field presented in scientific publications on the current models of socio-economic development of cities and municipal areas. The main agents acting within each model, the environment

of their functioning, and the rules of interaction between themselves and with the external environment are described. The author presents conceptual models of interaction between the agents. The paper shows possibilities and examples of practical application of the described agent-based models.

Key words: agent, agent-based model, review, meso-level, municipal formations.

References

1. Amelin D.E. *Mestnoe samoupravlenie v regional'nom razviti* [Local Government in Regional Development]. Vologda: VNKTs TsEMI RAN, 2006. 182 p.
2. Bakhtizin A.R. *Agent-orientirovannye modeli ekonomiki* [Agent-Based Models of Economy]. Moscow: Ekonomika, 2008. 279 p.
3. Begunov N.A. Modelirovanie razvitiya munitsipal'nykh obrazovaniy na osnove agentnogo podkhoda [Modeling the Development of Municipalities Based on the Agent Approach]. *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem: elektronnyi nauchnyi zhurnal* [Modern Research into Social Issues: Scientific Electronic Journal], 2011, no. 4, pp. 1-18. Available at: <http://sisp.nkras.ru/issues/2011/4/begunov.pdf>
4. Begunov N.A., Klebanov B.I., Popov E.V. Imitatsionnoe modelirovanie sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya goroda [Simulation Modeling of Socio-Economic Development of the City]. *Zhurnal ekonomicheskoi teorii* [The Journal of Economic Theory], 2010, no. 4, pp. 180-183.
5. Gulin K.A., Shabunova A.A., Chekmareva E.A. *Trudovoi potentsial regiona* [Labor Potential of the Region]. Vologda: ISERT RAN, 2009. 84 p.
6. Makarov V.L., Bakhtizin A.R., Sushko E.D. Imitatsiya osobennosti reproduktivnogo povedeniya naseleniya v agent-orientirovannoi modeli regiona [Simulating the Reproductive Behavior of a Region's Population with an Agent-Based Model]. *Ekonomika regiona* [Economy of the Region], 2015, no. 3, pp. 313-322.
7. Makarov V.L., Bakhtizin A.R., Sushko E.D. Komp'yuternoe modelirovanie vzaimodeistviya mezhdu munitsipalitetami, regionami, organami gosudarstvennogo upravleniya [Computer-Based Simulation of Interaction between Municipalities, Regions, and Bodies of Public Administration]. *Problemy upravleniya* [Management Issues], 2013, no. 6, pp. 31-40.
8. Makarov V.L., Sushko E.D., Bakhtizin A.R. *Obshchee opisaniye demograficheskoi modeli "Rossiya"* [General Description of the Demographic Model "Russia"]. Available at: <http://abm.center/publications/?ID=278>.
9. Makarov V.L., Bakhtizin A.R. *Sovremennyye metody prognozirovaniya posledstviy upravlencheskikh reshenii* [Modern Methods for Forecasting the Effects of Management Decisions]. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie* [Management Consulting], 2015, no. 7, pp. 12-24.
10. Makarov V.L., Bakhtizin A.R. *Sotsial'noye modelirovanie – novyy komp'yuternyy proryv (agent-orientirovannyye modeli)* [Social Simulation – a new Computer-Based Breakthrough (Agent-Oriented Models)]. Moscow: Ekonomika, 2013. 295 p.
11. Moskalev I.M., Begunov N.A. *Servis prognozirovaniya razvitiya ekonomiko-sotsial'nykh protsessov territorial'nykh obrazovaniy* [Service of Forecasting of Development of Economic and Social Processes of Territorial Entities]. *Nauchnoye obozreniye: ekonomika i upravleniye* [Science Review: Economics and Management], 2012, no. 4, pp. 69-76.
12. Klebanov B.I., Moskalev I.M., Begunov N.A., Kritskii A.V. *Mul'tiagentnaya imitatsionnaya model' munitsipal'nogo obrazovaniya* [Multi-Agent Simulation Model for a Municipal Formation]. *Imitatsionnoye modelirovanie. Teoriya i praktika (IMMOD-2007): sbornik dokladov III Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, g. Sankt-Peterburg, 17–19 oktyabrya 2007 g.* [Simulation Modeling. Theory and Practice (IMMOD-2007): Collection of Reports of the Third All-Russian Research-to-Practice Conference, Saint Petersburg, October 17–19, 2007]. Saint Petersburg: TsNIITS, 2007. Vol. 2. Pp. 86-90.
13. Musaev A., Shevchik A. *Tikhaya kognitivnaya revolyutsiya* [A Quiet Cognitive Revolution]. *Ekspert* [Expert], 2016, no. 4, pp. 45-51.
14. Sushko E.D. *Mul'tiagentnaya model' regiona: kontseptsiya, konstruktsiya i realizatsiya: Preprint # WP/2012/292* [Multi-Agent Model of the Region: Concept, Design, and Implementation: Preprint # WP/2012/292]. Moscow: TsEMI RAN, 2012. 54 p.

15. Fattakhov M.R. *Agent-orientirovannaya model' sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya megapolisov: avtoref. dis. na soisk. uch. st. k.e.n.: 08.00.13* [The Agent-Based Model of Socio-Economic Development of Megalopolises: Ph.D. in Economics Dissertation Abstract]. Moscow, 2011. 30 p.
16. Fattakhov M.R. *Agento-orientirovannaya model' sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Moskvy* [Agent-Based Model for Socio-Economic Development of Moscow]. *Ekonomika i matematicheskie metody* [Economics and Mathematical Methods], 2013, no. 2, pp. 30-42.
17. *Agent-Based Models of Geographical Systems*. Ed. by A.J. Heppenstall et al. Springer Science+Business Media B.V., 2012. 759 p.
18. Batty M. Agents, Cells, and Cities: New Representational Models for Simulating Multiscale Urban Dynamics. *Environment and Planning*, 2005, vol. 37, pp. 1373-1394.
19. Batty M. Fifty Years of Urban Modelling: Macro Statics to Micro Dynamics. *The Dynamics of Complex Urban Systems: An Interdisciplinary Approach*. Heidelberg: Physica-Verlag, 2008. Pp. 1-20.
20. Batty M. Urban Modeling. *International Encyclopedia of Human Geography*. Oxford: Elsevier, 2009. Pp. 51-58.
21. Bures V., Tucnik P. Complex Agent-Based Models: Application of a Constructivism in the Economic Research. *Economics & Management*, 2014, vol. 17, no. 1, pp. 152-168.
22. Deguchi H., Terano T., Kurumatani K., Yuzawa T., Hashimoto S., Matsui H., Sashima A., Kaneda T. Virtual Economy Simulation and Gaming – An Agent Based Approach. *JSAI 2001 Workshops, LNAI 2253*. Pp. 218-226.
23. Deissenberg C., Hoog S., Dawid H. EURACE: A massively parallel agent-based model of the European economy. *Applied Mathematics and Computation*, 2008, no. 204, pp. 541-552.
24. Haase D., Lautenbach S., Seppelt R. Modeling and simulating residential mobility in a shrinking city using an agent-based approach. *Environ. Model. Softw.*, 2010, no. 25, pp. 1225-1240.
25. Heath B., Hill R., Ciarallo F. A Survey of Agent-Based Modeling Practices (January 1998 to July 2008). *Journal of Artificial Societies and Social Simulation*, 2009, no. 12 (4) 9, pp. 1-35.
26. Heppenstall A., Malleon N., Crooks A.T. “Space, the Final Frontier”: How Good are Agent-Based Models at Simulating Individuals and Space in Cities? *Systems*, 2016, no. 4 (1) 9. Available at: <http://www.mdpi.com/2079-8954/4/1/9/pdf/>
27. Legendi R. O., Gulyás L. Replication of the MacroABM Model: Replication Issues in the Context of Economic Agents. *17th Annual Workshop on Economic Heterogeneous Interacting Agents, WEHIA 2012, June 21-23 in Paris, France*. 15 p.
28. Liu H., Silva E. A. Creative Industries Urban Model: Structure and Functioning. *Urban Design and Planning*, 2015, vol. 168, no. 2, pp. 88-100.
29. Liu H., Silva E. A. Simulating the Dynamics Between the Development of Creative Industries and Urban Spatial Structure: An Agent-Based Model. *Planning Support Systems for Sustainable Urban Development*. Berlin: Springer, 2013. Pp. 51-72.
30. Magliocca N., Safirova E., McConnell V., Walls M. An Economic Agent-Based Model of Coupled Housing and Land Markets (CHALMS). *Computers, Environment and Urban Systems*, 2011, no. 35, pp. 183-191.
31. Čech P., Tučník P., Bureš V., Husráková M. Modelling Complexity of Economic System with Multi-Agent Systems. *5th International Conference on Knowledge Management and Information Sharing (KMIS 13), Vilamoura, Algarve, Portugal, September 19-22, 2013*. Pp. 464-469.
32. Zhang H., Zeng Y., Bian L., Yu X. Modelling Urban Expansion Using a Multi Agent-Based Model in the City of Changsha. *Journal of Geographical Sciences*, 2010, vol. 20, no. 4, pp. 540–556.
33. Rui Y., Ban Y. Multi-agent Simulation for Modeling Urban Sprawl In the Greater Toronto Area. *Proc. of the 13th AGILE International Conference on Geographic Information Science. – Guimarães (Portugal), 2010*. Available at: https://agile-online.org/Conference_Paper/CDs/agile_2010/ShortPapers_PDF/124_DOC.pdf
34. Sun S., Manson S.M. Simple Agents, Emergent City: Agent-Based Modeling of Intraurban Migration. *Computational Approaches for Urban Environments*. Berlin: Springer, 2015. Pp. 123-147.

НАУЧНЫЕ ОБЗОРЫ. НАУЧНЫЕ РЕЦЕНЗИИ. ОТЗЫВЫ

DOI: 10.15838/esc.2016.2.44.15

Рецензия на монографию

Беларусь на пути в будущее: социологическое измерение /
под ред. И.В. Котлярова. – Мн. : Беларуская навука , 2015. – 499 с.

**Константин Николаевич
КАЛАШНИКОВ**

кандидат экономических наук

Институт социально-экономического развития территорий РАН
160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а
konstantino-84@mail.ru

Terra incognita, или Что мы знаем о Беларуси?

Если мы решим провести импровизированное социологическое исследование, выйдем на улицы российских городов и обратимся к прохожим с простым вопросом «Что Вы знаете о современной Беларуси?», то очень быстро поймём, насколько наши представления об этой стране туманны, а знания — отрывочны. Почти наверняка люди скажут, что Лукашенко — сильный президент, который умеет навести порядок в стране. Они также вспомнят о чистоте белорусских улиц и защищённости простых граждан, о чём знают либо по собственному опыту путешествий, либо по пересказам знакомых. Пожалуй, этим скромным набором сведений и ограничатся представления россиян о жизни западных соседей.

Поэтому выход в свет масштабной, почти 500-страничной, монографии «Беларусь на пути в будущее: социологическое изме-

рение», посвящённой развитию белорусского общества и затрагивающей практически все аспекты, включая становление политических институтов и развитие социальной сферы, наверное, явился хорошей новостью для тех, кто сетовал на известную информационную изолированность Республики Беларусь. Книга издана в 2015 году в г. Минске. Её авторы — ведущие белорусские социологи И.В. Котляров, В.Л. Абушенко, Е.М. Бабосов и др.

По страницам книги...

Читая монографию, трудно не заметить сложного конгломерата представленных в ней оценок, идей, впечатлений. Здесь переплетены самые пёстрые взгляды, среди них — такие, которые в российском идеологическом пространстве уже не встретишь. Например, сама постановка проблемы, как белорусский народ относится к предпринимательству, подразумевающая возможность, что к нему можно относиться

и негативно, говорит о многом. В глазах почти 20% белорусов предприниматели выглядят скомпрометированными: они «не создают рабочих мест, ничего не производят, занимаются только торговлей», а 13% опрошенных жителей страны считают, что предприниматели препятствуют росту экономики и конкуренции. Нельзя не упомянуть в этой же связи и раздел монографии под броским заголовком «Рабочий класс в мире постиндустриальных иллюзий», подвергающий острой критике идею «смерти труда», которая якобы должна наступить с приходом постиндустриального общества.

Вместе с тем значительный интерес для коллектива исследователей, разрабатывающих проект «Социокультурный портрет регионов России» под руководством Н.И. Лапина, представляет раздел, посвящённый исследованию социокультурных детерминант развития Беларуси, особенно после недавно высказанных белорусскими социологами намерений углубить данное направление научных изысканий, в частности, в рамках исследований по «разгадке культурного кода» белорусов.

В книге мы находим свидетельства того, что белорусские учёные умеют учиться на российских ошибках. Реформирование механизмов финансирования здравоохранения в части перехода к страховым принципам и, соответственно, обретения дополнительного источника поступления средств, предпринятое в России, дало более чем скромные результаты. Причины неудачи очевидны: какие бы инструменты распределения средств ни апробировала власть, финансовый субстрат, питающий социальную систему, остаётся одним и тем же. Авторы книги продемонстрировали полное понимание этой закономерности, и остаётся надеяться, что белорусская власть прислушается к этим разумным аргументам.

Однако наибольший интерес вызывают разделы книги, которые затрагивают социальные и политические аспекты жизни белорусского народа. Как показывают авторы, граждан Беларуси при всех возможных допущениях трудно назвать зажиточными. Например, значительная часть — 60% — белорусских пенсионеров не удовлетворены размером пенсии. Пенсионных выплат, по их словам, хватает только на еду и оплату коммунальных услуг, но покупка одежды и обуви, не говоря уже о товарах длительного пользования, для большинства требует накопления средств. Индекс социального оптимизма Беларуси, измеряемый в режиме мониторинга, составляет 50%. Пусть существенная доля (36%) граждан и настроены оптимистично, считая, что в ближайшее время ситуация изменится к лучшему, 20% думают, что она останется без изменений, 7% ожидают перемен к худшему, а около 37% белорусов не берутся судить о перспективах развития страны. Индекс удовлетворённости жизнью, по оценкам авторов монографии, составляет 87%, однако более 30% характеризуют условия жизни как «трудные, но терпимые». Между тем белорусские граждане считают жизнь в стране безопасной: более 80% чувствуют себя защищёнными на улицах населённых пунктов. Получается, что, хотя уровень жизни белорусов невысок, они чувствуют себя защищёнными государством.

«Особый» путь Беларуси

В чём секрет «особого» пути Беларуси? После распада в 1990 году СССР, последней империи в мировой истории, бывшие советские республики, обретя независимость, начали движение по пути политической либерализации. При этом часто забывалось, что подлинная демократия не исключает потребности в сильном государстве, способном обеспечить защиту прав собственности, борьбу с внешними и внутренними

угрозами, создать современную инфраструктуру, и того, что западные правоведы называют «rule of law» (власть закона). Как показал опыт Российской Федерации, построить современное государство — это задача не менее, а скорее более трудная, чем сформировать демократические институты. Стремление решить её не увенчалось успехом даже на Украине, где, казалось бы, сложилось зрелое гражданское общество, а стремление к свободе традиционно очень высоко. В этом смысле путь Беларуси уникален: в отличие от России и Украины, где время от времени всё-таки возникали новые «знаковые» лидеры, на которых народ возлагал большие надежды, Беларусью на протяжении всего постсоветского периода руководил один президент — А.Г. Лукашенко. Он и сегодня является главным субъектом и центром принятия и осуществления основополагающих политических решений. Несменяемость президента стала своего рода символом непоколебимости сложившегося политического строя и отсутствия перспектив движения в сторону демократии. Однако есть основания полагать, что сам белорусский народ не видит в этом большой проблемы. На последних выборах А.Г. Лукашенко одержал уверенную победу; его народное признание подтверждают данные социологических опросов: 82–84% избирателей готовы отдать свои голоса действующему президенту.

Как же оценивают белорусские учёные перспективы демократического развития своей страны? Находя демократический путь желаемым, они не видят роковых противоречий между демократическими ценностями и сложившимся строем. Перечисляя критерии демократии, авторы как будто намекают, что белорусская политическая жизнь удовлетворяет практически каждому из них. Так, в разделе книги о проблеме несложившейся многопартий-

ности И.В. Котляров подвергает острой критике белорусские политические партии, обвиняя их во всех возможных пороках: в отсутствии харизматичных лидеров и ярких идей, в коррупционности и элементарной лени. Анализируя развитие политической системы, он подходит к выводу о том, что «граждане Беларуси не чувствуют реальной потребности в партиях, а, значит, в белорусском обществе отсутствует спрос на них». В то же время, согласно приведённым им же данным мониторинга, 47% белорусов желают, чтобы в их стране действовали сильные политические партии.

Весьма вероятно, что негативные примеры социально-экономического развития в соседних по СНГ странах являются для белорусов предупреждением об опасностях, которые могут поджидать на пути демократических преобразований. Это ещё сильнее укрепило в белорусском народе верность сильному государству, на которое он опирается и воспринимает как залог стабильности, базовую ценность. Если говорить откровенно, то и в России многие представители среднего класса поддерживают В.В. Путина преимущественно из-за того, что понятие «демократия» вообрало в себя массу негативных коннотаций, поскольку стало ассоциироваться с хаосом 1990-х годов, экономическим кризисом и разграблением страны. И хотя нельзя не констатировать факт отсутствия в Беларуси развитого гражданского общества и многопартийной системы, нельзя не выражать сомнений по поводу честности президентских выборов, однако и замалчивать победы белорусской власти в одном важном пункте — легитимности режима, который американский политолог и социолог Сеймур Мартин Липсетт определил как согласие двигаться по выбранному пути, невзирая на экономические неудачи, — также не стоит.

Не случайно в России, где всё ещё присутствует если не произвол, то, во всяком случае, равнодушие власти к народу, многие ностальгически вспоминают советское прошлое, которое отстаивается силой аргумента «порядка было больше». Так, результаты замеров общественного мнения, проводимых «Левада-центром», свидетельствуют о том, что больше половины граждан считают экономическую модель, основанную на государственном планировании и распределении, более адекватной, чем рыночную, а 37% россиян предпочли бы советскую политическую систему. Именно в силу государства, которую российское общество окончательно утратило в эпоху Б.Н. Ельцина, но не обрело и в нынешнюю эпоху (по данным «Левада-центра», только 23% удовлетворены сложившейся в современной России политической системой), российский народ видит привлекательность белорусского политического режима, в какой-то мере напоминающего советский строй. В силу государства, судя по всему, и заключается залог его незыблемости. Однако вопрос о том, насколько вероятны в обозримом будущем подвижки в развитии

демократических институтов в Республике Беларусь, пока остаётся открытым.

Несмотря на то, что в основе исследований белорусских учёных лежит прежде всего мониторинговый, «индексный» подход, можно сказать, что имеющийся в книге большой объём фактического материала предоставит широкие перспективы для авторских интерпретаций даже тем социологам, которые не являются сторонниками «жёстких» исследовательских методов. В то же время авторы монографии, не ограничиваясь простой фиксацией основных индикаторов и сухим описанием выявляемых тенденций, интерпретируют наблюдаемые процессы в русле общего демографического, социокультурного и социально-экономического развития страны, а также в контексте концептуально-теоретического и методологического поля современной социологии. Возможно, эта книга поможет российским гражданам, по крайней мере, представителям научно-образовательного сообщества, восполнить пробелы в знаниях о жизни и судьбе белорусского народа, а параллельно — задуматься и о будущем своей страны.

Сведения об авторе

Константин Николаевич Калашников — кандидат экономических наук, научный сотрудник, Институт социально-экономического развития территорий РАН (160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, konstantino-84@mail.ru)

Review of the Monograph

Belarus on Its Way to the Future: Sociological Assessment.

Ed. by I.V. Kotlyarov. Minsk: Belaruskaya navuka, 2015. 499 p.

Konstantin Nikolaevich Kalashnikov — Ph.D. in Economics, Research Associate, Institute of Socio-Economic Development of Territories of Russian Academy of Science (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation, konstantino-84@mail.ru)

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Предлагаемые статьи должны содержать результаты исследований, обладающие новизной и практической направленностью, являться доступными по форме изложения для широкого круга читателей, соответствовать научной направленности журнала (экономические и социологические науки).

Статья должна, как правило, содержать следующие аспекты: цель работы; метод и методологию проведения работы; её результаты; область применения результатов; выводы. Выводы могут сопровождаться рекомендациями, предложениями, гипотезами, вытекающими из содержания статьи. При представлении в статье результатов социологических исследований необходимо указать следующую информацию: сведения о методологии и методике; дату, место (территорию) и организацию, проводившую исследование; структуру генеральной совокупности; тип, объем и ошибку выборки; описание методов сбора и анализа данных. Данную информацию следует изложить в одном из следующих вариантов: в специальном разделе (параграфе) статьи; непосредственно в тексте; в сноске. При оформлении таблиц важно пояснить, как считаются проценты: от числа ответивших на данный вопрос или от совокупности опрошенных. Пристатейный список литературы должен быть представительным, демонстрировать профессиональный кругозор и качественный уровень исследований авторов. Работы в пристатейном списке располагаются в алфавитном порядке сначала на русском, затем на английском (или любом другом – на латинице) языке. При ссылке в тексте даётся номер работы в квадратных скобках.

Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведённых фактов, цитат, статистических и социологических данных, имён собственных, географических названий и прочих сведений, а также за то, чтобы в статье не содержалось данных, не подлежащих открытой публикации.

Приводимые в таблицах (графиках) стоимостные показатели, относящиеся к разным временным периодам, представляются, как правило, в сопоставимой оценке. Если в таблицах (графиках) содержатся сравнительные данные по отдельным территориям, видам экономической деятельности и т.п., то они представляются в ранговом порядке с указанием периода, по которому производится ранжирование.

Объём статьи – не более 40 000 знаков (1 а.л.), включая пробелы и сноски, для докторов и кандидатов наук (в том числе при соавторе, не имеющем учёной степени) и не более 20 000 знаков (0,5 а.л.) – для остальных авторов. Исключения по объёму возможны только по предварительной договорённости с редакцией.

Автор представляет текст статьи и сопроводительные сведения в печатном виде по почте (один экземпляр, на одной стороне листа) и идентичные материалы по электронной почте. Печатный вариант обязательно подписывается автором (авторами).

Текст статьи направляется в формате MS Word в соответствии со следующими параметрами: гарнитура Times Roman, размер шрифта – 14 кегль, межстрочный интервал – 1,5, сноски в порядке упоминания в тексте в конце текста арабскими цифрами. Графики и диаграммы для электронного варианта статьи выполняются в программе MS Excel и даются отдельным файлом, который должен содержать не только сами графические материалы, но и исходные данные (таблицы). Блок-схемы оформляются в формате MS Word или MS VISIO-2003.

Статье должен быть присвоен **индекс УДК** (располагается до заголовка статьи).

Статью должны сопровождать **аннотация** (200 – 250 слов; предполагается описание следующих позиций: формулировка проблемы, указание методики исследования и источников информации, характеристика основных результатов исследования, варианты решения проблемы) и **ключевые слова на русском и английском языках, библиографические списки**.

К статье прилагаются (отдельным файлом) **сведения об авторах статьи**, содержащие: заголовок статьи (**на русском и английском языках**), фамилию, имя, отчество (полностью),

учёную степень, учёное звание, полное название и адрес организации – места работы, занимаемую должность, телефон и факс, адрес электронной почты, почтовый адрес для переписки.

К электронному варианту статьи прилагается **цветная фотография автора (авторов)** размером 4 × 6 см в формате tif (предпочтительно) или jpeg разрешением 300 dpi.

В соответствии с требованиями Гражданского кодекса РФ между авторами и редакцией журнала должен быть заключён Лицензионный договор с приложением к нему Акта приёма-передачи произведения. Эти документы, составленные по приведённой ниже форме и подписанные всеми авторами статьи, представляются в редакцию вместе с текстом статьи. Подписанный редакцией экземпляр договора будет направлен авторам по почте вместе с авторским экземпляром номера журнала.

Рукописи следует направлять **Почтой России** по адресу: 160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а, ИСЭРТ РАН, редакция журнала, с пометкой «для публикации в журнале «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз», а также **на электронный адрес: common@vscc.ac.ru.**

Факс: 8(8172)59-78-02. Тел.: 8(8172)59-78-31.

При полной или частичной перепечатке рукописей в другом издании обязательна ссылка на журнал.

Все рукописи подлежат рецензированию. Если у рецензента возникают вопросы, статья возвращается на доработку. Датой поступления статьи считается дата получения редакцией окончательного варианта статьи. Редакция оставляет за собой право внесения редакторских изменений и сокращений, не искажающих смысла статьи.

С 2010 года в журнале открыта рубрика «Молодые исследователи», в которой публикуются рукописи аспирантов. Статья должна быть без соавтора, заверена научным руководителем, рекомендована научной организацией, за которой закреплён аспирант.

Внимание! В случае несоблюдения указанных требований статья редакцией не рассматривается.

С электронной версией журнала можно ознакомиться по адресу: <http://esc.vscc.ac.ru>.

Лицензионный договор № _____

г. Вологда

« ____ » _____ 20__ года

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук, именуемое в дальнейшем «Лицензиат», в лице _____, действующего на основании доверенности _____, с одной стороны, и _____, именуемый(ая) в дальнейшем «Лицензиар», с другой стороны, именуемые в дальнейшем «Сторона/Стороны», заключили настоящий договор (далее — «Договор») о нижеследующем.

1. Предмет Договора

1.1. По настоящему Договору Лицензиар предоставляет Лицензиату неисключительные права на использование статьи _____

_____ (наименование, характеристика передаваемых Издателю материалов) именуемой в дальнейшем «Произведение», в обусловленных договором пределах и на определенный договором срок.

1.2. Лицензиар гарантирует, что он обладает исключительными авторскими правами на передаваемое Лицензиату Произведение.

2. Права и обязанности Сторон

2.1. Лицензиар предоставляет Лицензиату на срок 5 (Пять) лет следующие права:

2.1.1. право на воспроизведение Произведения (опубликование, обнародование, дублирование, тиражирование или иное размножение Произведения) без ограничения тиража экземпляров. При этом каждый экземпляр Произведения должен содержать имя автора Произведения;

2.1.2. право на распространение Произведения любым способом;

2.1.3. право на переработку Произведения (создание на его основе нового, творчески самостоятельного произведения) и право на внесение изменений в Произведение, не представляющих собой его переработку;

2.1.4. право на публичное использование Произведения и демонстрацию его в информационных, рекламных и прочих целях;

2.1.5. право на доведение до всеобщего сведения;

2.1.6. право переуступить на договорных условиях частично или полностью полученные по настоящему договору права третьим лицам без выплаты Лицензиару вознаграждения.

2.2. Лицензиар гарантирует, что Произведение, права на использование которого переданы Лицензиату по настоящему Договору, является оригинальным произведением Лицензиара.

2.3. Лицензиар гарантирует, что данное Произведение никому ранее официально (т.е. по формально заключённому договору) не передавалось для воспроизведения и иного использования.

2.4. Лицензиар передает права Лицензиату по настоящему Договору на основе неисключительной лицензии.

2.5. Лицензиар обязан предоставить Лицензиату Произведение в печатной/электронной версии для ознакомления. В течение 60 (Шестидесяти) рабочих дней, если Лицензиатом не предъявлены к Лицензиару требования или претензии, связанные с качеством (содержанием) или объёмом предоставленной для ознакомления рукописи Произведения, Стороны подписывают Акт приёма-передачи Произведения.

2.6. Дата подписания Акта приёма-передачи Произведения является моментом передачи Лицензиату прав, указанных в настоящем Договоре.

2.7. Лицензиат обязуется соблюдать предусмотренные действующим законодательством авторские права, права Лицензиара, а также осуществлять их защиту и принимать все возможные меры для предупреждения нарушения авторских прав третьими лицами.

2.8. Территория, на которой допускается использование прав на Произведение, не ограничена.

3. Ответственность Сторон

3.1. Лицензиар и Лицензиат несут в соответствии с действующим законодательством РФ имущественную и иную юридическую ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение своих обязательств по настоящему Договору.

3.2. Сторона, ненадлежащим образом исполнившая или не исполнившая свои обязанности по настоящему Договору, обязана возместить убытки, причинённые другой Стороне, включая упущенную выгоду.

4. Конфиденциальность

Условия настоящего Договора и дополнительных соглашений к нему конфиденциальны и не подлежат разглашению.

5. Заключительные положения

5.1. Все споры и разногласия Сторон, вытекающие из условий настоящего Договора, подлежат урегулированию путём переговоров, а в случае их безрезультатности указанные споры подлежат разрешению в суде в соответствии с действующим законодательством РФ.

5.2. Настоящий Договор вступает в силу с момента подписания обеими Сторонами настоящего Договора и Акта приема-передачи Произведения.

5.3. Настоящий Договор действует до полного выполнения Сторонами своих обязательств по нему.

5.4. Срок действия настоящего Договора автоматически продлевается на каждый следующий пятилетний срок, если ни одна из сторон не выступила с инициативой его расторжения не позднее, чем за один месяц до истечения срока его действия.

5.5. Расторжение настоящего Договора возможно в любое время по обоюдному согласию Сторон, с обязательным подписанием Сторонами соответствующего соглашения об этом.

5.6. Расторжение настоящего Договора в одностороннем порядке возможно в случаях, предусмотренных действующим законодательством, либо по решению суда.

5.7. Любые изменения и дополнения к настоящему Договору вступают в силу только в том случае, если они составлены в письменной форме и подписаны обеими Сторонами настоящего Договора.

5.8. Во всём, что не предусмотрено настоящим Договором, Стороны руководствуются нормами действующего законодательства РФ.

5.9. Настоящий Договор составлен в двух экземплярах, имеющих одинаковое содержание и равную юридическую силу, по одному для каждой из Сторон.

6. Реквизиты Сторон

Лицензиат:

ИСЭРТ РАН
ИНН 3525086170 / КПП 352501001
160014 г. Вологда, ул. Горького, 56а
УФК по Вологодской области (ИСЭРТ РАН
лиц. сч. 20306Ц32570)
Р/с 40501810400092000001
Отделение Вологда
БИК 041909001, ОКПО 22774067
ОКАТО 19401000000

_____/_____
подпись

Лицензиар:

Ф.И.О. _____

Дата рождения: _____
Домашний адрес: _____

Паспорт: серия _____
номер _____
выдан _____
когда выдан _____
ИНН _____
Свидетельство государственного пенсионного страхования _____

_____/_____
подпись / ф. и. о. полностью

ИНФОРМАЦИЯ О ПОДПИСКЕ

Уважаемые коллеги!

Предлагаем Вам оформить подписку на журнал
«**Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз**».

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт социально-экономического развития территорий РАН» (ИСЭРТ РАН).

В журнале публикуются результаты исследований по оценке эффективности функционирования региональных социально-экономических систем Северо-Западного федерального округа России, секторов экономики субъектов округа и муниципальных образований по направлениям:

- стратегия развития;
- региональная экономика;
- социальное развитие;
- внешнеэкономические отношения;
- информационная экономика;
- проблемы расширенного воспроизводства и др.

Журнал включён в **Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)**.

Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России №6/6 от 19 февраля 2010 года журнал включен в Перечень ведущих научных изданий, рекомендуемых для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.

Главная цель издания – предоставление широким слоям научной общественности и практическим работникам возможности знакомиться с результатами научных исследований в области научного обеспечения региональной экономики, принимать участие в обсуждении этих проблем.

Редакционная коллегия, осуществляющая независимую экспертизу научных статей, состоит из ведущих ученых ряда регионов России.

Журнал выходит 6 раз в год.

Существует несколько способов оформления подписки на журнал «Экономические и социальные перемены: факты тенденции, прогноз»:

- **Подписка на журнал на Почте России.**

Самый простой и традиционный способ — это подписка на Почте. Подписка на журнал осуществляется через объединенный каталог «Пресса России». Подписной индекс журнала «Экономические и социальные перемены: факты тенденции, прогноз» - **41319**.

Поиск журнала по печатному каталогу на Почте довольно прост: по тематике, по алфавиту, по индексам. При оформлении подписки на журнал на Почте России Вы найдете данное издание в разделе «Экономика. Статистика» каталога «Пресса России».

- **Подписка в редакции.**

Наш менеджер будет рад проконсультировать Вас по вопросам подписки.

Журнал можно приобрести за безналичный расчет по договору.

Менеджер: Бушманова Анна Станиславовна

Телефон: 8 (8172)59-78-10 (доб. 387)

e-mail: bushmanova@vscc.ac.ru

- **Онлайн-подписка.**

На сайте <http://www.aks.ru> Вы легко сможете оформить онлайн-подписку на журнал.

Редакционная подготовка	Л.Н. Воронина
Оригинал-макет	Т.В. Попова
Корректор	Н.В. Степанова

Подписано в печать 27.04.2016.
Дата выхода в свет 29.04.2016.
Формат 60×84¹/₈. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 30,0. Тираж 500 экз. Заказ № 131.
Свободная цена.

Журнал «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз / Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast» зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство ПИ № ФС77-60248 от 19 декабря 2014 года.

Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт социально-экономического развития территорий
Российской академии наук (ИСЭРТ РАН)

Адрес редакции, издателя и типографии:
160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а
Телефон (8172) 59-78-03, факс (8172) 59-78-02
E-mail: common@vscc.ac.ru